

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф.Скорины

№ 3(66)

Гуманитарные науки

2011

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф.Скорины

Научный и производственно-практический журнал

Выходит 6 раз в год

Издается с октября 1999 г.

№ 3(66)

Гуманитарные науки

2011

Учредитель – Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации № 546 от 6 июля 2009 года)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. РОГАЧЕВ (главный редактор)

О. М. ДЕМИДЕНКО (зам. главного редактора)

Л. А. ШЕМЕТКОВ (зам. главного редактора)

В. В. АНДРЕЕВ, Го Вэньбинь, В. Ф. БАГИНСКИЙ, Г. Г. ГОНЧАРЕНКО, А. М. ДВОРНИК, Г. М. ЕВЕЛЬКИН,
Н. Н. КОЛЕНЧУКОВА (ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ), С. В. ЖАВОРОНОК, В. Г. ЖОГЛО,
Ф. В. КАДОЛ, В. Н. КАЛМЫКОВ, В. В. КИРИЧЕНКО, Г. Е. КОБРИНСКИЙ, Г. Г. ЛАЗЬКО, В. Д. ЛЕВЧУК
А. М. ЛИТВИН, А. В. МАКАРЕВИЧ, О. А. МАКУШНИКОВ, И. В. МАКСИМЕЙ, Н. В. МАКСИМЕНКО,
Г. И. НАРСКИН, О. С. ОСИПОВА, А. Н. СЕРДЮКОВ, Н. В. СИЛЬЧЕНКО, Б. В. СОРВИРОВ, А. А. СТАНКЕВИЧ,
М. И. СТАРОВОЙТОВ, В. М. ХОМИЧ, И. Ф. ШТЕЙНЕР, В. А. ЩЕПОВ, Я. С. ЯСКЕВИЧ

Адрес редакции:

ул. Советская, 104, к. 2-17, 246019, Гомель
Тел. 60-27-71, e-mail: vesti@gsu.by

© Известия Гомельского государственного
университета имени Франциска Скорины, 2011

© Proceedings of the F.Scorina Gomel State University, 2011

К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА ЛЕОНИДА НИКОЛАЕВИЧА ДАВЫДЕНКО

3 января 2011 года Леонид Николаевич Давыденко, доктор экономических наук, профессор, отметил свой 70-летний юбилей. Это – красивая дата и событие для всей белорусской экономической науки. Будучи специалистом по политической экономии (в настоящее время это в большинстве своём – экономическая теория), Л. Н. Давыденко блистательно владеет предметом и методологией экономической науки, является крупным теоретиком, работающим в области экономики.

После окончания в 1972 году Белорусского государственного университета по специальности «Экономист – преподаватель политической экономии» Леонид Николаевич работал преподавателем кафедры политэкономии Белгосуниверситета, лектором Минского обкома КПБ (1975–1978), инструктором отдела науки и учебных заведений ЦК КПБ (1978–1982), с 1997 по 2000 год – главным советником группы советников Премьер-Министра Республики Беларусь. В 1990 году ему присвоена учёная степень доктора экономических наук, а в 1991 году – звание профессора по специальности «Экономическая теория и экономическая политика».

Л. Н. Давыденко является известным учёным в области государственного регулирования социально-экономических отношений, аграрно-промышленного кооперирования, международных экономических отношений. Им предложены многообразные формы, методы и пути перехода к рыночным отношениям. Сформулированы экономический статус ассоциированного работника-собственника, предложены меры государственного регулирования социальной и правовой системы защиты тружеников государственных предприятий, фермеров, предпринимателей. Он автор более 350 научных работ, серии монографий и учебных пособий в области экономической теории, государственного регулирования, трансформации экономических систем.

Богатый жизненный опыт, высокая культура снискали Л. Н. Давыденко заслуженный авторитет в разных вузах. В Минске с 1982–1987 гг. он был проректором по вечернему и заочному обучению Белгосуниверситета, заведующим кафедрой экономической теории и политики Минской ВПШ и Института политологии и социального управления КПБ (1987–1990). С 1990 по 1997 год работал заведующим кафедрой экономических наук Белгосуниверситета. С 1 февраля 2000 года он заведующий кафедрой экономической теории и экономического воспитания БГПУ им. М. Танка.

Леонидом Николаевичем создана научная школа по разработке проблем белорусской модели рыночного развития. Под его руководством защищено 3 докторских и 15 кандидатских диссертаций, ведётся подготовка двух аспирантов. Он – творческий руководитель и участник приоритетных государственных научных программ, направленных на раскрытие роли экономического образования как определяющего элемента инновационного потенциала Республики Беларусь. Будучи выходцем с Гомельской области, много помогает своим землякам, оказывает помощь будущим специалистам страны – студентам, методическую помощь – преподавателям вузов области.

Мы гордимся своим земляком и искренне желаем Леониду Николаевичу Давыденко неизменной отдачи за всё, что он вкладывает в любимое дело, тепла и чуткости от людей, которые его окружают, нерушимости связей с коллегами, воспитанниками и земляками и, конечно же, здоровья и счастья ему самому, детям, внукам и родным.

*Коллектив Гомельского государственного университета
имени Франциска Скорины*

УДК 947(470)''198'''199'':321.013:316.422:001.11

К вопросу о понятии «контрреформа» 80-90-х гг. XIX века в России

Н. И. Биюшкина

Статья посвящена проблемной и неоднозначной теме определения понятия контрреформ 80-90-х гг. XIX века в России. Дефиниция «контрреформы» представляет собой наследие эпохи Александра III и звучит как аксиома. Поэтому, на протяжении более чем 150-ти лет в процессе изучения этого раздела истории отечественного государства и права он укоренился и не подлежал трансформации ни в дореволюционной, ни в советской, ни в современной историографии. Автор рассматривает понятие контрреформ под иным углом зрения, нежели в советской историографии, дает определение контрреформ и выделяет их признаки.

Ключевые слова: контрреформа, реформа, доктрина, дореформенное развитие, общеимперский кризис, демократия, либерализм, консерватизм.

The article is devoted to a problem and ambiguous theme of definition of "counterreform" in Russia in the 1880s-90s. The definition "counterreform" represents a heritage of Alexander III epoch and sounds as an axiom. Therefore, for more than 150 years while studying this section in the history of the state and law it has taken roots and hasn't been subject to transformation in pre-revolutionary, in Soviet and in modern historiography. The author considers the concept of counterreform in another point of view, rather than in the Soviet historiography, gives the definition to counterreforms and allocates their signs.

Keywords: counterreform, reform, doctrine, pre-reformed development, common imperial crisis, democracy, liberalism, conservatism.

Настоящая работа посвящена проблемной и неоднозначной теме определения понятия контрреформ 80-90-х гг. XIX века в России. Очевидно, что дефиниция «контрреформы» представляет собой наследие эпохи Александра III и носит авторский характер. Идеолог и разработчик этой концепции, как известно, – сенатор, обер-прокурор Святейшего Синода, член Государственного Совета, наставник императора Александра III Константин Петрович Победоносцев [1]. В связи с этим, сам термин звучит как аксиома. Поэтому на протяжении более чем 150-ти лет в процессе изучения этого раздела истории отечественного государства и права он укоренился и не подлежал трансформации ни в дореволюционной, ни в советской, ни в современной историографии [2]. В связи с этим, позволим себе привести цитату исследователя Кузнецовой Е.Н. из ее работы, посвященной контрреформам 80-90-х гг. XIX века в России, датируемой 1977 г.: «Большинство представителей крайней реакции считали единственным средством поддержания господствующего класса возврат к дореформенным порядкам, восстановление сословного строя, в таком виде, как это имело место до отмены крепостного права.... Поэтому данные представители правительственной бюрократии реакционно-го толка стремились добиться полного упразднения реформ» [3].

Вместе с тем, при непосредственном рассмотрении изучаемой нами дефиниции приходим к выводу о том, что приставка «контр-» [4] означает прямо противоположное направление предыдущему явлению, каким бы оно ни было. Причем подобный термин в большей степени применим к определению военных действий. Из определения видно, что использование приставки «контр-», применительно к реформам Александра II, должно предполагать совокупность мероприятий, направленных на возврат к дореформенному развитию Российского государства путем отмены всех преобразований 60-70-х гг. XIX века, как в государственно-правовом, так и в социально-экономическом отношениях.

Что же в действительности представлял собой курс Александра III? Можно ли назвать его обратно-направленным по отношению к предыдущему? В зависимости от ответов на эти вопросы становится понятно, соответствует ли термин «контрреформы» фактически происходившему комплексу внутри- и внешнеполитических мероприятий императора Александра III, проводившихся с марта 1881 г. по 1895 г.

Попытаемся объективно проанализировать правительственную доктрину, сформированную в Российском государстве в рассматриваемый период.

Так, сам К. П. Победоносцев в своих многочисленных сочинениях неоднократно подчеркивал необходимость преобразований крепостнических отношений, судебной части, местного самоуправления, образования и печати и т. д. [5]. Вместе с тем, он предупреждал об опасности слепо следовать западной парадигме как на стадии разработки нормативной базы, так и в процессе проведения реформ [6]. Например, К. П. Победоносцев, выражая несогласие с характером проведения образовательной реформы, указывал: «Правительство пошло в последнее время, очевидно, фальшивым путем, предприняв узаконение сходов. Этого желала только худшая часть студентов и профессоров; к несчастью, правительство думало найти опору именно в этой худшей части» [7].

Аналогичного мнения К. П. Победоносцев придерживался и при рассмотрении других реформ.

Другие общественные и политические деятели того времени, справедливо отнесенные к консервативному течению, в целом, были солидарны с позицией главного идеолога контрреформ.

Так, видный общественный деятель изучаемой эпохи, редактор популярной газеты «Современные Известия» Никита Петрович Гиляров-Платонов, оценивая глобальный процесс реформирования социально-экономической и политико-правовой жизни России 60-70х гг. XIX в., писал: «Обратим внимание, что мы употребляем выражение «либералистический», а не либеральный. Движение личного освобождения благотельно, пока оно имеет в виду устранить несправедливое стеснение в естественных правах; тогда оно «либерально». Но когда оно, во имя прав личности превращает целое общество в рабов перед мироедами, перед концессионерами, перед банкирами, оно не заслуживает называться либеральным, в старом, благородном смысле этого слова, оно есть либералистическое» [8].

Таким образом, мы видим, что Н. П. Гиляров-Платонов одним из первых общественных деятелей своего времени ещё в разгар реформ Александра II увидел глубинную сущность происходящих социально-экономических процессов и предвосхитил ряд негативных, а, подчас, необратимых последствий таких, как: массовое обнищание крестьян, разрушение общины, их пролетаризация, поляризация общества, усиление революционных настроений и действия студенческих террористических организаций и т.д. Отсюда мы смело можем причислить Гилярова к тем общественным и государственным деятелям, которые составили цвет российской консервативной политической мысли. Становится очевидным, что наиболее здравомыслящая часть российской патриотически-настроенной элиты, а именно: К. П. Победоносцев, В. П. Мещерский, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский, Д. И. Менделеев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. П. Гиляров-Платонов создали идеологическую основу для последующего проведения контрреформ в России, призванных, насколько это было, на тот момент нейтрализовать негативные последствия реформ Александра II, но не повернуть их вспять.

В сознании большинства людей термин «контрреформы» присутствует в стереотипно навязанном негативном ракурсе. Однако, мы пришли к выводу о его несомненном конструктивном значении, о том, что комплекс правительственных мероприятий 1881-1895 гг., направленный на восстановление законности и правопорядка, экономического состояния и социальной стабильности в стране, представляет собой отнюдь не откат в патриархальную феодальную Россию, но коррекцию либерального курса Александра II с учётом сложившейся социально-экономической, политико-правовой ситуации в России на рубеже 70-80-х гг. XIX в.

Следовательно, мы должны изменить отношение и ко всем составляющим «контрреформаторского» процесса, проводимого К. П. Победоносцевым и Александром III.

Общеимперский кризис практически во всех сферах жизни государства и общества был очевиден и довольно болезненно воспринимался наиболее трезвомыслящей частью российской правящей элиты, к которой принадлежал князь К.П. Мещерский.

«Очень легко от теории крестьянского счастья, от всеобщего или земского хозяйства придти к теории уничтожения дворянства, а от нее к уравниванию всех сословий под ценз образования, а от этой теории до теории бесполезности самодержавия один шаг. Этот шаг почти был сделан», – писал В.П.Мещерский [9].

Сомнительные либеральные ценности в полной мере проявили свою деструктивную направленность, как во влиянии на общественное мнение, так на формирование политического курса правительства. Свою глубокую и обоснованную озабоченность по этому поводу неоднократно высказывал К.П. Победоносцев: «Демократия, когда попадает в руки ее механизм законодательства, принимается орудовать законами для своей цели, издавая закон за законом и не стесняясь нисколько соображением о том, насколько стесняются законом самые существенные стремления и потребности быта и духа народного», – в свою очередь констатировал создавшееся положение в судебной системе К.П. Победоносцев [10].

Н. Х. Бунге отмечал, что «славные дела Александра II не только не сопровождались сочувственным увлечением молодых поколений, но, напротив, как бы служили поводом к появлению из среды всех сословий анархистов, террористов, врагов династии и общественного порядка» [11]. В связи с этим, Н. Х. Бунге признавал, что «нельзя не согласиться о необходимости усиления правительственной власти. Усиление это, по моему мнению, может быть достигнуто только укреплением законного порядка, т.е. подчинением закону многого из того, что доселе зависит от личных воззрений министров» [12].

Резюмировать курс правительства Александра III можно высказыванием князя В. П. Мещерского, который отмечал: «Либерализм должен иметь свое место в нашей жизни, и большое место, но не менее большое место должен иметь и консерватизм» [13].

Советская историография иначе рассматривает политику контрреформ. Так, исследователь Ю. Б. Соловьев под контрреформами понимает совокупность экономических и политических преобразований 80-90-х гг. XIX века, которые тормозили капиталистические отношения [14].

Профессор П. А. Зайончковский полагал, что контрреформы ограничиваются тремя правительственными мерами законодательного характера: 1 Положением «О земских участковых начальниках» 1889 г.; 2 «Земским положением» 1890 г.; 3 «Городовым положением» 1892 г. [15].

Другая точка зрения, представленная в 70-е гг. XX века Кузнецовой Е.Н., раскрывает понятие контрреформ как реакционный пересмотр всех преобразований Александра II. Максимально широкое понимание исследуемого правительственного курса включает в себя и экономические мероприятия 80-х – первой половины 90-х гг. XIX века, направленные на дальнейшую реализацию интересов российского дворянства в посткрепостнический период [16].

Современное понимание политики контрреформ, сложившееся в исследовательской среде, существенно отличается от оценок, свойственных советской историографии по данному вопросу.

Так, исследователь Филиппова Т.А. в своей статье «Реформа и реформатор: лук для Робина Гуда» утверждает, что реформы Александра II и контрреформы Александра III «различались лишь тактикой – ставкой на различные методы консервативной стабилизации.... либеральная реформа и социальное проектирование – необходимые тактические способы консервативной стратегии сохранения мирной, полноценной жизни общества, тем здоровее переносит само общество все то, что ныне именуется «вызовом времени», «модернизацией», «цивилизационным скачком», «эпохой транзита» и прочими «прорывами в светлое будущее» [17].

Мы, в свою очередь, в целом, солидарны с названными аргументированными позициями и считаем необходимым к приведенным выше рассуждениям дополнить следующее.

Изучаемые мероприятия, проводимые правительством Александра III, и взгляды идеологов российского консерватизма того времени убедительно иллюстрируют объективное несоответствие термина «контрреформы» с его приставкой «контр-» фактически сложившейся доктрине и реально проводившемуся политическому курсу Александра III.

Действительно, в случае полного отказа от реформ Александра II новому правительству, сформировавшемуся после 1 марта 1881 г., неминуемо пришлось бы восстановить в стране крепостнические отношения, отменить деятельность земских и городских органов самоуправления, вернуться к рекрутской повинности и прежнему правовому регулированию вооруженных сил империи, ликвидировать *все* достижения судебной реформы, упразднить *весь* комплекс мероприятий Александра II в образовательной сфере и цензурной политике.

Однако совершенно очевидно, что мероприятия Александра III не только не ликвидируют преобразования, начавшиеся в 60-е гг. XIX в., но и придают им динамизм, приводят их

в соответствии с особенностями российской политико-правовой и социально-экономической действительностью, сложившейся на рубеже 70-80-х гг. XIX в.

Наиболее ярко эта тенденция проявляется на примере проведения ключевой основополагающей реформы – крестьянской, о чём убедительно свидетельствуют многочисленные статистические сведения, приведенные проф. П.А. Зайончковским в своих исследованиях [18].

Позитивные тенденции довольно отчётливо проявляются в процессе проведения правительственных преобразований исследуемого периода. Так, статистические данные убедительно свидетельствуют о качественном скачке в реализации реформ Александра II, который пришёлся на царствование Александра III.

Более того, такое направление политики Александра II, как финансовая реформа 1862 г., получила дополнительный импульс к эффективному развитию именно в период правления Александра III, то есть, во время так называемых контрреформ [19].

Таким образом, политика «контрреформ» объективно выглядит как *курс коррекции* [20] сложного и противоречивого процесса преобразований Александра II, а отнюдь не их ликвидация (что соответствовало бы смыслу приставки «контр»).

Действительно, пучина терроризма, в которую была ввергнута Россия в предкоррекционный период, оказывала парализующее воздействие на общество и государство и, тем самым, препятствовала нормальному функционированию их институтов. Так, образовательная система была заражена революционной пропагандой и агитацией, деструктивно влиявшей на сущность образовательного процесса (о чем неоднократно писали консерваторы) [21]. Причинно-следственная связь между административной и другими контрреформами прослеживается и на примере функционирования армии. Так, в условиях политической нестабильности вооруженные силы направлялись на решение внутривнутриполитических полицейских задач в ущерб прямому назначению – обороне страны [22].

Другое реформаторское направление – органы местного самоуправления лишь на основе решительных административных мер становится возможным придать новый импульс функционированию этих социальных институтов [23].

Итак, на наш взгляд, под термином «контрреформы» следует понимать систему внутривнутриполитических мер, предпринятых императором, направленных на восстановление и последующее соблюдение режима законности и правопорядка, на приведение курса реформ Александра II в соответствие с изменившимися к началу 80-х гг. XIX века социально-экономическими и политико-правовыми отношениями.

Из предложенного определения вытекают следующие признаки:

- персонификация (концентрация в высшем руководстве страны выдающихся государственных деятелей, как залог успеха, эффективности проведения контрреформ);
- концептуальность (формирование стратегического направления внутривнутриполитического курса Александра III происходило в общем русле российского консерватизма и представляло собой поэтому, в целом, однонаправленное поступательное движение);
- системность (курс коррекции представляет собой системное понятие, включающее комплекс мероприятий, представляющих собой совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых элементов. Среди них: административная, образовательная, цензурная, судебная, земская, городская. Важнейшим звеном в этой системе, по нашему мнению, следует назвать административную «контрреформу». Действительно, без восстановления законности и правопорядка то есть достижения основной цели проведения административной контрреформы было бы невозможно предпринимать и другие меры коррекции реформаторского курса Александра II);
- последовательность (проводимые правительством Александра III мероприятия представляли собой цепочку взаимно обусловленных реформ, каждая из которых логически вытекала из предыдущей, и создавала тем самым основу для проведения последующей);
- завершенность (каждая из реформ 80-90-х гг. XIX в. была доведена до своего логического завершения: законность и правопорядок восстановлены, разгул терроризма приостановлен, суд присяжных и адвокатура прекратили свою ярко выраженную антиправительственную деятельность и перешли к конструктивному сотрудничеству с ним; университеты из

общества вольнодумцев вновь стали трансформироваться в цитадель науки, то есть – в свою классическую форму; земские собрания и городские думы были освобождены от обременительных затрат на содержание мирового суда и были поставлены под контроль губернской администрации, благодаря чему сконцентрировали свою деятельность на решении фактически существующих проблем местного самоуправления и т. д.);

- общеимперский характер (комплекс мероприятий правительства Александра III распространял свое действие на всю территорию Российской Империи, однако это не исключало дифференцированного подхода к применению мер чрезвычайного характера по отношению к тем или иным регионам);

- соответствие полученных результатов заданным целям (по нашему мнению, к достигнутым целям внутривластного курса Александра III следует отнести восстановление режима законности и правопорядка для успешного проведения дальнейшей коррекции реформ Александра II с учетом сложившихся к 80-м гг. XIX в. Социально-экономических и политико-правовых отношений в Российской империи.).

Таким образом, мы рассмотрели понятие контрреформ под иным углом зрения, нежели в советской историографии. В данной работе было дано определение контрреформ и выделены признаки, отражающие характер мероприятий, проводимых правительством Александра III.

Очевидной становится необходимость проведения исследуемого нами внутривластного курса. Реформы указанного периода стали, на определенный период, щитом от захлестывающей Россию фактически существующей угрозы уничтожения со стороны разного рода деструктивных сил.

Литература и источники

1. Победоносцев Константин Петрович (1827-1907) – российский государственный деятель, учёный-правовед, действительный тайный советник. В 1880-1905 годы занимал пост Обер-прокурора Святейшего Синода. Член Государственного совета (с 1872), почётный член Императорской Академии наук (1880).

2. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России, М., 1968. – 368 с.; Троицкий Н.А. Россия в XIX веке: Курс лекций. — М.: Высш. шк., 1997. – 431 с.; Филиппова Т.А. Реформа и реформатор: лук для Робина Гуда.// Родина 2006 №9. – С.2-7; Нольде А.Э. К.П. Победоносцев и судебная реформа. Петроград. Петроградская тип. т-ва «Общественная польза» 1915. – 42 с.; Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. – 860 с.; Немытина М.В. Судебная контрреформа и комиссия Н.В. Муравьева. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01-Саратов, 1987. – 148 с.; Кузнецова Е.Н. Контрреформы 80 – 90 годов XIX века в России. (Государственно-правовая характеристика). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Л., 1977. – 161 с.; Либерман А.А. Институт земских начальников 1889-1905 гг. Дис...канд. ист. наук – М., 1976. – 192 с.

3. Кузнецова Е.Н. Контрреформы 80 – 90 годов XIX века в России. (Государственно-правовая характеристика). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Л., 1977. – 161 с. С.С.48-49.

4. Контр [латин. contra] (книжн.). Первая часть сложных слов, означающая противоположный или встречный процесс, противодействие тому, что выражено во второй части слова, напр. контрпретензия, контр-удар, контрразведка, контрреволюция. / Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред.Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>; Контра ж. франц. искаженное слово; против, противность. У них вышла контра, они поссорились. Сыграть на контру, в азартных играх, на квит. Контровать или – ся с кем, делать взаимно все наперекор, споровать, – ся. Контрабанда ж. провоз запрещенных товаров из другого государства и самый товар этот; корчемство, корчемной товар. Контрабандный, к контрабанде относящ. – бандир или – бандист м. – бандистка ж. пограничный корчемник, провозом запрещенных товаров. Контрабандистов, —дисткин, ему или ей принадлежащ.; контрабандистский, к ним относящ.. Контрабас м. самое большое из смычковых музыкальных орудий, с самым низким строем густого баса. || В хоре, оркестре, самый низкий бас, октавою

ниже простого баса. — басный, к контрабасу относящ. — басист м. играющий на контрабасе; поющий контрабасом, октавою ниже нот. —басистка, жена контрабасиста. Контрабизан ж. морск. малая бизань, самый задний к корме парус, у бизаньмачты, на гике и гафеле (полуре́йке). Контрагалс м. морск. линия бейдепинда противная той, о которой говорится: судно может идти под парусами по двум направлениям круто, близко к ветру, по обе стороны его; каждый из путей этих есть контрагалс другого. Контрамарка ж. ярлык или росписка, на временную нужду; отлучаясь из театра, берешь контрамарку, замест отданного билета, чтобы снова впустили; представив паспорт для обновления, берешь контрамарку. Контрамаршь м. морск. последовательный поворот кораблей (гусем) с одного галса на другой. || Движение и постро́йка сухопутных войск, перемена фронта. для действий с тылу; обмен шеренг. Контр-мина, подземная работа осажденных, подкопы из крепости, для помехи подкопам осаждающих. Контрапункт м. муз. искусство подбора созвучий к данному напеву, искусство сопровождения, постановки второго и последующих голосов (генералбас, общее ученье о созвучиях и инструментовке, искусство переходов из тона в тон и отысканья правильных созвучий). Контрапунктировать напев, голос, сделать контрапунктацию, контрапунктировку, контрапунктуру ж. положить на ноты созвучия, проводку данного напева, разложить голоса. Контрапунктист м. изучивший контрапункт. Контрасигнировать или контрасигновать бумагу, скреплять, заручать подписью, говор. о скреплении высочайших указов. —ся, быть скрепляемому, скрепляться. —сигнирование ср. длит. —сигновка ж. об. действ. по знач. глаг. Контрафагот м. духовое музыкальное орудие, подобное фаготу, но шире объемом, в басах. —фаготовый, —фаготный, к этому орудию относящ. —фаготист м. играющий на контрафаготте. Контрафакция ж. подделка, особ. недозволенная перепечатка книг, в ущерб законному их издателю. Контрфорс м. подпора с боку, деревянная или каменная, для поддержки здания, стены, крутости; приклад, бык, устой. Контр-адмирал, чин генерал-майора в нашем флоте. Контральт м. низкий альт; женский контральт равняется мужскому тенору. Контр-апроши воен. малые батареи вне крепости, для пронизки прикопов осаждающих. Контрпроба ж. вторичная проба, опыт, для проверки первой; проверка проверки. Контрреволюция, противовосстание, возмущение в пользу прежнего порядка, бывшего до переворота. Контртимберсы м. мн. морск. брусья, образующие надводную кормовую часть корабля. Контр-эскарп, воен. крутость рва, противоположная эскарпу, крутость рва к полю, супротив крепости, внешняя, полевая откосина рва. / «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля (тт. 1-4, 1863-66). <http://slovari.yandex.ru/dict/dal>; Контр..., контра... (от лат. contra — против), составная часть многих сложных слов, указывающая на противоположность или противодействие чему-либо, на противопоставление понятию, выраженному во второй части слова, например контрреволюция, контрразведка, контрудар. В музыке приставка К... означает "октавой ниже". / Полный текст Третьего издания «Большой советской энциклопедии», выпущенной издательством «Советская энциклопедия» в 1969 — 1978 годах в 30 томах. <http://slovari.yandex.ru/dict/bse>.

5. Победоносцев К.П. Сочинения. СПб.: Наука, 1996. — 508 с.

6. Томсинов В.А. Константин Петрович Победоносцев: человек, политик и правовед. //Вестник Московского университета. Серия Право. 2007. №2. С. 46-47. 36 — 83 с.

7. Письма Победоносцева к Александру III. СПб. 22 марта 1881 г. Т.1. С предисловием М.Н.Покровского, Центархив, «Новая Москва», 1925. С.322 — 324.

8. Цит по: Н.П. Гиляров-Платонов. Сборник сочинений т.1. Изд-е К.П.Победоносцева. М., Синодальная типография. 1899. — 479 с. С.42.

9. Цит по: кн. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л.: «Наука» 1973. — 383 с. С.171.

10. Победоносцев К.П. Демократия. // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. — 508 с. С. 187.

11. Бунге Н.Х. Загробные заметки // Родина № 1, 2000. С. 148.

12. Там же. С. 148.

13. Мещерский В.П. Речи консерватора. Спб.: «Типография братьев Пантелеевых» 1876. – 172 с. С.98.
14. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л. 1973. – 383 с. С.199.
15. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России, М., 1968. – 368 с. С.322-323.
16. Кузнецова Е.Н. Контрреформы 80 – 90 годов XIX века в России. (Государственно-правовая характеристика). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Л., 1977. – 161 с. С.С.59.
17. Филиппова Т.А. Реформа и реформатор: лук для Робина Гуда.// Родина 2006 №9. – С.2-7.
18. П. А. Зайончковский указывает, что на протяжении 70-х годов продолжался выкуп крестьянами своих наделов. До 1881 г. в разряд крестьян-собственников начиная с 1861 г. перешло 8 617 322. Число временнообязанных к этому времени составляло 1552 403 ревизских души³. Таким образом, за период 70-х годов, точнее за 11 лет, было переведено на выкуп 1937 978 ревизских душ. Переход крестьян на выкуп явился одним из существенных условий для развития капитализма в деревне. Это находило свое выражение в первую очередь в разложении крестьянства. Уже в начале, 70-х годов об этом содержатся краткие указания в материалах так называемой Валуевской комиссии. Так, о положении крестьян нечерноземных губерний в материалах говорилось, что «в этих местностях, по некоторым заявлениям, разбогатело небольшое число крестьян, с.293; За 28 лет, с 1877 по 1905 г., дворянское землевладение уменьшилось на 19 907 781 десятину, а крестьянское увеличилось на 7 426 455 десятин с.295; Цит по: «Статистика землевладения 1905 г.». Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907, стр. 141. / Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России, М., 1968. По Н.И. Тезякову уже в 70—80-е годы здесь создаются крупные капиталистические организованные имения. Так, в начале 90-х годов в Таврической губернии Фальц-Фейн, владевший 200 тыс. десятин земли, и граф Мордвинов — 80 тыс. десятин организуют чисто капиталистическое хозяйство¹. В 1893 г. в имении Фальц-Фейна на сенокосе работало 1100 машин. О распространении сельскохозяйственных машин и орудий достаточно говорят следующие цифры: в 1876 г. в 4 южных губерниях (области Войска Донского, Екатеринославской, Таврической и Херсонской) было приобретено машин на 280 тыс. руб., в 1890 г. — на 2 360 тыс. руб. и в 1894 г. — на 6 183 тыс. руб.². Все эти хозяйства применяли в широких размерах вольнонаемный труд. Так, например, только в Елизаветградском уезде Херсонской губернии в конце 80-х годов в 131 более или менее крупном имении работало 15 161 рабочий, не считая поденных. Н. И. Т е з я к о в. Сельскохозяйственные рабочие и организация над ними санитарного надзора в Херсонской губернии. Херсон, 1896, С. 26.
19. Речь идет, в частности, о таких мероприятиях Александра III, как введение новых таможенных тарифов по проекту Д.И.Менделеева, в частности, тарифы 1885,1891и др., имевшие важное протекционистское значение для развития отечественной промышленности. Кроме того благотворная деятельность Н.Х.Бунге на посту министра финансов привела к укреплению национальной денежной единицы, наполнению ее золотым содержанием. Вводится прогрессивное для того времени банковское законодательство, строго регламентирующее деятельность кредитных учреждений в России, подлежащих тотальному правительственному контролю и др.
20. Коррекция, и, ж. [латин. correctio] (книжн.). Исправление (спец.). Коррекция зрения (исправление недостатков зрения посредством очков; мед.). 2. То же, что коррекция зрения (мед.). У него с коррекцией полное зрение. ♦ Коррекция зрения (мед.). / Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред.Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов.1935-1940. <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>.
21. Победоносцев К.П. Сочинения. Спб.: Наука, 1996. – 508 с.; Катков М. Н. Собрание передовых статей "Московских Ведомостей". 1884. М. – 688 с., 1898.; Мещерский В.П. Речи консерватора. Спб.: «Типография братьев Пантелеевых» 1876. – 172 с.; Бунге Н.Х. Загробные заметки. М. 1893. – 354 с.; Н.П. Гиляров-Платонов. Сборник сочинений т.1. Изд-е К.П.Победоносцева. М., Синодальная типография. 1899. – 479 с.
22. Так, войска использовались совместно с полицией для исполнения приговоров суда; сопровождения заключенных из одного тюремного учреждения в другое; поиска лиц са-

мовольно бежавших из армии; охраны материальных ценностей (денег, драгоценных металлов и т.д.) во время их перевозки; розыска и задержания преступников; подавления мятежей; охраны тюрем и иных мест, в которых содержались лица, совершившие преступления; охраны места проведения суда. / *Амиров Р.З.* Армия как полицейская сила в механизме Российского государства в период становления и укрепления абсолютной монархии: Учебное пособие. – Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 1997. -77 с.– С. 36.

23. См.: Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1980. Под ред. Проф. П.А.Зайончковского. Изд-во Московского университета, 1968. – 178 с.; Жукова Л.А. Самоуправление и бюрократия в России: конфликты и сотрудничество 1864-1917 гг. М., Изд-во «Хронограф». 1998. – 179 с.

Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского

Поступило 23.06.10

УДК 34:371.014.15:373.574(470)''20/21''(09)

Правовое регулирование российских гимназий в XIX – начале XX веков: исторический аспект

В. Ф. ГОЛОВАНОВА

В статье рассматривается история возникновения и развития гимназий в России, которые определялись и регламентировались законодательными актами Российской Империи (Уставами).

Ключевые слова: народное просвещение, школьная реформа, устав учебного заведения, система общего образования, гимназическое образование.

The article deals with the history of origin and development of grammar schools in Russia that were defined and regulated by the Russian Empire acts (Charters).

Keywords: national enlightenment, school reform, educational institution charter, system of general education, gymnasias formation.

Целью нашей работы является описание истории возникновения и развития гимназий в России, которые определялись и регламентировались законодательными актами Российской Империи (Уставами).

В первое десятилетие XIX столетия в России появляются гимназии как самостоятельные учебные заведения. Краеугольным камнем стало принятие в 1804 году Устава учебных заведений, подведомственных университетам. Это был начальный период царствования Александра I, воспитанника швейцарского просветителя Ф.-Ц. Лагарпа, который руководствовался законами разума и природы, принципами разума, добродетели и естественности, – идеями Жан-Жака Руссо и Джона Локка.

Среди первых восьми министерств, учрежденных в 1802 году, было впервые в России учреждено Министерство Народного Просвещения – особое учреждение, которое ведало всем народным образованием. Под руководством графа П. В. Завадовского, назначенного министром «народного просвещения, воспитания юношества и распространения наук», бывшего долгое время при Екатерине главой Комиссии об учреждении училищ, то есть руководителем народных училищ Империи, проходила разработка нового школьного устава и проведение в жизнь школьной реформы. Этот период характеризуется ростом средств на учебные заведения со стороны правительства и частных лиц, открытием новых учебных заведений, увеличением числа учащихся, созданием системы школ, составной частью которой стали гимназии.

В январе 1803 года были изданы «Предварительные правила народного просвещения», затем, в следующем году, «Устав Университетов» и «Устав учебных заведений, подведомственных университетам» (5 ноября 1804 г.), в которых определялась система образования в стране, устанавливались цели, учебные планы, порядок финансирования и структура управления учебными заведениями. Новая система образования предусматривала четыре ступени: низшая – приходские училища (в городах, селах), промежуточная – уездные училища (по одному в каждом уезде), средняя – гимназии (в каждом губернском городе), высшая – университеты (в каждом округе). Все ступени преемственно были связаны между собой: каждая предшествующая являлась основой для перехода учащихся на новую образовательную ступень. (В основу всей системы образования были поставлены приходские училища.)

В силу создания новой единой системы общего образования прежние главные и малые народные училища (организованные в конце XVIII века Екатериной Великой при участии Федора Ивановича Янковича де Мириево, Ив. Ив. Бецкого и сенатора П. В. Завадовского) постепенно должны были быть преобразованы. Вся Россия была разделена на шесть учебных округов, которые находились в ведении Министерства Народного Просвещения. Руководство школами было централизовано. Учителя приходского училища подчинялись

смотрителю уездного училища, смотрители всех училищ данного уезда – губернскому директору училищ. Дирекции гимназий находились в ведении Училищного комитета университета. Все учебные заведения вместе с университетом подчинялись попечителю учебного округа, крупному государственному чиновнику, назначаемому царем по представлению министра просвещения. Гимназии открывались в губернских городах, были следующей ступенью после уездных училищ, преемственно связанной с ними в программном отношении. В них принимались юноши независимо от сословий и национальности. Гимназии давали законченное образование и открывали возможность к поступлению в университеты, другие высшие учебные заведения и на государственную службу.

Цель, поставленная перед гимназиями с самого начала, была сформулирована следующим образом:

1) «приготовление к университетским наукам юношества, которое по склонности к оным или по званию своему, требующему дальнейших познаний, пожелает совершенствовать себя в университетах;

2) преподавание наук, хотя начальных, но полных в рассуждении предметов учения, тем, кои, не имея намерения продолжать оные в университетах, пожелают приобрести сведения, необходимые для благовоспитанного человека» (Устава 1804 г.).

Четырехлетний курс гимназического образования по Уставу 1804 года был сложным и многопредметным, можно даже сказать энциклопедичным: «В гимназиях имеют быть преподаваемы изящные науки, языки латинский, французский и немецкий; логика, основание чистой математики, также механики, гидравлики и других частей физики, наиболее в общезнании нужных, сокращенная естественная история, всеобщая география и история, основания политической экономии и коммерции. Сверх того будут читаны и переводимы сочинения, служащие к образованию сердца и подающие чистое понятие о Законе Божием и гражданских обязанностях». Гимназиям разрешалось также содержать «учителей танцевания, музыки и телесных упражнений (гимнастики – автор); если то позволят доходы оной». С позволения высшего начальства разрешалось также увеличить число учебных предметов и учителей наук и языков, когда имелись «довольные к тому способы». Преподавание учебных предметов рекомендовалось связывать с жизнью. Так, учитель математики должен был предпринимать с учащимися прогулки, показывая им мельницы, различные машины, находящиеся на местных предприятиях; учитель естественной истории – собирать с учениками минералы, травы, образцы почв, объясняя учащимся их «свойства и отличительные признаки». Таким образом, система губернских гимназий отличалась прагматизмом и многопредметностью. Впоследствии – прежде всего при министрах С. С. Уварове и Д. А. Толстом – этот подход был решительно пересмотрен.

Каждая гимназия должна была иметь:

библиотеку, избранную из разных известнейших классических авторов и лучших ученых творений иностранных и российских;

собрание географических карт, глобусов;

собрание естественных экспонатов всех трех царств природы;

собрание чертежей и моделей машин для объяснения механики и других частей прикладной математики и технологии;

собрание геометрических тел, геодезических орудий и компасов и пр.;

собрание физических орудий.

Этот перечень пособий показывал, что преподавание должно было быть поставлено качественно и наглядно.

Окончившие гимназию юноши могли, сдав экзамен по методике обучения, работать учителями уездных и приходских училищ.

По Уставу 1804 года дети крепостных крестьян в гимназии не принимались. Дети податных сословий (купцов, мещан, ремесленников, «свободных хлебопашцев»), поступаая в гимназии и университеты, должны были представлять увольнительное свидетельство от общества, к которому были приписаны их родители. Окончание гимназии (и университета) не давало им, в отличие от дворян, права выбрать себе профессию по желанию.

Устав 1804 года содержал рекомендации учителям: не пропускать уроков, заканчивать положенный курс за учебный год, вести журнал и отмечать учеников, пропустивших уроки, опаздывающих на них и требовать объяснений этому от родителей; давать ежемесячные отчеты о способностях, прилежании, успехах и поведении всех учеников своего класса.

Следует отметить, что в первый исторический этап открытие гимназий шло вяло и число учеников в них росло медленно. Не желая жертвовать на учебное дело, дворянство игнорировало гимназии, предпочитая им кадетские корпуса, частные пансионы и домашних учителей. Главная причина такого поведения заключалась в нежелании отдавать детей в общесословную новую школу, где благородные отпрыски могли бы «заразиться» грубостью нравов от своих сверстников из низших сословий. В то же время, как отмечает историк гимназического образования И. Алешинцев, они не могли не видеть преимуществ гимназий перед частными пансионами, хотя бы в отношении сравнительной дешевизны обучения.

Равнодушие остальных сословий к новым гимназиям объяснялось тем, что в них еще не проснулась потребность в образовании. Осознание его необходимости отставало от готовности правительства создавать новые источники просвещения. В этом отношении Устав 1804 года с его либеральным пафосом значительно опередил время. В отчаянии Александр I 6 августа 1809 года издает Указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники», предполагающий сдачу экзаменов на чин.

В последующем жизнь постоянно вносила изменения в исторический ход развития гимназий; указы, уставы, циркуляры вплоть до 1918 года улучшали, ухудшали, сужали, расширяли ее цель, программы, методы и пр.

С приходом совершенно случайно в 1825 году на престол Николая I принципиальные крупные перестройки на какой-то период остановились. Николай I, как считает Василий Осипович Ключевский, поставил себе задачей ничего не переменять, не вводить ничего нового в основаниях, а только поддерживать существующий порядок, восполнять пробелы, чинить обнаружившиеся ветхости с помощью практического законодательства и все это делать без всякого участия общества, даже с подавлением общественной самостоятельности, одними правительственными средствами; консервативный и бюрократический образ действия – вот характеристика нового царствования.

В 1828 году, отметившем начало следующего этапа гимназических изменений, был издан новый «Устав гимназий и училищ, подведомственных университетам». По этому уставу (от 8 декабря 1828 года) были сохранены типы школ, предусмотренные Уставом 1804 года: приходские и уездные училища, гимназии и университеты. Но по Уставу 1828 года преемственная связь между уездными училищами и гимназиями была нарушена. Вместо единой более-менее демократической школьной системы (приходские училища – уездные училища – гимназии – университет) создано две системы: система элементарного образования (приходское двухлетнее училище и уездное училище с трехлетним курсом) и оторванная от этих школ система средней и высшей школы (гимназия с семилетним курсом и пансионом и университет). Каждая школьная ступень предназначалась для определенного сословия.

Приходские училища, обучающие мальчиков и девочек «самых нижних сословий», не готовили их для уездных училищ. Уездные училища, предназначенные для детей купцов, ремесленников, мещан, стали трехклассными учебными заведениями. При уездных училищах разрешалось открывать дополнительные курсы, которые давали профессиональное образование. Гимназии (в них учились дети дворян и чиновников) остались преемственно связанными с университетами. Они должны были готовить учащихся к университетскому образованию, а также выпускать молодых людей в жизнь со знаниями, «приличными их состоянию». Российские гимназии стали классическими, как в Германии и Австрии. Гимназия стала семиклассной с семилетним курсом, благодаря этому учебное время увеличилось на один год. Появились гимназии с греческим языком и без греческого языка. Учебный курс, несмотря на большую продолжительность, был упрощен и сокращен, а именно: исключены естественные науки, кроме физики, и все части прикладной математики; усилены языки: латинский, немецкий (с I класса), греческий язык для гимназий при университетах.

Учебный план гимназий по Уставу 1828 года включал следующие предметы: Закон Божий, российская словесность и логика, латинский язык, греческий язык (не во всех гимназиях), немецкий и французский языки, математика, география и статистика, история, физика, чистописание, черчение и рисование. Уроки длились полтора часа. Греческий язык вводился в гимназиях не сразу, а постепенно. В гимназиях, где не был введен греческий язык, назначенное на него по уставу время делилось между математикой и новыми языками. Устав 1828 года учредил, кроме директорской, должность инспектора гимназии и внес конкретность в функции Педагогических Советов.

Уставом 1828 года официально допускалось применение розги в трех младших классах гимназий. Школьный режим стал более суровым, казарменным, бессмысленным, в дисциплине преобладала муштра. С 1838 года физические наказания были введены для всех гимназистов. С 1845-го началось повышение платы за учение; при Николае I оно проводилось несколько раз. В результате число гимназистов сократилось за период с 1847-го по 1855 год с 21 тысячи до 18 тысяч. А именно к этому и стремились, так как увеличение платы, по заявлению Министра народного просвещения графа Уварова, было предпринято «не столько для усиления экономических сумм учебных заведений, сколько для удержания стремления юношества к образованию в пределах некоторой соразмерности с гражданским бытом различных сословий».

В 1848 году гимназии, как на Западе, так и у нас, стали подвергаться озлобленным нападкам в связи с брожением, охватившим Западную Европу. Возникло убеждение, что занятия древними классиками отвлекают молодежь от понимания народности, что если молодые люди не уважают законов, то это происходит от незнания с ними. Стали утверждать, что знание действующих законоположений особенно необходимо для тех учеников, которые после гимназии сразу поступают на гражданскую службу. И в 1849 году была проведена реформа, касавшаяся преподавания юридических наук в гимназиях.

Вскоре появилась мысль о необходимости так называемой бифуркационной¹ системы в гимназии, начиная с IV класса, т. е. об образовании в ней нескольких (в частности, юридического и латинского) отделений. Эта мысль сделалась настолько популярной, что проникла и в Министерство Народного Просвещения: при нем был образован особый комитет для изменения и дополнения некоторых параграфов Устава 1828 года, «для рассмотрения постановлений и учреждений по Министерству Народного Просвещения» и введения новых учебных планов.

Указанный комитет состоял из председателя статс-секретаря графа Д. М. Блудова и членов: Н. Н. Анненкова, графа Н. А. Протасова, Я. Н. Ростовцева и барона Корфа. В совещаниях постоянно принимал участие Министр просвещения князь П. А. Ширинский-Шихматов. Несмотря на свои десять заседаний на протяжении 1850–52 годов, комитет этот по своим работам представляет большой интерес, так как в нем производился генеральный смотр всем распоряжениям министерства по учебному плану за проходящее царствование. Выработанные этим комитетом положения были утверждены в Государственном совете. На основании этих положений гимназический учебный курс делился на общее (первоначальное) и специальное обучение; желающие учиться в университете обязаны были в гимназии основательно изучать латинский, а для историко-филологического факультета – также и греческий язык. Те, которые после окончания гимназии поступали прямо в гражданскую службу, вместо древних языков занимались русским законоведением. Гимназисты, по происхождению имевшие право поступать на государственную службу и приобретшие особенные и отличные знания по российскому законоведению, после окончания гимназии получали право на чин XIV класса.

Был изменен режим работы: все уроки должны были оканчиваться до обеда и длиться по 1 часу. Уроки начинались в 9 часов утра и первые два оканчивались в 11 часов 30 мин.; после этого давалось полчаса на отдых; затем с 12 до 14 час. 30 мин. проходили остальные 2 урока. В первых трех классах, где давалось общее или первоначальное образование, учебный план был следующим:

¹(от латинского *bifurcus* – раздвоенный), при выделении двух циклов.

Учебные предметы	I класс	II класс	III класс
	Число уроков		
Закон Божий	2	2	2
Русский и Славянский языки	4	4	4
Математика	4	4	4
География	3	3	5
Немецкий язык	3	3	3
Чистописание	4	4	2
Черчение и рисование	1	1	1
Итого:	24	24	24

Сравнивая эту таблицу с учебным планом Устава 1828 года, мы видим в ней следующие особенности:

1 общее число уроков в низших трех классах осталось без изменения (24), но число учебных часов, из-за сокращения продолжительности урока на $\frac{1}{2}$ часа, уменьшилось на шесть, т. е. ученики низших классов стали учиться в гимназии еженедельно 30 часов вместо прежних 36;

2 латинский язык не преподавался теперь в первых трех классах;

3 часть уроков латинского языка отдана на французский язык, начинавшийся, по Уставу 1828 года, только с IV класса в гимназиях с греческим языком;

4 другая часть этих уроков отдана географии, так что число уроков по этому предмету почти удвоилось в низших трех классах: вместо прежних 6 стало 11;

5 по рисованию число уроков уменьшено: вместо прежних 6 – 3;

6 преподавание истории в III классе, состоявшее в общем обзоре этого предмета, отменено.

С IV класса начиналась бифуркация: ученики делились на готовящихся в университет и на службу. И те, и другие обязаны были совместно обучаться следующим предметам:

Учебные предметы	IV класс	V класс	VI класс	VII класс
	Число уроков			
Закон Божий	2	1	1	1
Русский и Славянский языки	3	3	3	3
Математика	3	3	3	3
Физика и математическая география	–	2	2	2
История всеобщая и русская	4	3	3	3
Немецкий язык	3	3	3	3
Французский язык	3	3	3	3
Итого:	18	18	18	18

Таким образом, по сравнению с учебным планом Устава 1828 года, число уроков в четырех старших классах осталось без изменения по Закону Божию, немецкому и французскому языкам; увеличилось – по русскому языку (на 1), математике (на 9), физике (на 1) и истории (на 2). Число уроков по латинскому языку для готовящихся в университет было следующим: в IV – 4, в V – 4, в VI – 4 и в VII – 4, т. е. в 1849 году 16 уроков вместо 26 по Уставу 1828 года. Изучение греческого языка стало обязательным только для поступающих на историко-филологический факультет, притом ограничено двумя уроками в неделю в каждом из четырех высших классов, так что общее число уроков в неделю по этому языку во всех классах стало 8 вместо прежних 20.

Готовящиеся на службу не обучались ни латинскому, ни греческому языкам, имели в IV классе по 2 особых урока в неделю по русскому языку и математике для практических упражнений по этим предметам, с V же класса обязаны были обучаться русскому законоведению, уроки которого назначались обычно в одни часы с уроками латинского языка. По законоведению было установлено по 4 урока в неделю в трех старших классах. На основании царского указа от 1 ноября 1851 года и циркулярного предложения министра от 12 мая 1852 года гимназии были разделены с начала 1852/53 учебного года на три типа, в которых преподавались:

1) естественная история и законоведение;

2) одно законоведение;

3) латинский язык в большом объеме и язык греческий.

В гимназиях с естественной историей и законоведением изучались предметы общие (Закон Божий, русский язык, география, история, математика, физика и физическая география, естественная история, немецкий и французский языки, чистописание, черчение и рисование) и специальные (русское законоведение и латинский язык – для поступающих в университет). Здесь отсутствует теперь греческий язык для желающих, история стала преподаваться с III, а не с IV класса. В гимназиях классических, т. е. с латинским и греческим языками, значительно увеличено число часов на латинский язык (на 7,5 часов) и на греческий (на 13,75).

В 1855 году Николая I сменил на престоле Александр II. «Политика Министерства Народного Просвещения круто переменялась». Историк Министерства профессор С. В. Рождественский, выражая согласие с взглядами известного политика, лидера кадетской партии Милюкова, говорил в своем «Историческом очерке деятельности Министерства Народного Просвещения»: «С началом царствования императора Александра II Министерство Народного Просвещения вновь вступило на путь коренных преобразований».

В конце 1850-х годов движение прогрессивных умов страны выдвинуло вопрос о женской эмансипации. В это время профессор Николай Алексеевич Вышнеградский в издаваемом им педагогическом журнале «Русский педагогический вестник» поставил вопрос о необходимости сделать женские учебные заведения открытыми и доступными для всех сословий. Вскоре им был разработан проект устройства женского образования на новых началах. 19 апреля 1858 года по инициативе и в результате активной деятельности Вышнеградского было основано в Петербурге первое училище «для приходящих девиц», названное Мариинским по имени императрицы Марии Александровны и взятое ею под покровительство. В различных городах России стали приниматься меры к учреждению подобных заведений. В 1908 году их насчитывалось уже 351, в 1913-м – 920, в 1915-м – 1001. В зависимости от того, какое ведомство открывало и содержало женские учебные заведения, они делились на женские гимназии Министерства Народного Просвещения и женские гимназии ведомства учреждений императрицы Марии Александровны (Мариинские). Н. Зинченко, автор книги «Женское образование в России», писал в 1901 году, что именно эти заведения наиболее удовлетворяли по своим программам и гуманному характеру разумным требованиям для средних женских общеобразовательных заведений.

В 1862 году было постановлено называть женские училища гимназиями. Это название задолго до 1862 года употреблялось населением и должностными лицами, так как в Высочайшем повелении 1856 года об устройстве женских училищ было сказано, что они по курсу должны были приближаться к существовавшим уже тогда мужским гимназиям. В своей речи на торжественном собрании по случаю празднования 25-летия I женской гимназии начальник московских женских гимназий тайный советник Г. К. Виноградов так сказал о цели создания этих учебных заведений: «...не отрывая девиц от семейной жизни, доставить им образование в науках и искусствах, которое удовлетворяло бы общим и частным нуждам в религиозно-нравственном и умственном отношении и которые должны требоваться от каждой женщины, в особенности от будущей супруги и матери». Гимназия должна была дать девушке образование, необходимое ей в общечеловеческих, семейных, общественных и гражданских отношениях.

В гимназию принимались девочки в возрасте не моложе 9–10 лет. Они должны были уметь читать и писать по-русски, знать необходимые молитвы и таблицу умножения. Объем знаний в этих областях должен был равняться примерно трем годам обучения в начальной школе. А выдержавшие испытания по программе низших классов могли поступать в высший, включая IV. Гимназический курс обучения длился 7 лет. Позднее был введен восьмой педагогический класс. По окончании гимназии девушка могла работать учительницей, классной дамой, гувернанткой. Правом поступления в университет окончившие гимназию не пользовались. Программа включала в себя 13 предметов и 5 искусств: Закон Божий, французский, немецкий и русский языки, математика, история, география, естественная история,

физика, химия, минералогия, космография, педагогика. К числу искусств были отнесены: чистописание, рисование, пение, танцы, рукоделие.

Образование детей вверено было наставникам или наставницам. Для наблюдения за правильным ведением учебного процесса назначались инспектора. Ответственность за нравственное воспитание девушек несли главные и классные надзирательницы. Они также контролировали внешность гимназисток – одежду, прическу – и отвечали за их здоровье. Кроме того, надзирательницы, в случае надобности, могли заменить заболевшего наставника и занимались с отстающими. Для наблюдения за единством действий вышеуказанных лиц назначался начальник, отвечающий за успехи вверенных ему заведений. Сверх того управление гимназиями было вверено особому попечителю, назначаемому царем. Он избирал начальников гимназий, главных надзирательниц и инспекторов.

Для гимназисток за обучение существовали следующие расценки: в трех низших классах – 20 рублей в год, в остальных – 30 рублей. Обучение иностранным языкам и музыке оплачивалось дополнительно: 5 рублей и 1 рубль за урок, соответственно. От уплаты никто не освобождался. Естественно, в частных гимназиях плата за обучение была выше. Имеются в виду гимназии Арсеньевой, Вяземской, Перепелкиной, Ржевской, Хвостовой в Москве и гимназия Стоюниной в Санкт-Петербурге. Самая высокая плата была в петербургской Мариинской гимназии – 55 рублей в год.

В 1872 году открылась первая женская классическая гимназия в Москве. Это была частная гимназия госпожи Софьи Николаевны Фишер. Там программа была идентична программе мужских гимназий, т. е. с изучением латинского и греческого языков. Журнал «Русские ведомости» поместил в 1882 году статью, посвященную десятилетию существования этой гимназии. Автор превозносил успехи девушек в изучении этих и некоторых других, сугубо «мужских», предметов. Но это было спорно в то время. В конце 1880-х годов развернулась полемика о недостатках женского среднего образования. Н. Т. Осинин – деятель русской педагогики – возглавил комиссию по этому вопросу. Именно он ставил под сомнение опыт гимназии Фишер. Он считал, что «выработка в женских гимназиях программ, одинаковых с программами мужских гимназий, несостоятельная и неверна, так как женское образование должно соответствовать природным силам и потребностям женщины, равно как и ее семейному и общественному положению».

Такой же точки зрения придерживался и автор статьи «Мысли о среднем женском образовании» в газете «Урал». В 1899 году он писал: «Для какой надобности женщину в средней школе обучают почти по тем же программам, как и мужчину? Для чего изнуряют ее силы, переутомляют умственно и физически, заставляют жертвовать здоровьем и подготавливают вырождение нации?» Сам начальник московских гимназий Виноградов отмечал следующие недостатки: многопредметность, в связи с чем не хватало времени на более углубленное изучение отдельных предметов, и недостаток практического знания новейших языков.

Несмотря на это, количество женских гимназий постоянно росло. В 1899 году их число превысило даже количество мужских: 320 против 299. При этом в женских гимназиях в этом году обучалось 61603 девочек (соответственно мальчиков – 61079). Ежегодно оканчивало курс 16000 девушек. Причина такого перевеса была проста: мужские гимназии представляли собой переходную ступень для поступления в высшие учебные заведения – университеты, академии. Высших женских заведений, кроме курсов, почти не было. Гимназии были чуть ли не единственным средством для девушки получить образование. К тому же значительное число мальчиков училось в коммерческих, средних технических училищах и других учебных заведениях, не подведомственных Министерству Народного Просвещения.

Вернемся к мужским гимназиям. В 1856 году Министерство поручило своему вновь восстановленному Ученому комитету начать разработку нового школьного устава взамен устава 1828 года, «более сообразного с современным взглядом на обучение и воспитание и более отвечающего действительным потребностям народа в учении». Обсуждение трех разработанных проектов школьных уставов проводилось демократично. Они были опубликованы в печати. Впоследствии, в 1862 году, были изданы замечания на проекты устава в шести объемистых томах.

В результате проведенной работы 14 июля 1864 года, при министре просвещения А. В. Головнине, утверждается «Положение о начальных народных училищах», а 19 ноября 1864 года утверждается Устав гимназий и прогимназий. В Уставе было сказано, что «гимназии имеют целью доставить воспитывающемуся в них юношеству общее образование и вместе с тем служат приготовительными заведениями для поступления в университет и другие высшие специальные училища» (Ст. 1). Было установлено три типа общеобразовательных учебных заведений:

- 1) народные училища (приблизительно с двух или трехгодичным сроком обучения);
- 2) прогимназии с четырехгодичным сроком обучения, имевшие курс четырех низших классов гимназии;
- 3) гимназии с семилетним сроком обучения.

В гимназиях и прогимназиях могли обучаться «дети всех сословий, без различия звания и вероисповедания». Гимназии разных направлений (классические с двумя древними языками, классические с одним латинским языком, реальные) имели различия в учебных планах. Во всех типах гимназий в равных пропорциях изучались: Закон Божий (по 14 уроков в неделю), история (по 14 уроков), география (по 8 уроков); в разных пропорциях изучались: русский с церковнославянским и словесность (24, 24 и 25 уроков соответственно), французский и немецкий языки (19, 38, 46 уроков), математика (22, 22, 25 уроков), естественная история (6, 6, 23 урока), физика и космография (6, 6, 9 уроков), чистописание, рисование, черчение (13, 13, 20 уроков); греческий (была острая нехватка учителей) изучался только в первом типе гимназий (24 урока), латинский – не изучался в реальных гимназиях (34, 39 уроков).

Продолжительность урока установлена во всех гимназиях 1 час 15 минут, а с сентября 1865 года – 1 час. Занятия начинались в 9 часов утра, между уроками имелись пятнадцатиминутные перемены и одна большая перемена – 30 минут. В Уставе 1864 года не было прямых указаний об отмене телесных наказаний учащихся, но в разъяснениях к уставу применение телесных наказаний не допускалось. Учителя получили возможность самостоятельно выбирать методы, учебники, участвовать в определении содержания обучения, проводить съезды преподавателей отдельных предметов, инспекторов и директоров гимназий. Намечился рост количества учебных заведений и учащихся.

Однако гимназии по уставу 1864 года работали недолго. В 1866 году Д. Каракозов совершил покушение на Александра II. Это оказало определенное воздействие на отношение правительства к образованию. Уже с осени 1866 года под руководством Министра народного образования графа Дмитрия Андреевича Толстого начались подготовительные работы по изменению прогрессивного устава 1864 года. По мнению А. Ф. Масловского, автора книги «Русская общеобразовательная школа» (1900), эта работа велась бюрократическим путем и была поставлена задача «насадить в России, во что бы то ни стало, классическую систему образования, по западноевропейскому образцу, до возможной степени принизить реальное образование».

Главные выводы, к которым пришли попечители, анализируя недостатки устава 1864 года, в общем, вращались вокруг следующего:

- 1) реальная гимназия должна получить иную постановку курса, устава и самого наименования;
- 2) в уставе классических гимназий, которым необходимо вернуть прежнее наименование просто гимназий, следует сделать изменения: облегчить прохождение гимназического курса, сосредоточить умственные силы учеников на главнейших его предметах, установить одинаковые для всех гимназий программы преподавания и т. д.

С этими материалами была начата разработка новой следующей гимназической реформы. В июле 1871 года был принят устав гимназий, заменивший собой устав 1864 года, результаты введения которого к этому времени еще не успели сказаться. Разработка нового устава велась чиновниками. В 1871 году Александр II утвердил новый устав, не посчитавшись с мнением большинства членов Государственного совета, которые высказались против него. Этим уставом учебные заведения руководствовались вплоть до 1917 года.

По уставу 1871 года единственным типом средней школы, дающим полноценное образование и право поступления в высшие учебные заведения, была признана семиклассная классическая гимназия с восьмилетним сроком обучения (VII класс – двухгодичный). Учебный план гимназий имел следующий набор учебных дисциплин: Закон Божий, русский язык с церковнославянским, краткие основания логики, латинский (49 часов в неделю) и греческий (36 часов) языки, математика с физикой, математической географией и кратким естествоведением, география, история, французский или немецкий язык, чистописание. Гимназии с таким учебным планом просуществовали до 1890 года, т. е. до очередной реформы, очередных изменений. Главной целью нового учебного плана было устранение господствующего «односторонне-грамматического направления». Для достижения этой цели объем грамматического материала по обоим языкам был сокращен; главнейшим же предметом занятий по древним языкам было чтение и толкование авторов. Изменения в этот раз ограничились некоторой передвижкой числа учебных часов.

Вопрос об очередной реформе гимназий встал через 10 лет. В апреле 1900 года были выработаны принципы реформы, сводившиеся к тому, что гимназия оставалась основным типом средней школы. Изучение латинского языка начиналось с III класса (вместо I), а греческий язык был обязательным с IV класса (вместо III). С 1901 года вместо двух типов средней школы (гимназии и реального училища) вводится единый тип. Первые три класса приравнивались к полному курсу низшей школы. В учебные планы IV–VII классов входят: Закон Божий, русский язык, логика, русская и всеобщая литература, законоведение, отечествоведение, французский и немецкий языки, математика, физика, космография, русская и всеобщая история, география и естествоведение. С IV класса учащиеся делились на две группы: одни изучали дополнительный курс естествознания и графические искусства, другие в эти же часы изучали латинский язык. Греческий язык оставался лишь в немногих гимназиях, и то в качестве необязательного предмета. В среднюю школу вводились ручной труд, подвижные игры, образовательные экскурсии. Летом 1902 года лишь несколько гимназий были оставлены строго классическими с латинским и греческим языками. Во всех остальных гимназиях курс первых двух классов гимназий и реальных училищ сделан общим. Преподавание латинского языка начиналось в гимназиях с III класса. Открыт доступ в гимназии всем сословиям.

К 1914 году в России было уже более 400 гимназий и прогимназий, в которых училось около ста пятидесяти тысяч учащихся. За 17 лет XX века Николай II сменил 9 министров народного просвещения. 9 января 1915 года на этот пост был назначен замечательный человек граф Павел Николаевич Игнатьев. Он начал последнюю царскую реформу образования: от народных детских садов до университетов. В разгар первой мировой войны открывал сотни новых учебных заведений и культурно-просветительских обществ. В этом же году Министерство Народного Просвещения составило очередной «План реформы средней школы». Он касался всех сторон деятельности средней школы. Предполагалось установить преемственную связь с начальной школой, гимназии допустить и в виде самостоятельной старшей ступени. В содержании образования были пересмотрены старые позиции: наряду с русским признавался и родной язык. Было признано равноправие в образовании людей обоего пола. Полноценное образование предполагало обязательное включение нравственного, физического и эстетического воспитания.

Гимназия должна была стать национальной, самодовлеющей, т. е. дающей общее образование и не имеющей непосредственной целью подготовку в высшие учебные заведения, семилетней и состоящей из двух ступеней: первой – с трехлетним и второй – с четырехлетним курсом обучения, имеющим три ветви: новогуманитарную, гуманитарно-классическую и реальную. Все это создавало новую структуру гимназии: программы первой ступени предполагались одинаковыми для всех учеников; начиная же с IV класса намечалась *фуркация*¹ – создание трех направлений: новогуманитарного, с одним языком (новым) и усилением исто-

¹(от позднелат. *furcatus* – разделённый), построение учебного плана старших классов средней общеобразовательной школы по циклам (потокам) и уклонам (гуманитарный, естественно-математический, технический, сельскохозяйственный и т. п.) с преимущественным вниманием к определённому циклу учебных предметов

рико-филологического образования, гуманитарно-классического, с одним древним и одним новым языками, и реального, с одним новым языком и преобладанием естественно-математических предметов, вводились факультативные предметы. В первый класс, по новому плану, должны были приниматься дети 10–11 лет, подготовленные в объеме первых двух классов начальной школы после собеседования.

Замысел обещал многое, но разработанная реформа не получилась. В конце 1916 года удалось реализовать лишь отдельные ее элементы: появились четырехклассные гимназии (старшая ступень), женские гимназии с программами мужских, введены уроки физкультуры, расширены права Педагогических Советов, родительских комитетов, отменены переводные экзамены. На практике почти никакие нововведения этой реформы не осуществились до конца, может быть, и по той причине, что 28 декабря 1916 года граф Павел Николаевич Игнатьев был уволен с должности министра. До 1917 года придерживались учебного плана, опубликованного в 1914 году, в котором было сокращено преподавание классических дисциплин, на гуманитарные предметы отводилось вдвое больше учебного времени, чем на математику и естествознание. После 1917 года гимназия как тип учебного заведения была упразднена (в РСФСР – в 1918 году).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что описанные гимназии – правительственные и частные, классические и реальные, мужские и женские – выполняли единую цель: образовывать ум и сердце воспитанников для служения Отечеству, давая знания, учили учиться, добросовестно трудиться, достойно жить.

Во – вторых, гимназия того времени была упорядочена, в высокой степени стремилась соответствовать отечественным потребностям лучшим европейским образцам.

Литература

1. Гулевич, С. Московская Мужская Гимназия 2-я. Исторические записки о 50-летию Московской 2-й гимназии, 1835–1885. М., 1885.
2. Зинченко, Н. Женское образование в России. Исторический очерк. СПб., 1901.
3. Ключевский, В. О. Курс русской истории. Ч. V. М., «Мысль», 1989.
4. Маврицкий, В. Правила и программы классических гимназий и прогимназий Министерства Народного Просвещения. М., 1904.
5. Масловский, А. Ф. Русская общеобразовательная школа. СПб., 1900.
6. Материалы для истории и статистики наших гимназий. СПб., 1864.
7. Материалы по реформе средней школы: Примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. министра народного просвещения. Петроград: Сенатская типография, 1915.
8. Рождественский, С. В. Исторический очерк деятельности Министерства Народного Просвещения (1802–1902 гг.). СПб., 1902.
9. Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1864. Т. 1.
10. Устав гимназий и училищ, уездных и приходских: 8 дек. 1828 года (Б. м. и г.).
11. Хроника Ведомства императрицы Марии, 1878.

Особенности социального обеспечения граждан, потерпевших от катастрофы на Чернобыльской АЭС

И. В. Гуцин

В статье исследуются особенности социального обеспечения граждан, потерпевших от катастрофы на ЧАЭС. В ней раскрываются понятие социального обеспечения этой категории граждан в экономическом и в правовом смыслах. Исследуются такие виды социального обеспечения граждан, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС как пенсионное обеспечение, обеспечение этой категории граждан пособиями, предоставление им услуг, льгот и натуральных видов социального обеспечения. Подробно исследуются льготы, которые предоставляются этой категории граждан, их виды, порядок назначения и выплаты пенсий, пособий, порядок предоставления услуг и льгот, а также натуральных видов социального обеспечения. Все перечисленные виды социального обеспечения, предоставляемые гражданам, пострадавшим от катастрофы на ЧАЭС, призваны компенсировать и сгладить те последствия, которые принесла им катастрофа на Чернобыльской АЭС.

Ключевые слова: территории радиоактивного загрязнения, правовой режим территории, право на социальную защиту, виды социального обеспечения, социальное пособие, льготы.

The article investigates the social insurance features of the citizens suffered from the catastrophe on the Chernobyl NPS. It reveals the concept of social insurance of this category of citizens in economic and legal senses. Besides the article investigates such kinds of social security of the citizens suffered from the catastrophe on the CNPS as pension provision, maintenance of this category of citizens with grants, services, privileges and natural kinds of social security. The privileges given to this category of citizens, their kinds, mode of appointment and pension payment, benefits, the order of service and privilege granting, and also natural kinds of social security are given in detail. All the listed kinds of social security given to the citizens suffered from the catastrophe on the CNPS are urged to compensate and smooth those consequences that were brought by that catastrophe.

Keywords: radioactive polluted territories, territory legal regime, right to social protection, kinds of social insurance, hardship allowance, privileges.

В статье исследуются особенности социального обеспечения граждан, потерпевших от катастрофы на ЧАЭС. В ней раскрываются понятие социального обеспечения этой категории граждан в экономическом и в правовом смыслах. Исследуются такие виды социального обеспечения граждан, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС как пенсионное обеспечение, обеспечение этой категории граждан пособиями, предоставление им услуг, льгот и натуральных видов социального обеспечения. Подробно исследуются льготы, которые предоставляются этой категории граждан, их виды, порядок назначения и выплаты пенсий, пособий, порядок предоставления услуг и льгот, а также натуральных видов социального обеспечения. Все перечисленные виды социального обеспечения, предоставляемые гражданам, пострадавшим от катастрофы на ЧАЭС, призваны компенсировать и сгладить те последствия, которые принесла им катастрофа на Чернобыльской АЭС.

Как известно, катастрофа на Чернобыльской АЭС произошла 25 лет назад. Она унесла десятки тысяч жизней. От выброса в атмосферу радиоактивных частиц пострадали примерно свыше 2 млн. чел. Радиацией загрязнена $\frac{1}{4}$ Белоруссии, были эвакуированы более 3,5 тыс. населенных пунктов, поэтому в настоящее время Чернобыль – это боль Беларуси. Белорусское государство делает все необходимое, чтобы помочь жителям Чернобыльской зоны. Помогает гражданам, потерпевшим от катастрофы на ЧАЭС и Европейский Союз, который для улучшения уровня жизни в белорусских регионах, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС, только в текущем году выделил 1,5 млн. евро. Эти деньги помогут белорусскому государству и жителям Чернобыльской зоны справиться с последствиями этой экологической и гуманитарной катастрофы. Следует подчеркнуть, что на момент ЧАЭС в бывшем СССР и в республиках, потерпевших от катастрофы на ЧАЭС, отсутствовало специальное законодательство,

регулирующие соответствующие отношения. В этой связи 22 февраля 1991 г. был принят Закон Республики Беларусь «О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС» [1], в котором впервые был использован термин «социальная защита граждан, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС». В настоящее время указанный Закон утратил силу, в связи с принятием нового Закона Республики Беларусь от 6.01.2009 г. № 9-З «О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий». Этим Законом подробно урегулированы все отношения, связанные с социальной защитой граждан, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС. Сам Закон направлен на защиту законных прав и интересов граждан, принимавших участие в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, других радиационных аварий, эвакуированных, отселенных, самостоятельно выехавших на новое место жительства с территории радиоактивного загрязнения, проживающих на указанной территории, и иных категорий граждан, определенных настоящим Законом. В пункте 1 статьи 2 анализируемого Закона подчеркнуто, что граждане Республики Беларусь, пострадавшие от катастрофы на ЧАЭС, имеют право на получение льгот за вред, причиненный их жизни и здоровью в результате катастрофы на ЧАЭС, но в порядке и на условиях, установленных настоящим Законом и другими законодательными актами Республики Беларусь. Установленное и гарантированное гражданам, потерпевшим на ЧАЭС, анализируемым Законом право на социальную защиту является сложным по своему внутреннему содержанию. На наш взгляд, это право включает в себя следующие элементы: а) право на здоровую окружающую среду обитания; б) право на бесплатное медицинское лечение и обслуживание в государственных учреждениях здравоохранения; в) право на социальное обеспечение в старости, инвалидности, потери кормильца и других случаях, предусмотренных законодательством Республики Беларусь; г) право на труд и право на выбор профессии, квалификации, специальности с учетом соответствующих льгот и преимуществ, установленных Законом от 6 января 2009 г. № 9-З «О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий». Таким образом, право граждан, потерпевших от аварии на ЧАЭС на социальную защиту, включающее в себя 4 указанных элемента, можно рассматривать в объективном и субъективном смыслах. В объективном смысле это право представляет собой равную и одинаковую возможность граждан, потерпевших от катастрофы на ЧАЭС, получить соответствующие льготы и преимущества в сферах охраны окружающей среды обитания, медицинского лечения и обслуживания, социального обеспечения по возрасту, инвалидности и потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законодательством Республики Беларусь, а также право на труд и право на выбор профессии, квалификации и специальности, но при условии вступления в конкретное правовое отношение. С другой стороны, право граждан, потерпевших от катастрофы на ЧАЭС, на социальную защиту можно рассматривать как обширную совокупность правовых норм, регулирующих все общественные отношения, связанные с социальной защитой этой категории граждан. В субъективном смысле право граждан, потерпевших от катастрофы на ЧАЭС, на социальную защиту – есть уже реализованная возможность в конкретном по видам социальной защиты правоотношении. В стст. 14, 15 Закона «О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий», указан перечень граждан, которые имеют право на социальную защиту. К ним относятся: граждане, постоянно (преимущественно) проживающие на территории радиоактивного загрязнения; граждане, эвакуированные, отселенные, самостоятельно выехавшие с территории радиоактивного загрязнения из зоны эвакуации (отчуждения), зоны первоочередного отселения и зоны последующего отселения (включая детей, находившихся во внутриутробном состоянии), за исключением прибывших на данную территорию после 1 января 1990 года; граждане, заболевшие и перенесшие лучевую болезнь, вызванную последствиями катастрофы на ЧАЭС, других радиационных аварий, инвалиды, в отношении которых установлена причинная связь увечья или заболевания, приведших к инвалидности, с катастрофой на ЧАЭС, другими радиационными авариями; дети-инвалиды в возрасте до 18 лет, в отношении которых установлена причинная связь увечья или заболевания, приведших к инвалидности, с катаст-

рофой на ЧАЭС, другими радиационными авариями. К числу этих граждан, на которых распространяется анализируемый Закон, относятся и граждане, работающие и проходящие военную службу или службу в органах внутренних дел, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям и органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь на территории радиоактивного загрязнения, в том числе временно направленных или командированных, дети граждан, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС и других радиационных авариях, и граждане, проживавшие на территории радиоактивного загрязнения в зоне с правом на отселение, зоне проживания с периодическим радиационным контролем, а также постоянно (преимущественно) проживающих (проживавших) в населенных пунктах, выведенных из состава указанных зон в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь, за исключением прибывших на данную территорию после 1 января 1990 года.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на ЧАЭС» [2], все перечисленные граждане должны проживать в следующих зонах, имеющих различный правовой режим: зона эвакуации (отчуждения); зона первоочередного отселения; зона последующего отселения; зона с правом на отселение; зона проживания с периодическим радиационным контролем.

Одним из элементов права граждан, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС, является их социальное обеспечение, сущность которого следует рассматривать как экономическую и как правовую категории. Сущность социального обеспечения названной категории граждан как экономической категории, по нашему мнению, заключается в том, что оно представляет собой часть экономических распределительных отношений, входящих в совокупность производственных отношений и составляющих экономический базис Республики Беларусь. Эти отношения возникают при эквивалентном и безэквивалентном распределении части фондов потребления, аккумулированных в Фонде социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь (ранее – Фонд социальной защиты населения Министерства социальной защиты Республики Беларусь).

Как правовую категорию социальное обеспечение граждан, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС, следует рассматривать как одну из сторон деятельности государства по правовому регулированию общественных отношений в сфере создания фондов для целей социального обеспечения и в сфере их распределения в различных правовых формах и видах среди престарелых, больных, полностью или частично утративших трудоспособность граждан и лиц, потерявших кормильца, а также среди многодетных, малообеспеченных и других семей граждан Республики Беларусь. Видами социального обеспечения указанных категорий граждан, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС, являются – пенсии, пособия, услуги, льготы и натуральные виды социального обеспечения.

В соответствии с главой 6 Закона Республики Беларусь «О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий» от 6 января 2009 года № 9-З, пенсионное обеспечение граждан пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС и других радиационных аварий осуществляется в соответствии с Законом Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении» [3], но с учетом условий и норм, предусмотренных Законом Республики Беларусь «О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий» от 6 января 2009 года № 9-З. Поэтому пенсии по возрасту участникам ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС и других радиационных аварий назначаются со снижением возраста установленного Законом Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении», при этом, гражданам, принимавшим участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС в пределах 10-километровой зоны в 1986 году или не менее 10 суток в 1987 году, – на 10 лет; принимавшим участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС в 1986 – 1987 годах в пределах зоны эвакуации (отчуждения), и участникам ликвидации других радиационных аварий, при условии наступления инвалидности независимо от ее причины (кроме

лиц, инвалидность которых наступила в результате противоправных действий, по причине алкогольного, наркотического опьянения, членовредительства) – на 5 лет.

Гражданам, заболевшим и перенесшим лучевую болезнь, инвалидам вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий пенсии по возрасту назначаются:

мужчинам – по достижении 50 лет и при стаже работы не менее 20 лет;

женщинам – по достижении 45 лет и при стаже работы не менее 15 лет.

Пенсии по инвалидности, наступившей вследствие увечья или заболевания, вызванного катастрофой на Чернобыльской АЭС, другими радиационными авариями (далее – пенсии по инвалидности), назначаются в размере утраченного в связи с инвалидностью заработка (денежного довольствия), определенного за последние 12 месяцев работы, военной службы или службы, предшествовавших снижению (утрате) трудоспособности или прекращению работы, военной службы или службы, повлекших увечье или заболевание вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий, соответствующем степени (проценту) утраты профессиональной трудоспособности.

Пенсии по случаю потери кормильца, умершего вследствие увечья или заболевания, вызванного катастрофой на Чернобыльской АЭС, другими радиационными авариями (далее – пенсии по случаю потери кормильца), назначаются в размере заработка (денежного довольствия) умершего кормильца, определенного за последние 12 месяцев работы, военной службы или службы, предшествовавших его смерти, либо за последние 12 месяцев работы, военной службы или службы, предшествовавших снижению (утрате) трудоспособности или прекращению работы, военной службы или службы, повлекших увечье или заболевание вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий, за вычетом доли заработка (денежного довольствия), приходящейся на самого кормильца и лиц, состоявших на его иждивении, но не имеющих права на пенсию по случаю потери кормильца.

Пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца по желанию обратившегося за пенсией могут быть назначены в размерах, определенных общими нормами пенсионного законодательства Республики Беларусь. При этом пенсии по инвалидности военнослужащим, лицам начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, а также их семьям в случае потери кормильца исчисляются в порядке и по нормам, установленным законодательством Республики Беларусь для назначения пенсий указанных видов вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите страны или при исполнении иных обязанностей военной службы (служебных обязанностей), либо смерти кормильца от этих причин.

Для исчисления пенсий по инвалидности или по случаю потери кормильца, в соответствии со статьями 34 – 36 настоящего Закона, принимается заработок (денежное довольствие) не менее 100 процентов и не более 300 процентов средней заработной платы работников в республике, применяемой для корректировки среднемесячного фактического заработка (денежного довольствия) пенсионера при назначении и перерасчете пенсии в связи с ростом средней заработной платы работников в республике в соответствии со статьей 70 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении». Корректировка среднемесячного фактического заработка (денежного довольствия) пенсионера (умершего кормильца) при назначении и перерасчете указанных пенсий в связи с ростом средней заработной платы работников в республике осуществляется ежемесячно путем умножения средней заработной платы работников в республике за позапрошлый месяц (относительно наступившего месяца) на индивидуальный коэффициент заработка пенсионера (умершего кормильца). При этом размер пенсии после перерасчета не может быть ниже ее размера, установленного в предыдущем месяце.

Время работы, военной службы или службы на эксплуатации Чернобыльской АЭС и в зоне эвакуации (отчуждения) с момента катастрофы до 31 декабря 1987 года засчитывается в стаж работы (выслугу лет) и в стаж, дающий право на пенсию по возрасту за работу с особыми условиями труда по списку № 1, в трехкратном размере, а в период с 1 января 1988 года – в полуторном размере.

Время работы, военной службы или службы в зоне первоочередного отселения, зоне последующего отселения и на территориях, равнозначных им по уровню радиоактивного загрязнения в результате других радиационных аварий, с момента катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий засчитывается в стаж работы (выслугу лет) в полноторном размере.

Гражданам, в отношении которых установлена причинная связь наступившей инвалидности с катастрофой на Чернобыльской АЭС, другими радиационными авариями, выплачиваются надбавки к получаемой пенсии в следующих размерах от минимального размера пенсии по возрасту:

- инвалидам I группы, детям-инвалидам в возрасте до 18 лет – 100 процентов;
- инвалидам II группы – 75 процентов;
- инвалидам III группы – 50 процентов.

Участникам ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, и участникам ликвидации других радиационных аварий, пенсии повышаются на 50 процентов минимального размера пенсии по возрасту.

Участникам ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, а также гражданам, пенсии повышаются на 25 процентов минимального размера пенсии по возрасту.

Социальные пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий назначаются исходя из величины средней заработной платы работников в республике, применяемой при назначении и перерасчете пенсии в связи с ростом средней заработной платы работников в республике, в соответствии со статьей 70 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении», в следующих размерах:

- инвалидам I группы, детям-инвалидам в возрасте до 18 лет – 50 процентов;
- инвалидам II группы – 30 процентов;
- инвалидам III группы – 15 процентов;
- детям, потерявшим кормильца, – 25 процентов.

К социальной пенсии инвалидам I группы вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий устанавливается надбавка на уход за ними в размере 100 процентов минимального размера пенсии по возрасту.

Гражданам, в отношении которых установлена причинная связь наступившей инвалидности с катастрофой на ЧАЭС другими радиационными авариями, выплачиваются надбавки к получаемой пенсии в следующих размерах от минимального размера пенсии по возрасту: инвалидам I группы, детям-инвалидам в возрасте до 18 лет – 100 %; инвалидам II группы – 75 %; инвалидам III группы – 50 %. Участникам ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС назначенные пенсии повышаются на 50 % минимального размера пенсий по возрасту.

Граждане, потерпевшие от катастрофы на ЧАЭС имеют право на соответствующее пособие как вида социального обеспечения, так, эти граждане имеют право на пособие по временной нетрудоспособности в размере среднемесячного заработка за рабочие дни по графику работы работника с первого дня временной нетрудоспособности. Эти граждане имеют право на пособие по уходу за ребенком по достижении им возраста до 3-х лет в размере 150 % этого пособия, предусмотренного законодательством Республики Беларусь. Отпуск по беременности и родам женщинам установлен с 27 недели беременности, продолжительность 146 календарных дней (в случае осложненных родов или рождения 2-х и более детей – 160 календарных дней), независимо от числа дней, фактически использованных до родов. Граждане, постоянно (преимущественно) проживающие на территории радиоактивного загрязнения в зоне с правом на отселение, имеют право на выплату пособия по уходу за ребенком по достижении им возраста 3-х лет в размере 150% этого пособия, установленного Законом по данному виду пособий.

Важным видом социального обеспечения граждан, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС, являются многочисленные услуги, льготы и натуральные виды социальной помощи. Так, оказание бесплатной медицинской помощи гражданам этой категории осуществляется в

соответствии с законодательством Республики Беларусь о здравоохранении. Необходимые сведения об этих гражданах включаются в Государственный реестр лиц, подвергшихся воздействию радиации в следствии катастрофы на ЧАЭС в порядке, установленном Советом Министров Республики Беларусь. Причинная связь увечья или заболевания, приведших к потере или частичной утрате профессиональной трудоспособности, инвалидности или смерти, с катастрофой на ЧАЭС, другими радиационными авариями устанавливается с ст. 13, абзацах 2 и 3 ст. 14, ст. 15 Закона «О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий», межведомственными экспертными советами по установлению причинной связи заболеваний, приведших к инвалидности или смерти, у лиц, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС, других радиационных аварий, и военно-врачебными комиссиями.

Граждане, заболевшие и перенесшие лучевую болезнь, инвалиды вследствие катастрофы на ЧАЭС имеют право на медицинское обслуживание при выходе на пенсию в организациях здравоохранения, к которым они были прикреплены по последнему месту работы, военной службы или службы, они имеют право на первоочередное определение в государственные стационарные организации социального обслуживания. Эти граждане имеют право на бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов, металлоакрилатов (металлокомпозитов), металлокерамики и фарфора, а также нанесения защитно-декоративного покрытия из нитрид-титана) в государственных организациях здравоохранения по месту жительства, обеспечение иными техническими средствами социальной реабилитации в порядке и на условиях, определяемых Советом Министров Республики Беларусь. Они имеют право на бесплатный проезд на всех видах городского пассажирского транспорта (кроме такси) независимо от места жительства, а проживающие в сельской местности – также на автомобильном транспорте общего пользования регулярного междугороднего сообщения в пределах административного района по месту жительства.

Несовершеннолетние дети граждан, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС, постоянно проживающие на территории радиоактивного загрязнения, в зоне проживания с периодическим радиационным контролем имеют право на бесплатное санаторно-курортное лечение (при наличии медицинских показаний и отсутствии медицинских противопоказаний) или оздоровление (при отсутствии медицинских противопоказаний) сроком до одного месяца в порядке и на условиях, определяемых законодательными актами Республики Беларусь. Эти дети имеют право на бесплатный проезд на железнодорожном, водном пассажирском транспорте общего пользования регулярного пригородного сообщения (кроме такси), в пассажирских поездах или вагонах формирования Белорусской железной дороги во внутриреспубликанском сообщении, на внутренних линиях водного или автомобильного пассажирского транспорта общего пользования регулярного междугороднего сообщения от места жительства до места санаторно-курортного лечения и обратно, а также по направлению государственных организаций здравоохранения от места жительства до места диспансерного, амбулаторного или клинического обследования (лечения) и обратно на условиях и в порядке, определяемых Советом Министров Республики Беларусь.

Дети указанных категорий граждан имеют право на бесплатное питание во время обучения в общеобразовательных учреждениях на ступенях общего среднего образования. Все граждане, потерпевшие от катастрофы на ЧАЭС, расторгают трудовые договоры при переселении без соблюдения предусмотренных законодательством республики сроков предупреждения нанимателя. Они имеют право на первоочередное трудоустройство на новом месте жительства при переселении с учетом профессии и квалификации переселяемого. При отсутствии возможности такого трудоустройства им обеспечиваются предоставление другой работы с учетом их желания и общественных потребностей. Все категории граждан, потерпевших от катастрофы на ЧАЭС, имеют многочисленные льготы при оплате за пользование коммунальными услугами, за пользование земельными участками и в других случаях, предусмотренных Законом.

Таким образом, граждане, потерпевшие от катастрофы на ЧАЭС, законодательством Республики Беларусь надежно защищены. Им наряду с другими видами социальной защиты

гарантировано социальное обеспечение на льготных условиях при достижении пенсионного возраста, установления группы инвалидности, в случае потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законодательством о социальном обеспечении, действующем в Республике Беларусь.

Литература

1. Ведамасці Вярхоўнага Савета Беларускай ССР, 1991 г., № 10 (12), ст. 111.
2. О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на ЧАЭС: Закон Респ. Беларусь, 12 нояб. 1991 г., № 1227-XII (с изм и доп.: Законы Респ. Беларусь от 15 мая 1999 г., № 258-З, от 27 июля 2002 г., № 134-З, от 4 июля 2006 г., № 140-З, от 20 июля 2006 г., № 162-З // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. – 1991. - № 35. – Ст. 622; Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. - № 37. – 2/33; 2002. - № 87. – 2/883; 2006. - № 108. – 2/1237; № 122. – 2/1259.
3. О пенсионном обеспечении: Закон Респ. Беларусь от 17.04.1992 г. № 1596-XII (в ред. от 28.12.2009 г., с изм. от 29.12.2009 г.) // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. – 1992. – № 17. – Ст. 275.

Гродненский государственный
университет им. Янки Купалы

Поступило 14.01.10

Реализация принципов семейного права в Республике Беларусь

Н. А. ЖУРОВИЧ

В статье анализируется механизм реализации принципов семейного права и вносятся предложения по совершенствованию брачно-семейного законодательства.

Ключевые слова: семейное право, государственная семейная политика, принцип защиты семьи, формы регистрации брака, условия вступления в брак, защита прав детей.

The way of family law principle implementation is analyzed in the article; proposals on perfection of the marriage and family legislation are made there.

Keywords: family law, state family policy, family protection principle, forms of marriage registration, marriage terms, protection of children's rights.

Отраслевые правовые принципы в обобщенном виде выражают сущность регулируемых отношений, закрепляют правовую политику государства, способствуют правильной реализации правовых норм, их толкованию, применению и восполнению пробелов.

Произошедшие в последние десятилетия в Республике Беларусь изменения в экономике, политике, праве оказали существенное влияние на формирование правовых принципов, в том числе и на принципы семейного права. Своеобразие их развития обусловлено идеологически ориентированным Кодексом Республики Беларусь о браке и семье, политической направленностью общества, особенностями преодоления кризисной ситуации в социально-экономической сфере отношений.

Становление и развитие белорусского семейного права существенно затронуло содержание норм о семье, материнстве, отцовстве, детстве. Именно принципы позволяют выявить, насколько права и интересы участников семейных отношений обеспечены юридическими гарантиями и насколько действенна сила государственного интереса в формировании семьи.

Вместе с тем, необходимо отметить, что Кодекс Республики Беларусь о браке и семье не содержит четко структурированного перечня принципов семейного права, что в определенной степени осложняет работу в области теоретического обоснования и анализа правового содержания данных принципов.

На сегодняшний день ряд авторов предлагают свою систему принципов семейного права Республики Беларусь, которая пока не получила нормативного оформления.

Основополагающим принципом семейного права Республики Беларусь является принцип защиты семьи государством. В нашем государстве семья является объектом государственной семейной политики, основные направления которой утверждены Указом Президента Республики Беларусь от 21 января 1998 года № 46 «Об утверждении основных направлений государственной семейной политики республики Беларусь» [1].

Защита семьи государством предполагает:

– *создание условий для экономической самостоятельности и роста благосостояния семьи (п. 4.1)*, что может выражаться в расширении возможностей увеличения трудовых доходов семьи; обеспечении гарантий занятости на рынке труда работников из семей, нуждающихся в повышенной социальной защите; обеспечении профессиональной подготовки несовершеннолетней молодежи, особенно детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с их последующим трудоустройством; совершенствовании алиментных правоотношений и заключение международных договоров, предусматривающих выполнение гражданами Республики Беларусь и других государств обязанностей по содержанию детей после развода;

– *создание благоприятных условий для сочетания родителями трудовой деятельности с выполнением семейных обязанностей (п. 4.2)*. А именно, обеспечение условий для реализации правовых норм Трудового кодекса Республики Беларусь в части использования

удобных для семьи нестандартных режимов рабочего времени, предоставления кратковременных отпусков без сохранения заработной платы по семейно-бытовым причинам; развитие инфраструктуры быта, семейного отдыха и оздоровления; развитие сети детских дошкольных учреждений различных форм собственности с гибким режимом работы; предоставление возможностей для обучения и воспитания детей с особенностями психофизического развития в учебно-воспитательных учреждениях общего типа; развитие сети специальных учреждений, предназначенных для содержания детей-инвалидов, взрослых-инвалидов, престарелых и безнадежно больных, ухода за ними, в том числе для временного пребывания;

– *обеспечение охраны здоровья семьи, матери и ребенка (п. 4.3)*. Это достигается путем обеспечения охраны труда женщин, защиты их жизни и здоровья с учетом материнской функции; внедрения современных стандартов качества медицинской помощи для всех нуждающихся независимо от места проживания и экономических возможностей семьи; сохранения бесплатных медицинских услуг для детей, беременных женщин, медицинской помощи по охране репродуктивного здоровья граждан; обеспечения доступа к медико-генетическому консультированию лиц, вступающих в брак, и воспитания у родителей ответственности за рождение здорового ребенка; развития системы охраны репродуктивного здоровья семьи, предоставления семье возможности воспользоваться по ее желанию необходимой информацией, медицинской и социальной помощью по планированию семьи, распространения современных знаний о культуре репродуктивного поведения и полное удовлетворение потребности населения в средствах контрацепции; формирования системного подхода к решению проблем детей-инвалидов и созданию условий для их реабилитации и интеграции в общество, совершенствования системы социальной защиты семей, воспитывающих детей-инвалидов;

– *создание системы социального обслуживания семьи и консультационной помощи (п. 4.4)* предполагает создание сети консультативных центров помощи семье различных форм собственности по психолого-педагогическим, медицинским, правовым, сексуальным проблемам, в том числе при научных и практических медицинских учреждениях, учебно-воспитательных учреждениях, на предприятиях, в учреждениях и организациях; осуществление мер по созданию системы подготовки молодежи к браку и семейной жизни; издание массовым тиражом книг и пособий, организацию передач на радио и телевидении, публикаций в периодической печати по проблемам семейного воспитания и семейных отношений;

– *совершенствование государственной системы защиты прав несовершеннолетних, профилактики безнадзорности и правонарушений (п. 4.5)* включает в себя создание специализированных учебно-воспитательных и лечебно-воспитательных учреждений органов образования и здравоохранения, в том числе для несовершеннолетних правонарушителей с особенностями психофизического развития; дальнейшее совершенствование мер воздействия, применяемых к родителям, не выполняющим своих обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей;

– *совершенствование организационных и финансовых механизмов проведения государственной семейной политики (п. 4.6)* осуществляется благодаря контролю за соблюдением законодательства, регулирующего семейные отношения, и предоставлению гарантий семьям, воспитывающим детей; закреплению положений государственной семейной политики в актах законодательства Республики Беларусь; сотрудничеству со средствами массовой информации, общественными и благотворительными организациями по проблемам семьи, женщин, детей, охраны материнства и детства; пропаганде здорового образа жизни членов семьи, положительного опыта семейного воспитания, запрещению рекламы жестокости, насилия, порнографии, спиртных напитков и сигарет;

– *проведение комплексных научных исследований по проблемам семьи и семейного воспитания (п. 4.7)*.

Одним из основных принципов семейного права Республики Беларусь является принцип правового регулирования брачных и семейных отношений государством. Его содержание раскрывается ст. 4 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье и сводится к тому, что в нашей стране признается только брак, заключенный в государственных органах, регистри-

рующих акты гражданского состояния [2]. Религиозные обряды, касающиеся вопросов брака и семьи, правового значения не имеют.

Необходимость государственной регистрации брака закреплена в законодательстве большинства развитых стран, таких как Бельгия, Германия, Голландия, Франция, Швейцария, Япония, Россия и др. В ряде стран (*Великобритания, Дания, Канада, Италия, Испания, Польша, некоторые штаты США*) действительным признается брак заключенный либо государственным органом, либо в религиозной форме. На наш взгляд, данный опыт уместно было бы использовать и в Республике Беларусь путем частичной передачи функций по регистрации брака религиозным организациям. *На наш взгляд, данный опыт уместно было бы использовать и в Республике Беларусь и предоставить религиозным организациям право регистрации брака. Это означает, что брак может заключаться в двух формах: в светской (гражданской) форме в отделе загса и в конфессиональной форме, когда после выполнения определенных формальностей канонический брак становится браком, признаваемым государством. Выбор формы заключения брака должен зависеть только от желания жениха и невесты. Необходимо предусмотреть, что лица, намеревающиеся вступить в конфессиональный брак с юридическими последствиями, должны представить в отдел загса такие же документы, как и для брака, заключаемого в светской форме. После заключения брака религиозная организация обязана в определенный срок после даты бракосочетания представить свидетельство о заключении брака в отдел загса, где делается запись акта о заключении брака. Датой заключения брака считать день конфессионального бракосочетания. В законодательстве должно быть обязательно предусмотрено, что юридическую силу в государстве будет иметь только запись акта о заключении брака и его копии, выдаваемые отделом загса.*

Во-первых, данная мера могла бы несколько снизить нагрузку на государственные органы, а во-вторых, положительная роль церкви и религии в вопросах, касающихся брачных и семейных отношений, привела бы к росту престижа и ценности семьи, которые резко снизились в последние годы. О значительном подъеме авторитета церкви в жизни людей свидетельствуют следующие статистические данные: (Хорошо бы статистику о количестве заключаемых в церкви браках)

Широкое распространение в демократическом мире получил принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины. Этот постулат является принципом и в семейном праве Республики Беларусь. Он означает право каждого мужчины и каждой женщины выбрать себе жену или мужа по собственному усмотрению и недопустимость какого-либо стороннего воздействия на их волю при решении вопроса о заключении брака [3]. Добровольность брачного союза предполагает свободное волеизъявление будущих супругов, которое они в соответствии с законодательством Республики Беларусь выражают дважды: при подаче заявления в органы ЗАГС и во время регистрации брака. *На наш взгляд, стоит отказаться от двух форм волеизъявления, рассматривая, как единственное и основное то согласие, которое мужчина и женщина дают непосредственно при регистрации брака. А органам записи актов гражданского состояния предусмотреть возможность подачи заявления по электронной почте, заполнив при этом необходимые анкеты или просто записаться на регистрацию брака по телефону.*

Статья 19 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь не допускает заключение брака между лицами, из которых хотя бы одно состоит уже в другом браке, зарегистрированном в установленном порядке. Этим законодательно закрепляется принцип единобрачия (моногамии). Вступление в брак без прекращения предыдущего влечет за собой отрицательное правовое последствие: повторный брак признается недействительным. Юридическую силу в таком случае сохраняет ранее заключенный брак. Однако Кодекс Республики Беларусь о браке и семье не поднимает проблему фактических брачных отношений. На практике факт нахождения лица в подобных отношениях с одним лицом не является препятствием к заключению им брака с другим лицом. Данное обстоятельство, на наш взгляд, не позволяет в полной мере реализовать принцип моногамии. Для ликвидации существующего противоречия целесообразно в законодательном порядке запретить нахождение в фактических брач-

ных отношениях одним из супругов, одновременно находящемся в законном браке. Подобная практика существует в Китае. В частности, Закон Китайской Народной Республики «О браке» [4] запрещает совместное проживание одного из супругов с другим лицом противоположного пола (ст. 3), а Уголовный кодекс КНР квалифицирует полигамию и полиандрию как преступления против личности, демократических прав граждан и устанавливает достаточно суровые наказания – лишение свободы или арест [5].

Все вопросы брачных и семейных отношений супруги должны решать совместно, что характеризует наличие принципа равенства супругов в семье. Согласно статьи 20* КоБС Республики Беларусь, супруги обязаны строить свои отношения на основе взаимоуважения и взаимопомощи, справедливого распределения семейных обязанностей, содействия в реализации каждым из них права на материнство (отцовство), физическое и духовное развитие, получение образования, проявление своих способностей, труд и отдых [2].

В семейном праве Республики Беларусь действует принцип свободного расторжения брака под контролем государства. Свобода брака предполагает свободу развода. Нет смысла сохранять такую семью, которая фактически распалась.

Согласно статьи 36 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, расторжение брака производится в порядке искового производства. При приеме искового заявления, если отсутствует согласие на расторжение брака хотя бы одного из супругов, либо имеются несовершеннолетние дети, суд предоставляет супругам трехмесячный срок для примирения. По истечении данного срока, если судом будет установлено, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи стали невозможными, брак будет расторгнут [2].

Если в ходе судебного разбирательства установлены обстоятельства, свидетельствующие о возможности сохранения семьи (наличие детей, продолжительность брака, характер взаимоотношений в семье и др.), суд по просьбе сторон или одной из них либо по собственной инициативе вправе предоставить супругам дополнительный срок для примирения в пределах шести месяцев. Отложение разбирательства дела для примирения супругов в пределах этого срока может быть неоднократным. Продолжительность срока определяется судом исходя из обстоятельств дела. И если в ходе судебного разбирательства суд придет к выводу, что сохранение семьи уже невозможно и не соответствует интересам другого супруга или детей, брак будет расторгнут до истечения дополнительного срока.

Брак расторгается, если будет установлено, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи стали невозможными. Причем суд не вправе отказать в иске о расторжении брака, если меры по примирению супругов оказались безрезультатными и один из супругов настаивает на расторжении брака, а другой противиться этому [6]. Этим и предусматривается соблюдение принципа свободы расторжения брака.

В особом порядке брак расторгается без предоставления срока для примирения. При этом необходимо взаимное согласие супругов и отсутствие несовершеннолетних детей. Согласие может быть выражено в форме собственноручной подписи на искомом заявлении либо в отдельном заявлении на имя суда. Во избежание непродуманных действий со стороны супругов, законодателю следовало бы предусмотреть определенный срок расторжения брака судом с момента подачи супругами заявления о расторжении брака. Например, согласно п. 2 ст. 23 Семейного кодекса Российской Федерации суд имеет право рассмотреть дело о расторжении брака не ранее истечения месяца с момента обращения супругов с таким заявлением [7]. Введение такого срока дало бы возможность суду тщательно подготовиться к предстоящему делу, а сторонам задуматься о необходимости прекращения брачных отношений.

Необходимо отметить, что взаимное согласие супругов рассматривается как основание для расторжения брака семейным законодательством Франции, Бельгии, Швеции, Дании, Норвегии, Японии, где действует принцип приоритетного учета желания супругов осуществить расторжение брака. Так, в статье 230 Гражданского кодекса Франции закреплено, что "если супруги совместно требуют развода, то они не обязаны сообщать его причину; они должны только представить на одобрение судьи проект соглашения, которое определяет последствия развода". Вместе с тем в семейном законодательстве отдельных стран пре-

дусматриваются дополнительные условия для развода по взаимному согласию супругов. В частности, в Германии брак может быть расторгнут судом по заявлению обоих супругов при условии признания его распавшимся (если супруги живут раздельно более года и оба настаивают на разводе либо второй супруг согласен с разводом) [3].

Кодексом Республики Беларусь о браке и семье органы ЗАГС не наделены полномочиями по расторжению брака, однако реалии сегодняшних дней подталкивают к пересмотру данного положения. *На наш взгляд, к компетенции органов ЗАГС следует отнести рассмотрение дел о расторжении брака с лицами, один из которых признан в установленном законом порядке безвестно отсутствующим, недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия либо осужден за совершение преступления к лишению свободы на срок не менее трех лет. Такая практика существует в Украине, России, Казахстане. При обращении с таким вопросом в органы ЗАГС супруг должен предоставить копию постановления суда о существовании юридического факта. Эта мера, в определенной степени, могла бы снизить нагрузку на суды.*

Статья 35 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье устанавливает исключение из установленного брачно-семейным законодательством принципа свободы расторжения брака. А именно, расторжение брака недопустимо во время беременности жены и до достижения ребенком возраста трех лет без письменного согласия другого супруга на расторжение брака при условии, что он проживает с ребенком и осуществляет родительскую заботу о нем, за исключением случаев, когда отцовство по отношению к ребенку признано другим лицом или по решению суда сведения о муже как об отце ребенка исключены из записи акта о рождении ребенка [2]. Данная норма существует ныне в измененном виде. По ранее действующему законодательству согласие на расторжение брака требовалось лишь от супруги и не давало право супругу даже на возбуждение дела. Внесенное изменение, на наш взгляд, оправдано, потому что супруги в предоставленных им правах и обязанностях равны. Однако считаем данную норму несовершенной, поскольку при наличии уважительной причины обращения одного из супругов в суд, расторжение брака без согласия другого супруга будет всегда невозможным. К таким причинам можно отнести физические и моральные унижения, алкоголизм, употребление наркотиков и т. д. И цель, которую преследовал законодатель, прописывая данную норму, а именно защита и дополнительная забота о здоровье супругов и ребенка, становится недостижимой. В связи с этим *предлагается дополнить данную статью нормой, дающей право супругу на расторжение брака при отсутствии согласия другого супруга, если в суде будет доказано, что сохранение семьи нарушает права и интересы супруга и (или) ребенка.*

Значительное внимание в Республике Беларусь уделяется проблеме детства. Семейное право предусматривает принцип ответственности за ненадлежащее воспитание детей. Он означает, что родители, а также иные лица и учреждения, принимающие участие в воспитании ребенка, в соответствии с законодательством несут ответственность за ненадлежащее воспитание детей. К мерам такой ответственности относят лишение родительских прав и ограничение в родительских правах.

Родители могут быть лишены родительских прав, если они уклоняются от воспитания и (или) содержания ребенка, злоупотребляют родительскими правами и (или) жестоко обращаются с ребенком, ведут аморальный образ жизни, что оказывает вредное воздействие на ребенка, отказались от ребенка и подали письменное заявление о согласии на усыновление при их раздельном проживании с ребенком, а также в течение шестимесячного срока после отобрания у них ребенка по решению комиссии по делам несовершеннолетних не отпали основания для отобрания у них ребенка. Данный перечень оснований является исчерпывающим и, как показывает практика при разрешении вопроса о лишении родительских прав устанавливается одновременно несколько оснований. Например, злоупотребление алкогольными напитками и применение жестокого обращения с ребенком.

Ограничение в родительских правах применяется, как правило, когда нет оснований для лишения родительских прав, но оставления ребенка с родителями представляет для него серьезную опасность (например, тяжелая болезнь родителя). Применение данной меры может быть

и тогда, когда уже имеются основания для лишения родительских прав, но суд, оценив все обстоятельства дела, искреннее раскаяние родителей и реальную возможность их исправления, может вынести решение об отобрании ребенка без лишения родительских прав [9].

Вместе с тем, на наш взгляд, достаточно актуальным в современных условиях стало бы дополнение этого принципа ответственностью детей за содержание престарелых родителей. Подобная корректировка данного принципа содействовала бы повышению роли родителей и, в социальном аспекте, укреплению семейных ценностей.

Непосредственно связан с семейными отношениями и принцип приоритета семейного воспитания детей. Именно семейное воспитание дает возможность осуществить индивидуальный подход к каждому ребенку с учетом его личностных, психических, физических, национальных и иных особенностей [3]. Закон Республики Беларусь определяет следующие формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей: усыновление (удочерение), опека и попечительство, приемная семья и семья патронатного воспитателя. Приоритетной формой устройства таких детей бесспорно является усыновление, так как оно наиболее приближено в правовом и социальном смысле к родной семье. Однако достаточно сложная процедура зачастую создает ряд трудностей для кандидатов в усыновители. Прежде всего, это касается сбора большого количества документов, перечень которых должен быть представлен суду при подаче заявления на усыновление. Статья 393-3 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь в качестве обязательных называет копию свидетельства о браке усыновителя (усыновителей) – при усыновлении ребенка лицом (лицами), состоящим (состоящими) в браке; документ, подтверждающий согласие одного из супругов на усыновление, – при усыновлении ребенка другим супругом; медицинское заключение о состоянии здоровья усыновителя (усыновителей) и т. д. В общей сложности это 11 документов [9].

С целью реализации принципов семейного права необходимо предусмотреть в белорусском брачно-семейном законодательстве:

во-первых, право религиозным организациям регистрации брака;

во-вторых, отказ от двух форм волеизъявления, рассматривая как единственное и основное то согласие, которое мужчина и женщина дают непосредственно при регистрации брака;

в-третьих, запрет нахождения в фактических брачных отношениях одним из супругов, одновременно находящимся в законном браке;

в-четвертых, определенный срок расторжения брака судом с момента подачи супругами заявления о расторжении брака при их обоюдном согласии и отсутствии несовершеннолетних детей;

в-пятых, отнесение к компетенции органов ЗАГС рассмотрение дел о расторжения брака с лицами, один из которых признан в установленном законом порядке безвестно отсутствующим, недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия либо осужден за совершение преступления к лишению свободы на срок не менее трех лет;

в-шестых, право супругу на расторжение брака при отсутствии согласия другого супруга во время беременности жены и до достижения ребенком возраста трех лет при условии, что он проживает с ребенком и осуществляет родительскую заботу о нем, за исключением случаев, когда отцовство по отношению к ребенку признано другим лицом или по решению суда сведения о муже как об отце ребенка исключены из записи акта о рождении ребенка.

Литература

1. Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь: указ Президента Республики Беларусь от 21 янв. 1998 г., № 46 // Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. – 1998. – № 3. – Ст.57.

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: с изм. и доп. по состоянию на 1 авг. 2009г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2009. – 143с.

3. Пчелинцева, Л.М. Семейное право России: Учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. / Л.М. Пчелинцева. – М.: Норма, 2004. – 688с.
4. О браке: закон Китайской Народной Республики от 10 сентября 1980г. // http://community.livejournal.com/ru_chinafamily/3854.html: дата доступа 31.03.2011г.
5. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики: принят 5-й сессией Всекитайского собрания народных представителей 6 –го созыва 14 марта 1997 года // http://ru.wikipedia.org/wiki/УК_КНР: дата доступа 31.03.2011 года
6. О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: постановл. Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 июня 2000 г., № 5// Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2000. – № 6, 6/720.
7. Семейный кодекс Российской Федерации: принят Государственной думой 8 дек. 1995г.: в ред. Федер. Закона Рос. Федерации от 30.06.2008г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». М., 2009
8. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье / С.М. Ананич [и др.]; под. ред. В.Г. Тихини, В.Г. Голованова, С.М. Ананич. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 680с.
9. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г.; одобр. Советом Республики 18 дек. 1998 г. – Мн. : Амалфея, 2009. – 356 с.

Жилищные права несовершеннолетних в Республике Беларусь

Е. М. КАРАВАЕВА

Жилищные права несовершеннолетних в Республике Беларусь закреплены с учетом норм международного права, где предусмотрено, что права ребёнка вытекают из общепризнанных прав человека. Признание, соблюдение и защита прав и свобод ребенка (в том числе жилищных) является обязанностью государства. Разнообразие нормативных правовых актов, закрепляющих жилищные права несовершеннолетних в Беларуси, позволяет сделать вывод о стремлении государства максимально предусмотреть гарантии защиты прав несовершеннолетних в сфере жилищных правоотношений и создать наиболее действенный механизм их реализации.

Ключевые слова: права ребенка, защита прав ребенка, право на жилье, жилищные права несовершеннолетних, гарантии прав несовершеннолетних в жилищной сфере.

The housing law of minors in the Republic of Belarus is consolidated with regard for the norms of international law where the fact, that child's rights result from the universally recognized human rights, is stipulated. Acceptance, observance and protection of child's rights and liberties (including the housing ones) are the duty of the state. The variety of standard acts consolidating the housing law of minors in the Republic of Belarus lets make a conclusion about some tendencies of the state to provide the guarantee of minors' right protection in the sphere of housing legal relationship and to create a more effective mechanism of their realization.

Ключевые слова: children's rights, protection of children's rights, housing law, housing law of minors, guarantee of minors' right protection in the sphere of housing.

В статье 1 Конституции Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями) продекларирован демократический, правовой и социальный характер нашего государства, что определило политику государства в отношении особо уязвимых слоев населения, к которым относятся и несовершеннолетние. Необходимость особой правовой защиты несовершеннолетних обусловлена в первую очередь их физической и умственной незрелостью, а следовательно и вытекающей из этого потребностью в охране и заботе.

Необходимо отметить, что в настоящее время все большее значение приобретает одно из существенных прав несовершеннолетних, а именно право на жилье. Обеспечение реализации прав несовершеннолетних на жилье и охрана их прав являются обязанностью государства. Включение в гражданский оборот несовершеннолетних предполагает не только признание за ними определенных гражданских прав, но и обеспечение их надежной правовой охраной.

Проблема жилищных прав несовершеннолетних занимает одно из центральных мест в современном мире. В ней в концентрированном виде отражается сущность политического строя общества, содержание, направленность и эффективность деятельности государственной власти и общественных правозащитных организаций. Последовательное осуществление прав и свобод ребёнка на практике – основной показатель демократичности, гуманности и цивилизованности любого общества.

Идея защиты жилищных прав ребенка сегодня очень актуальна, это связано с тем, что жилье является одним из главнейших материальных условий жизни человека наряду с пищей, одеждой, водой, воздухом. Потребность человека в жилье возникает с момента его рождения и сохраняется на всем протяжении его жизни, то есть носит постоянный характер, видоизменяясь с возрастом, появлением семьи [1, с. 1].

Конституция Республики Беларусь провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью [2, ст. 2]. Признание, соблюдение и защита прав и свобод ребенка и взрослого является обязанностью государства.

Все это относится и к праву несовершеннолетних иметь и пользоваться жилищем. Надлежащее жилье входит составной частью в понятие достойного жизненного уровня человека.

Основой белорусского законодательства в отношении детей является Закон «О правах ребёнка» № 2570-ХІІ, принятый 19 ноября 1993 г. Поскольку идея Закона явилась следствием ратификации Конвенции о правах ребенка 1989 года, естественным стало соотношение принципов построения нового юридического национального акта с его международным предшественником.

Оценивая возможности защиты жилищных прав ребёнка с позиции применения Закона «О правах ребёнка», следует отметить, что закон, как и Конвенция, не является актом прямого действия, а носит концептуальный характер. В законе формулируются основные идеи, которые далее развиваются в отраслевом законодательстве или подзаконных актах. В данном законе закрепляется право ребенка на жизнь, на жилище, право жить и воспитываться в семье и другие.

Впрочем, национальное законодательство по жилищным правам детей не ограничивается одним законом, оно даже не начинается именно с этого закона, ибо истоки защиты прав и законных интересов, в том числе и жилищных, каждого гражданина, а, следовательно, и детей лежат в Конституции. Поскольку конституционно закреплено равенство всех, независимо от возраста, гражданства, занимаемой должности и т. д., в Основном законе не требуется выделение прав несовершеннолетних в самостоятельную группу. Однако вместе с тем, несовершеннолетние являются участниками различных сфер жизнедеятельности общества, и, несмотря на умственную и физическую незрелость, возникает необходимость в создании специального регулирования правового положения несовершеннолетних в Республики Беларусь, в том числе в обеспечение их жилищных прав.

Ратификация Республикой Беларусь Конвенции о правах ребёнка придала вопросу новый импульс и потребовала создания более фундаментальной юридической базы для закрепления жилищных прав несовершеннолетних: Жилищного Кодекса Республики Беларусь, Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, которые, бесспорно, входят в число основных юридических актов законодательства закрепляющих жилищные права несовершеннолетних.

Важную роль в закреплении жилищных прав несовершеннолетних играют и иные нормативные правовые акты, такие как Указ Президента Республики Беларусь «О некоторых вопросах обеспечения прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Декрет Президента Республики Беларусь «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях», Закон Республики Беларусь «О гарантиях по социальной защите детей сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Гражданский кодекс Республики Беларусь и др.

Как было отмечено, право на жилище, закрепленное ст. 48 Конституции Республики Беларусь, дополняется рядом специальных норм, гарантирующих несовершеннолетним возможность обладать жилищными правами.

Так, статья 18 Закона Республики Беларусь «О правах ребенка» от 19 ноября 1993 года № 2570-ХІІ предусматривает, что каждый ребенок имеет право на жилище [3, ст.18].

Статьей 192 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье вышеуказанное положение дополняется характеристиками жилого помещения: каждый ребенок имеет право на жилище, соответствующее по размеру и качеству, принятым в республике нормам и стандартам [4, ст.192].

Условно жилищные права ребенка можно подразделить на две категории:

- жилищные права детей в составе семьи родителей;
- жилищные права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Реализация жилищных прав детей в составе семьи родителей неразрывно связана с реализацией жилищных прав родителей.

Жилищные права детей защищаются и в процессе пользования жилыми помещениями. В соответствии с положениями гражданского, жилищного и семейного законодательства дети имеют равное с другими членами семьи право пользования жилыми помещениями. Отношения по пользованию жилыми помещениями регулируются соответствующими статьями Жилищного кодекса Республики Беларусь.

В соответствии со ст. 30, 57, 117 ЖК, несовершеннолетние члены семьи нанимателя, собственника жилого помещения имеют равное с нанимателем, собственником и другими

членами их семей право пользования жилым помещением. Это же закрепляет ст. 192 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье.

Существенным является право родителей (родителя) вселить в занимаемое ими жилое помещение своих несовершеннолетних детей без согласия проживающих совместно с ними совершеннолетних членов семьи, а также без согласия собственника жилого помещения. Если для защиты интересов несовершеннолетнего ребенка установлена опека (попечительство), защита его жилищных прав осуществляется опекуном (попечителем), который, в частности, может в интересах ребенка требовать установления порядка пользования жилым помещением, заключения отдельного договора найма и др.

На совершение таких сделок в интересах несовершеннолетнего необходимо согласие органов опеки и попечительства (ст. 161 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, ч. 2 ст. 35 Гражданского кодекса), иначе они будут недействительны. В то же время, граждане, вселившиеся в жилое помещение нанимателя в качестве опекунов или попечителей, самостоятельного права на это жилое помещение не приобретают, за исключением случаев признания их членами семьи нанимателя.

Ребенок, как и любой человек, обладает всеми личными неимущественными правами, предусмотренными Конституцией Республики Беларусь, которые отличаются от прав взрослых граждан тем, что являются элементами не только абсолютных правоотношений, но и относительных, так как родители (или лица, их заменяющие) обязаны создать условия для их реализации и обеспечивать их защиту. К таким правам относится и право на жилище. Так, местом жительства несовершеннолетних в возрасте до 14 лет или граждан, находящихся под опекой, признается место жительства их родителей, усыновителей или опекунов [5, ст. 19].

Соответствующие положения содержатся и в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье. Так, согласно статье 74, местом жительства ребенка считается место жительства его родителей. Место жительства ребенка в случае отдельного проживания родителей вследствие расторжения брака или по другим причинам определяется по обоюдному согласию родителей. При отсутствии согласия между родителями спор о том, с кем будет проживать ребенок, разрешается судом исходя из интересов ребенка и с учетом его желания. Суд учитывает, кто из родителей проявляет большую заботу и внимание к ребенку, возраст ребенка и привязанность к каждому из родителей, личные качества родителей, возможность создания надлежащих материально-бытовых условий и нравственно-психологической атмосферы, обеспечения надлежащего уровня воспитания [4].

В Законе Республики Беларусь «О правах ребенка» наряду с закреплением права каждого ребенка жить в семье, знать своих родителей, а также права на их заботу, совместное с ними проживание (за исключением случаев, когда разлучение с одним или обоими родителями необходимо в интересах ребенка) определена и норма, дающая ребенку право выбора одного из родителей для совместного проживания по достижении им десяти лет [3, ст. 15].

Несовершеннолетние дети имеют определенные права при пользовании жилым помещением государственного и частного жилищного фонда на основании договора найма жилого помещения. Обычно договор найма заключается с одним из членов семьи — нанимателем.

Статья 30 Жилищного кодекса Республики Беларусь содержит положение о том, что члены семьи нанимателя, совместно проживающие с ним, пользуются наравне с нанимателем всеми правами. Поэтому и несовершеннолетний как член семьи нанимателя обладает правами пользования всеми жилыми и подсобными помещениями. Обязанностей по оплате за пользование жилым помещением и по оплате коммунальных услуг несовершеннолетний не несет, так как в соответствии с семейным законодательством эти обязанности лежат на родителях, усыновителях или попечителях.

Такая же ситуация складывается и в правоотношениях собственника жилого помещения и членов его семьи, в том числе несовершеннолетних.

Жилищные права несовершеннолетних могут быть реализованы также в форме собственности на жилое помещение или его часть (долю) в общей долевой собственности.

Право собственности на жилое помещение возникает как в результате гражданско-правовых сделок, так и вследствие приватизации жилого помещения.

Порядок, условия и особенности возникновения права собственности у несовершеннолетних в случае приватизации жилого помещения регулируются Законом Республики Беларусь от 16 апреля 1992 года "О приватизации жилищного фонда в Республике Беларусь" и другими нормативными правовыми актами, принятыми в целях реализации Закона.

Несовершеннолетние члены семьи нанимателя, проживающие совместно с ним, имеют равное с нанимателем право пользования жилым помещением. При приватизации жилого помещения их жилищная квота суммируется с квотой родителей, а при их отсутствии – с квотой одного из совершеннолетних членов семьи. Поэтому несовершеннолетние члены семьи, жилищная квота которых зачтена при приватизации, также являются участниками приватизации и имеют долю в праве собственности на жилое помещение [5].

Следует иметь в виду, что отчуждение собственником жилого помещения, приватизированного с зачетом жилищной квоты его детей, проживающих в этом жилом помещении, без согласия органа опеки и попечительства не соответствует требованиям ст. 123 ЖК, ст. 275 ГК и влечет недействительность сделки [6, п. 7].

Несовершеннолетние граждане, объявленные полностью эмансипированными, в установленном порядке могут приватизировать занимаемые ими жилые помещения с момента принятия соответствующего решения органом опеки и попечительства.

Важной гарантией защиты прав несовершеннолетних на жилое помещение является необходимость получения согласия органов опеки и попечительства на совершение сделок по отчуждению, залогу и обмену жилых помещений, в которых проживают дети.

Согласие на совершение таких сделок выдается органами опеки и попечительства с учетом требований, предусмотренных постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 22 декабря 2005 года № 121 "О некоторых вопросах совершения сделок отчуждения, залога и обмена жилых помещений, в которых проживают несовершеннолетние дети, а также иных имущественных сделок, затрагивающих интересы несовершеннолетних, для совершения которых требуется согласие (предварительное разрешение) органов опеки и попечительства". При этом органы опеки и попечительства должны выяснить условия проживания несовершеннолетних членов семьи собственника жилого помещения после перехода права собственности жилого помещения к новому собственнику. В случае ухудшения жилищных условий несовершеннолетнего согласие на отчуждение жилого помещения органом опеки и попечительства не выдается.

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, обладающие ограниченной дееспособностью и являющиеся членами семьи собственника, нанимателя жилого помещения либо участниками долевой собственности на жилое помещение, вправе дать согласие на совершение сделки либо отказаться от ее совершения.

Особое внимание государство уделяет обеспечению жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Статьей 12 Закона Республики Беларусь от 21 декабря 2005 года «О гарантиях по социальной защите детей сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, а также лицам из числа детей-сирот и детей, оставшимся без попечения родителей, гарантируется сохранение права собственности на жилое помещение (часть жилого помещения в виде отдельной комнаты) или права пользования жилым помещением государственного жилищного фонда, из которого они выбыли, собственниками или нанимателями которого являются их родители [7]. Декретом Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» предусмотрен запрет лицам, обязанным возмещения расходы по содержанию детей в случае помещения детей на государственное обеспечение, с целью защиты их жилищных прав отчуждать принадлежащее им недвижимое имущество, жилые помещения, из которых выселены обязанные лица. В этом случае жилые помещения закрепляются за их детьми в порядке, установленном Советом Министров Республики Беларусь [8, ст. 15]. Законодательно установлен порядок закрепления жилого помещения (части жилого помещения в виде отдельной комнаты) за детьми-сиротами и детьми, оставшимися

без попечения родителей. Закреплению подлежат жилые помещения, в которых дети проживали до их помещения на государственное обеспечение в качестве членов семьи нанимателя, собственника жилого помещения.

В течение двух месяцев после приобретения детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, дееспособности в полном объеме либо по их желанию в течение двух месяцев по прекращении обучения в учреждениях, обеспечивающих получение профессионально-технического, среднего специального, высшего образования, по окончании срочной военной службы местный исполнительный и распорядительный орган (государственная организация) обязан предоставить им ранее занимаемое жилое помещение, соответствующее установленным для проживания санитарным и техническим требованиям.

Если указанные лица не могут быть вселены в жилое помещение, из которого были, и невозможность вселения в такое жилое помещение установлена местным исполнительным и распорядительным органом по месту нахождения данного жилого помещения или при вселении в это жилое помещение они стали бы нуждающимися в улучшении жилищных условий, по желанию этих лиц им предоставляется жилое помещение социального пользования государственного жилищного фонда в сроки и порядке, установленные законодательными актами.

Законодательно предусмотрена обязанность местных исполнительных и распорядительных органов обеспечивать жилыми помещениями в общежитиях или специальными жилыми помещениями, предназначенными для временного проживания лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей до предоставления жилого помещения в соответствии с частью второй пункта 2 Указа Президента «О некоторых вопросах обеспечения прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 9 августа 2007 г. № 378.

Приватизация жилых помещений, в которых проживают без совершеннолетних членов семьи дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, в возрасте до четырнадцати лет, производится на имя детей по заявлению опекуна с предварительного согласия органов опеки и попечительства либо по инициативе указанных органов.

Жилые помещения, в которых проживают без совершеннолетних членов семьи дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, приватизируются на имя детей по их заявлению с согласия попечителя и органов опеки и попечительства.

В декабре 2010 г. в Республике Беларусь законом «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь по вопросам жилищных отношений», в статью 12 Закона о гарантиях по социальной защите детей-сирот внесены изменения, которыми законодательно гарантировано право детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на получение жилого помещения социального пользования независимо от того, из жилого помещения какого фонда они были: государственного или частного. Тем самым Законом исключаются положения, не допускающие возможности получения жилых помещений социального пользования указанными категориями лиц, если ранее они пользовались жилым помещением частного жилищного фонда, обеспечивается единообразие правового регулирования отношений, касающихся улучшения жилищных условий этих категорий лиц.

В соответствии с указом Президента от 29 ноября 2005 г. № 565 «О некоторых мерах по регулированию жилищных отношений», дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а также лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеют право состоять на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий с даты первоначального приобретения статуса детей-сирот или статуса детей, оставшихся без попечения родителей, а в случае смерти родителей, состоявших на таком учете, – с даты их постановки на учет в составе семьи родителей, в случае, если они:

- не имеют в собственности или в пользовании жилых помещений;
- проживают в жилом помещении и являются нуждающимися в улучшении жилищных условий по основаниям, предусмотренным в подпунктах 3.1.2–3.1.10 пункта 3 Положения «О порядке учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, предостав-

ления жилых помещений государственного жилищного фонда», утвержденного указом Президента № 565;

- при вселении в жилое помещение, из которого выбыли, стали бы нуждающимися в улучшении жилищных условий по основаниям, предусмотренным в подпунктах 3.1.2–3.1.10 пункта 3 Положения;

- не могут быть вселены в жилое помещение, из которого выбыли, и невозможность вселения в такое жилое помещение установлена местным исполнительным и распорядительным органом по месту нахождения данного жилого помещения.

Невозможность вселения в жилое помещение устанавливается по решению местного исполнительного и распорядительного органа в случаях утраты жилого помещения (гибели, уничтожения), систематического (три и более раз в течение года) нарушения гражданами, проживающими в данном жилом помещении, правил пользования жилым помещением, наличия неблагоприятных или опасных условий проживания с родителями, лишенными родительских прав, и другими гражданами, проживающими в данном жилом помещении, а также в иных случаях. Порядок принятия решений о невозможности вселения в жилое помещение определяется облисполкомами, Минским горисполкомом.

Лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, сохраняют право состоять на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий по месту предоставления им первого рабочего места с даты первоначальной постановки на такой учет по месту первоначального приобретения статуса детей-сирот или статуса детей, оставшихся без попечения родителей.

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, в отношении которых принято решение об эмансипации или которые вступили в брак, лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, состоящие на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, имеют право на получение жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда.

Детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в отношении которых принято решение об эмансипации или которые вступили в брак, и лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилые помещения социального пользования государственного жилищного фонда предоставляются в течение 6 месяцев после достижения ими совершеннолетия либо по их желанию в течение 6 месяцев после прекращения обучения в учреждениях, обеспечивающих получение профессионально-технического, среднего специального или высшего образования, по окончании срочной военной службы [9].

Гарантией защиты прав на жилое помещение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является обязанность органов опеки и попечительства закреплять за ними жилые помещения государственного и частного жилищного фондов, собственниками или нанимателями которых являются их родители.

Важными являются вопросы защиты прав несовершеннолетних при регулировании отношений, возникающих при выселении граждан из жилых помещений.

Вопросы выселения граждан из занимаемых жилых помещений урегулированы в ЖК, а также в Положении о порядке учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, предоставления жилых помещений государственного жилищного фонда, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 29.11.2005 № 565 (выселение из жилых помещений социального пользования, служебных жилых помещений).

Из п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2007 г. № 8 «О практике применения судами жилищного законодательства по делам о расторжении договора найма жилого помещения и выселении» следует, что при рассмотрении исков о расторжении договора найма жилого помещения и выселении ответчиков с несовершеннолетними детьми судам следует привлекать к участию в деле органы опеки и попечительства и, в случае необходимости, получать заключение этих органов об условиях проживания ребенка по новому месту жительства.

Таким образом, исходя из разнообразия нормативных правовых актов, закрепляющих права несовершеннолетних, можно сделать вывод, что наше государство стремиться закре-

пить гарантии защиты прав несовершеннолетних, в том числе и в сфере жилищных правоотношений и создать наиболее действенный механизм реализации их прав. Анализ законодательства, регулирующего особенности защиты жилищных прав несовершеннолетних, показывает, что в настоящее время создана достаточно эффективная система правовых норм, обеспечивающая реализацию гарантированного детям права на жилище.

Литература

1. Седугин, П. И. Жилищное право: учебник для вузов / П. И. Седугин. – М.: ИНФРА М – НОРМА, 1997. – 320 с.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп.): принята на респ. реф. 24 ноября 1996 г.: офиц. текст. – Мн.: Пламя, 2002. – 93 с.
3. О правах ребенка: закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г., № 2570-12 // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь – 1993. – № 33, ст.430.
4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.; одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. – Мн.: Амалфея, 2001. – 112 с.
5. О приватизации жилищного фонда в Республике Беларусь: закон Республики Беларусь от 16 апреля 1992 г., № 1593-12 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2001. – № 2/331.
6. О применении судами Закона Республики Беларусь "О приватизации жилищного фонда в Республике Беларусь": Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 1998 г. № 9 // Судовы веснік. – 1999. – № 1.
7. О гарантиях по социальной защите детей сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: закон Республики Беларусь от 21 декабря 2005 г., № 73-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 2, 2/1170.
8. О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях: декрет Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – №- № 198, 1/8110.
9. О некоторых мерах по регулированию жилищных отношений: указ Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2005 г., № 565 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2005. – № 70. – С. 54-69.

Занятость и трудоустройство обязанных лиц

Е. А. КОВАЛЁВА

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования занятости и трудоустройства лиц, обязанных содержать своих несовершеннолетних детей, находящихся на государственном обеспечении. Затрагиваются проблемы увольнения, трудоустройства и соблюдения ими трудовой дисциплины по новому месту работы.

Ключевые слова: обязанные лица, занятость, трудоустройство, увольнение, трудовая дисциплина.

The article deals with law regulation of employment and job placement of people legally binding to support their minors being under the state securing. The problems of dismissal, employment and their observance of labor discipline in a new place of employment are mentioned in the article.

Keywords: legally binding people, employment, job placement, dismissal, labour discipline.

В Республике Беларусь принимаются необходимые меры, направленные на оптимизацию отношений в области занятости. На государственном уровне действует нормативная правовая база, способствующая обеспечению эффективной занятости и повышению экономической активности населения. Так, в ст. 10 Закона Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. «О занятости населения Республики Беларусь» определено, что государственная политика в области содействия занятости населения направлена на содействие полной, продуктивной и свободно избранной занятости всеми соответствующими мерами (служба занятости, профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации) [1].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 04 марта 2011 г. № 270 утверждена Государственная программа содействия занятости населения Республики Беларусь на 2011 год (Государственная программа).

Целью Государственной программы является повышение эффективности использования трудовых ресурсов и конкурентоспособности рабочей силы на рынке труда в условиях модернизации экономики республики.

В рамках реализации Государственной программы предполагается решение следующих задач:

- содействие нанимателям в структурной перестройке экономики и повышение эффективности занятости населения на основе модернизации рабочих мест;

- вовлечение в экономическую деятельность незанятых граждан;

- интеграция в трудовую сферу целевых групп населения, нуждающихся в социальной поддержке;

- содействие безработным в организации предпринимательской, ремесленной деятельности, а также деятельности по оказанию услуг в сфере агротуризма;

- повышение конкурентоспособности рабочей силы, снижение дисбаланса между спросом и предложением;

- обеспечение занятости населения в малых городах и районах с устойчиво высоким уровнем безработицы, в сельской местности;

- совершенствование системы социальной защиты от безработицы;

- обеспечение уровня регистрируемой безработицы в 2011 году в пределах 1,2 – 1,5 процента от численности экономически активного населения [2].

Особое внимание в Государственной программе уделяется содействию в трудоустройстве целевых групп населения. В частности, установление нанимателям брони для приема на работу, задания по созданию рабочих мест для родителей, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении.

В соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях»

(Декрет № 18) и Положением о трудоустройстве родителей, обязанных возмещать указанные расходы, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 января 2007 г. № 105 (Положение) органами государственной службы занятости проводится работа по трудоустройству родителей, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении [3, 4].

Под помещением детей на государственное обеспечение понимается помещение их в: детские интернатные учреждения (дома ребенка, детские дома, школы-интернаты, специальные учебно-воспитательные учреждения, специальные лечебно-воспитательные и иные учреждения, обеспечивающие содержание и воспитание детей);

государственные специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи и реабилитации;

государственные учреждения, обеспечивающие получение профессионально-технического, среднего специального, высшего образования;

детские дома семейного типа, детские деревни (городки), опекунские семьи, приемные семьи.

Родители обязаны возмещать расходы по содержанию детей в случае:

отобрания у них детей по решению комиссии по делам несовершеннолетних;

отобрания у них детей на основании решения суда без лишения родительских прав;

лишения их родительских прав;

нахождения их в розыске, лечебно-трудовых профилакториях или в местах содержания под стражей;

отбывания наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, ограничения свободы, ареста.

Расходы по содержанию детей не возмещаются родителями, признанными недееспособными, а также родителями, которые не могут выполнять родительские обязанности по состоянию здоровья согласно перечню заболеваний, утверждаемому Министерством здравоохранения Республики Беларусь.

В соответствии с п. 3 Положения вопросы трудоустройства этих лиц решаются судом в: определении о судебном приказе о взыскании расходов по содержанию детей;

решении о лишении родительских прав;

решении об отобрании детей без лишения родительских прав;

определении суда об обеспечении исполнения исполнительного документа.

Трудоустройству подлежат неработающие, а также работающие лица, на новом месте работы которых уровень заработной платы и приравненных к ней доходов не позволяют им в течение шести месяцев в полном объеме выполнять обязательства по возмещению расходов по содержанию детей.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 января 2009 г. № 94 «О расходах государства на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, подлежащих возмещению в доход бюджета» установлены состав и размеры расходов государства на содержание детей. Указанные расходы дифференцируются в зависимости от типа государственного учреждения, где находится ребенок, его возраста, обучения и других факторов [5].

Взыскателями расходов по содержанию детей являются:

управления (отделы) образования – в случаях, когда дети находятся на государственном обеспечении в детских домах семейного типа, опекунских семьях, приемных семьях;

детские интернатные учреждения, детские деревни (городки), государственные специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи и реабилитации, государственные учреждения, обеспечивающие получение профессионально-технического, среднего специального, высшего образования, – в случаях, когда дети находятся на государственном обеспечении в этих учреждениях.

В интересах взыскателей расходов по содержанию детей с требованием о взыскании таких расходов вправе обратиться прокурор, в том числе по просьбе взыскателей.

Взыскание расходов по содержанию детей обращается на заработную плату и приравненные к ней доходы в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь, а также на имущество обязанного лица.

Заработная плата обязанных лиц, находящихся в местах лишения свободы или в лечебно-трудовых профилакториях, направляется на погашение расходов по содержанию детей и исполнение иных обязательств обязанного лица в размерах, необходимых для ежемесячного погашения указанных обязательств.

Судебное постановление о трудоустройстве вышеназванных лиц с указанием размера ежемесячных расходов по содержанию детей в течение трех рабочих дней после его вынесения направляется в органы внутренних дел и органы государственной службы занятости по месту постоянного жительства обязанного лица. Если место постоянного жительства этого лица неизвестно – по месту нахождения суда для подбора организации в целях его трудоустройства и подлежит немедленному исполнению, что предусмотрено в п. 4 Положения.

В соответствии с п. 13 Декрета № 18 судебное постановление о трудоустройстве обязанного лица является основанием для увольнения его с работы. На основании вышеназванного Трудовой кодекс Республики Беларусь (ТК) был дополнен специальным основанием для прекращения трудового договора (п. 5 ст. 44): вступление в законную силу судебного постановления о трудоустройстве работника, обязанного возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении [6].

При получении судебного постановления о трудоустройстве обязанного лица органы государственной службы занятости в течение трех рабочих дней определяют одну или несколько организаций для его трудоустройства.

При этом подбор организации (организаций) осуществляется таким образом, чтобы заработная плата обязанного лица позволяла обеспечить полное исполнение ежемесячных обязательств по возмещению расходов по содержанию детей и за ним сохранялось не менее 30% заработной платы.

В эти же сроки органы государственной службы занятости выдают обязанным лицам направление на работу по форме, утвержденной Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь в соответствии с п. 14 Декрета № 18.

Трудоустройство обязанных лиц осуществляется в организациях независимо от форм собственности, перечень которых определяется облисполкомами, а также Минским горисполкомом совместно с Минским облисполкомом, на которые возложена ответственность за обеспечение занятости обязанных лиц и оплаты их труда в размере, позволяющем полностью возмещать расходы по содержанию детей.

Организации, которые определены облисполкомами и Минским горисполкомом, для трудоустройства обязанных лиц ежемесячно до 1-го числа следующего месяца представляют в органы государственной службы занятости сведения об имеющихся свободных рабочих местах (вакансиях) с указанием размера заработной платы для трудоустройства обязанных лиц.

В случае необходимости трудоустройства обязанного лица, прекратившего нахождение в лечебно-трудовом профилактории или освободившегося из мест лишения свободы, администрация лечебно-трудового профилактория или учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел за три месяца до истечения срока его пребывания (освобождения) информирует об этом суд по месту постоянного проживания обязанного лица, орган внутренних дел и орган по труду, занятости и социальной защите, а также направляет в суд исполнительный документ в день освобождения данного лица.

Трудоустройство этих лиц производится на основании определения суда, выносимого в целях обеспечения совершения исполнительных действий, органами государственной службы занятости в порядке, установленном Положением.

Прием на работу обязанного лица, подлежащего трудоустройству по судебному постановлению, осуществляется на основании направления на работу, выданного органом государственной службы занятости. Не допускается отказ нанимателей в приеме на работу обязанных лиц, направляемых органами государственной службы занятости в соответствии с п. 14 Декрета № 18 и п. 9 Положения.

Обязанное лицо должно явиться в организацию и приступить к работе не позднее дня, следующего за днем получения направления на работу органа государственной службы занятости.

Организации, в которых работают обязанные лица, должны информировать суд, исполняющий судебное постановление или исполнительную надпись нотариуса, органы внутренних дел о систематической неявке на работу этих лиц, если исчерпаны все меры по обеспечению их явки на работу и выполнению трудовых обязанностей.

В случае неявки обязанного лица в органы государственной службы занятости, а также в случае неявки его в течение суток в организацию для трудоустройства по направлению органов государственной службы занятости органы службы занятости на следующий день извещают об этом органы внутренних дел по месту жительства обязанного лица.

Органы внутренних дел по месту жительства обязанного лица принимают следующие меры, обеспечивающие явку обязанных лиц:

выносят в отношении обязанных лиц письменные официальные предупреждения о том, что они в течение суток обязаны явиться в органы государственной службы занятости либо в организацию для трудоустройства;

копии таких предупреждений направляются в органы государственной службы занятости;

при получении по истечении суток сообщения из органов государственной службы занятости о неявке обязанных лиц для трудоустройства органы внутренних дел обеспечивают его явку путем привода в органы государственной службы занятости либо в организацию для трудоустройства, что предусмотрено в п. 11 Положения.

Контроль за ежедневной явкой обязанных лиц на работу осуществляют наниматели совместно с органами внутренних дел и органами государственной службы занятости. Наниматели обеспечивают ежедневный учет явки обязанных лиц на работу.

В день неявки обязанного лица на работу:

наниматель сообщает об этом в органы государственной службы занятости и органы внутренних дел, а также устанавливает причины его неявки и принимает меры по обеспечению явки на работу обязанного лица;

органы государственной службы занятости оказывают содействие нанимателю в установлении причин неявки на работу обязанного лица;

при отсутствии уважительной причины неявки на работу наниматель и органы государственной службы занятости обращаются в органы внутренних дел о содействии в доставке обязанного лица на работу;

органы внутренних дел выносят в отношении таких обязанных лиц письменные официальные предупреждения о том, что они в течение суток должны явиться на работу, а также о том, что в случае невыполнения этой обязанности их явка на работу будет обеспечена органами внутренних дел;

копии таких предупреждений направляются нанимателю и в органы государственной службы занятости.

При получении по истечении суток сообщения из организации и (или) органов государственной службы занятости о неявке обязанных лиц на работу органы внутренних дел обеспечивают их явку в соответствии с п. 11 Положения. В случае, если обязанное лицо скрывается, принимают меры по установлению места его нахождения.

На лиц, трудоустроенных по постановлению суда, распространяется законодательство о социальном страховании, пенсионное законодательство, законодательство о труде, за исключением права на предоставление работы в соответствии с образованием и профессиональной подготовкой, а также на установленную законодательством продолжительность трудового отпуска.

Указанные лица имеют право на трудовой отпуск продолжительностью семь календарных дней.

За ненадлежащее выполнение трудовых обязанностей, нарушение трудовой дисциплины обязанные лица могут быть переведены нанимателем с согласия органа государственной службы занятости на другую работу в соответствии с п. 14 Декрета и ч. 3 ст. 30 ТК.

Работа обязанных лиц, осуществляемая на основании судебного постановления, прекращается после полного возмещения расходов по содержанию детей либо после самостоятельного трудоустройства этих лиц на работу с заработной платой, превышающей заработ-

ную плату по предоставленному месту работы, а также после освобождения их от уплаты расходов по содержанию детей по решению суда.

Обязанные лица могут быть привлечены к ответственности в соответствии со ст. 174 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) по следующим основаниям:

уклонение от явки на работу, составляющее десять и более рабочих дней в течение трех месяцев;

сокращение, занижение обязанным лицом размера заработной платы и приравненных к ней доходов;

совершение иного виновного действия (бездействия), повлекшего за собой неисполнение или неполное исполнение ежемесячных обязательств по возмещению расходов на содержание детей [7].

Обязанные лица, осужденные за преступления, предусмотренные ст. 174 УК, и за иные преступления, совершенные в период работы в организациях на основании постановления суда, не подлежат условно-досрочному освобождению от наказания в соответствии с п. 15 Декрета.

Руководители и другие работники учреждений образования, здравоохранения, органов внутренних дел, иных государственных органов и организаций несут дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством о труде вплоть до освобождения от занимаемой должности за несообщение о ставших известными им фактах о ненадлежащем выполнении родителями обязанностей по воспитанию и содержанию детей, что предусмотрено п. 21 Декрета № 18.

Литература

1. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 94, 2/1222... 2010. – № 261, 2/1728.
2. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2011. – № 34, 5/33440.
3. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 198, 1/8110... 2010. – № 198, 1/8110.
4. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2007. – № 29, 1/8110... 2010. – № 149, 5/32056.
5. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2009. – № 31, 5/29201... 2011. – № 3, 5/33083.
6. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 80, 2/70... 2010. – № 15, 2/1666.
7. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 76, 2/50... 2011. – № 4, 2/1775.

УДК: 341.21:341.218

Конституционные основы национальной безопасности Республики Беларусь в контексте международной безопасности

Н. В. КОПЫТКОВА

В статье проводится сравнительный анализ национального законодательства и международных договоров Республики Беларусь в сфере обеспечения безопасности, раскрывается понятие коллективной безопасности и делаются выводы о соответствии международно-правовых обязательств Республики Беларусь Конституции и о необходимости заключения юридически обязывающего межгосударственного договора о мерах доверия

Ключевые слова: международная безопасность, национальная безопасность, национальные интересы, суверенитет, система обеспечения национальной безопасности, глобализация, коллективная безопасность, внешняя политика, политика неприсоединения.

The article presents a comparative analysis of national legislation and international treaties of the Republic of Belarus in the terms of security; defines the notion of collective security; makes conclusions about compliance of international obligations of the Republic of Belarus to the Constitution and about the need for a legally binding international agreement on confidence-binding measures.

Keywords: international security, national security, national interests, sovereignty, national security system, globalization, collective security, foreign policy, non-alignment policy.

Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 9 ноября 2010 г. была утверждена Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, в которой отмечается, что переход от однополярного к многополярному мироустройству, активное формирование и становление новых центров силы обостряют соперничество государств и конкуренцию моделей будущего развития. Стремление ряда стран использовать силовые методы, давление, экономические и ресурсные преимущества для продвижения своих интересов, двойные стандарты в трактовке демократических норм и принципов остается источником напряженности. Вследствие низкой эффективности существующих систем безопасности обозначилась тенденция к глобальной нестабильности (гл. 1, п. 5) [1].

Республика Беларусь является состоявшимся, независимым, суверенным европейским государством, которое не относится ни к одному из мировых центров силы, проводит миролюбивую внешнюю политику и стремится к созданию условий для приобретения нейтрального статуса. Беларусь в силу своего географического положения и открытости в полной мере подвержена воздействию большинства происходящих в мире геополитических процессов.

Согласно Концепции, основными национальными интересами в политической сфере являются: формирование многополярного мира и системы международных отношений, основанной на верховенстве норм международного права и многостороннем сотрудничестве, обеспечивающих участие Беларуси в решении вопросов, затрагивающих ее интересы.

Правовую основу системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь составляют Конституция, законы, нормативные правовые акты Президента Республики Беларусь, иные акты законодательства, в том числе международные договоры, которые Республика Беларусь признала для себя обязательными.

В современный период заключаемые межгосударственные договоры испытывают влияние многих факторов, воздействующих на характер и механизм действия норм международного права. Происходит углубление взаимозависимости государств, процессы глобализации способствуют становлению права международного сообщества, т. е. права, которое призвано обеспечить интересы всего международного сообщества в целом. Международное право не должно ограничиваться политикой, оно должно уделять внимание решению глобальных проблем в экономической, социальной области, а также в сфере безопасности.

Задача современного международного права заключается в сочетании интересов международного сообщества и интересов каждого государства в отдельности, и наиболее показательным здесь является совершенствование и развитие права международной безопасности. В его основе лежит концепция всеобъемлющей коллективной безопасности.

Термин «коллективная безопасность» вошел в практику международных отношений с 1922 в рамках Лиги Наций. После второй мировой войны принцип коллективной безопасности нашел свое юридическое закрепление и признание в Уставе ООН и других международных документах.

Дипломатический словарь дает следующее определение: коллективная безопасность – это система совместных действий государств в целях поддержания международного мира и безопасности, установленная Уставом ООН и осуществляемая в рамках этой всемирной организации, региональных организаций безопасности, организаций и соглашений по коллективной самообороне [2, с. 77].

Коллективная безопасность является отражением понятия неделимости мира в том смысле, что в современных международных отношениях безопасность любого государства тесно связана с безопасностью всех государств, любое нарушение мира чревато опасностью для всеобщего мира. Понятие «коллективная безопасность» включает в себя следующие элементы: 1) систему общепризнанных принципов и норм международного права, важнейшими из которых являются: запрещение применения силы и угрозы силой; разрешение международных споров исключительно мирными средствами; уважение суверенитета; равноправие государств; невмешательства во внутренние дела и др.; 2) систему коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии; 3) систему коллективных мер по разоружению.

Коллективная безопасность требует от государств реагировать на любые нарушения мира и безопасности в любом районе земного шара; сотрудничать друг с другом в обеспечении и укреплении международного мира и безопасности; оказывать помощь, в том числе и вооруженными силами, жертве агрессии и воздерживаться от оказания помощи государству-агрессору.

Международная безопасность подразумевает такое состояние системы взаимодействия государств, при котором гарантируется внешняя составляющая национальной безопасности каждой страны, а также практически исключается угроза войн и военных конфликтов при разрешении международных и региональных противоречий.

Одним из основных инструментов обеспечения национальной безопасности является внешняя политика, деятельность государств на мировой арене, направленная на взаимодействие с другими субъектами международных отношений – иностранными государствами и их союзами.

Сегодня весьма актуально стоит вопрос о необходимости обеспечить безопасность Союзного государства Беларуси и России. Данная цель достигается путем заключения договоров и создания соответствующих международных структур. Однако некоторые действия нашего государства, направленные на международную интеграцию в сфере обеспечения безопасности, не находят всеобщего понимания и поддержки. Определенный резонанс в белорусском обществе вызвало вступление Республики Беларусь в Организацию Договора Коллективной Безопасности (ОДКБ) и подписание ряда договоров, направленных на обеспечение безопасности. Появилось мнение о несоответствии Конституции некоторых договоров, заключенных Республикой Беларусь в 2009 г. В частности, Организация «Молодой фронт» направила обращение в Верховный суд и Высший хозяйственный Суд о передаче в Конституционный суд ходатайства о признании соглашения о создании единой системы ПВО Беларуси и России, а также договора о вооруженных силах ОДКБ антиконституционными и угрожающими суверенитету. Подобные заявления звучат и в отношении договора о Коллективных силах оперативного реагирования (КСОР), заключенного в рамках ОДКБ.

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться к действующему национальному законодательству Республики Беларусь и международным нормам в сфере обеспечения безопасности, а также проанализировать с точки зрения международного права некоторые политические события, происходящие в мире.

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, под национальной безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз (р.1 п. 1.). Среди основных факторов, создающих угрозу безопасности Республики Беларусь в политической сфере в концепции названы: посягательства на независимость, территориальную целостность, суверенитет и конституционный строй Республики Беларусь, навязывание Республике Беларусь политического курса, не отвечающего ее национальным интересам, вмешательство извне во внутривнутриполитические процессы [1]. Существует ли сегодня такая угроза?

Тенденция к произвольному применению силы в международной политике нарастает. Война становится не чрезвычайным событием, а «обычным» инструментом регулирования международной политики не только для великих держав, но и для малых и средних стран. США заняли в мире положение первой державы, поэтому, пользуясь правом более сильного, полагают естественным регулировать свою экспансию по своему усмотрению: нападение стран НАТО на Югославию в конце 1990-х годов, нападение Соединенных Штатов и Британии на Ирак в марте 2003 года; угроза (вопреки мнениям стран ЕС и Японии) применить силу против Северной Кореи и Ирана; поддержка авантюры Грузии в Южной Осетии в августе 2008 года; продвижение во власть проамерикански настроенных политиков (Грузия, Украина); подготовка, финансовая и идеологическая поддержка «цветных» революций; вопиющие события февраля-марта 2011 г. – бомбардировки суверенной Ливии французскими истребителями.

В силу независимой внешней и внутренней политики Республика Беларусь является объектом необоснованного политического и иного давления со стороны Европейского Союза, США и других государств – членов НАТО. В частности, Конгресс США считает уместным принятие резолюций, осуждающих политику Республики Беларусь с призывом бойкотировать наше государство, Госдепартамент США вводит санкции против белорусских хозяйствующих субъектов, трактуя это как «влияние на восстановление демократии и защиту прав человека в Беларуси», напугавшие санкции стран Европейского союза, введенные в январе 2011, которые заключаются в запрете въезда высокопоставленных представителей белорусских властей в страны сообщества. Кстати, неправомерность таких ограничений была подтверждена рядом зарубежных политических деятелей. Где гарантия, что следующим шагом со стороны США и их союзников не станут призывы к применению военных мер в отношении нашего государства? Эта угроза может стать вполне реальной в свете принятой в апреле 1999 г. новой стратегической концепции НАТО, в которой провозглашается «право» альянса на проведение военных операций за пределами территории стран-членов НАТО, а в случае необходимости – без мандата Совета Безопасности ООН. Эта агрессивная стратегия обосновывается тем, что будто бы «права человека» и «нормы демократии» являются более значимой категорией, чем государственный суверенитет. США хотят Беларуси бездействия, а бездействия позволять нельзя, глядя на то, что происходит в соседних странах. Как сказал Президент Республики Беларусь, «международное право уже не может защитить суверенитет и территориальную целостность государства, не обладающего достаточной силой для отражения возможной агрессии. А война, к сожалению, негласно признается некоторыми государствами приемлемым инструментом их внешней политики».

Как полноправный член ООН, Республика Беларусь в международных отношениях руководствуется принципами, провозглашенными Уставом ООН. Статьей 51 Устава закрепляется право государств на индивидуальную и коллективную самооборону, ст. 52 указывает на право государств заключать региональные соглашения и создавать региональные организации для разрешения вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, при условии, что такие соглашения и деятельность таких организаций совместимы с целями и принципами ООН [3]. Целями ОДКБ являются: укрепление мира, международной и региональной безопасности, защита на коллективной основе независимости (ст. 3) [4]. КСОР планируется использовать для отражения военной агрессии, проведения специальных операций по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, транснациональной организованной преступностью, наркотрафиком, а также для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Относительно «антиконституционности» подобных соглашений, следует обратиться к ст. 1 Конституции, где указано, что Республика Беларусь защищает свою независимость и территориальную целостность [5]. Устав ООН подчеркивает значение и незыблемость права на самооборону, называя его неотъемлемым в соответствии с нормами международного права. Статья 8 Конституции гласит, что Республика Беларусь в соответствии с нормами международного права может на добровольной основе входить в межгосударственные образования и выходить из них.

Все вышеуказанное свидетельствует о том, что вступление в ОДКБ и заключение договора о Коллективных силах оперативного реагирования, прежде всего, соответствует государственным интересам, согласуется с Концепцией национальной безопасности, не противоречит национальному законодательству Республики Беларусь и, в частности, Конституции.

Создание сплоченного и сильного союза государств, способного противостоять глобальным амбициям «сильных мира сего», является ответом на новые вызовы и угрозы нашим национальным интересам, безопасности и суверенитету.

Что касается ст. 18 Конституции, где закреплено стремление Республики Беларусь к нейтралитету, то следует вспомнить, что гарантируют нейтралитет, а значит, и обеспечивают его защиту, все те же государства-союзники на основе соответствующих договоров. А если не будет мира, то может оказаться так, что некому и незачем будет стремиться к нейтралитету.

Нейтралитет государства не означает его самоизоляцию. Свобода действий нейтрального государства весьма широкая, например, Финляндия (нейтралитет основан на заявлении самой страны и признании двух держав – СССР (теперь России) и США) участвует не только в политических, но и военных действиях ООН.

Решение об участии граждан Республики Беларусь в миротворческих операциях недавно принято и в нашей стране. Президент Беларуси 02.08.2010 г. подписал Указ о направлении белорусских военных для участия в деятельности по поддержанию международного мира и безопасности в Ливанской Республике [6]. Согласно документу, в Ливан отправятся девять военнослужащих Вооруженных сил Беларуси, которые войдут в состав Временных сил Организации Объединенных Наций. Белорусские военные примут участие в миссии ООН в качестве офицеров штаба миссии, врачей госпиталя, а также специалистов по военно-гражданскому взаимодействию. Они будут осуществлять информационное обеспечение деятельности миссии, оказывать медицинскую помощь миротворцам, осуществлять взаимодействие Временных сил с гражданским населением и общественными организациями.

Решение о направлении белорусских специалистов принято на основании обязательств Беларуси, вытекающих из присоединения республики в 2001 году к системе Резервных соглашений ООН, которые регулируют участие государств – членов Организации в миротворческой деятельности, а также в соответствии с законом от 29 ноября 2003 года № 254-З «О порядке направления военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, прокурорских работников, гражданского персонала за пределы Республики Беларусь для участия в деятельности по поддержанию международного мира и безопасности».

Исполнение данного указа подтверждает приверженность Беларуси делу укрепления международного мира под эгидой ООН и в соответствии с принципами международного права, а также позволяет усилить позиции страны на международной арене, создать новые механизмы для реализации ее внешнеполитических интересов.

Республика Беларусь не имеет намерения допустить на свою территорию иностранные войска, не участвует ни в каких военных планах на прилегающих к ней территориях, не заключает никаких соглашений, которые могли бы принудить к ее участию в военных действиях, начатых другой страной единолично. Беларусь проводит нейтральную политику в военной сфере, целью которой является обеспечение территориального единства государства в мирное время и в условиях войны, а именно: непредоставление своей территории другому государству для агрессии против какого-либо другого государства; сохранение существую-

щей в Республике Беларусь политической, экономической и юридической системы. Именно в этом и заключается наше стремление к нейтралитету.

Беларусь является полноправным членом Движения неприсоединения с 1998 г. Движение неприсоединения сформировалось в 1961 г. во времена «холодной войны» как организация стран, которые не присоединились ни к одному из военно-политических блоков. Это решение, как и всякий политический шаг, было продуманным и обоснованным. Участие в Движении неприсоединения играет немаловажную роль в нейтрализации попыток некоторых западных держав оказывать давление и влиять на те процессы, которые проходят в нашей стране. Сегодня, как подчеркнул Президент в своем выступлении в сентябре 2006 г. на Саммите стран – членов Движения неприсоединения, «однополярное мироустройство – это угроза стабильности на всей планете, и нужна ясная и четкая программа действий по постепенному формированию многополярного мира, созданию нового, более справедливого миропорядка, в котором Движение должно стать самостоятельным мировым центром политической силы, для чего необходимо объединить политические усилия всех стран Движения и сформировать общую позицию в рамках ООН и других международных организациях».

Основным полем деятельности этой международной структуры остаются проблемы, рассматриваемая в рамках ООН: разоружение, участие в миротворческих операциях, устойчивое развитие, охрана окружающей среды.

Основными критериями политики неприсоединения являются:

- 1) проведение независимой политики, основанной на сосуществовании государств различных политических и социальных систем и на неприсоединении, или же стремиться к проведению такой политики;
- 2) оказание поддержки национально-освободительным движениям;
- 3) отказ от вхождения в многосторонние военные союзы, заключенные в контексте конфликта между великими державами;
- 4) отказ от обязательств, угрожающих втягиванием страны в войну между великими державами, даже если она имеет с одной из них двусторонние военные соглашения или входит в региональный оборонительный пакт с ее участием;
- 5) запрет использования иностранных баз на своей территории в конфликтах между великими державами.

Эти обязательства не находятся в противоречии с внутренним законодательством и четко соблюдаются Республикой Беларусь.

Не только Беларусь, но и другие страны участвуют в тех или иных международных структурах. Государства объединяются по принципу интересов и задач, стоящих перед ними. Геополитические изменения, произошедшие в первом десятилетии XXI века, привели к тому, что перед Беларусью актуализировался ряд геополитических вызовов, ставящих под угрозу независимость нашего государства. Создание военных союзов и подписание договоров о совместных мерах военного характера – это вынужденная мера, вызов времени.

Мир должен строиться на основе равновесия и взаимного учета интересов. Сегодня назрела необходимость в заключении юридически обязывающего договора об основах отношений между европейскими странами, в котором содержались бы условия применения между ними мер доверия. Необходимо возвращение к приоритету ценностей мира и стабильности как противовеса приоритету демократизации мира любой ценой. Государства вправе оценивать и критиковать не только внешнюю, но и внутреннюю политику друг друга для предотвращения конфликтов и проблем международного масштаба, однако никто не вправе диктовать свои правила. Правила надо вырабатывать общими усилиями в ходе свободной дискуссии всех участников мировой политики. Тогда они будут действенны.

Литература

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб., 2010 г., № 575 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

2. Дипломатический словарь: в 3 т. / под ред. А. А. Громыко. – М., 1971 г., т. 2., 591 с.
3. Устав Организации Объединенных Наций // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/basicdoc/statut.htm>. – Дата доступа: 28.03.2011.
4. О ратификации Устава Организации Договора о коллективной безопасности: Закон Респ. Беларусь, 15 июля. 2003 г., № 81,2/971 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) – Минск: Амалфея, 2005. –48 с.
6. О направлении военнослужащих Вооруженных Сил Республики Беларусь для участия в деятельности по поддержанию международного мира и безопасности в Ливанской Республике Указ Президента Респ. Беларусь, 2 авг., 2010 г., № 400 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

УДК 342. 98 (075. 8)

Правовая основа права граждан на равный доступ к государственной службе

Л. А. КРАСНОБАЕВА

С государственно-правовой точки зрения, государственный служащий – это представитель государства, наделенный им полномочиями различного характера и значения. Служащий представляет государство в его многообразных взаимоотношениях как внутри государственной администрации, так и во внешних связях с другими общественными, государственными и негосударственными организациями. Государственный служащий – призван осуществлять государственные функции. С административно-правовой точки зрения, государственный служащий имеет особые властные, организационно-распорядительные полномочия. Он представитель власти, реализующий юрисдикционные (правоохранительные) меры и полномочия и применяющий административно-правовые санкции.

Ключевые слова: государственный служащий, государственная служба, государственные органы, закон, указ, должность, правовое регулирование, права, обязанности, ответственность.

From the state-legal point of view a government employee is a representative of the state endowed with the powers of different nature and value. The employee represents the state in its diverse relationships both inside the state administration and in foreign relations with other social, governmental and nongovernmental organizations. A government employee is obliged to perform governmental functions. From the administrative-legal point of view a government employee has special organizational and administrative powers. This person is a government representative implementing the jurisdictional measures and powers and applying administrative and legal sanctions.

Keywords: government employee, government place of employment, state structure, law, decree, post, legal regulation, rights, duties, responsibility.

Конституция Республики Беларусь устанавливает, что «граждане Республики Беларусь в соответствии со своими способностями, профессиональной подготовкой имеют право равного доступа к любым должностям в государственных органах» [1, Ст. 39]. Данное конституционное положение является примером приоритетности общепризнанных принципов международного права на территории государства, установленной статьей 8 Конституции Республики Беларусь, и соответствует статье 25 международного пакта о гражданских и политических правах, которая устанавливает, что «каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений право и возможность допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе.

Государственным служащим является гражданин Республики Беларусь, занимающий в установленном законодательством порядке государственную должность, наделенный соответствующими полномочиями и выполняющий служебные обязанности за денежное вознаграждение из средств республиканского или местных бюджетов либо других предусмотренных законодательством источников финансирования [2, Ст. 2].

Перечень категорий работников, не относящихся к государственным служащим, утвержден Постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 17 октября 2003 г. № 123 «Об установлении перечня должностей работников, осуществляющих техническое обслуживание и обеспечивающих деятельность государственных органов, не относящихся к государственным должностям. К ним, в частности, относятся: начальник (заведующий) общего отдела, начальник хозяйственного, административно-хозяйственного отдела, заведующий архивом, канцелярией, машбюро, библиотекой; старший инспектор (по неосновной деятельности), статистик, администратор ЗАГС и т. д.

Содержанием понятия равного доступа к государственной службе является право граждан на занятие любой государственной должности без всякой дискриминации. Закрепленное в Основном Законе положение о предоставлении всем равных прав для осуществления любой

деятельности, кроме запрещенной законом [1, ч. 2, Ст. 13], предполагает недопущение дискриминации граждан во всех областях жизни, в том числе в сфере труда.

Конституция гарантирует гражданам Республики Беларусь право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, то есть право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей [1, ч. 1, Ст. 41]. На отношения, связанные с государственной службой распространяется действие норм трудового, пенсионного и иного законодательства.

В соответствии с частью 1 статьи 14 Трудового Кодекса, «дискриминация, то есть ограничение в трудовых правах или получение каких-либо преимуществ в зависимости от пола, расы, национального происхождения, языка, религиозных или политических воззрений, участия или неучастия в профсоюзах или иных общественных объединениях, имущественного или служебного положения, недостатков физического или психического характера, не препятствующих выполнению соответствующих трудовых обязанностей, запрещается» [3]. Дискриминационные условия коллективных договоров, соглашений являются недействительными. Не считаются дискриминацией любые различия, исключения, предпочтения и ограничения: 1) основанные на свойственных данной работе требованиях; 2) обусловленные необходимостью особой заботы государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите (женщины, несовершеннолетние, инвалиды, лица, пострадавшие от катастрофы на Чернобыльской АЭС, и др.).

Аналогичные требования относительно дискриминационных обстоятельств предусмотрены в абз. 2 ч. 2 Ст. 10 Закона «О занятости населения Республики Беларусь» [4], которая определяет государственную политику и гарантии государства в области содействия занятости населения.

Все иные обстоятельства, приводящие к различиям, исключениям, предпочтениям и ограничениям, не связанные с деловыми качествами и не обусловленные спецификой трудовой функции либо статусом работника, могут рассматриваться как дискриминационные.

Вместе с тем ч. 1 Ст. 14 Трудового Кодекса и абзац 2 ч. 2 Ст. 10 Закона «О занятости населения Республики Беларусь» содержат исчерпывающий перечень обстоятельств, которые законодатель относит к дискриминационным в сфере труда.

Требования к возрасту, по достижении которого допускаются вступление в трудовые правоотношения и их прекращение, установлены Конституцией, Трудовым Кодексом и другими законами.

В соответствии с законодательством, заключение трудового договора допускается, как правило, с 16 лет. С письменного согласия одного из родителей (усыновителей, попечителей) трудовой договор может быть заключен с лицом, достигшим 14 лет [3, Ст. 21, Ст. 272]. Право на поступление на государственную службу имеют граждане Республики Беларусь, достигшие 18-летнего возраста [2, Ст. 24]. В законодательстве не содержится общего требования о необходимости обязательного прекращения трудовых правоотношений в связи с достижением работником определенного возраста. Отдельные исключения касаются, например, государственных служащих, для которых предельный возраст пребывания на государственной службе составляет 65 лет [2, Ст. 41], для членов Конституционного Суда – 70 лет [1, Ст. 116].

Законодатель соотносит возможность установления трудовых отношений и их прекращения с достижением лицом определенного возраста лишь в случаях, когда использование возрастного критерия обусловлено спецификой трудовой функции либо особым статусом работника.

Таким образом, установление на практике нанимателями при решении вопросов трудоустройства иных, не предусмотренных законодательством, ограничений по возрасту является неправомерным.

В статье 30 Конституции закреплено право граждан Республики Беларусь свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах Республики Беларусь. Данная норма корреспондирует другим конституционным положениям, гарантирующим реализацию гражданами права на свободный выбор работы в соответствии с призванием, способностями, обра-

зованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей. Следовательно, такое обстоятельство, как место жительства, устанавливаемое нанимателем в качестве обязательного требования при приеме на работу, также не может служить основанием для отказа в заключении трудового договора, поскольку ограничивает возможности реализации конституционного права граждан на труд и права на равный доступ к государственной службе.

Квалификационными требованиями, предъявляемыми при поступлении на государственную службу, являются: соответствующее образование, за исключением случаев, когда для занятия государственной должности наличие определенного образования не требуется; необходимый стаж и опыт работы по специальности, за исключением случаев, когда для занятия государственной должности они не установлены; владение государственными языками Республики Беларусь; знание Конституции Республики Беларусь, законов применительно к исполнению соответствующих должностных обязанностей. Квалификационные характеристики государственных должностей определяются Правительством Республики Беларусь или уполномоченным им органом.

Гражданин не может быть принят на государственную службу в случаях: признания его в установленном законом порядке недееспособным или ограниченно дееспособным; лишения его судом права занимать государственную должность в течение определенного времени; наличия подтвержденного медицинским заключением заболевания, входящего в утвержденный Правительством Республики Беларусь перечень заболеваний, препятствующих исполнению служебных обязанностей. Перечень установлен Постановлением Совета Министров от 2 октября 2003 г. № 1250 «Об определении перечня заболеваний, препятствующих исполнению служебных обязанностей на государственной службе». К заболеваниям относятся органические, включая симптоматические, психические расстройства, психические и поведенческие расстройства вследствие употребления психоактивных веществ, шизофрения, шизотипические и бредовые расстройства, аффективные расстройства настроения, расстройство зрелой личности и поведения у взрослых, умственная отсталость, эпилептическая болезнь [5].

Не могут быть приняты на государственную службу также лица, которые отказались от прохождения процедуры оформления допуска к сведениям, составляющим государственные секреты, если исполнение служебных обязанностей по государственной должности, на занятие которой претендует гражданин, связано с использованием таких сведений. В соответствии с Законом «О государственных секретах» от 19 июля 2010 г. № 170-З «Допуск к государственным секретам в связи с избранием (назначением) на должность предоставляется: Президенту Республики Беларусь – с момента вступления его в должность; Премьер-министру Республики Беларусь – с даты назначения его на должность; депутатам Палаты представителей, членам Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутатам местных Советов депутатов – с даты признания их полномочий; судьям – с даты назначения (избрания) их на должность» [6]; лица, находящиеся в состоянии близкого родства или свойства (родители, супруги, дети, родные братья, сестры, а также родители, дети, родные братья и сестры супругов) с государственным служащим, если их служебная деятельность будет связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому. При этом Трудовой Кодекс Республики Беларусь, предусматривая ограничения совместной службы родственников, устанавливает такие ограничения только для занятия должностей руководителя, главного бухгалтера (его заместителей) и кассира, если их работа связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другим и по другим основаниям, предусмотренным законодательством.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 4 ноября 2003 г. № 236-З «О государственной дактилоскопической регистрации» обязательной государственной дактилоскопической регистрации подлежат следующие категории государственных служащих: граждане Республики Беларусь, проходящие службу или работающие в налоговых органах; таможенных органах; Государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь; органах прокуратуры. Отказ вышеперечисленных граждан от обязательной дактилоскопической регистрации влечет наступление правовых последст-

вий, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь [7], а именно статьей 33 Закона «О государственной службе» – отказ в приеме на государственную службу.

В содержании правового статуса государственных служащих значимая роль принадлежит обязанностям государственного служащего. Государственный служащий обязан в пределах своих должностных полномочий своевременно и объективно рассматривать обращения граждан и юридических лиц и разрешать их в порядке, установленном законодательством.

Обязанность государственного служащего по своевременному и объективному рассмотрению в пределах своих полномочий обращений граждан и юридических лиц и их разрешению в порядке, установленном законодательством, основывается на требованиях Ст. 40 Конституции. Согласно части 1 данной статьи, каждый имеет право направлять личные и коллективные обращения в государственные органы. В силу предписаний части 2 указанной статьи государственные органы, а также должностные лица обязаны рассмотреть обращение и дать ответ по существу в определенный законом срок. Отказ от рассмотрения поданного заявления должен быть письменно мотивированным. Порядок работы с обращениями граждан и юридических лиц, а также ответственность государственных служащих за нарушение прав и свобод граждан при рассмотрении их обращений определены в Законе «Об обращениях граждан» от 6 июня 1996 года (в редакции Закона от 1 ноября 2004 года). Данным Законом установлен порядок обращения граждан с предложениями, заявлениями и жалобами к должностным лицам государственных органов, органов общественных объединений, учреждений, организаций и предприятий независимо от формы собственности, а также порядок рассмотрения предложений, заявлений и жалоб. Статья 13 Закона предусматривает, что должностное лицо органа, учреждения, организации или предприятия, виновное в неправомерном отказе в рассмотрении обращения, нарушении без уважительных причин сроков рассмотрения обращения, принятии решения, противоречащего закону, разглашении сведений, ставших известными в связи с рассмотрением обращения, если это ущемляет права и законные интересы граждан, в преследовании граждан и членов их семей за подачу в установленном порядке обращения, несет ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь. В соответствии со статьей 14 этого Закона граждане имеют право требовать компенсацию имущественного ущерба и материального возмещения морального вреда от органов, учреждений, организаций или предприятий, должностные лица которых допустили нарушение прав и свобод граждан при рассмотрении их обращений. Споры о возмещении гражданам материального ущерба и морального вреда разрешаются в судебном порядке [8].

Порядок рассмотрения обращений граждан также урегулирован Указом Президента Республики Беларусь от 15 октября 2007 г. № 498 «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц». В соответствии с данным нормативным правовым актом, обращения подлежат рассмотрению только в порядке конституционного, уголовного, гражданского, хозяйственного судопроизводства, производства по делам об административных правонарушениях, а также в ином порядке, установленном законодательными актами Республики Беларусь. При этом Законом от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур» и Указом Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 г. № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан» установлено, что «к отношениям, связанным с рассмотрением заявлений заинтересованных лиц и административных жалоб, законодательство об обращениях граждан и юридических лиц не применяется».

Одной из обязанностей государственного служащего является сохранение и нераспространение доверенных ему государственных секретов, в том числе и после прекращения государственной службы в течение срока, установленного законодательством. Для государственных секретов, как правило, устанавливаются следующие сроки засекречивания: для государственной тайны – до тридцати лет; для служебной тайны – до десяти лет. Согласно статье 16 Закона «О государственных секретах», государственные секреты подразделяются на две категории: государственную тайну (сведения, составляющие государственную тайну) и служебную тайну (сведения, составляющие служебную тайну). Государственная тайна – сведения, в результате разглашения или утраты которых могут наступить тяжкие последствия для

национальной безопасности Республики Беларусь. Служебная тайна – сведения, в результате разглашения или утраты которых может быть причинен существенный вред национальной безопасности Республики Беларусь. Служебная тайна может являться составной частью государственной тайны, не раскрывая ее в целом.

Государственный служащий также не должен разглашать полученные при исполнении служебных обязанностей сведения, затрагивающие личную жизнь, честь и достоинство граждан, и не требовать от них представления таких сведений, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами. Состав сведений, которые составляют или могут составлять содержание тайны личной жизни достаточно полно отражен в Инструкции о режиме доступа к документам, содержащим информацию, относящуюся к тайне личной жизни граждан, утвержденной приказом Комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь от 3 июля 1996 года № 21. Тайна личной жизни граждан, хотя и относится к сведениям ограниченного распространения, однако не является служебной информацией ограниченного распространения. Поэтому вопросы доступа к ней, хранения и использования документов и дел, содержащих такую информацию, решаются в каждой организации самостоятельно с учетом общих требований законодательства.

Установленные законодательством ограничения, связанные с государственной службой регулируются не только статьей 23 Закона «О государственной службе». Например, государственный служащий не вправе: заниматься в рабочее время другой оплачиваемой работой (деятельностью), кроме преподавательской, научной, культурной, творческой деятельности, медицинской практики, осуществляемой в порядке и на условиях, установленных законодательством. Согласно Ст. 348 Трудового Кодекса, не допускается занятие в государственных организациях на условиях совместительства двух руководящих должностей, кроме должностей мастеров и бригадиров, если иное не установлено законодательством. В отдельных положениях белорусского законодательства применяется термин «руководящие должности и в то же время отсутствует нормативное определение понятия «руководящие должности». При решении вопроса о том, является ли должность руководящей, используют Единый квалификационный справочник должностей служащих, утвержденный Постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 30 марта 2004 г. № 32, с изменениями и дополнениями (далее – ЕКСД) и квалификационные характеристики, которые устанавливают должностные обязанности работника.

Статьей 348 Трудового Кодекса установлены ограничения работы по совместительству, а также предусмотрено, что для отдельных категорий работников ограничения по совместительству могут устанавливаться законодательством. С целью недопущения коррупции государственное должностное лицо не вправе: заниматься предпринимательской деятельностью лично либо через доверенных лиц, оказывать содействие близким родственникам в осуществлении предпринимательской деятельности, используя служебное положение, быть представителем третьих лиц по вопросам, связанным с деятельностью государственного органа, иной государственной организации, служащим которого (которой) оно является, либо подчиненного и (или) подконтрольного ему (ей) государственного органа, государственной организации, а также выполнять иную оплачиваемую работу, не связанную с исполнением трудовых обязанностей по месту основной работы (кроме преподавательской, научной, культурной, творческой деятельности и медицинской практики), если иное не установлено Конституцией Республики Беларусь [9, Ст. 17]. Законодательство о государственной службе не содержит определения понятия «должностное лицо», которое являлось бы универсальным для всех отраслей права. При рассмотрении данного вопроса следует использовать понятие должностного лица применительно к Уголовному Кодексу Республики Беларусь (перечень лиц, относящихся к должностным, содержится в ч. 4 Ст. 4 УК.). Законодательными актами могут быть установлены иные ограничения, связанные с государственной службой. Собственно Закон «О государственной службе» устанавливает запреты для государственных служащих и в других нормах, например, статья 38 регламентирует, что выезд государственных служащих за границу в служебную командировку, финансируемую за счет государственных органов иностранных государств, международных или иностранных организаций, граждан и юридических лиц (кроме государственных

ных органов Республики Беларусь), допускается только в случаях, когда такая командировка осуществляется в соответствии с международными договорами Республики Беларусь, а также по договоренности государственных органов Республики Беларусь с государственными органами иностранных государств, международными или иностранными организациями, если иное не определено Президентом Республики Беларусь.

Отношения государственной службы регулируются также актами Президента. Как указывает д. ю. н. Чуприс О. И., одни из них предметом правового регулирования имеют собственно отношения государственной службы (Декрет Президента Республики Беларусь «О некоторых мерах по упорядочению материального и социального обеспечения служащих государственного аппарата и приравненных к ним лиц» от 9 сентября 1997 г. № 16; Указ Президента Республики Беларусь «Об утверждении положения о квалификационном экзамене для лиц, впервые поступающих на государственную службу» от 17 марта 2005 г. № 139, Указ Президента Республики Беларусь «О доверительном управлении принадлежащими государственным служащим долями участия (акциями, правами) в уставных фондах коммерческих организаций» от 17 марта 2004 г. № 136, Указ Президента Республики Беларусь «Об утверждении положения о проведении аттестации государственных служащих» от 6 ноября 2003 г. № 489, Указ Президента Республики Беларусь «О соотношении классов государственных служащих и государственных должностей» от 9 февраля 2004 г. № 58, а другие – общие по отношению к государственной службе предметы и соответственно на нее распространяются (Декрет Президента Республики Беларусь «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» от 26 июля 1999 г. № 29; Директива Президента Республики Беларусь «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины» от 11 марта 2004 г. № 1) [10, с. 19-20].

Таким образом, законодательную основу правового статуса государственного служащего составляет Закон «О государственной службе в Республике Беларусь», являющийся основным, но не единственным источником законодательства о государственной службе в Республике Беларусь. Приняты конкретизировавшие его нормативные правовые акты, а также ряд иных законов и даже кодексов по вопросам особых разновидностей государственной службы. В настоящее время государственная служба регламентируется многими нормативными правовыми актами различного уровня, которых насчитывается более 200, исключая ведомственные акты по конкретным вопросам ее осуществления в них. Несогласованность, наличие отсылочных норм и множество нормативных правовых актов приводит к возникновению противоречий и пробелов. Необходима систематизация законодательства о государственной службе, внесение изменений и дополнений в основной закон о государственной службе, отмена нормативных правовых актов, которые фактически не применяются.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь 1999 – №1.
2. О государственной службе: Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2003 – № 70 – 2/953; 2008- № 184- 2/1506 изм. и допол. Закон Республики Беларусь от 2 июня 2009 г. № 20-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2009 – № 136 – 2/1572.
3. Трудовой Кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 1999 – № 80, 2/70; 2007 г., № 183, 2/1369 изм. и допол. Закон Республики Беларусь от 31 декабря 2009 г. № 114-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2010 – № 15 – 2/1666.
4. О занятости населения Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2006 – № 94- 2/1222.
5. Об определении перечня заболеваний, препятствующих исполнению служебных обязанностей на государственной службе: Постановлением Совета Министров от 2 октября 2003 г. № 1250 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2003 – № 112 – 5/13111.

6. О государственных секретах: Закон Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-З // Эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь (текст документа) [электронный ресурс] – <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=H11000170>.

7. О государственной дактилоскопической регистрации: Закон Республики Беларусь от 4 ноября 2003 г. № 236-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь-2003- № 124- 2/985; 2006 – № 112 – 2/1244; 2008- № 158, 2/1451 изм. и допол. Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 102-З //Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2010 – № 15 – 2/1654.

8. Об обращениях граждан: Закон Республики Беларусь от 6 июня 1996 г. № 407-ХІІІ // Вѣдамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь – 1996 – № 21 – Ст. 376 в нов. ред. Закона Республики Беларусь от 1 ноября 2004 г. № 340-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2004 – № 189 – 2/1089 изм. и допол. Закон Республики Беларусь от 1 июля 2010 г. № 142-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2010 – № 162.

9. О борьбе с коррупцией: Закона Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 165-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2006 – № 122 – 2/1262 изм. и допол. Закон Республики Беларусь от 14 июня 2010 г. № 132-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь – 2010 – № 147 – 2/1684.

10. Чуприс, О. И. Теоретико-правовые проблемы государственной службы Республики Беларусь / О. И. Чуприс; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2009. – 310 с.

Единство и дифференциация правового регулирования трудовых отношений как отраслевой принцип и метод трудового права: доктринальный аспект

О. В. ЛАВРИНЕНКО

В статье, на основе анализа современной отраслевой доктрины, обосновывается вывод о том, что система отраслевых принципов трудового права выступает основой метода, с помощью которого осуществляется регулирование трудовых отношений, а соотносятся они между собой как категории «сущности» и «явления». Отдельное внимание уделено исследованию характера корреляционной связи отраслевых принципов и методов правового регулирования, сделан вывод о том, что существование, в частности, отраслевого принципа единства и дифференциации правового регулирования трудовых отношений предполагает наличие в трудовом праве и соответствующего метода (способов, приемов) правового регулирования.

Ключевые слова: единство, дифференциация правового регулирования, трудовые отношения, отраслевой принцип, метод трудового права.

On the basis of the modern branch doctrine analysis there is concluded that the system of branch principles of the labour law acts as a method basis with the help of which the regulation of labour relations is carried out, besides they correspond to each other as «essence» and «phenomenon» categories. Special attention is given to the research of correlation communication of branch principles and legal regulation methods, there is proved that the existence, in particular, of a branch principle of legal regulation unity and differentiation in labour relations assumes the presence of a corresponding method (ways, technique) of legal regulation in the labour law.

Key words: unity, legal regulation differentiation, labour relations, branch principle, labour law method.

Для определения «физиономии» [1, с. 402] отрасли права необходимо выявить не только «предмет», но и «метод правового регулирования» соответствующих качественно однородных, характеризующихся «внутренним единством и имеющими свои особые критерии» [2, с. 132], имеющих между собой «преференционную связь» [3, с. 23] общественных отношений. Вместе с тем, комплекс основных критериев самостоятельности отрасли права необходимо дополнить и указанием на систему соответствующих отраслевых принципов. Каждая отрасль права имеет свой предмет и соответствующие ему методы, однако «...у каждой отрасли права существуют свои особые принципы – отраслевые...» [4, с. 113]. Справедливо подчеркивает в этом аспекте П. Д. Пыльпенко, что «именно принципы, благодаря их особому значению, находятся возле источников конструирования отраслей права. Законодатель, прежде чем внедрить тот или другой метод, прием, тип, средство, последовательность правового регулирования в отрасль права, должен определиться и руководствоваться принципами права...» [5, с. 48-49, 60-62].

В развитие именно такого концептуального подхода, предполагающего утверждение доминирующего характера отраслевых принципов в соотношении с методами правового регулирования, заметим, что, поскольку отраслевые принципы являются основой, исходными и руководящими основами любой отрасли права как системы норм, то вполне очевидно и естественно, что последние выступают одновременно и основой, «стержнем» того метода (ов), с помощью которого (ых) происходит регулирование соответствующих групп общественных отношений. Отраслевые правовые принципы определяют специфику, особенности метода (ов), присущего (их) той или другой отрасли права, но, в отличие от методов, такие принципы выступают явлениями, во-первых, более высокого порядка абстрагирования, а потому – первичными, предшествующими, а, во-вторых, они соотносятся как категории «сущности» и «явления», а потому должны рассматриваться в разных плоскостях. Если «сущность» (принципы) является чем-то общим, то «явление» (метод (ы)) – единичным, которое выражает лишь какой-либо момент проявления «сущности» в определенном сегменте (стадии) процесса правового регулирования; если «сущность» является

чем-то глубоким и внутренним, то «явление» – внешним, ситуативно объективируемым. Именно поэтому отраслевые принципы находятся возле истоков (критериальных, системообразующих факторов) конструирования отраслей права: законодатель, прежде чем внедрить тот или иной метод в структуру определенной отрасли права, осуществить прием, тип или применить средство правового регулирования должен обязательно предварительно определиться с системой и сущностью соответствующих отраслевых принципов и неуклонно в дальнейшем руководствоваться последними. Такая взаимозависимость отраслевых принципов и методов правового регулирования сказывается на определении и содержании как первых, так и вторых: в доктрине трудового права широко представлены явления, когда, например, сочетание централизованного и локального правового регулирования [5, с. 62] или, скажем, договорной характер трудовых отношений (труда) [6, с. 87; 7, с. 22; 8, с. 23], сочетание единства и дифференциации [5, с. 62; 8, с. 38; 9, с. 23; 10, с. 28-29] трактуют как отдельные отраслевые принципы и, вместе с тем, как характерные черты, особенности, признаки, отдельные способы правового регулирования отраслевого метода (ов) трудового права [1, с. 449; 9, с. 17; 10, с. 13; 11, с. 43; 12, с. 20-21; 13, с. 20-21; 14, с. 17, 18-19].

В связи с изложенным, не разделяем полностью высказанное в литературе утверждение о том, что метод отрасли трудового права формируется в зависимости исключительно «от своеобразия предмета правового регулирования» [8, с. 22]. Более корректной и теоретически обоснованной тут представляется позиция О. В. Смирнова, относящего к «системным свойствам» отрасли не только предмет, а и отраслевые принципы трудового права [10, с. 17], а также утверждающего, что именно «отраслевой принцип» отражает важнейшие черты отраслевого метода, воплощая в себе основные свойства соответствующих способов регулирования трудовых отношений, которые олицетворяют предмет трудового права [15, с. 114]. В. С. Венедиктов небезосновательно постулирует: «Наличие отраслевых принципов также как и самостоятельного предмета и метода характеризует отрасль права как самостоятельную в системе права...» [9, с. 22].

Феномен единства и дифференциации правового регулирования трудовых отношений стал разрабатываться фактически с момента формирования отрасли трудового права [16], а также посредством указания на единство трудового права, был отнесен к системе отраслевых принципов трудового права И. С. Войтинским в 30-е гг. прошлого века [1, с. 412-414; 17, с. 62-120]. Затем – в 80-х гг. – такой подход получил дальнейшее развитие [15, с. 114-120] и сегодня стал неотъемлемой частью как самого «тела», так и системы основных критериев, детерминирующих автономию отрасли трудового права [18, с. 191-208; 19, с. 231-248; 20, с. 104-113; 21, с. 70-75; 22]. В доктрине данный принцип рассматривается как «один из наиболее старых принципов трудового права» [5, с. 66]. Целесообразность закрепления принципа единства и дифференциации правового регулирования труда в новом Трудовом кодексе Украины обосновывается в литературе [23, с. 8-9]. Принимая изложенное во внимание, а также отдавая должное оригинальности и новизне подхода, не умаляем убедительности в позиции Д. Ю. Гладких в части отрицания наличия отраслевого статуса у принципа единства и дифференциации правового регулирования трудовых отношений [24, с. 117-118]. Реализация всей системы отраслевых принципов трудового права, в т. ч. и обозначенного, объективно предполагает системное взаимодействие, принятия во внимание существующих форм и направлений, сфер и механизмов реализации отдельных трудовправовых принципов, но это не означает, что существует некая иерархия отраслевых принципов, на вершине которой стоит принцип единства и дифференциации правового регулирования. Корреляция, координация в такой системе принципов имеется, но не субординация, как о том пишет Д. Ю. Гладких. Более того, позиция указанного исследователя противоречива: изначально им отрицается доминирующая роль принципа единства и дифференциации правового регулирования относительно других отраслевых принципов, а в конце концов обосновывается по сути именно то, что предикативно отрицалось, поскольку Д. Ю. Гладких предлагает «...выделить принципы в отдельный институт Общей части... трудового права, ...определить единство и дифференциацию как качество (свойство) как отрасли трудового права и, вместе с тем, учитывая структурную роль принципов, – самих принципов трудового права» [24, с. 118]. Выходит, что указанное «качество (свойство)» отрасли трудового права по сути и приобретает статус некоего «метапринципа», который универсально детерминирует «основания и многообразие форм проявления» всех остальных отраслевых трудовправовых принципов!?. Такой вывод представляется противоречивым и необоснованным.

В этом контексте заслуживает отдельного рассмотрения и позиция С. В. Попова, который пишет, что «сегодня отдельные научные исследователи... методом трудового права считают единство и дифференциацию правового регулирования труда... Единство и дифференциацию навряд ли можно считать методом трудового права... *Принцип единства и дифференциации условий труда как отраслевой принцип трудового права* отражает важнейшие черты метода этой отрасли, воплощая в себе важные свойства централизованного (общего и отраслевого) и локального способов регулирования трудовых и других непосредственно связанных с ними общественных отношений, которые составляют предмет трудового права» [25, с. 202]. Разделяя позицию С. В. Попова в части тезиса о первичности отраслевых принципов относительно методов трудового права, считаем необходимым заметить, что само по себе его утверждение о том, что «принцип единства и дифференциации условий труда как отраслевой принцип трудового права отражает важнейшие черты метода этой отрасли, воплощая в себе важные свойства централизованного (общего и отраслевого) и локального способов регулирования трудовых и других непосредственно связанных с ними общественных отношений, которые составляют предмет трудового права» не является достаточным основанием для отрицания такого метода трудового права, как «единство и дифференциация». Предложенная С. В. Поповым характеристика корреляционной связи между «принципами» и «методом» трудового права, как это не парадоксально звучит, но свидетельствует об обратном – существовании указанного метода правового регулирования! Ведь ученый, кстати, вполне обоснованно, подчеркивает, что, во-первых, отраслевой принцип единства и дифференциации условий труда лишь «отражает» (а не «поглощает»! – О. Л.) и к тому же не все, а лишь «важнейшие черты» соответствующего метода этой отрасли. «Отражать» те или иные черты какого-либо правового феномена можно лишь при его существовании.

Во-вторых, в приведенной выше авторской интерпретации С. В. Попова о «воплощении» речь идет касательно, опять таки, не всех, а лишь «важных свойств» определенных способов регулирования трудовых отношений. Заметим, что характер связи в данном случае состоит несколько в ином – в детерминации «принципом» существенных (по терминологии С. В. Попова – «важных») черт соответствующего отраслевого метода. Кстати, именно на это обстоятельство обращает внимание и сам С. В. Попов, когда отмечает, что «в юридической литературе существует точка зрения, что *метод правового регулирования основывается на принципах права... Правильность такой позиции подтверждается собственно сущностью этих категорий...* метод – это определенный способ, прием правового регулирования, а *принцип – это исходное положение*, на котором основывается право. Исходя из вышеупомянутого, – заключает автор, – ...единство и дифференциация правового регулирования относится к *принципам права как основы... метода* правового регулирования. *Этот принцип обуславливает... способы и методы реализации права*» [25, с. 199, 200, 206, 207]. Последний приведенный вывод С. В. Попова представляется нам более удачным и потому разделяется нами. Не совсем понятно, почему в отдельном случае [25, с. 202] автором было сделано исключение. Также, солидаризовавшись с последним концептуальным выводом С. В. Попова, заметим, что именно в силу первичности и детерминирующего свойства «принципов» относительно «метода» нельзя признать достаточно убедительными контраргументы О. Н. Ярошенко, отрицающего «с теоретической точки зрения» существование в трудовом праве «принципа единства и дифференциации норм трудового права» по причине, во-первых, того, что принципы воздействуют на общественные отношения не непосредственно, а лишь через соответствующие правовые нормы, и, во-вторых, в силу отнесения этого феномена отдельными исследователями к числу специфических черт, в целом метода или особых «комплексных способов (приемов) правового регулирования труда» [26, с. 254-256]. Безусловно, как отмечает М. В. Цвик, «предписания-принципы» не формулируют конкретного правила поведения, а в общей форме указывают на возможное или необходимое направление поведения субъектов общественных отношений. Этот авторитетный теоретик права небезосновательно обращает внимание на то, что в литературе их неточно называют «нормами-принципами», в действительности «предписания-принципы» не являются нормами в обычном понимании этого слова, они существенным образом отличаются от «предписаний-норм». Если «норма-масштаб» является «эталоном для решения только однотипных жизненных ситуаций, то на *принципы* обязаны опираться все субъекты независимо от конкретных жизненных обстоятельств, с которыми они сталкиваются. *Принципами насыщены все*

нормы (в т. ч. и те, посредством которых обеспечивается единство и дифференциация правового регулирования трудовых отношений – О. Л.). Они являются своеобразными сгустками, нервными центрами права, которые цементируют всю его систему. Их требованиям должны отвечать и подчиняться все правовые нормы, относительно которых принципы имеют приоритет (относительно общих и специальных трудовых норм отраслевой принцип единства и дифференциации имеет такой приоритет – О. Л.)» [27, с. 18]. Заметим, что и сам О. Н. Ярошенко конгениально подчеркивает, что «...всеобщность принципов, исходных положений в регламентировании отношений... на всей территории страны, взаимосвязь основных трудовых прав и обязанностей работников и работодателей определяют единство регулирования труда» [28, с. 20]. Следовательно, само по себе существование единства и дифференциации правового регулирования, и здесь следует согласиться с предложенной в свое время К. Н. Гусовым и В. Н. Толкуновой [29, с. 40-50] и поддержанной О. Н. Ярошенко доктринальной квалификацией как отраслевого метода, особого «комплексного способа (приема) правового регулирования труда» [26, с. 256] не исключает, а наоборот, в силу существования обозначенного выше первичного, детерминирующего и обязательного характера «предписаний-принципов» для «предписаний-норм», объективно подтверждает наличие в структуре трудового права соответствующего и аналогичного по статусу – отраслевого принципа «единства и дифференциации норм трудового права» [26, с. 254]. В данном аспекте более обоснованно постулирует С. В. Попов: «...единство и дифференциация правового регулирования относится к принципам права как основы права, системы права, системы источников права, метода правового регулирования. Этот принцип обуславливает... содержание правовых норм, способы и методы реализации права» [25, с. 207].

В-третьих, спорным усматриваем сентенции С. В. Попова в части, где утверждается, что «...метод – это определенный способ, прием правового регулирования...» [25, с. 207], а также противоречивыми его характеристики соотношения таких понятий, как «метод» и «способ» правового регулирования. Касательно последнего заметим, что понятие «метод» содержательно охватывает и потому включает в себя «способы» правового регулирования, поэтому подразумеваемая в отдельных случаях С. В. Поповым дифференциация «способов» и «методов» реализации права [25, с. 207], упоминание их как равнозначных и отдельно существующих явлений представляется нам логически противоречивой, частично тавтологичной и потому неприемлемой. Более удачным, с позиции концептуального подхода, усматриваем утверждение этого же автора о том, что «...метод – это определенный способ, прием правового регулирования...» [25, с. 207], где «метод» квалифицируется С. В. Поповым как родовое понятие относительно таких видовых понятий, как «способ», «прием» правового регулирования. В первом случае, где С. В. Попов утверждает, что «метод» – это лишь определенный, т. е. единственный, способ, прием правового регулирования, на наш взгляд, необходимо вести речь о совокупности способов и соответствующих им приемах правового регулирования трудовых отношений. Последнее замечание касается и позиции некоторых других авторов [30, с. 516; 31, с. 20], которые придерживаются аналогичного подхода. Здесь справедливо подчеркивает, в частности, О. Н. Ярошенко, «...правильнее... было бы определять метод правового регулирования... как ...совокупность юридических приемов и средств, с помощью которых осуществляется правовое влияние в данной сфере отношений..., поскольку нельзя ограничиваться лишь каким-нибудь одним способом влияния норм права на те или другие общественные отношения» [26, с. 256]. Н. Б. Болотина и Г. И. Чанышева также обращают внимание, что «...метод трудового права отвечает на вопросы, как, какими способами, средствами проводится... регулирование» общественных отношений в рамках предмета [32, с. 31]. Дополним, что и сам С. В. Попов, на наш взгляд, также исходит по сути из такого же понимания характера соотношения категорий «метод» и «способ», когда, в частности, пишет, что «...принцип единства и дифференциации условий труда... отражает важнейшие черты метода этой отрасли, воплощая в себе важные свойства централизованного (общего и отраслевого) и локального способов регулирования трудовых... отношений» [25, с. 202]. Вместе с тем, и, в четвертых, усматриваем некоторую алогичность в последних приведенных суждениях С. В. Попова, поскольку автор пишет, что «принцип единства и дифференциации условий труда... отражает важнейшие черты метода этой отрасли, воплощая в себе важные свойства централизованного (общего и отраслевого) и локального способов регулирования трудовых... отношений» [25, с. 202]. Однако, на наш взгляд, если при-

нять во внимание, что речь идет о «принципе единства и дифференциации...», то и «воплощать» он должен «важные свойства», кроме «*централизованного (общего и отраслевого) и локального способов*», не менее важное в данном случае «свойство» специального правового регулирования, олицетворяющее дифференционную составляющую этого отраслевого принципа. К тому же, заметим, что «специальное» (дифференцированное) правовое регулирование трудовых отношений не охватывается полностью и не исчерпывается указанными С. В. Поповым «централизовано-отраслевым» и «локальным» способами (на наш взгляд, указанное этим и другими [15, с. 114-115, 118-119] авторами представляет собой не «способы», а, скорее, «сферы» или «уровни» [5, с. 66-67; 34, с. 281] – О. Л.) правового регулирования. И еще, думается, что «централизованное» и «локальное» свойства логично коррелируют не с указанным С. В. Поповым принципом, его составляющими – феноменами единства и дифференциации правового регулирования, а с другим отраслевым трудовым принципом – принципом оптимального сочетания централизованного и локального правового регулирования трудовых отношений [35, с. 32-37; 36, с. 323-337; 37, с. 89-90]. Небезосновательно подчеркивает в этом аспекте и Н. И. Иншин: «*Вопросы соотношения общего, специального и локального правового регулирования ... трудовой деятельности... относится к давним, дискуссионным проблемам единства и дифференциации трудового права, а также централизованного и договорного правового регулирования трудовых отношений. Несмотря на похожесть характера проблем, они имеют качественные отличия, поскольку единство и дифференциацию надо рассматривать как соотношение трех типов норм за их иерархической структурой: общих, специальных, локальных. А централизованное и договорное регулирование необходимо понимать как более общее соотношение двух групп предписаний. С одной стороны, общих и специальных, а с другого – локальных*» [38, с. 171-172]. Заметим, что в приведенных выше размышлениях С. В. Попов руководствуется именно последним – высказанным Н. И. Иншином – методологическим постулатом, поскольку предикативно утверждает, что «...принцип единства и дифференциации условий труда как отраслевой принцип трудового права... отражает важнейшие черты метода этой отрасли, воплощая в себе важные свойства *централизованного (общего и отраслевого) и локального способов регулирования трудовых... отношений* [25, с. 202]. Вместе с тем, на наш взгляд, указание Н. И. Иншиным [38, с. 171-172], С. В. Поповым [25, с. 202] и другими авторами [39, с. 28] на сочетание лишь компонент «централизованного» и «локального» (без регионального, отраслевого сегментов) правового регулирования в полной мере не характеризует существующие особенности формирования содержания прав и обязанностей субъектов трудовых отношений. Весьма сомнительной представляется также и обоснованность вывода, в частности, Ф. Б. Штительберга о том, что дифференциация трудового права – это исключительно «законодательное деление» правовых норм на общие и специальные [40, с. 29]. Дифференциация осуществляется на практике часто на уровне не законодательных, а, прежде всего, подзаконных, в т. ч. «ведомственных», актов. Вместе с тем, сферу действия последних, как о том пишет Н. Н. Хуторян [23, с. 9], действительно, в перспективе усовершенствования системы законодательства о труде, осуществления его кодификации [41, с. 324-325] следует обязательно ограничить.

Таким образом, система отраслевых принципов трудового права выступает основой метода (ов), с помощью которого (ых) осуществляется регулирование общественно-трудовых отношений, а соотносятся они между собой как категории «сущности» и «явления». Диалектическая (системная, но не субординационная) взаимозависимость отраслевых принципов и методов (способов, приемов) правового регулирования детерминирует их структурную и содержательную взаимосвязь: существование, в частности, «старейшего» отраслевого принципа единства и дифференциации правового регулирования трудовых отношений предполагает наличие в трудовом праве и соответствующего метода как совокупности соответствующих способов и приемов правового регулирования.

Литература

1. Лушникова М. В., Лушников А. М. Очерки теории трудового права. – Спб., 2006.
2. Прилипко С. М. Предмет права социального обеспечения: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05. – Харків, 2007.

3. Процевський О. Новий зміст права на працю – основа реформування трудового законодавства // *Право України*. – 1999. – №6.
4. Колодій А. М. Принципи права України: Монографія. – Київ, 1998.
5. Пилипенко П. Д. Проблеми теорії трудового права: Монографія. – Львів, 1999.
6. Трудове право України / А. Ю. Бабаскін, Ю. В. Баранюк, С. В. Дріжчана та ін.; За заг. ред. Н. М. Хуторян. – Київ, 2004.
7. Бойко М. Д. Трудове право України. – Київ, 2002.
8. Трудовое право / В. И. Семенов, В. Н. Артемова, Г. А. Василевич и др.; Под общ. ред. В. И. Семенова. – Минск, 2002.
9. Венедиктов В. С. Трудовое право Украины (Общая часть). – Симферополь, 2004.
10. Трудовое право / Отв. ред. О. В. Смирнов. – М., 1998.
11. Советское трудовое право / Под ред. Н. Г. Александрова. – М., 1972.
12. Российское трудовое право / Отв. ред. А. Д. Зайкин. – М., 1998.
13. Бердычевский В. С., Акопов Д. Р., Сулейманова Г. В. Трудовое право / Отв. ред. В. С. Бердычевский. – Ростов-на-Дону, 2002.
14. Гусов К. Н., Толкунова В. Н. Трудовое право России. – М., 1997.
15. Смирнов О. В. Основные принципы трудового права: Монография. – М., 1977.
16. Рабинович-Захарин С. Л. Единство и дифференциация советского трудового права: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. – М., 1947.
17. Войтинский И. С. Трудовое право СССР. – М.-Л., 1925.
18. Лавріненко О. В. Внутринаціональна дифференціація трудового права: її суть, средства и основные направления // *Известия Гомельского государственного университета имени Франциско Скорины*. – 2008. – №3.
19. Лавріненко О. В. Місце принципу єдності й диференціації правового регулювання соціально-трудових відносин в структурі загальної системи права, його роль в процесах систематизації галузевих принципів та проблемні аспекти характеристики його співвідношення з методом трудового права [Електронний ресурс] // *Форум права*. – 2010. – №2. Режим доступу: <http://www.nbuv.gov.ua/ejournals/FP/2010-2/10lovmtpr.pdf>.
20. Лавріненко О. В. Феномен єдності і диференціації в системі правового регулювання соціально-трудових відносин: філософсько-правові та теоретико-методологічні аспекти // *Південноукраїнський правничий часопис*. – 2009. – №1.
21. Лавріненко О. В. Понятие и виды дифференциации правового регулирования социально-трудовых отношений (вопросы теории) // *Известия Гомельского государственного университета имени Франциско Скорины*. – 2010. – №1.
22. Лавріненко О. В. Принцип єдності й диференціації правового регулювання соціально-трудових відносин у системі галузевих принципів трудового права України: Монографія. – Донецьк, 2010.
23. Хуторян Н. М. Передмова // *Кодифікація трудового законодавства України: Монографія / За ред. Н. М. Хуторян, М. І. Іншина, С. М. Прилипка та О. М. Ярошенка*. – Харків, 2009.
24. Гладких Д. Ю. Воздействие принципов трудового права на правовое регулирование служебно-трудовых отношений в органах внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. – Пермь, 2002.
25. Попов С. В. Зайнятість та ринок праці в умовах ринкової економіки: Монографія. – Симферополь, 2008.
26. Ярошенко О. М. Теоретичні та практичні проблеми джерел трудового права України: Монографія. – Харків, 2006.
27. Цвік М. В. Про систему юридичних актів // *Вісник Академії правових наук України*. – 2002. – №4.
28. Ярошенко О. М. Джерела трудового права України: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Харків, 2007.
29. Гусов К. Н., Толкунова В. Н. Трудовое право России. – М., 2003.
30. Теория государства и права / Под ред. Н. Г. Александрова. – М., 1974.

31. Прокопенко В. І. Трудове право України. – Харків, 1998.
32. Трудовое право Украины / Под. ред. Г. И. Чанышевой и Н. Б. Болотиной. – Харьков, 1999.
33. Трудовое право России / Под ред. С. П. Маврина, Е. Б. Хохлова. – М., 2002.
34. Грішнова О. А. Економіка праці та соціально-трудова відносини. – Київ, 2007.
35. Лавріненко О. В. Принцип оптимального поєднання централізованого й локального правового регулювання трудових відносин: тлумачення сутності та форми його реалізації в сфері службово-трудова відносин // Право і суспільство. – 2009. – №3.
36. Лавріненко О. В. Галузевий принцип оптимального поєднання централізованого й локального правового регулювання трудових відносин: онтолого-правовий і термінологічний аспекти // Проблеми правознавства та правоохоронної діяльності. – 2009. – №2.
37. Лавріненко О. В. Галузевий принцип оптимального поєднання централізованого й локального правового регулювання трудових відносин: проблемні питання нормативної структуризації // Наукові дослідження – теорія та експеримент 2010: Мат-ли УІ міжн. наук.– практ. конф., (м. Полтава, 17-19 травня 2010 р.). – Полтава, 2010. – Т. 3.
38. Іншин М. І. Правове регулювання службово-трудова відносин в Україні: Монографія. – Харків, 2004.
39. Венедиктов В. С. Конспект лекцій по трудовому праву України. – Харків, 1998. Ч. 1.
40. Штивельберг Ф. Б. Основания и пределы дифференциации трудового права России: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. – М., 2005.
41. Лавріненко О. В. Консолідація й кодифікація законодавства України про працю: проблеми та перспективи // Вісник Донецького національного університету. – 2010. – Вип. 1.

Донецкий юридический институт
Луганского государственного университета
внутренних дел имени Э. А. Дидоренко

Поступило 27.10.10

УДК 347. 73:336. 225(476)

Пени как способ обеспечения исполнения налогового обязательства

Л. Е. МОЖАЕВА

Пени является одним из способов обеспечения исполнения налогового обязательства в Республике Беларусь. Однако в юридической литературе вопрос о правовой природе пени в налоговых правоотношениях остается дискуссионным. В данной статье анализируются различные точки зрения относительно правовой природы пени, а также механизм начисления и уплаты пени в налоговой сфере.

Ключевые слова: обязательство, налоговое обязательство, исполнение обязательства, обеспечение исполнения обязательства, пени, правовые обременения, субъекты налоговых отношений, обязанные лица.

A fine is a means of tax liability discharge securing in the Republic of Belarus. However the question on the legal nature of a fine in tax legal relationships in the legal literature remains debatable. The article analyzes various points of view concerning the legal nature of a fine and also the mechanism of charge and fine payment in the tax system.

Keywords: liability, tax liability, liability discharge, liability discharge securing, fines, legal encumbrances, tax relation entity.

Введение

Законодательство Республики Беларусь предоставляет налоговым органам право на принятие мер по обеспечению исполнения налоговых обязательств плательщиками. Одной из таких мер является начисление пени плательщику (иному обязанному лицу). Однако в юридической литературе вопрос о правовой природе пени в налоговых правоотношениях остается дискуссионным. По-разному закрепляет правовой режим пени и законодательство зарубежных государств. Между тем, неисполнение или ненадлежащее исполнение плательщиком (иным обязанным лицом) налогового обязательства нарушает не только интересы государства, но также права и охраняемые законом интересы граждан, так как за счет налогов, поступающих в бюджет, государство обеспечивает выполнение своих задач и функций, финансирует такие социально-значимые сферы, как здравоохранение, образование, культура и другие. В связи с этим представляет интерес анализ не только норм белорусского законодательства, регулирующего механизм начисления и уплаты пени, но и изучение опыта зарубежных государств.

Основная часть

Начисление пени на сумму недоимки в публично-правовых имущественных отношениях применяется с XIX в., когда денежная форма уплаты налогов постепенно вытесняет натуральную. Законодательство многих государств с конца XIX в. и до настоящего времени предусматривает подобный механизм стабилизации денежных обязательств.

С началом становления налоговой системы Беларуси активно развиваются и налогово-правовые механизмы, в том числе пеня. Так, Закон Республики Беларусь от 20 декабря 1991 г. «О налогах и сборах, взимаемых в бюджет Республики Беларусь» закреплял, что своевременно не уплаченные суммы налогов взыскиваются за все время задолженности бюджету с начислением пени в размере 0,2 процента за каждый день просрочки (включая день уплаты) [1, ст. 10 п. 2]. Данный Закон не содержал определения пени и не относил ее к мерам ответственности и финансовым санкциям. С дальнейшим развитием налогового законодательства Беларуси изменяется размер пени (устанавливается в размере учетной ставки Национального банка Республики Беларусь, действующей на момент взыскания средств),

Правительству Республики Беларусь предоставляется право временно освобождать плательщиков от взимания пени за несвоевременную уплату налогов и сборов в бюджет, а также отсрочить взыскание такой пени [1, ст. 10 п. 2 ч. 1, 2].

В результате принятия Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК), которая вступила в силу 1 января 2004 г., пеня была отнесена законодателем к способам обеспечения исполнения налогового обязательства. Однако пеня занимает особое место среди способов обеспечения исполнения налогового обязательства. Во-первых, она предусматривает возложение на плательщика (иное обязанное лицо) дополнительных обременений имущественного характера, что не свойственно другим способам обеспечения исполнения. Во-вторых, пеня является универсальным способом обеспечения исполнения налогового обязательства, так как применяется независимо от использования других способов обеспечения исполнения налогового обязательства, а также мер ответственности за нарушение налогового законодательства [2, п. 2 ст. 52]. В-третьих, в отличие от таких способов обеспечения исполнения налогового обязательства, как залог и поручительство, которые регулируются как налоговым, так и гражданским законодательством, порядок применения пени в налоговых правоотношениях определяется исключительно налоговым законодательством, поскольку статья 52 НК, регулирующая исчисление, уплату и взыскание пени, не предусматривает отсылки к гражданскому законодательству. В-четвертых, начисление пени на сумму недоимки является обязанностью, а не правом налоговых органов и их должностных лиц.

Следует отметить, что НК впервые закрепил легальное определение пени. Так, согласно п. 1 ст. 52 НК пенями признаются денежные суммы, которые плательщик (иное обязанное лицо) должен уплатить в случае исполнения налогового обязательства в более поздние сроки по сравнению с установленными налоговым законодательством [2].

Данной нормой определено лишь одно обстоятельство, при наступлении которого возможно начисление пени, а именно: исполнение налогового обязательства в более поздние сроки по сравнению с установленными налоговым законодательством. Сроки уплаты налогов и сборов устанавливаются законодательством применительно к каждому налогу и сбору. Иными словами, фактическим основанием возникновения пени является просрочка исполнения налогового обязательства независимо от каких-либо обстоятельств, в том числе и вины налогоплательщика. Отметим, что пени начисляются и в случае, когда плательщик (иное обязанное лицо) самостоятельно обнаружил ошибку и доплатил налог, поскольку в данном случае имело место исполнение налогового обязательства в более поздние сроки по сравнению с установленными налоговым законодательством.

Закрепленная в п. 1 ст. 52 НК формулировка пени содержит открытый перечень лиц, обязанных уплачивать пени. В частности, к иным обязанным лицам относится поручитель, налоговый агент, правопреемник (правопреемники) реорганизованной организации, лицо, уполномоченное органом опеки и попечительства, или непосредственно орган опеки и попечительства, обязанные уплатить пени вместо физического лица, признанного безвестно отсутствующим или недееспособным.

Необходимо охарактеризовать еще одну категорию субъектов налоговых отношений, которые уплачивают пени в порядке, установленном ст. 52 НК, – банки. Так, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения банком или иной уполномоченной организацией в установленный срок платежного поручения плательщика (иного обязанного лица) на перечисление налога, сбора (пошлины), пени либо решения налогового или таможенного органа о взыскании налога, сбора (пошлины), пени за счет денежных средств плательщика (иного обязанного лица), дебиторов плательщика (иного обязанного лица) – организации банк или иная уполномоченная организация уплачивают пени в порядке, установленном ст. 52 НК, а также несут ответственность в соответствии с законодательством [2, ст. 48 п. 5]. Таким образом, данные субъекты уплачивают пени за нарушение специфических обязанностей, установленных налоговым законодательством, и пени, уплачиваемые в данном случае банком следует рассматривать как санкции за нарушение банками срока исполнения поручения налогоплательщика о перечислении налога, а также за неисполнение решения о взыскании на-

лога, сбора (пошлины), пени, поскольку они находятся за рамками основного налогового обязательства.

Следует отметить, что в юридической литературе ведется дискуссия относительно правовой природы пени. Действующее налоговое законодательство относит пеню к способам обеспечения исполнения налогового обязательства, поместив статью о ней в соответствующую главу НК и впервые закрепив легальное определение пени. Однако специалисты, в основном по финансовому праву, предлагают рассматривать пеню в качестве меры ответственности по аналогии с неустойкой в гражданском праве [3, с. 277; 4, с. 187].

Ряд авторов рассматривают пеню как санкцию. Так, В. В. Стрельников утверждает, что санкционная природа пени в действующем налоговом законодательстве завуалирована, на самом же деле, в отличие от иных мер обеспечения, пеня служит санкцией за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязанности уплаты налога. Такой вывод В. В. Стрельников обосновывает общепринятой трактовкой санкции как негативного последствия противоправного поведения [5, с. 23, 26]. При этом, автор подчеркивает, что «...пеня – санкция восстановительная, а не карательная» [5, с. 50].

В тоже время, в юридической литературе встречаются и другие точки зрения. К примеру, Е. У. Латыпова считает, что пени являются именно способом обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов и сборов, во-первых, выполняют стимулирующую функцию, так как ежедневное увеличение суммы налогового долга за счет пени, несомненно, побуждает налогоплательщика в кратчайшие сроки исполнить свою обязанность по уплате налогов [6, с. 82-83]. Кроме того, пени выполняют и компенсационную функцию, так как компенсируют потери государственной казны, возникающие в результате непоступления сумм налогов и сборов в установленные сроки. Более того, используя пеню, государство в лице налоговых органов освобождается от необходимости доказывать наличие и размер подлежащих возмещению убытков, понесенных бюджетом из-за неуплаты налогов и сборов. Для начисления пени достаточно одного факта неуплаты налога в первоначально установленные законодательством сроки [6, с. 84].

Проанализировав такие категории, как «юридическая ответственность», «дополнительное обременение», «состав налогового обязательства», Имыкшенова Е. А. приходит к выводу, что уплата пени, во-первых, не связана с дополнительными (отрицательными) последствиями в имущественной сфере налогоплательщика по сравнению с теми, что установлены его конституционной обязанностью, во-вторых, находится в рамках исполнения этой обязанности, а значит, по мнению Имыкшеновой Е. А., нет достаточных оснований относить пеню к мерам юридической ответственности [7, с. 60].

Исходя из содержания налогового законодательства Республики Беларусь (п. 5 ст. 37, ст. 49 НК) уплата пени и применение мер ответственности являются различными категориями (уплата пени не относится к мерам ответственности), что влечет за собой определенные последствия. В-первых, к ней не применяется срок давности. Во-вторых, начисление пени производится независимо от вины плательщика (иного обязанного лица), которая является обязательным условием привлечения лица к ответственности за нарушение налогового законодательства. В-третьих, возможность взыскания пени не зависит от возраста деликтоспособности физического лица, то есть уплата пени обязательна для плательщика независимо от его возраста.

Следует отметить, что в настоящее время налоговое законодательство большинства государств предусматривает пеню, взыскиваемую в случае ненадлежащего исполнения налогового обязательства. При этом в некоторых государствах СНГ налоговое законодательство продолжает рассматривать пеню в качестве меры ответственности (ст. 53 Налогового кодекса Азербайджанской Республики, ст. 111 Налогового кодекса Украины, ст. 23 Закона Республики Армения «О налогах») [8, 9, 10].

Налоговое законодательство Польши также относит начисление процентов за просрочку от налоговых недоимок к типичным налоговым санкциям [11, с. 133]. Однако данные проценты категориально не обозначаются как пени. Интерес представляет и механизм на-

числения и уплаты данных процентов. Так, если налоговый орган вследствие возбуждения налогового производства установит, что налогоплательщиком при наличии обязанности не уплачен полностью или частично налог или размер налогового обязательства отличается от указанного в декларации, то он выносит решение, определяющее размер налогового обязательства (§ 3 ст. 21 Закона о налоговом производстве). В решении указывается сумма налога к уплате, но не насчитываются проценты. Согласно общему правилу, проценты самостоятельно исчисляются налогоплательщиком, плательщиком, сборщиком, правопреемником или третьим лицом, ответственным за налоговые недоимки, и без вынесения требования подлежащие уплате суммы уплачиваются ими на счет налогового органа. Процентная ставка за просрочку урегулирована законом и составляет 200% процентного начисления ломбардного кредита, установленного в соответствии с положениями о Национальном польском банке. Процентную ставку за недоимки Министр финансов объявляет в извещении, опубликованном в вестнике «Монитор польски», имеющем, однако, лишь информационный характер [11, с. 122-123].

В Словакии закон об управлении налогами и сборами также закрепляет институт взимания процента как санкции. Процент как санкцию налоговый администратор взимает в случаях наличия состава правонарушения, к которым, в частности, относится неуплата налога в установленные сроки или в установленных размерах. Налоговый администратор взимает процент как санкцию с суммы долга в четырехкратном размере от ставки процента Народного банка Словакии [12, с. 236-237].

Следует отметить, что в Республике Беларусь применение пеней является обязанностью налоговых органов, а не правом, поэтому пени применяются в каждом случае уплаты налога с нарушением установленного срока. В случае же правомерного изменения сроков уплаты налогов (сборов), то есть в случае предоставления отсрочки и (или) рассрочки уплаты налогов (сборов), начисление пеней на суммы задолженности по налогам прекращается с первого дня срока, на который предоставляются отсрочка и (или) рассрочка [13, п. 3].

Пени – это денежная сумма, которую плательщик (иное обязанное лицо) обязан уплатить в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения налогового обязательства в установленные налоговым законодательством сроки, в частности в случае просрочки исполнения налогового обязательства, в том числе, когда платежное поручение на уплату налога, сбора (пошлины) поступило в банк в установленный срок, а денежных средств на текущем (расчетном) счете плательщика не было (были в недостающем количестве) для исполнения налогового обязательства. Необходимо отметить, что налоговый орган вправе требовать уплаты пеней только в случае, когда плательщик (иное обязанное лицо) не исполняет свое налоговое обязательство, которое на него возлагается в силу НК и иных актов налогового законодательства.

Сумма соответствующих пеней уплачивается дополнительно к причитающейся к уплате сумме налога, сбора (пошлины) независимо от применения других способов обеспечения исполнения налогового обязательства, а также мер ответственности за нарушение налогового законодательства [2, ст. 52 п. 2].

Согласно п. 5 ст. 52 НК, пени уплачиваются (взыскиваются) после уплаты (взыскания) причитающихся сумм налога, сбора (пошлины) [2]. Это правило состоит в том, что нельзя уплачивать сумму пеней, пока сумма налога, сбора (пошлины) не уплачена в бюджет в полном объеме, то есть в первую очередь плательщиком (иным обязанным лицом) должны быть уплачены (взысканы) налоги, сборы (пошлины), а после них уплачиваются (взыскиваются) пени.

Согласно п. 3 ст. 52 НК, пени начисляются за каждый календарный день просрочки, включая день уплаты (взыскания), в течение всего срока исполнения налогового обязательства, начиная со дня, следующего за установленным налоговым законодательством днем уплаты налога, сбора (пошлины) [2]. Данное положение определяет механизм начисления пеней. Так, моментом, с которого начинается начисление пеней, считается день, следующий за установленным налоговым законодательством днем уплаты налога, сбора (пошлины), даже если факт неуплаты обнаружился позже. При этом самостоятельное обнаружение плательщиком

ошибок при исчислении налога, в том числе и уплата недостающей суммы налога после истечения срока его уплаты, не являются основанием для освобождения плательщика от уплаты пеней за несвоевременное исполнение налогового обязательства.

В случае, когда срок уплаты совпадает с выходным (праздничным) днем, пеня начисляется начиная со второго рабочего дня после выходного (праздничного) дня. Пеня не начисляется на пеню.

Действующий НК предусмотрел перечень случаев, составляющих исключение из общего правила о начислении пени. Так, с 1 января 2010 года пени не начисляются на суммы налогов, сборов (пошлин), подлежащие доплате согласно налоговым декларациям (расчетам), представленным не позднее 1 апреля текущего года по итогам проведения в соответствии с законодательством переоценки (изменения стоимости) числящихся в бухгалтерском учете в составе внеоборотных активов основных средств, не завершаемых строительством объектов и неустановленного оборудования. Данная норма применяется при условии полной уплаты подлежащих доплате сумм налогов, сборов (пошлин) не позднее 10 апреля текущего года [2, ст. 52 п. 3¹]. С 1 января 2011 года пени также не начисляются на суммы государственной пошлины, подлежащие уплате плательщиками, указанными в абзаце третьем статьи 248 НК [2, ст. 52 п. 3²], то есть организациями и физическими лицами, которые выступают ответчиками (должниками) в общих судах или хозяйственных судах, если при этом решение суда принято не в их пользу, а истец (взыскатель) освобожден от государственной пошлины в соответствии с НК или актами Президента Республики Беларусь [2, ст. 248].

Пени за каждый день просрочки определяются в процентах от неуплаченных сумм налога, сбора (пошлины). Размер пени закреплён НК и равен 1/360 ставки рефинансирования Национального банка Республики Беларусь, действующей на день исполнения налогового обязательства [2, ст. 52 п. 4], то есть, нет необходимости отслеживать изменения указанной ставки за весь период неисполнения налогового обязательства. Применяется ее размер, установленный на день исполнения налогового обязательства. Кроме того, размер пени не дифференцируется в зависимости от налога и категории плательщика.

Смысл конструкции пени как способа обеспечения исполнения налогового законодательства заключается в том, что данная денежная сумма должна возместить ущерб государству в случае уплаты налога в более поздние сроки, а значит, размер пени теоретически должен соответствовать ущербу. С тем, чтобы освободить государство от необходимости каждый раз доказывать размер ущерба, причиненного неисполнением налогового обязательства в установленный срок, законодательство заранее определяет размер пени.

Размер подлежащей уплате пени зависит от размера неуплаченных сумм налога, сбора (пошлины), ставки пени и периода ее начисления, а механизм исчисления пени может быть представлен в виде следующей арифметической формулы:

$$П = Н \times СП \times КДП,$$

где П – размер пени (в белорусских рублях); Н – размер неуплаченных сумм налога, сбора (пошлины) (в белорусских рублях); СП – ставка пени, установленная налоговым законодательством (в процентах); КДП – количество дней просрочки (в календарных днях).

Отметим, что во всех рассмотренных автором налоговых системах зарубежных государств размер пени закрепляется на законодательном уровне, хотя и отличается в количественном выражении (таблица 1).

Приведенные в таблице данные подтверждают, что в различных государствах конструкция пени построена в соответствии с оценочным методом, зависит от размера недоимки по налогу (сбору) и начисляется за каждый день просрочки.

Следует отметить, что в Беларуси с 16 марта 2011 года действует процентная ставка пени в размере 0,0333. Вместе с тем, на законодательном уровне необходимо закрепить механизм определения процентной ставки пени, поскольку ее конкретный размер устанавливается ведомственными актами налоговых органов в соответствии с положениями ст. 52 НК.

Для этого необходимо изложить ч. 2 п. 4 ст. 52 НК в следующей редакции: «Процентная ставка пеней принимается равной $1/360$ ставки рефинансирования Национального банка Республики Беларусь, действующей на день исполнения налогового обязательства, и определяется как число с округлением до четырех знаков после запятой».

Таблица 1 – Размеры пени, установленные в государствах СНГ

Государство	Размер пени
Украина	120 процентов годовых учетной ставки Национального банка Украины за каждый календарный день просрочки его уплаты
Азербайджанская Республика	0,1 процента неуплаченной суммы налога за каждый день просрочки
Кыргызская Республика	0,09 процента размера недоимки за каждый день просрочки
Республика Армения	1) при задержки уплаты налога до 90 дней – 0,1 процента от не уплаченной своевременно суммы налога за каждый просроченный день; 2) начиная с 91 дня задержки уплаты налога – 0,3 процента от не уплаченной своевременно суммы налога за каждый просроченный день
Российская Федерация	$1/300$ действующей в это время ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации за каждый день просрочки
Молдова	базисная ставка (округленная до следующего полного процента), установленная Национальным банком Молдовы в ноябре года, предшествующего отчетному налоговому году, применяемая к краткосрочным операциям денежной политики и увеличенная на пять пунктов за каждый день просрочки
Казахстан	2,5-кратная официальная ставка рефинансирования, установленная Национальным Банком Республики Казахстан на каждый день просрочки, если иное не установлено законодательными актами Республики Казахстан
Таджикистан	0,05 процента за каждый день наличия недоплаты
Узбекистан	0,05 процента за каждый день просрочки

П. 6 ст. 53 НК предусматривает возможность освобождения плательщика (иного обязанного лица) от уплаты пеней [2]. Право на установление порядка по освобождению плательщиков (иных обязанных лиц) от уплаты пеней делегировано Президенту Республики Беларусь. Условие, при котором возможно такое освобождение – это обязательное исполнение налогового обязательства. Не исполнив его, плательщик (иное обязанное лицо) не имеет права претендовать на освобождение от уплаты пеней.

В настоящее время порядок освобождения от уплаты пени регулируется Указом Президента Республики Беларусь от 17 октября 2005 года №481 (в редакции Указа Президента

Республики Беларусь от 1 марта 2007 года № 116) (далее – Указ). Решение о полном либо частичном освобождении заявителя от уплаты пени принимается на основании его ходатайства Президентом Республики Беларусь. Указом установлен порядок внесения на рассмотрение Президента Республики Беларусь подобных ходатайств, порядок подготовки соответствующих документов и требования к их содержанию. Исходя из содержания данного нормативного правового акта, с ходатайством об освобождении от уплаты пени вправе обратиться юридические лица и индивидуальные предприниматели [14].

Ходатайство и приложенные к нему соответствующие документы подаются заявителем в республиканский орган государственного управления, иную государственную организацию, подчиненную Правительству Республики Беларусь, в подчинении (ведении) которых он находится, а заявителем, не находящимся в подчинении (ведении) этих органа, организации, в том числе индивидуальным предпринимателем, — в облисполком (Минский горисполком) по месту его государственной регистрации как субъекта предпринимательской деятельности [14, п. 3]. Далее документы направляются в государственный орган (государственную организацию), по постановлению которого наложено административное взыскание, для дачи заключения о возможности (невозможности) освобождения заявителя от уплаты пени, после чего – в Межведомственную комиссию по рассмотрению ходатайств об освобождении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей от административных взысканий, которая в случае целесообразности освобождения от уплаты пени вносит на рассмотрение Президента Республики Беларусь через Администрацию Президента Республики Беларусь проект соответствующего распоряжения Президента Республики Беларусь с приложением обоснования целесообразности освобождения от уплаты пени.

При отказе Президента Республики Беларусь удовлетворить ходатайство заявителя Администрация Президента Республики Беларусь в трехдневный срок информирует об этом Межведомственную комиссию по рассмотрению ходатайств об освобождении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей от административных взысканий, а также государственный орган (государственную организацию), по постановлению которого наложено административное взыскание [14, п. 10].

Заключение

Проведенный анализ правового режима пени позволяет констатировать, что данная мера носит обеспечительный характер, способствует исполнению налогового обязательства, а значит, справедливо отнесена законодательством Республики Беларусь к способам обеспечения исполнения налогового законодательства.

В Республике Беларусь правовым основанием возникновения пени является ст. 52 НК, которая предусматривает механизм начисления и уплаты пени, случаи ее неначисления, а также возможность освобождения плательщика (иного обязанного лица) от уплаты пеней. Фактическим же основанием возникновения пени является просрочка исполнения налогового обязательства независимо от каких-либо обстоятельств, в том числе и вины налогоплательщика. При этом законодательство закрепляет единый, унифицированный правовой механизм начисления пени для всех налогов и сборов и категорий плательщиков, что соответствует закрепленному в п. 3 ст. 2 НК принципу равенства налогообложения.

В настоящее время налоговое законодательство большинства государств предусматривает пеню, взыскиваемую в случае ненадлежащего исполнения налогового обязательства. Во всех рассмотренных автором налоговых системах зарубежных государств размер пени зависит от размера недоимки по налогу (сбору), начисляется за каждый день просрочки и закрепляется на законодательном уровне, хотя и отличается в количественном выражении.

В целях конкретизации порядка начисления пени в Республике Беларусь на законодательном уровне необходимо закрепить механизм определения процентной ставки пени, для чего необходимо изложить ч. 2 п. 4 ст. 52 НК в следующей редакции: «Процентная ставка пеней принимается равной 1/360 ставки рефинансирования Национального банка Республи-

ки Беларусь, действующей на день исполнения налогового обязательства, и определяется как число с округлением до четырех знаков после запятой».

Литература

1. О налогах и сборах, взимаемых в бюджет Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 20 дек. 1991 г., № 1323-XII: текст по состоянию на 4 янв. 2003 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
2. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая и Особенная части): текст по состоянию на 1 янв. 2010 г. – Мн.: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – 672 с.
3. Карасева, М. В. Финансовое правоотношение / М. В. Карасева. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – 288 с.
4. Зуев, В. М. Финансовое право Российской Федерации: теория общей части / В. М. Зуев. – Томск: Изд-во НТЛ, 2000. – 239 с.
5. Стрельников, В. В. Правовой режим пени в налоговом праве: учебное пособие / В. В. Стрельников; под ред. С. Г. Пепеляева. – М.: Статут, 2004. – 155 с.
6. Латыпова, Е. У. Обеспечение исполнения обязанности по уплате налогов и сборов / Е. У. Латыпова; под ред. д. ю. н., проф. Е. Ю. Грачевой. – М.: Юриспруденция, 2006. – 128 с.
7. Имыкшенова, Е. А. Способы обеспечения налоговых обязанностей по Налоговому кодексу Российской Федерации. – М.: Юрлитинформ, 2005. – 168 с.
8. Налоговый кодекс Азербайджанской Республики от 11 июля 2000 г. // Информационный юридический портал Азербайджана [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.legal.az/component/option,com_docman/task,doc_details/gid,84/. – Дата доступа: 02. 02. 2011.
9. Налоговый кодекс Украины от 2 дек. 2010 г. № 2756-VI // Голос Украины. – 2010. – 4 дек. – № 229-230.
10. О налогах: Закон Республики Армения, 14 апр. 1997 г. // Национальное Собрание Республики Армения [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1837&lang=rus#4>. – Дата доступа: 02. 02. 2011.
11. Этель, Л. Налоговое право Польши / Л. Этель // Налоговое право стран Восточной Европы. Общая часть: Беларусь, Польша, Россия, Словакия, Украина, Чехия / М. В. Карасева [и др.]; отв. ред. М. В. Карасева (Сенцова), Д. М. Щекин. – М., 2009. – С. 103-133.
12. Бабчак, В. Налоговое право Словакии / В. Бабчак // Налоговое право стран Восточной Европы. Общая часть: Беларусь, Польша, Россия, Словакия, Украина, Чехия / М. В. Карасева [и др.]; отв. ред. М. В. Карасева (Сенцова), Д. М. Щекин. – М., 2009. – С. 198-243.
13. Положение о порядке предоставления отсрочки и (или) рассрочки уплаты налогов, сборов, таможенных платежей и пени, налогового кредита: утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 28 марта 2006 г., № 182 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
14. Положение о порядке внесения на рассмотрение Президента Республики Беларусь ходатайств об освобождении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей от административных взысканий: утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 17 окт. 2005 г., № 481: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 01. 03. 2007 г., № 116 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

Закрепление права человека выезжать из любой страны и права гражданина возвращаться в свою страну в конституциях европейских государств

И. В. НЕМКЕВИЧ

Закрепление права человека свободно выезжать за пределы любого государства и права гражданина возвращаться в страну своего гражданства в конституциях государств Европы рассматривается в статье в качестве важнейшей национальной юридической гарантии этих прав. Четыре из пяти десятков европейских конституций включают данные права в конституционный статус личности. Следуя при этом основным международным стандартам, они демонстрируют большое разнообразие, не воспроизводя формулировок международных актов дословно.

Ключевые слова: правовой статус гражданина, права человека, свобода передвижения, право человека выезжать из страны, право гражданина возвращаться в свою страну, международно-правовые акты, конституционное закрепление.

Fixing of a human right to leave any country and to come back to the country in the constitutions of European states is presented in the article as the most important national guarantee juridique. Four out of five tens of European constitutions include these rights into the constitutional status of a person. Following thus the basic international standards they show a big variety without reproducing formulations of the international certificates literally.

Ключевые слова: legal status of a person, human rights, freedom of movement, human right to leave a country, human right to come back to the country, international legal acts, constitutional fixing.

Право человека свободно выезжать из страны и право гражданина беспрепятственно возвращаться в страну гражданства являются органичной частью правового положения личности в демократическом обществе. Данные права закрепляют все основные международно-правовые акты о правах человека. Они, следовательно, входят в группу фундаментальных прав и свобод человека и гражданина.

Для отдельного человека и общества в целом данные права имеют существенное значение, ибо с их реализацией связана жизнедеятельность людей не только в сфере личной свободы. Некоторые важные права реализуются исключительно в процессе или в результате реализации права выезжать из страны пребывания и возвращаться в страну гражданства.

Рассматриваемые права не являются абсолютными, но, подобно другим субъективным правам, подлежат правовому регулированию с учетом прав и свобод других лиц. Только правомерный выезд за пределы страны пребывания и правомерный въезд на территорию страны своего гражданства составляют объекты данных субъективных прав.

Право человека свободно выезжать за пределы любого государства и право гражданина беспрепятственно возвращаться на территорию своего собственного государства не имеют единого нормативно-правового источника. Они содержатся в важнейших международно-правовых актах, а также в конституционных актах большинства современных государств. Данный аспект свободы передвижения зафиксирован международным сообществом в таких документах, как Всеобщая декларация прав человека (статья 13), Международный пакт о гражданских и политических правах (статья 12), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (статья 2 Протокола № 4). Свобода передвижения закреплена в качестве составной части статуса граждан Европейского Союза (статьи 105, 134, 136 Договора о Конституции для Европы). Конституционное закрепление рассматриваемых прав следует рассматривать при этом как важнейшую национальную юридическую их гарантию. Отнесение тех или иных прав к категории конституционных подчеркивает важность защищаемых ими ценностей. Включение в число конституционных гарантирует защиту таких прав не только от исполнительной власти, но и от законодательной. Предоставляемые конституцией

права не могут быть урезаны или изменены временным законодательным большинством (разве что при особых обстоятельствах и в строго определенном в самой конституции порядке). Следовательно, закрепление интересующих нас прав в конституционной норме имеет большое значение уже само по себе. Но оно также усиливается тем обстоятельством, что со свободой передвижения тесно связана реализация многих других конституционных прав и свобод граждан.

До недавнего времени ни в белорусской, ни в российской юридической науке право человека выезжать из страны и право гражданина возвращаться в свою страну не подвергались монографическим исследованиям в качестве самостоятельных прав личности. Частично этот научный пробел был заполнен кандидатской диссертацией Р. В. Савельева, защищенной в России в 2003 году. Рассматривая вопрос о нормативно-правовой регламентации интересующих нас прав в современном мире, этот исследователь выбрал в качестве объекта для анализа конституции латиноамериканских государств. В 2007 году в монографии «Конституционное право на свободу передвижения и выбор места жительства» белорусский исследователь Д. Г. Василевич проанализировал юридическую природу интересующего нас понятия в качестве составного элемента свободы передвижения. Тезис о достаточно широком закреплении свободы передвижения в конституциях стран Европы автор иллюстрирует соответствующими нормами конституций 12 европейских государств [1, с. 29-35].

Предметом данной статьи является анализ закрепления права человека свободно выезжать из страны и права гражданина беспрепятственно возвращаться в страну своего гражданства в конституциях всех государств современной Европы. Объектом изучения явились конституции 49 зарубежных европейских государств, а также Конституция Республики Беларусь. В качестве критериев региональной принадлежности были использованы географический, а также критерий представительства в таких региональных организациях, как Совет Европы, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Европейская конференция администраций почтовых служб и служб связи. Цитаты из конституционных актов, использованные в статье, приведены по текстам издания «Конституции государств Европы» [2-4] либо текстам, размещенным на официальных электронных сайтах соответствующих государств.

Абсолютистские, авторитарные и тоталитарные государства Нового и Новейшего времени не признавали права граждан свободно покидать страну и беспрепятственно возвращаться, используя в регулировании выезда процедуры, носившие разрешительный характер (выдача паспорта). Не включали его в предмет своего регулирования и старые конституции. Только создание в середине прошлого века Международного билля о правах человека обеспечило праву на выезд и беспрепятственное возвращение в свою страну статус общепризнанного гражданского права человека. Сегодня право человека покидать страну и право гражданина возвращаться в свою страну содержатся в конституционных актах национального законодательства большинства нетоталитарных государств. Развитие конституционного процесса в Европе может служить убедительным подтверждением данного тезиса.

Действующие сегодня конституции европейских государств (всего 50) по времени их принятия в подавляющем большинстве относятся к числу новейших, принятых после Второй мировой войны (15), а также сверхновых, принятых за последние двадцать лет (26). Только в трех государствах сохраняют свою силу старые конституционные акты (Основной закон государства от 21 декабря 1867 г. в Австрии, Конституция Великого Герцогства Люксембург 1869 г. и Конституция Норвегии 1814 г.); пять европейских государств используют новые конституции: Ватикан (1929 г.), Ирландия (1937 г.), Исландия (1944 г.), Латвия (1922 г.) и Лихтенштейн (1921 г.).

В группе старых по времени принятия конституционных актов только австрийский Основной закон государства от 21 декабря 1867 г. упоминает свободу выезда из страны (ст. 4). Но уже три из пяти новых конституций закрепляют свободу выезда и свободу возвращения граждан в свою страну (исключение составили Лихтенштейн и Ирландия, в Конституции которой упоминается, однако, «свобода путешествий между государством и другой страной»). В группе же новейших и сверхновых конституций интересующие нас права не включены в число прав человека и гражданина лишь в конституциях Бельгии, Боснии и Герцеговины, Германии,

Дании, Монако, Франции и Сан-Марино. Таким образом, четыре из пяти десятков конституций, действующих в современной Европе, непосредственно закрепляют данный аспект свободы передвижения. Кроме того, Основной закон ФРГ содержит норму, запрещающую выдачу немецкого гражданина иностранному государству (ст. 16), а также объявляет общие нормы международного права составной частью права Федерации и непосредственно порождающими права и обязанности для жителей федеральной территории (ст. 25). А Конституция Боснии и Герцеговины придает прямое действие и преимущественную силу относительно всех других норм права правам и свободам, закрепленным в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколах к ней (ст. 2). Аналогичные нормы включены и в конституции ряда государств, закрепивших право свободно покидать страну и право граждан беспрепятственно въезжать на территорию своего государства. К примеру, статья 22 принятой в 2008 году Конституции Косово непосредственно перечисляет международные акты, закрепляющие данные права и обладающие приоритетом над положениями национального законодательства: «Human rights and fundamental freedoms guaranteed by the following international agreements and instruments are guaranteed by this Constitution, are directly applicable in the Republic of Kosovo and, in the case of conflict, have priority over provisions of laws and other acts of public institutions: (1) Universal Declaration of Human Rights; (2) European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols; (3) International Covenant on Civil and Political Rights and its Protocols...». На наш взгляд, такая практика усиливает конституционную защиту данного аспекта свободы передвижения.

Основные международные документы закрепляют интересующие нас права однозначно и недвусмысленно: любое физическое лицо, независимо от того, является ли оно гражданином страны пребывания или нет, имеет право по своему желанию покинуть ее пределы. В свою очередь, любое физическое лицо, являющееся гражданином какой-либо страны, имеет право по своему желанию беспрепятственно въехать в ту страну, гражданином которой (которых) он является. Международный Пакт и Европейская Конвенция запрещают любые ограничения этих прав, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности, или прав и свобод других лиц. Следуя в целом этим универсальным и региональным международным стандартам, конституции государств Европы в соответствующих нормах отличаются разнообразием, ни в едином случае не воспроизводя формулировки международных актов дословно.

Предметом конституционного закрепления в подавляющем большинстве европейских государств являются как свобода выезда из страны, так и свобода возвращения. Только в конституционных статьях Австрии, Албании и Нидерландов упоминается лишь одно из этих прав – право покинуть страну. Конституции Кипра, Молдовы, Португалии, Румынии и Хорватии дополняют свободу выезда правом на эмиграцию. Дальше других в расширении круга дозволенных действий пошла Румыния, в Конституции которой (ст. 25) гарантируется право на свободное передвижение не только в стране, но и за границей. Такая конституционная норма очевидно выходит за пределы государственного суверенитета: дозволение или недозволение пребывания иностранца на территории любого государства и свобода его передвижения на этой территории являются исключительной прерогативой властей страны пребывания, а не страны гражданства.

В качестве субъектов обоих прав конституции 13 зарубежных государств Европы называют только своих граждан (Ватикан, Греция, Испания, Италия, Литва, Македония, Мальта, Молдова, Португалия, Турция, Хорватия, Швейцария и Швеция). Конституции Андорры (ст. 21), Сербии (ст. 39) и Словении (ст. 32) гарантируют право выезда из страны и право возвращения в страну любому лицу. Конституционные нормы Австрии, Ирландии и Черногории не уточняют вопрос о субъектах прав выезжать из страны и возвращаться обратно. Конституции же большинства европейских стран следуют основным международным документам, разрешая свободный выезд за пределы национальной территории любому физическому лицу, независимо от его гражданства, а беспрепятственный въезд – своим гражданам. К примеру, статья 33 Конституции Украины гарантирует «каждому, кто на законных основа-

ниях находится на территории Украины», право свободно покидать территорию Украины; гражданин Украины не может быть лишен права в любое время возвратиться в Украину. «Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации, - гласит статья 27 (ч. 2) Конституции России. – Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию».

В конституциях отдельных государств Европы упоминают о наличии специальных субъектов, пересекающих государственную границу. Так, конституционный закон Ватикана (Закон о праве гражданства и праве пребывания от 7 июня 1929 г. N 3) предоставляет его гражданам право по предъявлении удостоверения личности «без дальнейших формальностей выезжать из Города Ватикан и возвращаться обратно». При этом «освобождаются от обязанности иметь удостоверение личности кардиналы, являющиеся гражданами Города Ватикан, и лица их свиты, Губернатор, а также другие лица согласно особым правилам» (ст. 11). Конституция Португалии, закрепляя интересующие нас права за всеми гражданами (ст. 44), называет среди прав и привилегий депутатов «право на получение специального паспорта для официальных поездок за границу» (ст. 158). Конституция Мальты, напротив, туманно упоминает о возможности существования законов, предусматривающих «наложение ограничений на передвижение или место жительства государственных служащих в Мальте» (ст. 44). Конституции Польши, Литвы и Эстонии предоставляют право поселиться на национальной территории (и, следовательно, право на въезд в страну) соответственно лицам польского происхождения, литовцам и эстонцам. Конституция Латвии, обозначая субъектов права на свободное возвращение в эту страну, использует понятие «каждый, имеющий латвийский паспорт» (ст. 98). Это обусловлено, очевидно, тем фактом, что в Латвии значительное количество лиц, имеющих латвийский паспорт, не являются гражданами этого государства.

Не являясь абсолютными, право человека свободно выезжать из страны и право гражданина беспрепятственно возвращаться в страну гражданства подлежат государственной регламентации и контролю. Конституции многих государств Европы оговаривают условия реализации данных прав, допускают возможность их ограничения и даже приостановления. В качестве таких условий конституции Андорры, Испании, Италии, Кипра и Румынии называют соблюдение закона. «Любое лицо имеет право свободно передвигаться по национальной территории, а также выезжать из страны и возвращаться в нее на условиях, предусмотренных законом», - говорится в статье 21 Конституции Андорры. «Каждый гражданин волен покинуть территорию Республики или возвратиться при условии выполнения обязанностей, налагаемых законом», - гласит Конституция Италии (ст. 16). Конституции отдельных государств свободу выезда из страны обусловили законностью пребывания лица на национальной территории (Азербайджан, Венгрия, Грузия, Словакия и Чехия).

Большинство действующих конституций декларируют общий принцип, в соответствии с которым осуществление всех прав и свобод не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного порядка, для предотвращения преступлений, в целях защиты здоровья и нравственности, защиты прав и свобод других лиц. Кроме того, каждая вторая из европейских конституций, включивших интересующие нас права в предмет конституционного регулирования, прямо указывают на возможность ограничения свободы выезда из страны, каждая четвертая – на возможность ограничения свободы въезда. При этом чаще всего в полном соответствии с международными стандартами в области прав человека конституции четко определяют основания и цели таких ограничений.

Свободу выезда из страны европейские конституции ограничивают в связи с воинской повинностью (Австрия, Косово, Финляндия, Эстония), а также, если это необходимо для исполнения наказания (Финляндия, Косово, Эстония). Так, статья 35 Конституции Эстонии гласит: «Каждый имеет право покинуть Эстонию. Это право может быть в установленных законом случаях и порядке ограничено в целях обеспечения судебного и досудебного производства и в целях исполнения решения суда». К группе этих конституций присоединяется Конституция Турции, добавляя при этом такое маловразумительное основание, как «экономическая ситуация в стране»: «Свобода гражданина покидать страну может быть ограничена

в связи с экономической ситуацией в стране, гражданскими обязательствами или уголовным розыском, а также судебным преследованием» (ст. 23).

В качестве целей допустимого ограничения рассматриваемых прав чаще других конституции европейских государств указывают защиту национальной безопасности и общественного порядка, здоровья народа, прав и свобод других граждан и осуществления правосудия. Статья 32 Конституции Словении, гарантируя каждому право свободно передвигаться и выбирать место жительства, покидать территорию государства и в любое время возвращаться обратно, уточняет: «Данное право может быть ограничено законом только в случаях, когда это необходимо для обеспечения уголовного процесса, предотвращения распространения опасных инфекций, охраны правопорядка, а также в интересах обороны государства». Идентичные формулировки использованы в конституциях Сербии и Черногории. Многословно и довольно туманно излагает цели совместимых со свободой передвижения ограничений Конституция Мальты. В ней (ст. 44, ч. 3) идет речь о «наложении ограничений, которые разумно требуются в интересах обороны, общественной безопасности, общественного порядка, общественной нравственности и приличия или общественного здоровья, за исключением случаев, в которых такое предписание закона или, что может иметь место, совершенное в соответствии с ним действие оказалось невозможным разумно обосновать в демократическом обществе».

Конституция Греции конкретизирует процедурные вопросы применения индивидуальных административных мер, ограничивающих свободный для каждого грека выезд из страны и свободный въезд в нее. А Конституция Испании запрещает ограничение этих прав по политическим или идеологическим мотивам (ст. 19. 1).

Закрепляя свободу пересечения государственной границы, конституции имеют в виду правомерное поведение субъектом рассматриваемых прав. При этом конституции семи европейских государств упоминают ситуацию незаконного (нелегального) проникновения лиц на национальную территорию. В таких случаях (а также для их предотвращения) лицо-нарушитель может быть лишено свободы (Албания, Армения, Кипр, Косово, Мальта, Эстония), подвергнуто аресту или задержанию (Турция).

В подавляющем большинстве случаев конституции европейских государств напоминают о том, что перечисленные ограничения допускаются лишь на основании закона и в соответствии с ним. Если допускать возможность решения некоторых вопросов подзаконными актами, то они должны иметь лишь процедурный характер и не содержать ограничений.

Как правило, действие статей, гарантирующих свободу передвижения, может быть приостановлено наряду с другими в условиях чрезвычайного или военного положения в порядке и пределах, определяемых конституциями и соответствующими законами. Конституции двух европейских государств особо упоминают о возможности приостановления действия статей, закрепляющих свободу выезда из страны и въезда в нее. В статье 55 Конституции Испании говорится о возможности такого приостановления в случае объявления чрезвычайного или осадного положения. Конституция Кипра говорит о возможности приостановления «в течение всего периода чрезвычайного положения» (ст. 183).

В качестве негативной гарантии свободы выезда из страны может рассматриваться запрет высылки, изгнания и выдачи (экстрадиции) граждан. Высылку и изгнание из страны свои граждане запрещают 32 европейские конституции, а 11 из них не допускают этого ни при каких обстоятельствах (или не указывают на обстоятельства, допускающие исключения из общего правила). Ни при каких обстоятельствах, например, не может быть изгнан из Азербайджанской Республики или выдан иностранному государству гражданин Азербайджана (ст. 53 Конституции Азербайджана). Не может быть выдворен за пределы Украины либо выдан другому государству гражданин Украины (ст. 25 Конституции Украины). Нельзя выслать из страны польского гражданина (ст. 52 Конституции Польши). В соответствии с конституционной нормой в Словакии и в Чехии гражданин не может быть принужден покинуть Родину. Не допускает депортации и экстрадиции гражданина против его воли Конституция Финляндии: «Finnish citizens shall not be prevented from entering Finland or deported or extradited or transferred from Finland to another country against their will» (ст. 9). Защита от высылки, выдачи и депортации четко прописана в статье 25 швейцарской Конституции: «1 Швейцарок и швейцарцев нельзя

высылать из Швейцарии; их можно лишь с их согласия выдавать иностранной власти. 2 Беженцев нельзя депортировать в государство, в котором они преследуются, или выдавать такому государству. 3 Никого нельзя депортировать в государство, в котором ему грозят пытки или иного рода жестокое и бесчеловечное обращение или наказание».

Наконец, конституции шести европейских государств затрагивают вопрос о компетенции органов, регулирующих свободу передвижения. Так, Конституция Испании относит вопросы гражданства, иммиграции и эмиграции, статуса иностранцев и права убежища к исключительной компетенции государства (ст. 149. 1). Конституция Грузии относит законодательство о гражданстве Грузии, правах и свободах человека, эмиграции и иммиграции, въезде и выезде, о временном или постоянном пребывании в Грузии граждан других государств и лиц без гражданства к предметам исключительного ведения высших государственных органов Грузии (ст. 3). А в Конституции Венгрии уточняется даже условие принятия законов о свободе передвижения – две третьих голосов присутствующих депутатов Государственного собрания (ст. 58).

Конституция суверенной Беларуси впервые в истории нашей государственности закрепила право ее граждан свободно покидать ее и беспрепятственно возвращаться обратно (статья 30). Заметим, что Конституция Республики Беларусь сужает круг субъектов до граждан государства.

Можно заметить также, что статья 30 Конституции Республики Беларусь не содержит традиционное для государств Совета Европы перечисление в конституционных статьях, посвященных свободе передвижения, оснований и целей возможного ограничения этой свободы. Но Конституция (статья 23) и международно-правовые акты допускают временное ограничение отдельных прав и свобод на общепринятых демократических принципах и только в случаях, предусмотренных законом. Закон «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь» (статья 7) содержит исчерпывающий перечень оснований временного ограничения права граждан на выезд, а также уточняет срок действия такого ограничения по каждому из оснований.

Поскольку конституционное право на свободу передвижения не относится к числу абсолютных прав, оно может быть не только ограничено в соответствии со статьей 23 Конституции Республики Беларусь, но и приостановлено в условиях чрезвычайного или военного положения в порядке и пределах, определенных Конституцией и законом (статья 63 Конституции Республики Беларусь).

Конституция Республики Беларусь не упоминает случаев недобровольного выезда из страны (высылка, выдворение, изгнание). Но она содержит четко сформулированный запрет на лишение гражданства Республики Беларусь или права изменить гражданство, а также запрет на выдачу гражданина Республики Беларусь иностранному государству, если иное не предусмотрено международным договором (статья 10). Анализ конституционных норм и международно-правовых документов дает основание для вывода о допустимости высылки из Республики Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства.

Использование гражданином своего права на свободный выезд не должно оказывать отрицательного влияния на реализацию других его конституционных прав. В постсоветском обществе трудно переоценить значение конституционной нормы, гарантирующей гражданину защиту и покровительство государства не только на территории Беларуси, но и за ее пределами (статья 10). Факт выезда из Республики Беларусь ее граждан (на временное или постоянное место жительства) при условии сохранения гражданства не может являться основанием для ограничения их прав, обязанностей и законных интересов в Беларуси. Им должна быть обеспечена реализация права на участие в управлении делами государства как непосредственно, так и через представителей, гражданских, трудовых, жилищных прав, права собственности на движимое и недвижимое имущество. Им обеспечивается беспрепятственное возвращение в страну при предъявлении действующего паспорта гражданина Республики Беларусь. В случаях его утраты или просрочки, а также отсутствия беспрепятственное возвращение в страну предполагает удостоверительную процедуру относительно личности и гражданства.

Таким образом, в Республике Беларусь возможность человека выехать за ее пределы и возможность гражданина беспрепятственно возвращаться обоснованы Конституцией (статья 30) и национальным законодательством. Конституционное признание права каждого по своему желанию выезжать за территорию страны и отмена разрешительной системы явились существенным достижением в совершенствовании правового статуса граждан Беларуси.

Итак, право человека свободно выезжать за пределы любого государства и право гражданина возвращаться в страну своего гражданства не имеют единого нормативно-правового источника. Создание Международного билля о правах человека способствовало включению норм, гарантирующих свободу передвижения, в конституции большинства нетоталитарных государств. Конституционное закрепление этих прав следует рассматривать в качестве важнейшей национальной юридической их гарантии, ставящей их под особую государственную защиту.

Данный аспект свободы передвижения закрепляют четыре из пяти десятков действующих в современной Европе конституций. Следуя основным международным документам, конституции большинства европейских государств разрешают свободный выезд за пределы национальной территории любому физическому лицу, независимо от его гражданства, а беспрепятственный въезд – своим гражданам.

В полном соответствии с международными стандартами в области прав человека конституции указывают на возможность ограничения свободы передвижения, четко определяют основания и цели таких ограничений. В качестве негативной гарантии свободы выезда большинство из них запрещают высылку и изгнание из страны своих граждан.

Ориентируясь на международно-правовые акты, конституции европейских государств в соответствующих нормах демонстрируют большое разнообразие, не воспроизводя формулировок международных документов дословно. Анализ содержания сверхновейших конституций позволяет отметить тенденцию к интегрированию Европейской конвенции и принципиальных документов Европейского Союза в национальный правовой порядок. Представляется, что включение в конституции норм, придающих прямое действие и преимущественную силу правам и свободам, закрепленным в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколах к ней, усиливает конституционную защиту права человека выезжать из любой страны и права гражданина беспрепятственно въезжать в свою.

Конституция Республики Беларусь впервые в истории нашей государственности закрепила право ее граждан свободно покидать свою страну и беспрепятственно возвращаться обратно (статья 30). Она принадлежит к группе европейских конституций, называющих в качестве субъекта обоих прав только своих граждан. Следовательно, сегодня эти права являются органической составной частью правового статуса гражданина нашего государства и не подлежат изменению иначе, как в порядке, предусмотренном самой Конституцией.

Литература

1. Василевич, Д. Г. Конституционное право на свободу передвижения и выбор места жительства. / Д. Г. Василевич; Белорусский государственный университет. Минск: Право и экономика, 2007. – 210с.
2. Конституции государств Европы: в 3т. / Под общ. ред.: Л. А. Окунькова. – М.: Норма. 2001. – Т. 1. – 824с.
3. Конституции государств Европы: в 3т. / Под общ. ред.: Л. А. Окунькова. – М.: Норма. 2001. – Т. 2. – 840с.
4. Конституции государств Европы: в 3т. / Под общ. ред.: Л. А. Окунькова. – М.: Норма. 2001. – Т. 3. – 793с.

УДК 347. 918:347. 963:347. 95 (476)

Участие прокурора в исполнительном производстве хозяйственного суда

С. В. ПЕСЕНКО

Исполнительное производство – стадия судопроизводства, представляющая собой применение хозяйственным судом мер, направленных на восстановление нарушенных законных интересов стороны (сторон) в сфере хозяйственной (экономической) деятельности. Прокурор обращается в хозяйственный суд в форме протеста на постановление судебного исполнителя, а также его действия (бездействие) по исполнению исполнительного документа хозяйственного суда, при этом он наделен такими процессуальными средствами реагирования, как апелляционные, кассационные протесты, протесты в порядке надзора, а также обладает правом приостановления исполнения судебных решений. Участие прокурора в исполнительном производстве является одной из гарантий защиты прав юридических и физических лиц.

Ключевые слова: Хозяйственный спор, исполнительное производство, юридические (правовые) гарантии, постановление, протест, апелляция, кассация, приостановление судебного решения.

The executive manufacture is a legal proceeding stage representing an application of measures by the commercial court directed on restoration of the broken legitimate interests of the party (parties) in the sphere of economical (economic) activity. The public prosecutor addresses the commercial court in the form of a protest on the judicial executor's decision, and also his or her actions (inactivity) on execution of the executive document of the commercial court, thus he or she is allocated with such process means of reaction as appeal, cassation protests, protests as supervision, and also he or she possesses the right of *court proceeding suspension*. The public prosecutor's participation in executive manufacture is a warranty of legal and natural people's right protection.

Keywords: commercial argument, executive manufacture, legal warranty, resolution, protest appeal, cassation, court proceeding suspension.

Введение

На основе анализа законодательства в статье освещены проблемные вопросы, возникающие при участии прокурора в исполнительном производстве, которое призвано содействовать эффективной защите прав граждан и юридических лиц.

Статья является не первым специальным научным исследованием проблем участия прокурора в хозяйственном судопроизводстве. Данная тема исследовалась такими учеными, как В. С. Каменковым, С. Н. Колбасиным и другими, в том числе российскими авторами. Однако комплексного исследования вопросов участия прокурора в исполнительном производстве хозяйственного суда в указанной сфере проведено не было.

Основная часть

По вступлении решения в законную силу начинается стадия его исполнения. Вступившие в законную силу решения приобретают свойства обязательности и исполнимости.

В соответствии со статьей 325 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК), исполнительным производством по хозяйственным (экономическим) спорам является стадия судопроизводства в хозяйственном суде, представляющая собой применение хозяйственным судом по основаниям и в порядке, установленном ХПК, мер, направленных на восстановление, в том числе принудительное, нарушенных законных интересов стороны (сторон) в сфере хозяйственной (экономической) деятельности [1].

Задачей исполнительного производства является своевременное и полное исполнение хозяйственным судом судебного постановления или иного акта в целях восста-

новления нарушенных прав лица, заявившего на это требование. Основанием для исполнения является предъявление в хозяйственный суд исполнительного документа для его исполнения [2].

В исполнительном производстве большое значение имеет оптимизация практической деятельности органов принудительного исполнения и иных участников исполнительного производства. Здесь необходимо найти и сохранить баланс интересов прежде всего взыскателя и должника. Данная задача может быть успешно решена через сбалансированную, устойчивую и универсальную систему процессуальных гарантий, установленных в законодательстве об исполнительном производстве [3].

Процессуальные гарантии реализации и защиты прав граждан и юридических лиц в исполнительном производстве представляют собой часть более общего понятия юридических (правовых) гарантий.

В соответствии с системным пониманием гарантии являются:

1) объектом, так как любой объект относительно своей цели, которую он способен реализовать выступает как система;

2) функционирующим объектом, то есть процессуальные гарантии прав граждан и организаций в исполнительном производстве независимо от вкладываемого смысла реализуют определенные цели;

3) совокупностью составляющих его элементов, находящихся в целесообразных отношениях друг с другом, поскольку гарантии взаимосвязаны и взаимозависимы.

Особое место процессуальных гарантий реализации и защиты прав граждан в системе исполнительного производства объясняется специфичностью самого исполнительного производства и положением, которое занимает в нем прокурор.

Прокурор – активный участник исполнительного производства. Его участие в этой стадии процесса способствует правильному и быстрому исполнению исполнительных документов, так как государство несомненно заинтересовано в реализации принятых судебных и иных актов, подлежащих исполнению.

Следует учитывать, что прокурор на любом этапе юридического производства участвует в нем не в интересах одной либо другой стороны, а исключительно в интересах законности. Право на судебную защиту стало бы иллюзорным, если бы правовая система государства позволяла, чтобы окончательное, обязательное судебное решение оставалось недействующим к ущербу одной из сторон; исполнение решения, вынесенного любым судом, должно рассматриваться как неотъемлемая часть «суда» [4].

Вышеотмеченное и предопределяет сложный характер системы процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве, которые в конечном итоге предназначены для правильного и своевременного достижения цели исполнительного производства и его основных задач [3].

Правовое положение прокурора в хозяйственном процессе является несколько несхожим с правовым статусом других лиц, участвующих в деле. Он является должностным лицом правоохранительного органа – прокуратуры Республики Беларусь. При этом его полномочия в исполнительном производстве регламентированы достаточно подробно [5].

В статье 1 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 года №220 – 3 «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон) определено, что прокуратура Республики Беларусь – единая и централизованная система органов, осуществляющих от имени государства надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь, а также выполняющих иные функции, установленные законодательными актами [6].

В соответствии со статьей 4 Закона в целях выполнения этих задач прокуратура осуществляет надзор за соответствием закону судебных постановлений, а также за соблюдением законодательства при их исполнении [6].

Статья 349 ХПК также предусматривает, что надзор за законностью исполнения судебных постановлений и иных актов осуществляется прокурором.

Согласно статье 32 Закона, предметом надзора за соответствием закону судебных постановлений, а также за соблюдением законодательства при их исполнении являются: соот-

ветствие закону приговоров, решений, определений и постановлений судов (судей) по уголовным, гражданским делам, делам, связанным с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, по делам об административных правонарушениях, а также соответствие законодательству правовых актов и решений (действий) органов и должностных лиц, осуществляющих исполнение судебных постановлений и иных актов, подлежащих исполнению [6].

Некоторые авторы усматривают двуединый характер задачи прокурора в стадии исполнения судебных и иных актов. С одной стороны, прокурор обязан осуществлять надзор за законностью действий органов исполнения, чтобы исключить нарушение прав и законных интересов сторон и других лиц, участвующих в исполнении, а с другой стороны, оказывать органам исполнения и лицам, участвующим в исполнении, помощь и содействие в осуществлении действий по исполнению судебных и иных актов [4].

ХПК предусматривает возможность обращения прокурора в хозяйственный суд в форме протеста на постановление судебного исполнителя, а также его действия (бездействие) по исполнению исполнительного документа хозяйственного суда.

Предметом протеста могут быть любые нарушения процессуального порядка исполнения, выразившиеся в действиях (бездействиях) судебного исполнителя, затрагивающих право сторон исполнительного производства. Судебные исполнители обязаны разъяснять сторонам установленный порядок обжалования, когда заинтересованные лица заявляют о незаконности их действий [7].

В соответствии со статьей 343 ХПК, разъяснение о порядке и сроке обжалования (опротестования) является обязательным реквизитом постановлений судебного исполнителя.

Согласно статье 33 Закона, при осуществлении надзора за соответствием закону судебных постановлений, а также за соблюдением законодательства при их исполнении прокурор имеет полномочия, предусмотренные процессуальным законодательством [6].

Прокуроры обязаны соблюдать и пределы своей компетенции при обращении в хозяйственный суд соответствующего уровня.

Исходя из территориальной компетенции прокурора право принесения протеста на постановление судебного исполнителя, на его действия (бездействие) по исполнению исполнительного документа принадлежит Генеральному прокурору Республики Беларусь и его заместителям, прокурорам областей, города Минска, приравненным к ним прокурорам и их заместителям [8].

В соответствии со статьей 346 ХПК, постановление судебного исполнителя, а также его действия (бездействие) по исполнению исполнительного документа могут быть опротестованы прокурором в хозяйственный суд, при котором состоит судебный исполнитель, в порядке, установленном статьей 353 ХПК.

Протесты на постановление судебного исполнителя могут быть принесены прокурором в течение десяти дней со дня объявления постановления в случае его вынесения с участием прокурора или в течение десяти дней со дня получения стороной исполнительного производства копии постановления, а действия (бездействие) судебного исполнителя по исполнению исполнительного документа могут быть опротестованы прокурором в течение десяти дней со дня их совершения (установления факта бездействия) либо со дня, когда прокурору, не извещенному о времени и месте совершения действий, стало о них известно [8].

В соответствии со статьей 353 ХПК, протест прокурора на постановление судебного исполнителя или действия (бездействие) судебного исполнителя должен соответствовать требованиям, установленным статьями 159, 160 ХПК, в протесте также должны быть указаны сведения об исполнительном документе, в связи с исполнением которого обжалуются постановление или действия (бездействие) судебного исполнителя. К протесту прилагаются уведомление о вручении копии протеста и необходимых доказательств судебному исполнителю и другой стороне исполнительного производства или иные документы, подтверждающие их направление, а также копия обжалуемого постановления, вынесенного судебным исполнителем и полученного взыскателем или должником.

Судья возвращает протест на постановление или действия (бездействие) судебного исполнителя, если при рассмотрении вопроса о принятии протеста к производству будет установлено, что он подан с нарушением требований части четвертой статьи 353 ХПК, а также статей 159 и 160 ХПК.

В соответствии со статьей 353 ХПК, протесты на постановления, действия (бездействие) судебного исполнителя рассматриваются в срок не более десяти дней со дня поступления протеста в суд в судебном заседании с обязательным извещением прокурора. Неявка извещенного надлежащим образом прокурора не препятствует рассмотрению протеста. По результатам рассмотрения протеста хозяйственный суд выносит определение, которым вправе обязать судебного исполнителя совершить действие, входящее в его компетенцию, или решить вопрос по существу [1].

Определения хозяйственных судов областей и города Минска по результатам рассмотрения протеста прокурора на постановление или действия (бездействие) судебного исполнителя могут быть опротестованы в порядке, установленном ХПК для апелляционного опротестования решений хозяйственного суда, а определение Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь – в порядке, установленном ХПК для кассационного опротестования [8].

Дополнительными процессуальными средствами реагирования прокурора в исполнительном производстве могут быть апелляционные, кассационные протесты, протесты в порядке надзора, а также право приостановления исполнения судебных решений. В отношении неправомерных судебных актов в исполнительном производстве прокуроры в пределах своей компетенции обладают правом принесения апелляционных протестов (ст. 267 ХПК), кассационных протестов (ст. 282 ХПК), правом принесения протестов в порядке надзора (ст. 301 ХПК).

В соответствии со статьей 307 ХПК, вопрос о приостановлении исполнения судебного постановления решается должностными лицами, имеющими право принесения протеста в порядке надзора.

Приостановление исполнения судебного постановления может быть отменено должностным лицом, имеющим право принесения протеста в порядке надзора, до окончания пересмотра дела в порядке надзора.

Об отмене приостановления исполнения судебного постановления выносится постановление.

При этом постановление о приостановлении исполнения судебного постановления утрачивает силу после окончания надзорного производства и оставления без изменения судебного постановления хозяйственного суда первой, апелляционной, кассационной или нижестоящей надзорной инстанции [1].

Поэтому в тех нормах ХПК, регулирующих исполнительное производство, где указано на возможность обжалования определений, учитывается и право прокурора на опротестование этих актов в порядке, установленном ХПК.

В законодательстве, по мнению автора, содержится пробел по вопросу возможности подачи заявления о возбуждении прокурором исполнительного производства.

Из норм статьи 6 ХПК следует, что прокурор имеет право на обращение в хозяйственный суд в целях защиты государственных и общественных интересов, а также интересов лиц, указанных в части 1 статьи 6 ХПК. Однако в нормах, регламентирующих исполнительное производство, о возможности прокурора возбудить исполнительное производство путем подачи соответствующего заявления не сказано.

Таким образом, представляется необходимым дополнить ХПК нормой о том, что прокурор вправе подать заявление о возбуждении исполнительного производства по делам, которые им возбуждены в целях защиты государственных и общественных интересов, а также интересов лиц, указанных в части 1 статьи 6 ХПК.

Интересно отметить, что в Российской Федерации существует относительно молодая отрасль прокурорского надзора – это надзор за исполнением законов судебными приставами.

Задачей прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами является соблюдение законности в их деятельности при обеспечении установленного порядка деятельности судов и осуществлении властных полномочий в процессе принудительного исполнения решений

судов и иных органов, а также защита прав и законных интересов физических и юридических лиц, вовлеченных в сферу исполнительного производства [4].

В литературе высказывались различные мнения относительно соотношения надзора за исполнением законов судебными приставами и иных направлений надзорной деятельности прокуратуры.

По предмету надзора, полномочиям прокурора по выявлению и устранению допущенных нарушений надзор за судебными приставами по своей сущности является разновидностью надзора за исполнением законов (общий надзор) и надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, поскольку действия (бездействие) судебного пристава в значительной мере затрагивают нормативно гарантированные права и свободы личности, в частности, представляют собой механизм реализации принятых судебных решений, то есть обеспечивают реальность права на судебную защиту [4].

При этом данный вид надзора возлагается как на общенадзорные подразделения органов прокуратуры, так и на подразделения по обеспечению участия прокуроров в гражданском судопроизводстве, подразделения по обеспечению участия прокуроров в арбитражном судопроизводстве. Прокурорские работники подразделений по обеспечению участия прокуроров в арбитражном судопроизводстве обязаны рассматривать обращения лиц, участвующих в деле, о проверке законности и обоснованности судебных актов арбитражных судов, вынесенных по заявлениям на действия судебных приставов-исполнителей по исполнению исполнительных документов, выданных арбитражными судами, или на отказ в совершении указанных действий [4].

Задачей прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов судебными приставами-исполнителями является предупреждение, выявление и устранение допущенных судебными приставами-исполнителями нарушений законодательства.

Объективно решение этой задачи способствует правильному и наиболее эффективному исполнению судебных решений и решений иных органов.

К числу наиболее распространенных нарушений законодательства об исполнительном производстве относятся: несоблюдение сроков возбуждения исполнительных производств, несоблюдение сроков совершения исполнительных действий, несоблюдение правовых норм, регулирующих основания и порядок наложения ареста на имущество должника [9].

Полномочия прокуроров в рассматриваемой области по российскому законодательству не отличаются особой спецификой и по сути являются общенадзорными, то есть включают в себя арсенал полномочий по выявлению, пресечению и устранению нарушений законов и принятию мер к отмене должностными лицами службы судебных приставов незаконных правовых актов [9].

При этом процессуальные гарантии прав граждан и организаций в исполнительном производстве рассматриваются в качестве правового механизма, выражающегося в совокупности предусмотренных законом средств (нормативная основа) и определяемых на их основе способов (действий по реализации целей), в единстве обеспечивающих достижение целей и задач исполнительного производства (охрану прав граждан и организаций в исполнительном производстве) [3].

По мнению автора статьи, для обеспечения более оперативного исполнения судебных постановлений или иных актов в целях восстановления нарушенных прав лица, заявившего на это требование, требуют конкретизации методы прокурорского воздействия на участников исполнительного производства. При этом следует внести изменения в статью 347 ХПК, дополнив ее частью второй, содержащей норму о правах и обязанностях прокурора как участника исполнительного производства.

Заключение

Таким образом, стадия исполнения является следствием рассмотрения и разрешения хозяйственного (экономического) спора, в которой находит свое воплощение защита прав и законных интересов субъектов хозяйствования.

Литература

1. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 15 дек. 1998 г. № 219-З: принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 26 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10. 01. 2011 г. № 241-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Мн., 2008.
2. Жандаров, В. В. Хозяйственный процесс: учеб. пособие / В. В. Жандаров, С. Н. Колбасин. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – 340 с.
3. Валеев, Д. Процессуальные гарантии в исполнительном производстве / Д. Валеев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – №6. – С. 36 – 39.
4. Григорьев, В. Н. Прокурорский надзор: учебник / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин, В. Н. Калинин. – 2 – изд., перераб. и доп. – М: Эксмо, 2009. – 544 с.
5. Каменков, В. С. Прокурор в хозяйственном процессе Беларуси и в арбитражном процессе России / В. С. Каменков // Весн. Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь. – 2008. – №20. – С. 54 – 66.
6. О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 8 мая 2007 г. №220 – 3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – №119. – 2/1317.
7. Комментарий к Хозяйственному процессуальному кодексу Республики Беларусь / редкол.: В. С. Каменков [и др.]. – Минск: Амалфея, 2003. – 592 с.
8. Об участии прокурора в хозяйственном судопроизводстве: постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 28 окт. 2005 г., №22: в ред. постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь от 26 нояб. 2009 г. №18 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр. Правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
9. Отческая, Т. И. Правовые и методологические проблемы организации участия прокурора в арбитражном суде в защиту экономических интересов Российского государства: по законодательству Российской Федерации, стран ближнего и дальнего зарубежья: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12. 00. 11 / Т. И. Отческая. – Рязань, 2003. – 540 с.

Место и роль суда в системе органов административно-деликтной юрисдикции

Т. В. СЕНЬКОВА

С развитием конституционного законодательства, и законодательства в сфере административной ответственности происходит постепенная эволюция взглядов о значении деятельности суда в реализации административно-деликтной юрисдикции. Сегодня суд занимает особое место в системе органов административно-деликтной юрисдикции, что обусловлено рядом факторов.

Ключевые слова: административно-деликтная юрисдикция, административные правонарушения, специализация в сфере административно-деликтной юрисдикции, субъект административной юрисдикции, суд общей юрисдикции, факторы обуславливающие особое место суда в системе субъектов административной юрисдикции.

With the development of the constitutional legislation and the legislation in the sphere of administrative responsibility there is a gradual evolution of points of view about the value of court activity in realization of administrative tortious jurisdiction. Today the court takes a special place in the system of administrative tortious jurisdiction bodies, which is caused by a number of factors.

Ключевые слова: administrative tortious jurisdiction, administrative delinquency, specialization in the sphere of administrative tortious jurisdiction, administrative jurisdiction subject, common jurisdiction court, factors stipulating a special place of a court in the system of administrative jurisdiction subjects.

«Важным критерием правового демократического государства является наличие сильной и независимой судебной власти и справедливого суда, что обеспечивает надежность всей конструкции государственности, создает условия для устойчивого ее развития» [1, с. 3]. Суд является органом, наиболее приспособленным к защите и предупреждению нарушений прав и свобод граждан и иных лиц, по восстановлению законности в различных сферах общественных отношений.

На современном этапе развития государства и законодательства, можно с уверенностью утверждать, что в Республике Беларусь, сформировалась эффективная система судебных органов, которые заняли соответствующее место в механизме государства. Однако это не исключает необходимости дальнейшего совершенствования их деятельности. Сегодня актуальны вопросы деятельности суда, его места и роли в системе государственных органов, особенно в связи с развитием административно-деликтного законодательства. Суд играет важнейшую роль в реализации законодательства в данной сфере, хотя его деятельность как субъекта административно-деликтной юрисдикции еще не стала предметом всестороннего научного изучения.

Повышенный интерес к административной ответственности вполне оправдан, что обуславливает актуальность оптимизации, как системы субъектов административно-деликтной юрисдикции, так и их компетенции.

Ряд ученых (Бахрах Д. Н., Веремеенко И. И., Крамник А. Н., Круглов В. А., Шергин А. П., Якимов А. Ю. и др.) в своих работах уделяют внимание субъектам административной (административно-деликтной) юрисдикции¹, дают их характеристику и классификацию, ведут споры по поводу их множественности, высказывают различные точки зрения по поводу места и роли суда при рассмотрении дел об административных правонарушениях, так и не придя к единому мнению.

¹ В более ранних публикациях автора настоящей работы отмечалась необходимость выделения административно-деликтной юрисдикции как отдельного вида с учетом развития белорусского законодательства и достижений белорусской юридической науки. Однако в ряде случаев в настоящей работе при ссылке на работы иных авторов понятия «административная юрисдикция» и «административно-деликтная юрисдикция» будут использоваться как синонимы.

С развитием как конституционного законодательства, так и законодательства в сфере административной ответственности происходит постепенная эволюция взглядов о значении деятельности суда в реализации административно-деликтной юрисдикции. Однако сегодня остается ряд нерешенных проблем, касающихся правового статуса суда, как органа административно-деликтной юрисдикции, недооценена его роль в данной сфере.

Категория судебной власти является основополагающей для раскрытия значимости суда в данной сфере. Сущность судебной власти раскрывается путем изучения теории государственной власти и теории разделения властей. Теория государственной власти и ее разделение на три ветви – законодательную, исполнительную и судебную – широко освещена в правовой науке и реализована в законодательстве.

Особое значение для правового государства имеет закрепление данного принципа в Конституции Республики Беларусь, которая предусматривает также механизм сдержек и противовесов, создаваемый не только за счет распределения функций, но и путем установления возможности каждой власти воздействовать друг на друга, осуществлять контроль и участвовать в выполнении функций другой власти.

Впервые в национальное законодательство понятие «судебная власть» было введено с разработкой и принятием Концепции судебно-правовой реформы от 23 апреля 1992 г., одна из целей которой – утверждение самостоятельной и независимой судебной власти как основного гаранта прав и свобод граждан и других участников правоотношений. Концепция судебно-правовой реформы также раскрывает назначение судебной власти в правовом государстве, отмечает, что суд должен быть единственным органом, окончательно разрешающим все правовые споры в обществе, и в связи с этим отводит суду лидирующее положение в системе юстиции [2].

Провозглашая высшей ценностью и целью общества и государства человека, его права, свободы и гарантии их реализации, Конституция Республики Беларусь обеспечивает возможность их судебной защиты. В соответствии со ст. 109 Конституции «судебная власть в Республике Беларусь принадлежит судам». Таким образом, правосудие в Республике Беларусь осуществляется только судом, и это одна из основных функций судебной власти.

Развивая и конкретизируя конституционные положения, ст. 2 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей закрепила норму о том, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, уголовного, хозяйственного и административного судопроизводства.

Суд является одним из основных субъектов административного процесса при рассмотрении дел об административных правонарушениях. Важное значение в кодификации норм об административной ответственности явилось принятие Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально – исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП и ПИКоАП), чем и завершилось оформление самостоятельных отраслей права и законодательства: административно-деликтного и административного процессуально-исполнительного.

Административные правонарушения составляют значительную часть совершаемых правонарушений. Их многообразие обуславливает и специфику построения системы органов административно-деликтной юрисдикции, для которой характерна множественность и неоднородность субъектов, имеющих полномочия в данной сфере.

В связи с указанной особенностью в науке долгое время преобладала точка зрения о том, что под субъектами административно-деликтной юрисдикции необходимо понимать исключительно органы государственного управления, поскольку административная сфера связана с реализацией исполнительно – распорядительной деятельности, которая относится к компетенции соответствующих органов. Суд же не рассматривался как субъект данных отношений.

Данной точки зрения придерживался Шергин А. П., который достаточно узко понимал *субъект административной юрисдикции* как: государственный орган или его должностное лицо (представитель общественного органа), которые в соответствии с законом управомочены рассматривать определенный круг дел об административных правонарушениях и

применять к лицам, виновным в их совершении, административные взыскания. Суд же, по его мнению, является органом, специально созданным для осуществления правоохранительной функции, это универсальный орган, рассматривающий уголовные и гражданские дела, а не орган административной юрисдикции как таковой [3, с. 65].

Такая точка зрения могла быть вполне оправдана в 70-х гг. XX в., когда основная масса рассматриваемых дел об административных правонарушениях приходилась на административные комиссии, комиссии по делам несовершеннолетних, отраслевые органы государственного управления и их должностных лиц. Хотя уже во второй половине 50-х годов XX в. некоторые категории дел об административных правонарушениях, за которые предусматривались взыскания в виде ареста, исправительных работ были отнесены к компетенции народных судей [4, с. 57]. И только в этом случае, как отмечает Шергин А. П., они являются субъектами административной (административно-деликтной) юрисдикции.

Противоположной точки зрения придерживался Веремеенко И. И., который считал, что в юридической литературе при рассмотрении вопроса о субъектах административной юрисдикции их круг неоправданно сужается, что очевидно ошибочно при изучении некоторых административно – процессуальных отношений, субъектами которых нередко выступают суды [5, с. 126].

Аналогична позиция Якимова А. Ю., который в более поздние периоды широко понимал и классифицировал субъектов административной юрисдикции [6, с. 11], выделяя их общий и специальный правовой статус [6, с. 23]. По классификации субъектов административной юрисдикции с точки зрения их места в механизме народовластия, на первое место ученый ставил органы судебной власти [7, с. 14-15].

Концептуальное развитие административного процессуально-исполнительного законодательства в Республике Беларусь в части значительного расширения компетенции суда как органа, рассматривающего дела об административных правонарушениях, повысило роль судов и определило им особое место в системе органов административно-деликтной юрисдикции. Одновременно произошло общее сокращение числа органов, рассматривающих дела об административных правонарушениях и налагающих административные санкции.

Однако следует иметь в виду, что административно-деликтная юрисдикция – это не только полномочия по рассмотрению дел, но также по составлению протоколов и подготовке материалов дела к рассмотрению. Поэтому в этой части, несомненно, имеет значение деятельность иных органов также.

В этой связи будет уместно специально затронуть вопрос о развитии научных взглядов, касающихся множественности и специализации органов, в том числе и судов, рассматривающих дела об административных правонарушениях.

Так, Шергин А. П. в свое время считал, что только при наличии широкой сети компетентных органов возможно оперативное реагирование на административные правонарушения. [3, с. 72]. Специализация, по его мнению, способствует не только быстрому рассмотрению дел об административных правонарушениях, но и более квалифицированному выяснению всех обстоятельств дела [3, с. 85]. Ключевая же роль в борьбе с правонарушениями должна принадлежать тем государственным органам, которые наделены для выполнения данной задачи соответствующими полномочиями, а это не только суды, но и органы государственного управления [3, с. 34].

Подобной точки зрения придерживается также и Круглов В. А., считая, что одним из направлений совершенствования деятельности органов, рассматривающих дела об административных правонарушениях, должна быть их дальнейшая специализация изнутри. Одновременно им отмечается ряд негативных моментов в связи с участием органов государственного управления в процессе привлечения к административной ответственности: узкий круг интересов отдельных органов, узковедомственный подход [8, с. 17]. А в более поздних работах ученый уже высказывает мнение о том, что число органов, имеющих право рассматривать дела об административных правонарушениях, необходимо сократить, расширив при этом полномочия суда [9, с. 155].

Однако Крамник А. Н. еще в 1992 году отмечал ряд негативных моментов в наличии большого количества органов, уполномоченных в данной сфере, среди которых: отсутствие единого подхода в борьбе с административными правонарушениями; некавалифицированность кадров; необходимость судебной процедуры при рассмотрении значительной части дел. В то же время ученый допускал возможность рассмотрения дел ведомственного характера отраслевыми органами, однако совершенно обоснованно считал необходимым ограничить их компетенцию в данной сфере [10, с. 193]

Сегодня наряду с районными (городскими) и хозяйственными судами ПИКоАП предоставляет право еще 25 видам государственных органов, в том числе специально созданным в этой сфере (административным комиссиям) рассматривать дела об административных правонарушениях. Также этот Кодекс содержит подробный перечень должностных лиц (около 75 видов), которые вправе составлять протоколы об административных правонарушениях. Все эти органы представляют совокупность субъектов административно-деликтной юрисдикции. ПИКоАП постатейно определяет компетенцию государственных органов по рассмотрению соответствующих категорий дел об административных правонарушениях. Также в главе 3 ПИКоАП установлены правила административно-деликтной подведомственности, соблюдение которых является важным условием обеспечения законности в сфере административной ответственности.

Приоритетное значение в данной сфере отводится именно деятельности судов. Особое положение судьи в производстве по делам об административных правонарушениях состоит в том, что *судья является представителем судебной власти, одна из главных функций которой – осуществление правосудия*. Традиционно представление о сущности правосудия сводится к следующему: правосудие – одна из форм государственной деятельности; она осуществляется специально уполномоченным на то органом – судом и выражается в применении норм материального права; протекает в особом процессуальном порядке, установленном законом; основу правосудия составляют закрепленные законом принципы [11, с. 9].

Главной же задачей органов государственного управления является реализация исполнительно – распорядительных функций, осуществление государственного управления.

Деятельность судьи отличает высокий уровень нормативной регламентации. Судьи подчиняются только закону. Законодательство устанавливает повышенные профессиональные и этические требования к кандидатам на должность судей и действующим судьям по сравнению с должностными лицами иных государственных органов [12], определяет специальные принципы судебной деятельности, которые существенно возвышают и отличают суды от иных органов, наделенных административно-деликтной юрисдикцией.

Одновременно следует отметить, что суд, как никакой другой орган в этой сфере, наделен широкими дискреционными полномочиями и даже специальной дискреционной властью. Именно суды призваны восполнять правовые пробелы. «Ведь судебная деятельность по рассмотрению юридических дел осуществляется независимо от качества законодательства. Суд вынужден преодолевать препятствия, вызванные состоянием закона» [13, с. 163].

Практическим подтверждением этой научной позиции являются примеры из практики хозяйственных судов, использующих предоставленные им дискреционные полномочия при рассмотрении дел об административных правонарушениях и жалоб на постановления по этим делам, основанные на реализации подходов, заложенных в Директиве Президента Республики Беларусь № 4 от 31 декабря 2010 г. "О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь" [см., например 14].

Об особом положении суда при рассмотрении дел об административных правонарушениях можно судить и по его *компетенции*. Предметная компетенция органа или должностного лица определяется его уровнем, значимостью. Судам предоставлены наиболее широкие полномочия в сфере административно-деликтной юрисдикции. Ст. 3. 2 ПИКоАП определяет категории дел, которые уполномочены рассматривать суды. Суды рассматривают наиболее сложные дела об административных правонарушениях, посягающих на интересы государства, физических и юридических лиц в различных сферах, их компетенцию можно считать универсальной. В то время, как органы государственного управления наделены со-

ответствующими полномочиями только в определенной сфере (таможенной, налоговой, финансовой и т. п.).

Специфика статуса суда определяется также тем, что он вправе применять любые виды административных взысканий, предусмотренные КоАП. А такие, как исправительные работы, административный арест, лишение права заниматься определенной деятельностью, конфискация, взыскание стоимости предмета административного правонарушения, относятся к его исключительной компетенции.

Также необходимо отметить функциональную компетенцию суда по рассмотрению жалоб (протестов) на постановления по делам об административных правонарушениях. Ст. 12. 2 ПИКоАП предусматривает альтернативную возможность подачи жалобы (протеста) или в вышестоящий государственный орган или в суд. Обжалование в вышестоящий орган не лишает права обжалования постановления по делу об административном правонарушении в суд. Таким образом, суд уполномочен рассматривать жалобы (протесты) на постановления, вынесенные государственными органами во всех сферах, а ст. 12. 3 ПИКоАП разграничивает в этой части компетенцию между самими судами.

Таким образом, компетенция суда характеризует его общий и специальный правовой статус, который выделяет Якимов А. Ю. [6, с. 23].

Процессуальная деятельность суда строго регламентирована. Как уже упоминалось, рассмотрение многих дел требует именно *судебной процедуры*. Законодательством установлены принципы административного процесса. Полная реализация наиболее важных из них, возможна только при судебном рассмотрении дела.

Непременное значение при этом имеет закрепленное в Конституции Республики Беларусь положение о независимости судей при осуществлении правосудия и подчинении их только закону. Независимость судьи при рассмотрении дела обусловлена самим его статусом, который предусматривает и ряд соответствующих гарантий, закрепленных Кодексом о судостроительстве и статусе судей: порядок их назначения, приостановление и прекращение полномочий, неприкосновенность, тайна совещания, ответственность за неуважение к суду или вмешательство в его деятельность, иные гарантии, соответствующие статусу судей. Поэтому можно согласиться с мнением Ламонова Е. В. о том, что наличие субординации и подчинения нижестоящих органов исполнительной власти и должностных лиц вышестоящим, императивность указаний руководства не всегда могут способствовать вынесению объективных и законных решений [1, с. 70]. Комлев С. В. также отмечает как одно из достоинств судебного рассмотрения дел об административных правонарушениях отсутствие ведомственной заинтересованности судов [15, с. 25].

Рассмотрение дела об административном правонарушении судьей в наибольшей степени обеспечивает принятие законного решения, является существенной гарантией прав и законных интересов всех участников административного процесса. Суд, бесспорно, является основным субъектом административно-деликтной юрисдикции, которому отводится приоритетное положение в системе органов административно-деликтной юрисдикции, наблюдается тенденция к расширению его полномочий.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Среди субъектов административно-деликтной юрисдикции (суд, органы государственного управления и их должностные лица, специально созданные органы в этой сфере), которым законодательством предоставлены полномочия по составлению протоколов, подготовке материалов дел к рассмотрению и рассмотрению соответствующих категорий дел об административных правонарушениях, *суды занимают особое место*. Это место обусловлено рядом *факторов*:

- особый уровень нормативной регламентации деятельности судов, а также широкие возможности реализации дискреционной власти;
- особая предметная и функциональная компетенция суда;
- особый правовой статус судьи и уровень его квалификации;
- специфика судебной процедуры рассмотрения дел;

– исключительные полномочия суда по наложению отдельных видов административных взысканий.

Считаем, что возможности суда в сфере административно-деликтной юрисдикции далеко не исчерпаны. Они во многом зависят от решения сложного вопроса о судебной специализации.

Литература

1. Ламонов Е. В. Деятельность судьи районного (городского суда) в производстве по делам об административных правонарушениях: Монография / Е. В. Ламонов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 208с.
2. О концепции судебной-правовой реформы: постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г., № 1611-хii // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 16. 03. 2001. - 4/1985.
3. Шергин, А. П. Административная юрисдикция / А. П. Шергин. – М.: Юридическая литература, 1979. – 144с.
4. Лазарев Б. М. Административная ответственность/ Б. М. Лазарев. – М.: Московский рабочий, 1985. – 77с.
5. Веремеенко И. И. Административно – правовые санкции / И. И. Веремеенко. – М.: Юридическая литература, 1975. – 192с.
6. Якимов А. Ю. Субъекты административной юрисдикции: правовой статус и его реализация: Монография Ч. 1 Правовой статус субъекта административной юрисдикции/ А. Ю. Якимов. – М.: ВНИИ МВД России, 1996. – 68с.
7. Якимов А. Ю. Субъекты административной юрисдикции: правовой статус и его реализация: Монография Ч. 2 Система субъектов административной юрисдикции/ А. Ю. Якимов. – М.: ВНИИ МВД России, 1996. – 68с.
8. Круглов В. А. Теоретические основы, правовые и организационные проблемы производства по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. докт. юрид. наук: 12. 00. 14. / В. А. Круглов. – Мн., 2003. – 38с.
9. Круглов В. А. Три отрасли права – три составные части норм об административных правонарушениях / В. А. Круглов. – М. Изд-во деловой и учебной литературы, 2007. – 304с.
10. Крамник А. Н. Концепция административных судов / А. Н. Крамник: материалы Республиканской научно-практической конференции, 26-28 февраля 1992 г.: / под ред. И. И. Басецкого. – Минск: Акад. милиции МВД Республики Беларусь, 1992. – 371с.
11. Павлова Е. С. Применение судьей мер административного взыскания / Е. С. Павлова. – М.: Юридическая литература, 1987. – 80с.
12. Кодекс чести судьи: принят решением Первого съезда судей Респ. Беларусь «О принятии Кодекса чести судьи Республики Беларусь», 5 дек. 1997 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
13. Бибило, В. Н. Дискреционная власть суда / В. Н. Бибило // Бибило, В. Н. Проблемы юриспруденции: избранные труды. – Минск: Право и экономика, 2010. – С. 160– 171
14. "Буква Закона": Первый опыт применения директивы № 4 судом. Неясности законодательства истолкованы в пользу предпринимателей // Режим доступа. – <http://argument.by/law-letter-articles/qletter-of-the-lawq-first-experience-of-application-directive-no4-by-the-court-legislative-ambiguity-interpreted-in-favour-of-entrepreneurs/>
15. Комлев С. В. Административно – юрисдикционный процесс: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12. 00. 14. / С. В. Комлев; ВНИИ МВД России – М., 2008. – 29с.

УДК 342.9:353.5.075.2

Сущность понятия «правовой статус районного исполнительного комитета»

М. В. ТИМОШЕНКО

В настоящей статье раскрывается сущность понятия «правовой статус районного исполнительного комитета», выявляются его основные элементы. Приводится авторское определение этого понятия. Автором делается попытка объединить элементы правового статуса районного исполнительного комитета в группы с целью их классификации. Дается общая характеристика элементов правового статуса районного исполнительного комитета, входящих в различные группы.

Ключевые слова: правовой статус, правовой режим, правовое положение, компетенция, права и обязанности, местное управление, исполнительный комитет, элементы правового статуса исполнительного комитета, формы управленческой деятельности.

The essence and the elements of the concept “legal status of a district executive committee” are revealed in this article. There is given the author’s determination of the notion and there is made an attempt to unite the elements of legal status of a district executive committee in different groups in order to classify them. General characteristics of the elements of the concept “legal status of a district executive committee” are given here.

Keywords: legal status, legal regime, legal position, competence, rights and obligations, local administration, executive committee, elements of legal status of district executive committee, forms of administrative functioning.

Введение

Проблема определения сущности понятия «правовой статус» является актуальной. Среди большого числа публикаций в области общей теории права, конституционного права, административного права, посвященных изучению проблемы статуса, только некоторые затрагивают вопросы районного исполнительного комитета. Большинство таких работ относятся к советскому периоду истории нашего государства.

Для восполнения данного пробела автором в настоящей статье ставится цель раскрыть сущность понятия «правовой статус районного исполнительного комитета» и выявить его основные элементы.

Основная часть

Говоря о правовом статусе районного исполнительного комитета, прежде всего, необходимо определить сущность самого понятия «правовой статус», его содержание.

Изучению сущности рассматриваемого понятия посвящены работы многих ученых юристов в области общей теории права, конституционного права, административного права Н. В. Бутусовой, В. Н. Витрука, И. В. Козелецкого, А. Н. Крамника, В. А. Кучинского, В. И. Новоселова, А. Ю. Якимова [1–7] и многих других. Именно поэтому данное понятие имеет различное содержание со своими специфическими отраслевыми особенностями и авторами толкуется по-разному.

Статус в переводе с латинского означает положение, состояние [8, с. 410]. В словаре русского языка Ожегова С. И. приведено следующее его толкование: «статус – правовое положение» [9, с. 680]. Юридический энциклопедический словарь определяет статус как «правовое положение гражданина или юридического лица» [10, с. 355].

Под правовым статусом некоторые ученые понимают правовой режим. Так, Кобалевский В. Л. при характеристике правового статуса активного субъекта публично-правового отношения употребляет такой термин [11, с. 46]. Ж. Ведель, характеризуя правовой статус

органов государственного управления в административном праве Франции, также употребляет термин «правовой режим» [12, с. 391].

При характеристике правового статуса субъектов административного права в юридической науке советского периода некоторые авторы, например, Еропкин М. И., Лазарев Б. М., Новоселов В. И., Ткаченко Н. Г. употребляют термин «правовое положение» [13, с. 43; 14, с. 19; 6, с. 41; 15, с. 77].

В современной науке российского административного права прослеживается такая же тенденция. Габричидзе Б. Н., Старилов Ю. Н. наряду с термином «правовой статус» употребляют термин «правовое положение» [16, с. 144; 17, с. 449]. Аналогичный подход имеется в работах белорусских ученых Забелова С. М., Гавриленко Д. А., Каменкова В. С., Маха И. И., Козелецкого И. В. [18, с. 65; 19, с. 82; 20, с. 173, 179; 21, с. 132; 3, с. 4, 14]. При этом все эти авторы, как правило, не проводят различий в значениях терминов «правовой статус» и «правовое положение» и употребляют их как синонимы.

В научных работах некоторые авторы часто употребляют просто термин «статус» [22, с. 26; 23, с. 205-206]. При характеристике правового статуса органов местного управления и самоуправления в Республике Беларусь термин «статус» использует Гавриленко В. Г. [24, с. 22]. Пронкин С. В., Петрушина О. Е. при анализе правового статуса органов, осуществляющих государственное управление на местном уровне в зарубежных странах также употребляют именно этот термин [25, с. 267-268, 340].

В юридической литературе существует подход, согласно которого понятия «правовой статус» и «правовое положение» разграничиваются. Такое мнение высказывают в своих работах Кучинский В. А., Витрук В. Н., Халфина Р. О., Якимов А. Ю. [5; 2; 26, 7]. При этом ученые констатируют, что понятие «правовой статус» пока не нашло четкого определения в юридической литературе. Этими понятиями определяются различные по содержанию правовые явления: термин «правовой статус» используется для общей характеристики положения гражданина или организации в обществе, а термин «правовое положение» чаще применяется для характеристики лица или организации в определенном круге общественных отношений [26, с. 123]. Якимов А. Ю. пишет, что «предпочтительно использовать различные наименования для обозначения правового состояния абстрактного субъекта права и правового состояния реального лица, могущего вступать и вступающего в правоотношения» [7, с. 7].

По нашему мнению, при характеристике правового статуса районного исполнительного комитета такая позиция представляется неприемлемой, т. к. сложно представить исполнительный комитет в виде абстрактного субъекта. Он является реальным носителем субъективных прав и обязанностей и участником административно-правовых отношений. Наша точка зрения подтверждается мнениями ряда других авторов [4, с. 177; 27, с. 41; 28, с. 360-361; 29, с. 388; 30, с. 121]. К тому же, с этимологической точки зрения статус и есть положение.

Поэтому, говоря о правовом статусе районного исполнительного комитета, допустимо употребление терминов «правовое положение», «правовой статус», «статус» как синонимов.

На сегодняшний день в науке административного права единого подхода к толкованию понятия «правовой статус» не выработано. Разными авторами в этот термин вкладывается далеко не одинаковое значение и включаются разнообразные элементы.

Бахрах Д. Н. и Витрук Н. В. под правовым статусом понимают комплекс (систему) юридических прав и обязанностей [27, с. 44; 2, с. 24].

Аналогичное определение понятия «правовой статус» приводится в Большом юридическом словаре и Юридической энциклопедии. Например, в Большом юридическом словаре понятие «правовой статус» толкуется как установленное нормами права положение его субъектов, совокупность их прав и обязанностей [31, с. 655]. А в Юридической энциклопедии статус определяется как «правовое положение гражданина, юридического лица, государства, отдельной территории, характеризующееся совокупностью предусмотренных законодательством прав, обязанностей, а также льгот и преимуществ» [32, с. 818].

Старилов Ю. Н. пишет, что «административно-правовой статус определяется правами, свободами, их гарантиями, обязанностями, правоограничениями, объемом ответственности»

[17, с. 419]. Некоторые ученые правовое положение отождествляют с административной правоспособностью и дееспособностью [18, с. 65; 33, с. 25].

Безусловно, права и обязанности районного исполнительного комитета в сфере государственного управления, являются основными элементами его правового статуса, ибо без их наличия он не может обладать ни правоспособностью, ни дееспособностью. Законодательством о местном управлении и самоуправлении также предусматривается и ответственность районного исполнительного комитета за практическую реализацию предоставленных прав, возложенных на него обязанностей, а также определяются юридические гарантии их реализации. Однако названные составные части понятия «статус» не в полной мере характеризуют правовое положение районного исполнительного комитета. Они не отражают такие специфические элементы его правового положения, как, например, название, место в системе органов государственного управления, порядок образования и состав данного органа, его подчиненность, подконтрольность, подотчетность, порядок организации работы и осуществления деятельности.

Другие авторы правовое положение отождествляют с компетенцией или полномочиями. Например, Пиголкин А. С. указывает, что «правовой статус- это признанная конституцией или законами совокупность исходных, неотчуждаемых прав и обязанностей человека, а также полномочий государственных органов и должностных лиц, непосредственно закрепляемых за теми или иными субъектами права» [34, с. 241]. В другом литературном источнике высказано мнение, что «правовой статус государственного органа очерчивается его компетенцией. Только прямо указанные в законе полномочия (властные права и обязанности) составляют его правовой статус» [35, с. 370].

По нашему мнению, отождествление правового статуса с компетенцией также значительно сужает его содержание, в каком бы понимании ни рассматривалось понятие «компетенция». В понятие «правовой статус районного исполнительного комитета», помимо компетенции, входят цели, задачи, функции, формы работы и управленческой деятельности, а также другие элементы.

Некоторые авторы высказывают мнение, что правовой статус представляет собой «совокупность прав и обязанностей субъектов административного права, их полномочия» [36, с. 46]. Однако и такое определение не раскрывает до конца сущности понятия «статус районного исполнительного комитета».

Более полное определение понятию «правовой статус» дано Еропкиным М. И. Он пишет, что «определение понятия «правового положения (статуса)» включает задачи, функции, права и обязанности, формы деятельности органов государственного управления, определяя тем самым содержание их деятельности, ответственность, а также объем государственно-властных полномочий, пределы оперативной самостоятельности в рамках предоставленной компетенции» [13, с. 43]. Однако данное определение охватывает не все элементы понятия «правовой статус районного исполнительного комитета», которые, по нашему мнению, необходимо включать в содержание данного термина, а именно: название органа, его место в системе органов государственного управления, порядок образования и состав, подчиненность, подотчетность, подконтрольность.

Лазарев Б. Н. считает, что определение правового статуса субъекта административного права следует выводить путем ответов на ряд вопросов: к какому виду органов он относится по основному содержанию своей деятельности, кто этот орган учреждает, образует, кто формирует (избирает, назначает и т. д.) его руководящий и весь личный состав; кому орган подчинен, подотчетен, подконтролен, поднадзорен и перед кем ответственен; какова компетенция данного органа; кто ему подотчетен, подконтролен, чьи акты он сам может отменять, изменять приостанавливать, опротестовывать; какова юридическая сила актов данного органа, каковы официальные их наименования; какими государственными символами орган вправе пользоваться (герб, флаг, и т. д.); каковы источники финансирования органа; обладает ли орган правами юридического лица [37, с. 248-249].

Полагаем, что при характеристике правового положения районного исполнительного комитета такой подход позволяет более полно охватить элементы понятия «правовой статус»,

устанавливающие его место в системе органов государственного управления, кому он подчинен, подотчетен, подконтролен, порядок его формирования и состав, компетенцию и формы работы. Тем не менее, такие важные элементы правового статуса районного исполнительного комитета как название, цель и задачи, порядок организации работы и деятельности органа не охватываются данным перечнем вопросов. Элементы понятия «правовой статус» должны устанавливаться не путем ответов на вопросы, а приводиться в определенной системе.

Наиболее комплексный и последовательный подход к определению сущности понятия «правовой статус» предложен Крамником А. Н. Он считает, что «в административно-правовой статус носителей исполнительной власти следует включать определение названия органа, его структуры и системы; цели, задачи, функции; принципы образования и деятельности; порядок образования и всевозможные реорганизации органа, его структурных подразделений; организацию, порядок и пределы деятельности; компетенцию» [4, с. 188]. Полагаем, что в правовой статус районного исполнительного комитета следует включать еще и формы его работы и управленческой деятельности. Тем не менее, применение такого подхода позволяет максимально выявить элементы правового статуса районного исполнительного комитета.

Единый подход к толкованию термина «правовое положение» отсутствует и в законодательстве Республики Беларусь. И это не случайно. До тех пор, пока данная проблема не будет разрешена на теоретическом уровне, не будет ее соответствующего правового регулирования.

Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», фактически определяющий статус районного исполнительного комитета, термин «правовое положение» вообще не употребляет [38]. Но в других нормативных правовых актах, например, в законах «О государственной службе в Республике Беларусь» [39], «О статусе военнослужащих» [40], в Таможенном кодексе [41] рассматриваемые термины используются. Глава 2 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» названа «Правовое положение государственного служащего». Ст. 325 Таможенного кодекса имеет наименование «Правовой статус должностных лиц таможенных органов и работников учреждений, подчиненных Государственному таможенному комитету Республики Беларусь». Ст. 1 Закона «О статусе военнослужащих» называется «Основы статуса военнослужащих».

Согласно ст. 325 Таможенного кодекса, в понятие правового статуса должностных лиц таможенных органов включаются: понятие должностного лица, критерии, которым должен соответствовать кандидат на службу в таможенных органах, о персональных званиях, о форменной одежде, о дисциплинарной ответственности. В главе 2 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь» содержатся нормы, определяющие основные права, обязанности и ограничения, связанные государственной службой, о декларировании доходов и имущества. Ст. 1 Закона «О статусе военнослужащих» определяет статус военнослужащих как совокупность прав, свобод, обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных Конституцией Республики Беларусь, законодательными актами, в том числе международными договорами Республики Беларусь. Следует отметить, что и в этих законодательных актах нет единого подхода к пониманию содержания рассматриваемых понятий.

Таким образом, все элементы правового статуса районного исполнительного комитета в своей совокупности должны отражать его общие характеристики, свойственные органам государственного управления, а также специфические особенности. Поэтому понятию «правовой статус районного исполнительного комитета» может быть дано следующее определение: «Правовой статус районного исполнительного комитета – это установленное действующим законодательством его правовое положение, включающее в себя определение его названия, основного предназначения (цели), задачи; установление места в системе органов государственного управления, порядка образования и состав; подчиненности, подотчетности, подконтрольности; функций, компетенции, методов управления; порядка организации работы и осуществления деятельности; формы работы и управленческой деятельности».

Некоторыми учеными предпринята попытка классифицировать элементы правового статуса. Так, Бахрах Д. Н. предлагает составные части правового статуса сгруппировать в три блока: целевой, структурно-организационный, компетенционный [42, с. 25].

По мнению Крамника А. Н., «такая классификация не охватывает все элементы правового статуса, в частности, определение названия организации, порядок и границы деятельности органа» [4, с. 189]. Им предложена иная классификация элементов правового статуса субъекта административного права. Все элементы понятия «статус» Крамник А. Н. предлагает разделить на пять блоков: общий; организационный; структурный; процедурный; компетенционный. При этом в общий блок входят название, цель, задачи, функции. Организационный блок включает порядок образования, всевозможные реорганизации органа, его структурных подразделений, определение подчиненности, подотчетности, подконтрольности. Структурный блок объединяет определение системы, в которую входит субъект, определение внутренней структуры, закрепление принципов построения системы и структуры. В процедурный блок входят организация, порядок и принципы деятельности. Компетенционный блок состоит из прав, обязанностей, подведомственности, масштаба распространения полномочий, сферы ведения, методов деятельности [4, с. 189].

Однако для характеристики правового положения районного исполнительного комитета эта классификация нуждается в некоторой корректировке. Во-первых, она не охватывает такие элементы статуса, как формы работы и управленческой деятельности. Во-вторых, элементы правового статуса целесообразно объединить в группы иным образом.

К общим элементам статуса следует относить название районного исполнительного комитета, определение его цели, задачи.

В следующую группу элементов – организационно-системную – включаются: порядок образования и состав районного исполнительного комитета, определение подчиненности, подконтрольности и подотчетности, установление места в системе органов государственного управления, в которую входит районный исполнительный комитет.

Процедурные элементы объединяют порядок организации работы и осуществления деятельности районного исполнительного комитета.

Компетенционные элементы статуса включают функции, компетенцию районного исполнительного комитета и методы деятельности.

Отдельную группу элементов правового статуса должны составлять формы работы и управленческой деятельности районного исполнительного комитета.

Название районного исполнительного комитета является первым элементом в общей группе элементов правового статуса. Определение названия органа в лаконичной форме раскрывает его основную суть и назначение. Без такого определения не могут быть очевидными его главные существенные черты. Согласно п. 2 ст. 38 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» районный исполнительный комитет определяется как исполнительный и распорядительный орган. Такое название указывает только лишь на характер деятельности районного исполнительного комитета, но не раскрывает сущности данного органа, что можно считать серьезным упущением.

Каждый государственный орган образуется с определенной целью. Цель – это то, к чему «стремятся, что надо осуществлять» [9, с. 776]. Именно цель выражает основное предназначение любого органа. Для достижения цели предусматриваются соответствующие задачи, которые должны ей полностью соответствовать. Задачи составляют содержание цели, это «то, что требует исполнения, разрешения» [9, с. 181].

Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» не содержит специальных норм, определяющих цель и задачи районного исполнительного комитета, что также является его недостатком.

Порядок образования и состав районного исполнительного комитета – это первый элемент организационно-системной группы. Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» определяет состав районного исполнительного комитета и порядок назначения его председателя. Порядок назначения других членов исполкома законом не регламентируется, что также указывает на его недостаток.

Нормы административного права определяют, в какую систему входит районный исполнительный комитет и каково его место в ней. В ст. 2 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» установлено, что районный исполнительный комитет

входит в систему органов местного управления, состоящую из трех территориальных уровней: областного, базового и первичного. Районный исполнительный комитет является базовым в системе органов местного управления. Он находится в среднем звене между исполнительными комитетами областного уровня и исполнительными комитетами первичного уровня.

Порядок образования районного исполнительного комитета, определение его места в иерархии государственных органов тесно связаны с его подчиненностью. Подчиненность указывает на зависимость одного исполнительного комитета от другого в системе органов местного управления. Находясь в среднем звене органов местного управления, районный исполнительный комитет подчинен областному исполкому. В то же время он является вышестоящим органом по отношению к исполкомам первичного уровня (сельским и поселковым).

Подконтрольность заключается в проверках, наблюдениях за подконтрольными объектами. Подотчетность – это обязанность отчитываться, делать доклад о своей деятельности. Так, районный исполнительный комитет в соответствии со второй и третьей частями пункта 3 ст. 38 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» подотчетен и подконтролен Президенту Республики Беларусь и вышестоящим исполкомам, а по вопросам, отнесенным к компетенции соответствующих Советов – подотчетен еще и Совету.

Организация работы районного исполнительного комитета является центральным звеном процедурной группы элементов правового статуса и имеет ряд составляющих: планирование работы, распределение обязанностей, подготовка заседаний, вопросов, выносимых на рассмотрение районного исполнительного комитета, проведение заседаний, подготовка и принятие решений и доведение их до исполнителей, осуществление контроля, прием граждан, рассмотрение обращений граждан. Организовать работу означает наладить ее, создать соответствующие условия для работы, дать указания и оказать соответствующую помощь, т. е. использовать возможности, соответствующие права и обязанности, предоставленные нормами права для налаживания работы.

Порядок осуществления деятельности районного исполнительного подразумевает проведение ее по определенным правилам и в соответствии с установленными принципами.

Таким образом, без анализа процедурных элементов правового положения невозможно получить четкое представление о статусе районного исполнительного комитета.

Исходя из цели и задач, стоящих перед районным исполнительным комитетом, а также занимаемого им места в системе органов государственного управления определяются его функции и компетенция.

Прежде чем наделить районный исполнительный комитет определенной компетенцией, необходимо определить, какие функции по осуществлению государственного управления должны быть на него возложены. Функции районного исполнительного комитета – это конкретные направления управляющего (организующего, регулирующего, контролирующего и пр.) воздействия на объект управления. Они тесно связаны с задачами, но не тождественны им, ибо отражают содержание деятельности районного исполнительного комитета и проявляются в конкретных действиях исполкома. Любая управленческая функция, осуществляемая районным исполнительным комитетом, нуждается в подкреплении ее соответствующими правами и обязанностями осуществлять определенного рода управленческую деятельность. В этом заключается связь функций и компетенции.

Закон о местном управлении и самоуправлении не выделяет функции районного исполнительного комитета в отдельную статью, а перечисляет их наряду с другими вопросами, относящимися к его правовому статусу. Некоторое представление о функциях районного исполнительного комитета можно получить, например, проанализировав нормы закона о компетенции. Но такой подход затрудняет поиск и применение соответствующих правовых норм.

В научной литературе нет единства взглядов на сущность компетенции. Лазарев Б. М. определяет компетенцию как систему полномочий по осуществлению государственной власти [43, с. 101].

Если согласиться с мнением некоторых ученых о том, что понятие компетенции тождественного понятию полномочия [31, с. 293; 44, с. 632] или их системе в различных сферах управления [45, с. 177-178], то имеет место подмена одного понятия другим. По нашему

мнению, такой подход является не лучшим способом раскрытия сущности компетенции. Очевидно, что компетенция более широкое понятие, чем полномочия.

Ряд авторов в компетенцию помимо прав и обязанностей включают задачи [17, с. 446], функции [47, с. 54; 32, с. 422], а также цели деятельности [18, с. 65; 33, с. 49]. По нашему мнению, цели и задачи не могут являться элементом компетенции, т. к. они не определяют компетенции как таковой, а лишь предопределяют ее в общих чертах. В соответствии с целью и задачами определяются функции районного исполнительного комитета, и уже за тем он наделяется соответствующими правами и обязанностями осуществлять предусмотренные в законодательных актах управленческих функций.

Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», определяя компетенцию районного исполнительного комитета, перечисляет его полномочия.

Несмотря на множество подходов к определению понятия «компетенция», наиболее важным ее элементом, по мнению большинства ученых, являются права и обязанности. Некоторые авторы указывают, что компетенция включает все права и обязанности [4, с. 198; 17, с. 446; 33, с. 49; 47, с. 70]. Между тем данная позиция представляется не совсем верной.

Ряд норм, определяющих права и обязанности районного исполнительного комитета, относятся к его подотчетности и подконтрольности, формам работы и управленческой деятельности. Районный исполнительный комитет имеет права юридического лица. Эти нормы не являются компетенционными. Такие права и обязанности относятся к другим группам элементов правового статуса, и отождествлять с ними компетенцию не следует. Компетенция – это всего лишь часть правового статуса, хоть и очень важная. А вот права и обязанности по осуществлению определенных функций управления являются элементами компетенции. По нашему мнению, они и представляют собой полномочия районного исполнительного комитета.

При раскрытии компетенции районного исполнительного комитета необходимо определить круг вопросов в экономической, социально-культурной сфере, в области обеспечения правопорядка, охраны окружающей среды отнесенных к его ведению. Районный исполнительный комитет не наделяется правами и обязанностями по реализации управленческих функций «вообще». Ему предоставляются конкретные полномочия в определенной сфере ведения. Невозможно установить компетенцию районного исполнительного комитета без указания на те общественные отношения, на которые он воздействует. Иначе полномочия не будут видны. Поэтому сферу ведения районного исполнительного комитета также следует относить к элементам его компетенции.

Районный исполнительный комитет распространяет свои полномочия на определенную территорию – район. Указание в правовых нормах на территориальный масштаб деятельности районного исполнительного комитета характеризует его компетенцию именно как органа местного управления.

Исходя из изложенного, можно сделать следующий вывод. Компетенцию районного исполнительного комитета следует рассматривать как системное понятие, включающее в себя полномочия (права и обязанности по осуществлению управленческих функций), сферу ведения, территориальный масштаб распространения полномочий.

Функции и компетенция тесно связаны с методами управленческой деятельности. В процессе реализации управленческих функций районный исполнительный комитет наделяется правом применять определенные методы воздействия на управляемых. Применение методов управления, как правило, чаще всего сопровождается использованием властных полномочий. В этом видится связь методов управления с полномочиями, а следовательно, и с компетенцией. В то же время, методы ограничиваются компетенцией. Районный исполнительный комитет не вправе применять методы, выходящие за рамки компетенции.

Поэтому и методы управления следует относить к компетенционной группе элементов правового статуса.

Формы работы и управленческой деятельности районного исполнительного комитета предназначены для наиболее целесообразного выполнения функций управления, достижения целей управления с наименьшими затратами сил, средств и времени. Формы предназначены

для реализации государственного управления и призваны его обеспечивать. Формы – это не сами управленческие действия, не само управление, а его наружность, внешнее выражение.

Основной формой работы районного исполнительного комитета является коллегиальность. В его деятельности широко применяется и единоначалие, которое проявляется в ежедневной работе председателя и его заместителей.

Управленческая деятельность выражается в правовых и неправовых формах. Конкретное проявление правовая форма находит в актах управления, издаваемых как коллегиально (решения), так и единоначально (распоряжения).

Неправовыми формами управленческой деятельности являются организаторская деятельность и материально-технические действия.

Такова общая характеристика элементов правового статуса районного исполнительного комитета.

Заключение

На основании проведенного исследования сущности понятия правовой статус, его элементов, можно сделать следующие выводы.

1. Правовой статус районного исполнительного комитета – это установленное действующим законодательством его правовое положение, включающее в себя определение его названия, основного предназначения (цели), задачи; установление места в системе органов государственного управления, порядка образования и состав; подчиненности, подотчетности, подконтрольности; функций, компетенции, методов управления; порядка организации работы и осуществления деятельности; формы работы и управленческой деятельности».

2. Элементы правового статуса районного исполнительного комитета целесообразно сгруппировать следующим образом: общие, организационно-системные, процедурные, компетенционные, формы работы и управленческой деятельности.

К общим элементам статуса следует относить название районного исполнительного комитета, определение его цели, задачи.

В организационно-системную группу включаются порядок образования и состав районного исполнительного комитета, определение подчиненности, подконтрольности и подотчетности, установление места в системе органов государственного управления, в которую входит рассматриваемый орган.

К процедурным элементам относятся порядок организации работы и осуществления деятельности районного исполнительного комитета.

Компетенционные элементы статуса включают функции, компетенцию районного исполнительного комитета, методы деятельности. При этом компетенцию районного исполнительного комитета следует рассматривать как системное понятие, включающее в себя полномочия (права и обязанности по осуществлению управленческих функций), сферу ведения, территориальный масштаб распространения полномочий.

Отдельную группу элементов правового статуса районного исполнительного комитета составляют формы работы и управленческой деятельности.

Литература

1. Бутусова, Н. В. Конституционно-правовой статус Российского государства: понятие, содержание, структура / Н. В. Бутусова // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – №4. – С. 2-7.

2. Витрук, В. Н. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / В. Н. Витрук. – М.: Наука, 1979 – 229 с.

3. Козелецкий, И. В. Правовое положение министерств в Республике Беларусь: автореф. дис. ... канд. юр. наук 12. 00. 14 20. 05. 2004 / И. В. Козелецкий; Бел. гос. ун-т. – Мн, 2004. – 20 с.

4. Крамник, А. Н. Административное право Республики Беларусь. Часть 1. Управленческое право / А. Н. Крамник. – Мн.: Тесей, 2008. – 672 с.
5. Кучинский, В. А. Личность, свобода, право / В. А. Кучинский. – М.: Юрид. лит., 1978 – 207 с.
6. Новоселов, В. И. Правовое положение граждан в советском государственном управлении / В. И. Новоселов. – Саратов, Изд. Саратов. ун-та, 1976. – 217 с.
7. Якимов, А. Ю. Статус субъекта права (теоретические вопросы) / А. Ю. Якимов // Государство и право. – 2003. – №4. – С. 6-10.
8. Большой энциклопедический словарь: в 2 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 2. – 768 с.
9. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 15-е изд. – М.: Русский язык, 1984. – 816 с.
10. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 415 с.
11. Кобалевский, В. Л. Советское административное право / В. Л. Кобалевский. – Харьков: Юрид. Изд-во Наркомюста УССР, 1929. – 420 с.
12. Ведель, Ж. Административное право Франции / Ж. Ведель. – М.: Прогресс, 1973. – 512 с.
13. Еропкин, М. И., Советское административное право / Еропкин М. И., Ключищенко А. Л. – М.: Юр. лит., 1979. – 312 с.
14. Лазарев, Б. М. Органы государственного управления в СССР / Б. М. Лазарев. – М.: Знание, 1978. – 48 с.
15. Ткаченко, Н. Г. Исполнительный комитет районного городского Совета. (Библиотечка для работников районных, горфодских Советов) / Н. Г. Ткаченко. – М.: Юр. лит., 1973. – 96 с.
16. Габричидзе, Б. Н. Служебное право: уч. для ВУЗов / Б. Н. Габричидзе. – М. Дашков и К, 2004. – 620 с.
17. Стариков, Ю. Н. Курс общего административного права в 3 т.. Т. 1 история. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты / Ю. Н. Стариков. – М. Норма, 2002. – 728 с.
18. Забелов, С. М. Административное право: курс интенсивной подготовки / С. М. Забелов, Д. Е. Тагунов. – Мн.: ТетраСистемс, 2007. – 272 с.
19. Гавриленко, Д. А. Административное право / Д. А. Гавриленко, С. Д. Гавриленко; под ред. Д. А. Гавриленко. – Мн.: Амалфея, 2002. – 414 с.
20. Каменков, В. С. Правовой статус спортивной федерации / В. С. Каменков // Вестник Высшего хозяйственного суда. – 2010. – №1. – С. 173-179.
21. Мах, И. И. Административное право Республики Беларусь / И. И. Мах. – Мн.: ГИ-УСТ БГУ, 2006. – 543 с.
22. Шеремет, К. Ф. Конституционный статус исполнительных комитетов местных Советов / Шеремет К. Ф. // Исполнительный комитет местного Совета народных депутатов / А. А. Безуглов [и др.]; под ред. Г. В. Барабашева. – М.: Юрид. лит., 1983. – Гл. 1 – С. 3- 48.
23. Тихомиров, Ю. А. Курс административного права и процесса / М. Ю. Тихомиров.: М. Изд-во г-на Тихомирова М. Ю., 1998. – 798 с.
24. Гавриленко, В. Г. Местное управление и самоуправление / В. Г. Гавриленко. – Мн.: Право и экономика, 2005. – 163 с.
25. Пронкин, С. В, Государственное управление зарубежных стран: уч. пособие для студентов ВУЗов / С. В. Пронкин, О. Е. Петрушина. – М. АспектПресс, 2004. – 414 с.
26. Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. – М.: Юрид. лит. – 1974. – 351 с.
27. Бахрах, Д. Н. Система субъектов советского административного права / Д. Н. Бахрах // Советское государство и право. – №2. – С. 41-48.
28. Марченко, М. Н. Теория государства и права / М. Н. Марченко. – М.: Юрид. лит., 1996. – 432 с.
29. Матузов, Н. И. Теория государства и права: Уч. для ВУЗов / Н. И. Матузов, А. В. Малько / Сарат. фил. ин-та государства и права Рос. акад. наук. – М.: Изд. Группа «Юрист», 2001. – 511 с.

30. Марченко, М. Н. Основы государства и права: учебник / М. Н. Марченко, Е. М. Дерябина. – М.: ТК Велби, изд-во «Проспект», 2008. – 380 с.
31. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарва, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. – М.: Инфра-М., 1999. – 790 с.
32. Тихомирова, Л. В., Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров; под ред. М. Ю. Тихомирова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во г-на Тихомирова М. Ю., 2006. – 972 с.
33. Бачило, А. П. Сравнительное административное право (краткий курс лекций) / А. П. Бачило, Н. Е. Сокол. – Мн.: НООО «БІП-С», 2003. – 282 с.
34. Пиголкин, А. С. Общая теория права / А. С. Пиголкин. – М.: Из-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1998. – 384 с.
35. Теория государства и права: уч. для юрид. ВУЗов / под общ ред. докт. юрид. наук, профессора А. С. Пиголкина. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2003. – 544 с.
36. Смоленский, М. Б. Субъекты административного права Российской Федерации / М. Б. Смоленский // Административное право: уч. для ВУЗов / Н. В. Бровко, М. Б. Смоленский, Ю. А. Соколова. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: изд. центр. «МарТ», 2003. – гл. 5. – С. 46-67.
37. Лазарев, Б. М. Государственное управление на этапе перестройки / Б. М. Лазарев. – М.: Юрид. лит., 1988. – 318 с.
38. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 04 янв. 2010 г., №108-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – №17. -2/1660.
39. О государственной службе в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 14 июн. 2003 г., №204-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – №70. – 2/953; 2008. – №184. – 2/1506.
40. Таможенный кодекс: Закон Респ. Беларусь, 04 янв. 2007 г., №204-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – №17. -2/1301.
41. О статусе военнослужащих: Закон Респ. Беларусь, 04 янв. 2010 г., №100-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – №15. -2/1652.
42. Бахрах, Д. Н. Административное право / Д. Н. Бахрах. – М.: БЕК., 1993 г. – 308 с.
43. Лазарев, Б. М. Компетенция органов государственного управления / Б. М. Лазарев. – М.: Юрид. лит., 1972. – 280 с.
44. Гавриленко, В. Г. Юридическая энциклопедия / В. Г. Гавриленко, Н. И. Ядевич. – Мн.: Право и экономика, 2001. – 1000 с.
45. Азовкин, И. А. Местные советы в системе органов власти / И. А. Азовкин. – М.: Юр. лит., 1971. – 272 с.
46. Бачило, И. Л. Функции органов управления / И. Л. Бачило. М.: Юр. лит., 1976. – 198 с.
47. Белорусская юридическая энциклопедия в 4-х т. / редкол.: С. А. Балашенко [и др.]. – Мн.: ГИУСТ БГУ, 2009. – Т. 2 К-О – 584 с.

УДК 347.471:378.014.553-057.875

Студенческое самоуправление как элемент гражданского общества

И. И. ЭСМАНОВИЧ

Годы учебы в вузе должны быть направлены на подготовку студентов к активной социальной и трудовой деятельности, участию в формировании социального государства и гражданского общества. Реализация этой составляющей воспитания осуществляется в значительной мере посредством студенческого самоуправления, которое постепенно становится неотъемлемой частью вузовского образования. Именно студенческое самоуправление как одна из форм воспитательной работы вуза направлена на формирование всесторонне развитой творческой личности, с активной жизненной позицией, способной решать задачи гражданского общества.

Ключевые слова: стратегия устойчивого развития, модель устойчивого развития, гражданское общество, социальное государство, образование, молодежная политика, воспитательная работа, социальная активность, студенческое самоуправление, молодежные инициативы.

Years of study in high school should be directed to prepare students for active social and labour activity, participation in forming a social state and a civil society. The implementation of this education component is carried out largely through student's self-government that is gradually becoming an integral part of higher education. That student's self-government as a form of university educational work aims at forming a comprehensive developed creative personality with an active lifestyle able to solve civil society problems.

Keywords: sustainable development strategy, sustainable development model, civil society, social state, formation, youth policy, educational work, social activity, student's self-government, youth initiatives.

Концептуальным ядром Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2020 года является модель устойчивого развития, создание принципиальных рамок мировоззренческого, идеологического, политического, социально-экономического характера для всех аспектов существования и устойчивого развития человека, семьи, общества и государства. Доминирующую роль в утверждении ценностей и принципов устойчивого развития играют:

- построение и развитие унитарного демократического социального правового государства;
- формирование современного гражданского общества;
- построение социально ориентированной рыночной (смешанной) экономики.

Укрепление белорусской государственности является основой для перехода к зрелому гражданскому обществу, успешному формированию его интересов. В процессе исторического развития и усложнения общественных отношений властные институты государства уравниваются с общественными, возникает организованное общество – гражданское общество.

В отличие от традиционного общества, которое основывается на доминанте власти, отсутствии личной ответственности за свое положение, гражданское общество наиболее чутко реагирует на потребности всех слоев общества, создает предпосылки, позволяющие личности повысить свой статус и сменить пассивную роль на активную. Предназначение гражданского общества – реализация потребностей индивидов путем их объединения на основе общности интересов.

Статья 91 Кодекса Республики Беларусь об образовании среди основных требований к организации образовательного процесса в вузе определяет создание условий для развития творческих способностей обучающихся, вовлечение их в различные виды социально значимой деятельности, поддержка молодежных общественных объединений, выделяет основные составляющие воспитания – формирование у обучающихся потребности в саморазвитии и социальном взаимодействии [1].

Как гражданское общество позволяет устанавливать паритетные отношения между личностью, гражданскими структурами и государством, формирует должное уважение между гражданами, между гражданами и властью, развивает формы гражданского самоуправления [2, с. 24], так и студенческое самоуправление направлено на регулирование взаимоотно-

шений между студенческим коллективом и ректоратом, способствует формированию социально активной личности.

Так же как государство жертвует своим всевластием, сознательно берет на себя ответственность за состояние общества и желает разделить бремя этой ответственности с гражданским обществом [3, с. 47], так и баланс взаимодействия администрации вуза и студенчества в демократическом государстве должен склониться в сторону самоорганизации, самоуправления.

Годы учебы в вузе должны быть направлены на подготовку студентов к активной социальной и трудовой деятельности, участию в формировании социального государства и гражданского общества. Реализация этой составляющей воспитания осуществляется в значительной мере посредством студенческого самоуправления, которое постепенно становится неотъемлемой частью вузовского образования.

Студенческое самоуправление прошло длительный период формирования: от объединения студентов Московского, Санкт-Петербургского и Казанского университетов для решения различных вопросов своей жизни (литературные, научно-просветительские общества) в конце XVIII века до создания студенческих корпораций для регламентации практически всех сторон студенческой жизни, проявления студенческой самостоятельности и самодеятельности.

Современное студенческое самоуправление – это инициативная, самостоятельная, ответственная совместная деятельность студентов, направленная на решение любых вопросов их жизнедеятельности. Цель студенческого самоуправления – самоподготовка студента к будущей профессиональной деятельности, которая невозможна без активной жизненной позиции, навыков в управлении государственными и общественными делами, способности принимать решения и нести за них ответственность; поиск и организация эффективных форм самостоятельной работы, управления людьми [4].

Студенческое самоуправление принято рассматривать с 3 позиций:

- целенаправленная деятельность студентов,
- форма воспитательной работы в ВУЗе,
- элемент молодежной политики государства.

В качестве целенаправленной деятельности студентов самоуправление ближе всего к задачам гражданского общества. Как гражданское общество зарождается по инициативе граждан и ими же реализуется, так и студенческое самоуправление зарождается по инициативе студенчества и реализуется им.

Как форма воспитательной работы в ВУЗе, осуществляемая в рамках концепции непрерывного образования, студенческое самоуправление направлено на формирование творческой личности с активной жизненной позицией, подготовку конкурентоспособных на рынке труда специалистов. Наличие системы воспитательной работы и органов студенческого самоуправления – обязательное условие аккредитации учебного заведения, вступившего в Болонский процесс.

Молодежная политика государства направлена на наиболее полное использование потенциала студенчества в социально-экономических преобразованиях общества, в том числе в решении студенческих проблем.

Можно выделить следующие признаки студенческого самоуправления:

- системность – определенное единство и связанность элементов студенческого самоуправления;
- автономность – относительная независимость студенческого самоуправления в выборе мотивации, разработке основных направлений деятельности студенческого коллектива; самостоятельность в выборе средств и стиля их осуществления;
- иерархичность – упорядоченность деятельности органов студенческого самоуправления, общественных объединений, установление между ними взаимосвязей, разделения полномочий, степени ответственности и т. д.;
- взаимодействие с органами управления ВУЗа, преподавателями и сотрудниками, другими образовательными учреждениями, общественными и государственными организациями;
- наличие органов самоуправления на каждом уровне: совет учебной группы, совет факультета, студенческая учебно-воспитательная комиссия, совет клуба по интересам, штаб студенческих отрядов, совет общежития и т. д.;

– **самостоятельность** – предполагает творческую активность в осуществлении управленческих функций (планировании деятельности, организации, мотивировании участников, контроле и руководстве), доведении до исполнения принятых решений. Самостоятельность требует наличия определенных полномочий у органов студенческого самоуправления, включенность непосредственных исполнителей в процессы разработки и принятия решений;

– **целенаправленность** – способность органа студенческого самоуправления ставить цели собственной деятельности и развития, соотносить их с ключевыми целями образовательного учреждения, государственной молодежной политики; четкое осознание желаемых результатов, умение видеть оптимальные пути достижения целей;

– **выборность** – только наличие этого признака позволяет говорить о подлинном студенческом самоуправлении, подготовке будущего специалиста к участию в управлении государством, принятию и выполнению общественно значимых решений [5].

Студенческое самоуправление должно базироваться на совокупности следующих принципов:

1 **Принцип объединения:** студенческое самоуправление это добровольное объединение студентов вуза с целью совместного решения вопросов по повышению качества студенческой жизни, которое дает им право принимать участие в управлении студенческой жизнью вуза и использовать возможности студенческого самоуправления для самореализации и развития;

2 **Принцип добровольности:** студенты добровольно определяют степень своего участия в органах студенческого самоуправления;

3 **Принцип формализации:** деятельность студенческого объединения определяется единством миссии, целей, задач и организационной структуры, формализованных в документах студенческого самоуправления, принимаемых конференцией студентов вуза;

4 **Принцип государственности:** студенческое самоуправление осуществляет свою деятельность в соответствии с государственной молодежной политикой государства;

5 **Принцип фокуса внимания:** фокусом внимания Студенческого Самоуправления является развитие личности студента и студенческой жизни внутри вуза;

6 **Принцип системности:** студенческое самоуправление строит свою деятельность на системной основе. Данный принцип рассматривает студенческое самоуправление как инструмент реализации воспитательной функции вуза. Системный подход к построению студенческого самоуправления рассматривает деятельность студенческого объединения как целенаправленный, систематический и регулируемый процесс функционирования и взаимодействия структурных подразделений студенческого самоуправления. Системный подход к развитию личности подразумевает, что студенческое самоуправление стремится к гармоничному развитию личности;

7 **Принцип выборности:** руководящие органы Студенческого Самоуправления формируются на выборной основе;

8 **Принцип служения:** студенты, избранные в руководящие органы студенческого самоуправления, присягают на служение его миссии, целям и задачам как определяющим ориентирам деятельности студенческого объединения;

9 **Принцип представительства:** студенты, избранные в руководящие органы студенческого самоуправления, выполняют свои функции, действуя от имени, по поручению и в интересах студентов вуза;

10 **Принцип автономности:** студенческое самоуправление самостоятельно определяет порядок своего функционирования и не зависит в своих решениях от администрации вуза, государственных органов и иных лиц;

11 **Принцип корпоративности:** студенческое самоуправление является частью корпоративной культуры вуза и не может существовать вне вуза, оно неразрывно связано с историей, ценностями, традициями вуза;

12 **Принцип партнерства:** стратегические основы взаимодействия студенческого самоуправления и администрации вуза носят партнерский характер и закладываются в Уставе вуза и документах студенческого самоуправления. Детально взаимоотношения сторон определяются в Соглашении, заключаемом между студенческим самоуправлением и администрацией вуза;

15 Принцип эксклюзивности: студенческое самоуправление обладает эксклюзивным правом на реализацию воспитательной функции вуза и управление студенческой жизнью по всем направлениям, дополняющим деятельность администрации в этой сфере;

16 Принцип единства и целостности: иные студенческие объединения, функционирующие в вузе, являются субъектами студенческого самоуправления и осуществляют свою деятельность в его правовом поле в соответствии с документами студенческого самоуправления;

17 Принцип ресурсного обеспечения: студенческое самоуправление для осуществления своей уставной деятельности использует организационные, материальные, интеллектуальные, информационные и иные ресурсы вуза в соответствии с Соглашением между студенческим самоуправлением и вузом;

18 Принцип обучения: студенческое самоуправление нуждается в методической и консультационной поддержке, особенно на этапе формирования. Для этого необходимо обучение актива студенческого самоуправления знаниям, умениям и навыкам организационных коммуникаций и управления;

19 Принцип развития: по мере становления организационной культуры, накопления опыта и традиций студенческое самоуправление может в установленном порядке приобрести права и принять на себя обязанности юридического лица [6].

Большое внимание развитию студенческого самоуправления уделяется в Российской Федерации. В соответствии с Концепцией модернизации российского образования на период до 2010 года и резолюцией Всероссийского студенческого форума 2001 г., в целях развития общественной составляющей государственной молодежной политики, эффективного вовлечения студенческой молодежи в ее реализацию, стимулирования деятельности студенческих общественных объединений и органов по делам молодежи субъектов Российской Федерации в решении проблем студенческой молодежи, развития студенческого самоуправления в образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования Департамент по молодежной политике провел в рамках федеральной целевой программы «Молодежь России (2001-2005 годы)» Всероссийский конкурс моделей организации студенческого самоуправления.

По итогам конкурса в дополнение к рекомендациям по развитию студенческого самоуправления (письмо Министра образования Российской Федерации от 02. 10. 2002 № 15-52-468/15-01-21) Департаментом по молодежной политике Минобразования России обобщены модели развития студенческого самоуправления, представленные в разных формах (орган общественной самодеятельности, студенческое общественное объединение, студенческая профсоюзная организация) и на разных уровнях (учебная группа, факультет, отделение, образовательное учреждение, муниципальное образование, субъект Российской Федерации) и подготовлены развернутые рекомендации, направленные на развитие студенческого самоуправления, создание новых и совершенствованию работы уже созданных в образовательных учреждениях, субъектах Российской Федерации органов студенческого самоуправления [7].

В связи с поступающими в адрес Рособразования обращениями руководителей образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования, членов Студенческого координационного совета Общероссийского профсоюза образования, студентов по вопросам формирования и развития системы студенческого самоуправления в образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования было подготовлено и разослано Письмо Федерального агентства по образованию от 19 февраля 2007 г. N 231/12-16 "О студенческом самоуправлении", которым органы управления образовательного учреждения были обязаны содействовать развитию системы студенческого самоуправления. Кроме того, в письме подчеркивалась самостоятельность формирования системы студенческого самоуправления самими учащимися с учетом особенностей образовательного учреждения и сложившихся традиций [7].

В 2006 году состоялся Всероссийский Форум по вопросам студенческого самоуправления, участники которого подчеркнули необходимость развития студенческого самоуправления во всех вузах страны, обеспечение условий для создания студенческих советов и других органов студенческого самоуправления со стороны руководства образовательных учреждений. В Российской Федерации ежегодно проводятся конкурсы среди студенческих советов

вузов страны на лучшую организацию деятельности в вузе, лучший орган студенческого самоуправления, обучающие семинары и лагеря для руководителей актива органов студенческого самоуправления, для обмена информацией активно используется специально созданный Интернет-портал <http://www.studorg.ru>.

Резолюция всероссийского форума по вопросам развития студенческого самоуправления 2010 года обязала Российский Союз Молодежи сформировать из числа активных участников программы «Студенческое самоуправление» постоянно действующий совещательный орган «Всероссийский студенческий совет» и предложить участие его представителей в работе координационного совета при Министерстве образования и науки Российской Федерации и комиссии Общественного Совета Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации [8].

В Республике Беларусь студенческое самоуправление только начинает развиваться. Присоединение к Болонскому процессу потребует активизации студенческого самоуправления как неотъемлемой составляющей воспитательного процесса в вузе. Очевидно, что для эффективного функционирования студенческого самоуправления необходимо совпадение студенческой активности и готовности администрации вуза к сотрудничеству.

Можно выделить два уровня студенческого самоуправления: студенческое самоуправление образовательного учреждения и студенческое самоуправление административно-территориальной единицы. В практике студенческого самоуправления в качестве органа студенческого самоуправления в образовательном учреждении выступают:

- руководящий орган профсоюзной организации студентов, статус которого определяется коллективным договором;
- руководящий орган общественной студенческой организации, действующей в данном учебном заведении, или отделения городской, областной, республиканской общественной организации, заключившей договор с учебным заведением;
- руководящие органы профсоюзной организации студентов и общественного студенческого объединения, статус которых и приоритеты деятельности определяется трехсторонним соглашением с администрацией образовательного учреждения;
- орган общественной самодеятельности (студсовет) образовательного учреждения, выполняющий функции студенческого самоуправления.

Наиболее уязвимым во взаимоотношениях с администрацией вуза является орган общественной самодеятельности, статус которого определяется уставом вуза и утверждается приказом руководителя образовательного учреждения. Ректор в любое время может аннулировать приказ, издать новый, предусмотреть иные формы противодействия студенческой «самодеятельности».

Вместе с тем, именно органы студенческого самоуправления могут оказать эффективное содействие администрации и воспитательным структурам образовательного учреждения в создании необходимых условий, способствующих активному вовлечению студенческой молодежи в различные сферы жизнедеятельности образовательного учреждения и повышения ее социальной активности; участвовать в разработке, принятии и реализации нормативно-правовой основы различных сторон жизнедеятельности студенческой молодежи; прогнозировать ключевые направления развития событий в студенческой жизни образовательного учреждения; проводить информационное обеспечение студенческой молодежи по различным вопросам жизнедеятельности учреждения профессионального образования и реализации молодежной политики; содействовать утверждению здорового образа жизни в образовательном учреждении и профилактике правонарушений и вредных привычек у студенческой молодежи; организовывать разнообразные виды социально значимой деятельности студенческой молодежи в образовательном учреждении, проводить различные мероприятия, способствующие развитию личности, формированию гражданственности и патриотизма студенчества, реализации его социальных и трудовых инициатив.

Предпринимаются попытки организовать студентов на уровне городских властей. Создаются городские студенческие советы, которые сложно назвать студенческим самоуправлением в чистом виде. Молодежные органы студенческого самоуправления формируются с це-

лью повышения роли молодежи в реализации государственной молодежной политики региона, активного включения ее в процессы социального развития. Орган студенческого самоуправления региона может участвовать в разработке стратегии государственной молодежной политики по отношению к студенческой молодежи в регионе; координировать деятельность студенческих общественных объединений и органов студенческого самоуправления; поддерживать социальные инициативы студенческой молодежи; разрабатывать и реализовывать целевые комплексные программы по развитию социальной и творческой активности студентов.

Сильные и эффективные органы студенческого самоуправления вузам необходимы. Для этого требуется укрепить авторитет студенческих организаций, наделить их реальными полномочиями, параллельно проводить работу по формированию активной и ответственной жизненной позиции у студентов, потребности в решении актуальных проблем и вопросов студенчества. Необходимо шире привлекать студентов к участию в работе Советов факультетов, доверять решение вопросов, связанных с проживанием в общежитии.

Целесообразно на уровне республики разработать комплексную программу «Студенческое самоуправление», в рамках которой предусмотреть постоянный обмен опытом между организациями студенческого самоуправления вузов, реализацию проектов, направленных на развитие студенческого самоуправления.

В качестве стратегической цели студенческого самоуправления можно считать подготовку гражданина, способного участвовать в управлении государством, принимать и выполнять общественно значимые решения, реализовывать в полной мере свое право избирать и быть избранным в различные органы государственного управления и местного самоуправления.

Именно студенческое самоуправление как одна из форм воспитательной работы вуза направлена на формирование всесторонне развитой творческой личности, с активной жизненной позицией, способной решать задачи гражданского общества.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2011. – № 13, 2/1795.
2. Роик, В. Социальное страхование, социальное государство, гражданское общество в России: взгляд в XXI век / В. Роик // Человек и труд. – 2000. – № 3. – С. 24 – 29.
3. Федотова, В. Г. Государство и гражданское общество как подлинная цель российских реформ / В. Г. Федотова // Философские науки. – 2002. – № 4. – С. 42 – 63.
4. Что такое студенческое самоуправление // Российский Союз Молодежи [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.studorg.ru/colleges>. – Дата доступа: 05. 04. 2011.
5. Рекомендации по развитию студенческого самоуправления в Российской Федерации: Письмо Министра образования РФ №15 51-68/15 от 14. 07. 2003 // Российский Союз Молодежи [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.studorg.ru/laws/25>. – Дата доступа: 03. 04. 2011.
6. Студенческое самоуправление: лекция 1 // [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://lider21vek.narod.ru/CCY/1.htm>. – Дата доступа: 05. 04. 2011.
7. О студенческом самоуправлении: Письмо Федерального агентства по образованию от 19 февраля 2007 г. №231/12-16 // Интернет-проект Правотека. ру [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.pravoteka.ru/pst/956/477651.html>. – Дата доступа: 05. 04. 2011.
8. Резолюция всероссийского форума по вопросам развития студенческого самоуправления // Российский Союз Молодежи [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://www.studorg.ru/laws/31>. – Дата доступа: 03. 04. 2011.

Проблема принципов трудового права: дискуссионные подходы

О. В. ЛАВРИНЕНКО

В статье исследованы современные доктринальные проблемы дефинирования сущности понятия и систематизации отраслевых принципов трудового права Украины. Обоснован вывод, что имеющаяся в современной доктрине тенденция к необоснованному расширению элементного состава системы отраслевых принципов трудового права является неконструктивной, иррациональной по своей сути.

Ключевые слова: компонентный состав, система принципов, тенденция расширения, принципы трудового права, Трудовой кодекс Украины, отраслевые принципы, доктрина трудового права, проблемы.

The article investigates modern doctrinal definition problems of the essence of the concept and ordering of branch principles of Ukrainian labour law. The article gives proof that the tendency in the modern doctrine to unreasonable expansion of element structure of labour law branch principle system is not constructive, irrational inherently.

Keywords: componential structure, system of principles, expansion tendency, labour law principles, Labour code of Ukraine, branch principles, labour law doctrine, problems.

Проблема принципов права *«напрямую связана с пониманием содержания и сущности самого права. В этом смысле ее решение имеет исходное и ключевое значение для трактовки практически всех вторых правовых явлений»* [1, с. 80]. На современном этапе развития трудового права «особенное внимание следует обратить на принципы трудового права, которые сформировались в условиях рыночных отношений и существенно отличаются от принципов советского трудового права... Принципы трудового права, которые складывались десятилетиями, в условиях советской системы экономики, должны быть существенно пересмотрены с учетом изменений общественного развития... и экономических реалий в государстве и мире» [2, с. 74]. Система принципов трудового права, а точнее – ее элементный состав, не является и никогда не был постоянным, ведь такие принципы представляют «собой некую целостность, единство. Подвижки внутри этой системы возможны, но их единство сохраняется... Система отраслевых принципов позволяет определить пределы действия, самостоятельности и независимости отраслей и создать динамичную систему их взаимодействия в меняющемся правовом пространстве как отражение реальных социально-экономических и политических процессов в обществе» [3, с. 418]. Справедливо подчеркивает Л. Ю. Бугров, что *«переоценить значимость проблемы принципов трудового права невозможно... Одной из огромных проблем, перманентно находящихся в эпицентре науки трудового права, должна быть проблема его принципов. Каждый новый этап развития нашего общества, государства и права детерминирует и новое рассмотрение обозначенной научной проблемы...»* [4, с. 609]. Действительно, проблема принципов трудового права должна квалифицироваться не только как доминирующая, но и перманентно существующая проблема науки трудового права, в которой учение об отраслевых принципах занимает центральное место. Ввиду изложенного, автором было поставлено задание – *проанализировать имеющиеся в современной доктрине принципов трудового права и законотворческой практике дискуссионные подходы, которые свидетельствуют о реализации иррациональной по своей сути тенденции расширения элементного состава системы принципов трудового права, и выразить по этому поводу критические суждения, а также обосновать соответствующие выводы и концептуальные предложения.*

Системность свойственна не только «нормам», но и «принципам» права как отдельному самостоятельному элементу имеющейся системы права [3, с. 418; 16, с. 26]. В первую очередь, идет речь о системе отраслевых принципов и ее составляющих частях – отдельных отраслевых

принципах, количество которых определяется часто произвольно, без должного логико-структурного обоснования. Так, в современной доктрине к перечню отраслевых принципов трудового права Украины относят от 1-го до 23-х принципов. В то же время в соответствии с Декларацией Международной Организации Труда (МОТ) об основных принципах и правах в сфере труда и занятости от 18.06.1998, которая была принята на 86-й сессии Международной Конференции Труда и с целью уточнения содержания фундаментальных принципов социальной политики, которые содержатся в Уставе МОТ как специального учреждения Организации Объединенных Наций, провозглашается лишь четыре «основополагающих» принципа в сфере труда и занятости. Сформулированные указанной Декларацией принципы являются обязательными для всех государств-членов МОТ, в том числе и Украины, а потому здесь следует солидаризироваться с О. Я. Лаврием, которая отстаивает тезис о том, что «в соответствии с этим перечнем принципов (идет речь о четырех принципах, которые указаны в отмеченной Декларации МОТ – О. Л.) и должна создаваться система принципов в трудовом праве Украины» [5, с. 17]. Впрочем, невзирая на отмеченное, и это в известной мере является показательным на сегодня явлением, трудно обнаружить необходимую последовательность в рассуждениях О. Я. Лаврия, где одновременно отмечается, что предложенный разработчиками в ст. 3 «Основных начал правового регулирования трудовых отношений» Проекта нового Трудового кодекса Украины от 04.12.2007 за № 1108 [6], который был взят за основу и прошел второе слушание в Верховной Раде Украины 01.10.2008 (*далее – ТКУ*), «...позволит в будущем устранить пробелы в законодательстве при применении правовых норм».

О. Я. Лаврий предлагает дополнить закрепленный в ст. 3 Проекта ТКУ перечень из двенадцати отраслевых принципов («начал») еще четырьмя «основными принципами правового регулирования трудовых отношений» [5, с. 47] и, таким образом, довести их общее количество до двадцати трех! Думаем, что приведенная в данном случае в качестве примера позиция О. Я. Лаврия является, в известной мере, логическим продолжением ситуации, которая постепенно формировалась во времена советской доктрины трудового права. Так, во всех принятых советских кодексах законов о труде (1918, 1922, 1971 гг.) вообще отсутствовали статьи, в которых были бы законодательно перечислены основные – отраслевые по статусу – принципы трудового законодательства. Понятно, что такая ситуация открывала слишком широкое пространство для исследователей в части доктринальной структуризации (выделения) таких принципов, а также не позволяла более-менее четко сориентироваться с их общим количеством (перечнем, системой, уровнями и тому подобное). В свое время известный советский ученый И. С. Войтинский сначала выделил 4 принципа, в то время как другой авторитетный исследователь того периода Н. Г. Александров называл от 6 до 9 принципов, а со временем – в советской литературе 70-80-х гг. XX ст. – фигурировало уже до 15, а в современных научных исследованиях их количество выросло уже до 23 отраслевых принципов. По нашему мнению, такая тенденция является неконструктивной и отрицательной, поскольку, как обоснованно отмечается в науке, «очевидно, что если мы признаем отраслевые принципы руководящими началами, выражающими сущность отрасли права, то их не может быть так много. Налицо зачастую смешение общеправовых отраслевых принципов и принципов отдельных отраслевых институтов» [3, с. 418-419]. Поэтому законодательное закрепление в ст. 3 Проекта ТКУ логично противоречивой системы из 19 «основных начал» является нецелесообразным и вот почему.

Во-первых, по содержанию указанный перечень в значительной мере воспроизводит содержание соответствующих положений действующего Трудового кодекса России, а количество таких принципов, как это ни странно, вообще полностью совпадает (!?), то есть в сущности это «нормативная компиляция» российского законодательства;

во-вторых, такая необоснованно, по крайней мере с позиции современной отечественной доктрины права, разветвленная по компонентному признаку система отраслевых по статусу принципов приведет, кроме других негативных результатов, к «размыванию» как самой сущности таких принципов, так и четкости их видовой систематизации (статуса) в системе права. Для убедительности сошлемся здесь на критические выводы А. М. Лушниковой и

М. В. Лушниковой.¹ Отмеченные замечания, в силу имеющегося нормативного компилирования, в значительной мере касаются и подхода разработчиков Проекта ТКУ. Следует согласиться с приведенными российскими правоведом критическими замечаниями, они являются полностью обоснованными и в значительной мере касаются имеющейся отечественной доктрины трудового права и предложенного в ст. 3 Проекта ТКУ подхода. Не лишним было бы учесть разработчиками нового Трудового кодекса Украины и общеизвестных правил определения понятия «принципы трудового права» на уровне Кодекса, а именно: правовые (юридические) дефиниции – представляют собой «сжатые логические определения, которые содержат в себе наиболее существенные признаки понятий, которые определяются. Раскрывая содержание понятия (термина), следует перечислять не все его признаки, а лишь наиболее важные. Такой подход предоставляет... возможность сформулировать правовую конструкцию достаточно полно, точно и в то же время экономно, не расплывчато... Норма, которая чрезмерно детализирована, похожа на перегруженный корабль, который глубоко осел и трудно поддается управлению. Перегруженный деталями и уточнениями закон также тяжелый для применения...» [7, с. 65, 68-69]. Здесь мы солидаризуемся с критикой известного теоретика права М. В. Цвика, который на примере анализа дефинирования такого понятия, как «нормативно-правовой акт», подчеркивает, что «замечание вызывает использование даже такого фактически господствующего в тексте действующих нормативных актов и юридической литературе термина как «нормативно-правовой акт». Его употребление ведет к терминологическим избыткам и нарушению правил законодательной техники. Дело в том, что указание на правовой характер акта поглощает его определение как акта нормативного, потому использование термина «правовой акт» имеет безусловное преимущество как более экономное» [8, с. 58]. Ввиду того, что в нашем случае идет речь о закреплении перечня и определении названия отраслевых принципов трудового права Украины на уровне базового нормативного акта – нового Трудового кодекса указанные правила «экономности», избегания «терминологических избытков» являются методологически значимыми и не могут игнорироваться, как то в сущности делают разработчики в содержании ст. 3 Проекта ТКУ.

Противоречивыми усматриваются и сентенции украинского исследователя О. Я. Лаврив в части, где этот автор сначала отмечает, что закрепленные в Проекте ТКУ «основные принципы» правового регулирования трудовых отношений являются «обобщенным отображением содержания *всей* системы отношений и *обеспечивают* единство процесса ста-

¹ Эти авторы подчеркивают, что «в настоящее время в законотворчестве упрочился текстуальный способ закрепления отраслевых принципов в нормах-принципах. Все новые кодексы содержат специальные статьи, посвященные основам соответствующего отраслевого законодательства. Это же осуществлено и в ТК РФ. В ТК РФ (ст. 2) впервые дан перечень основных принципов российского трудового законодательства. Для них характерны следующие противоречия и недостатки. Во-первых, законодательно закреплено 19 отраслевых принципов, что является абсолютным рекордом. Понятно желание законодателя закрепить основы отрасли, но в результате некоторые принципы названы неоднократно через различные их проявления. В то же время в рамках одного принципа были объединены различные по своей природе принципы, например, запрещение принудительного труда и дискриминации в сфере труда (п. 3 ст. 2 ТК РФ). Во-вторых, в п. 2 ст. 2 ТК РФ воспроизведен межотраслевой принцип свободы труда. Защита от безработицы и содействие в трудоустройстве (п. 4 ст. 2) вообще являются принципами государственного и административного права, а также права социального обеспечения. К последней отрасли относится и принцип обеспечения права на обязательное социальное страхование (п. 20 ст. 2). В-третьих, законодатель не уделил внимания принципу дифференциации как составляющему принципу единства (равенства) и дифференциации в трудовом праве. Этот принцип не получил текстуального закрепления. В-четвертых, многие принципы вновь сформулированы в виде обеспечения прав работников и работодателей, что неизбежно дублирует содержание ст. 21 и 22 ТК РФ, специально посвященных основным правам и обязанностям работника и работодателя. ...Права и принципы – это не одно и то же: принципы как категория идеальная не сводятся к правам и обязанностям лишь одного субъекта – работника. Принципы отрасли должны отражать формы взаимодействия прав и обязанностей работника и работодателя, их представителей, а не только работника... Более того, речь должна идти о фундаментальных принципах трудового права, играющих роль объединяющего начала в системе принципов правового регулирования, а не о принципах отдельных институтов трудового права. Отметим, что и в настоящее время некоторые ученые, соглашаясь с разграничением принципов и основных трудовых прав, фактически их отождествляют» [3, с. 418–419].

новления всей отрасли трудового права», а впоследствии уже предлагает, из-за отсутствия, дополнить отмеченный перечень основных принципов (начал) трудового права, среди прочего таким принципом «обеспечение единства и дифференциации правового регулирования» [5, с. 17, 47]. Заметим, что если буквально следовать предложенной в данном случае О. Я. Лаврив логике рассуждений, то имеющиеся в Проекте ТКУ принципы уже сами по себе «обеспечивают единство процесса становления всей отрасли трудового права», но при этом одного из базовых, наиболее «старого» [9, с. 53] отраслевого принципа («основного начала») – принципа единства и дифференциации трудовых отношений в перечне таких принципов (ст. 3 Проекта ТКУ) нет. На наш взгляд, такой логический посыл О. Я. Лаврив в полной мере не отвечает ее же категорическому выводу о том, что имеющийся в Проекте перечень принципов трудового права в существующем виде является «обобщенным отображением содержания *всей системы отношений и обеспечивает единство процесса становления всей отрасли* трудового права». Очевидно, что при наличии в Трудовом кодексе Украины – Основном Законе трудового права – неполного и потому ущербного перечня отраслевых принципов, последние (принципы) никоим образом не могут безоговорочно квалифицироваться как то, что является «обобщенным отображением содержания *всей системы отношений*» и такое, что надлежало бы «обеспечивает единство процесса становления *всей отрасли* трудового права». Если это не так, то, кроме прочего, вообще возникает вопрос о целесообразности и необходимости включения в ст. 3 Проекта ТКУ еще четырех предложенных О. Я. Лаврив отраслевых принципов, среди которых и принцип единства и дифференциации трудовых отношений. Как известно, «закон непротиворечивости» в юридической герменевтике дополняется «законом исключенного третьего», сущность которого заключается в том, что из двух противоречивых суждений одно непременно является истинным, второе – ложным, а третьего и быть не может. Это значит, что в предмете суждения (исследования, регулирования, охраны) отмеченный признак должен иметь место или отсутствовать. В правовом регулировании такое правило имеет определенное дополнительное значение: конструкции норм права строятся иногда в соответствии с универсальным логическим средством «или-или», что однозначно требует: нельзя одно и то же действие, состояние, предмет (объект) и тому подобное регулировать или формулировать по-разному. Наука подчеркивает, что *нормативный текст должен отличаться однозначностью*: разные слова не могут употребляться для выражения одного и того же понятия; одно и то же слово не может употребляться для выражения разных понятий [10, с. 10]. Противоречивыми правовые нормы, в том числе нормы-дефиниции, выступают тогда, когда они предлагают разные подходы по одному вопросу: «Требование непротиворечивости означает обеспечение логической согласованности конкретного правового текста как в отношении его самого (внутренняя непротиворечивость), так и в во внешнем плане – отношении субординации (нормы и решения низшего уровня общности не должны противоречить нормам и решениям высшего уровня общности), так и в отношении координации (нормы и решения разных отраслей права не должны противоречить друг другу)» [11, с. 171-172]. По закону непротиворечивости ни одно высказывание не может быть одновременно истинным и ложным, поскольку истинность и ошибочность это суть несовместимые вещи: одно и то же высказывание одновременно не может отвечать положению вещей в действительности и не отвечать ему, из двух противоречивых высказываний одно является ложным [11, с. 98]. Отсюда vyplывает, что сознательное применение ложных (логически дефектных, противоречивых) аргументов при толковании содержания дефиниции правовых понятий (в нашем случае «принципов трудового права») является недопустимым.

В современной науке небезосновательно подчеркивается, что «трудно найти двух авторов, которые сошлись бы в мысли относительно числа... принципов, не говоря уже об их содержании» [12, с. 50]. Тем не менее, категоричность последнего вывода является сомнительной, по крайней мере учитывая следующее. В свое время известный ученый А. И. Процевский доказал, что «метод правового регулирования общественных отношений, составляющих предмет трудового права, *базируется на таких принципах*: равенство сторон трудового договора; участие рабочих и служащих в регулировании отношений, возникающих в процессе трудовой

деятельности» [13, с. 19]. Такую же позицию – в части признания первичности отраслевых «принципов» относительно «методов» трудового права – отстаивает и современный исследователь данной проблематики О. Я. Лаврив. Последний ученый, предикативно и категорически утверждая, что «существенным недостатком научных исследований по проблемам принципов трудового права является отсутствие дефиниции общепринятого понятия принципов трудового права. Ни в общей теории права, ни в теории трудового права не выработано единого подхода к определению понятия принципа и к пониманию его роли в регулировании общественных отношений», в конце концов, делает заключение: «...под принципами трудового права следует понимать руководящие, исходные положения, выраженные в этой отрасли права (с закреплением в нормах права или такие, которые выводятся из них), которые выражают ее единство, отображают основные подходы правового регулирования трудовых отношений и определяют общую направленность развития этой отрасли права» [5, с. 15-16]. Отдавая должное степени доктринальной осведомленности и категоричности последних приведенных суждений О. Я. Лаврив о новизне предложенного ею подхода, заметим, что концептуально таким же пониманием руководствуются, и не первый год, в частности, В. С. Венедиктов [14, с. 27] и другие авторы [16-17]. А еще более десять лет тому назад – в 1998 году – российские исследователи В. И. Казанцев и В. Н. Васин в сущности аналогично О. Я. Лаврив [5, с. 15-16] дефинировали понятие «принципы трудового права как «...закрепленные в действующем законодательстве основополагающие руководящие начала и положения, определяющие единство трудового права, сущность правового регулирования и общую направленность развития данной системы правовых норм. Правовые принципы наряду с предметом и методом раскрывают особенности той или иной отрасли права, отличают ее от вторых отраслей и выступают систематизирующими признаками как отрасли права в целом, так и ее отдельных институтов» [17, с. 17]. Последний приведенный доктринальный подход представляется нам полностью обоснованным, а предложенную О. Я. Лаврив в 2009 году дефиницию понятия «принципы трудового права» [5, с. 15-16] такой, что в действительности не имеет характера новеллы ни в отраслевой терминосистеме в целом, ни в структуре понятийного аппарата учения о принципах трудового права в частности.

Учитывая наличие целого ряда противоречий и логико-структурных дефектов в проанализированной выше доктринальной интерпретации содержания отдельных отраслевых принципов, а также подходов, в том числе и разработчиками нового Трудового кодекса Украины, к элементному составу современной системы принципов трудового права, можно прийти к следующему выводу. Попытки новеллизации имеющейся системы принципов трудового права, в том числе на уровне законотворческой деятельности, являются вполне обоснованными и своевременными, однако имеющаяся в современной доктрине тенденция к необоснованному расширению элементного состава системы отраслевых принципов трудового права является неконструктивной, иррациональной по своей сути, а потому является в целом отрицательной. Ключевую роль в установлении отраслевых принципов (компонентный аспект) и, соответственно, построения их системы, следует отвести лишь одному – главному критериальному признаку: принцип является исходным руководящим и основным положением, а потому должен рефлексировать наиболее сущностные характеристики этой отрасли и проявляться в нормах всех отраслевых институтов.

Литература

1. Трудовое право России / под ред. С. П. Маврина, Е. Б. Хохлова. – М.: Юрист, 2004. – 560 с.
2. Щербина, В. І. Значення нових принципів трудового права для захисту прав і законних інтересів працівників та роботодавців / В. І. Щербина // Форми соціально-правового захисту працівників у службово-трудових відносинах: мат-ли наук.-практ. конф., (м. Суми, 2–4 червня 2005 р.). – Харків: УАФТП, 2005. – С. 73–75.
3. Лушникова, М. В. Очерки теории трудового права / М. В. Лушникова, А. М. Лушников. – Спб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – 940 с.

4. Бугров, Л. Ю. К вопросу об основных принципах трудового права / Л. Ю. Бугров // Российский ежегодник трудового права. – 2005. – № 1. – С. 609–614.
5. Лаврів, О. Я. Основні засади правового регулювання трудових відносин за новим Трудовим кодексом України // Кодифікація трудового законодавства України: монографія / за ред. Н. М. Хуторян, М. І. Іншина, С. М. Прилипка та О. М. Ярошенка. – Харків: ФІНН, 2009. – С. 14–48.
6. Проект Трудового кодексу України від 04.12.2007 за реєстраційним № 1108 // Режим доступу: gska2.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511.
7. Ковальський В. С. Правотворчість: теоретичні та логічні засади: монографія / В. С. Ковальський, І. П. Козінцев. – Київ: Юрінком Інтер, 2005. – 178 с.
8. Цвік, М. В. Фундаментальні проблеми теорії права // Антологія української юридичної думки: у 10 т. / редкол.: Ю. С. Шемшученко та ін. – Київ: Юрид. книга, 2005. – Т. 10. – С. 49–63.
9. Трудове право України / Пилипенко П. Д., Бурак В. Я., Козак З. Я. та ін. ; за ред. П. Д. Пилипенка. – Київ: Ін Юре, 2003. – 536 с.
10. Титов, В. Юридична герменевтика з погляду сучасної формальної логіки / В. Титов, О. Марченко // Вісник Академії правових наук України. – 1999. – № 1. – С. 97–101.
11. Хоменко, І. В. Логіка для юристів / І. В. Хоменко. – Київ: Юрінком Інтер, 2001. – 224 с.
12. Фріс, П. Л. Кримінально-правова політика Української держави: теоретичні, історичні та правові проблеми: монографія / П. Л. Фріс. – Київ: Атіка, 2005. – 378 с.
13. Советское трудовое право / под общ. ред. А. И. Процевского. – Киев: Выща школа, 1981. – 386 с.
14. Венедиктов, В. С. Трудовое право Украины (Общая часть) / В. С. Венедиктов. – Симферополь, 2004. – 384 с.
15. Лавріненко, О. В. Теоретико-правове дослідження чинників розвитку та понятійного апарату вчення про принципи трудового права / О. В. Лавріненко // Проблеми правознавства та правоохоронної діяльності. – 2006. – № 3. – С. 279–292.
16. Лавріненко, О. В. Дефініція поняття «принципи трудового права»: теоретико-правовий аналіз / О. В. Лавріненко, П. Д. Проскуряков // Розвиток наукових досліджень '2006: мат–ли II Міжн. наук.–практ. конф., (м. Полтава, 27–29 листопада 2006 р.). – Полтава: ІнтерГрафіка, 2006. – Т. 3. – С. 37–42.
17. Казанцев, В. И. Трудовое право / В. И. Казанцев, В. Н. Васин. – М.: Норма – М, 2005. – 456 с.

Существенные условия экспортного договора купли-продажи товаров

В. А. ФЕДОТОВ

На основе анализа международных и национальных норм, практики делового оборота в статье дается научное обоснование существенным условиям экспортного договора купли-продажи товаров.

Ключевые слова: Внешнеторговый договор, существенные условия, экспортер, иностранный элемент, коллизийная привязка, правовой режим, Международные правила толкования торговых терминов Инкотермс, арбитражная оговорка.

Based on the analysis of international and national norms, practices of the business turnover the article gives a scientific basis for off-take export contract essential conditions.

Keywords: foreign trade agreement, essential conditions, exporter, foreign element, conflict linkage, legal regime, International rules of interpretation of trading terms Incoterms, arbitration clause.

До принятия Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г. (далее – ГК) белорусское гражданское законодательство допускало разделение составляющих содержание договора условий на существенные, обычные и случайные. По действующему гражданскому законодательству, все согласованные сторонами условия являются существенными. В соответствии с ч. 2 п. 1 ст. 402 ГК, существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законодательстве как существенные, необходимые или обязательные для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Анализ ч. 2 п. 1 ст. 402 ГК позволяет выделить два вида существенных условий договора: условия, установленные нормами права для соответствующего вида гражданско-правового договора, и условия, относительно которых сторонами договора достигнуто соглашение. Полагаем, что первый вид условий экспортного договора купли-продажи товаров условно может быть назван «основные существенные условия», второй – «дополнительные существенные условия».

Поскольку условие о предмете договора, в силу ч. 2 п. 1 ст. 402 ГК, является существенным условием каждого гражданско-правового договора, то данное условие относится к первому виду существенных условий.

В целях обеспечения правильного и единообразного применения норм ГК о заключении, изменении и расторжении договоров постановлением Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 1999 г. № 16 (в ред. от 6 апреля 2005 г.) в гражданский оборот введен третий вид существенных условий – «вытекающие из сущности договора данного вида». К сожалению, в названном постановлении и других актах законодательства Беларуси не раскрывается понятие условий, вытекающих из сущности договора данного вида.

На наш взгляд, следует согласиться с учеными, отрицающими существование, кроме существенных, обычных и случайных условий гражданско-правового договора. Сторонником данной теории является, в частности, М. И. Брагинский. «Никаких других условий, кроме существенных, в договоре не может быть... – отмечает этот автор, – Согласование существенных условий означает, что договор заключен» [1, с. 243, 249]. В международной практике также традиционно принято считать все условия международного коммерческого договора существенными [2, с. 219, 224].

Условия внешнеторгового контракта определяются сторонами не только в соответствии с внутренним (национальным) правом государств участников сделки, но и нормами международных соглашений (конвенций) Республики Беларусь, имеющих тесную связь с внешнеторговым договором. Причем международные акты, действующие в сфере внешней экономики, могут предусматривать как императивные нормы, так и диспозитивные нормы о содержании внешнеторгового контракта.

Если стороны внешнеторгового договора, находящиеся на территории государств-участников Конвенции 1980 г. «О договорах международной купли-продажи товаров» (далее – Конвенция 1980 г.; Венская конвенция), не исключили применение к их отношениям Конвенции, то они обязаны предусмотреть в договоре перечень необходимых условий, подлежащих согласованию в соответствии с требованиями данного международного акта.

Конвенция 1980 г. не указывает, какие условия являются существенными, однако устанавливает требование об определенности оферты. Согласно ст. 14 Конвенции, предложение является достаточно определенным, если в нем обозначен товар и прямо или косвенно устанавливаются количество и цена либо предусматривается порядок их определения. При этом в отношении договоров международной купли-продажи товаров п. 3 ст. 19 Конвенции 1980 г. предусматривает перечень условий, существенно изменяющих условия оферты: цена, условия платежа, качество товара, количество товара, место поставки, срок поставки, объем поставки, ответственность одной из сторон перед другой, разрешение споров.

Разумеется, что нормы Венской конвенции носят диспозитивный характер (за исключением нормы о форме договора с участием резидента Беларуси), поэтому стороны могут изменить или отступить от положений Конвенции, в т. ч. о содержании договора. Однако, на национальном уровне указанным условиям может быть придано значение основных существенных условий внешнеторгового контракта купли-продажи. Конвенция 1980 г. является наиболее успешным опытом унификации правил международной купли-продажи материальных товаров [3, с. 55]. Это акт комплексного характера, регламентирующий международные коммерческие отношения предпринимателей (коммерсантов) более 70 стран мира, включая США, членов ЕС (кроме Великобритании и Португалии), азиатские и латиноамериканские государства. Нормы Венской конвенции применимы к международным договорам купли-продажи, если субъекты этого соглашения находятся в государствах – участниках Конвенции 1980 г. (ст. 1).

В соответствии с п. 17 Соглашения от 20 марта 1992 г. «Об общих условиях поставок товаров между организациями государств-участников СНГ» (ОУП СНГ) в договоре обязательно определяется: номенклатура (ассортимент); количество; качество; цена товара; сроки поставки; отгрузочные и платежные реквизиты. При отсутствии этих условий договор считается незаключенным.

Помимо условия о предмете (ст. 402 ГК), согласно подп. 1. 16. 4 Указа Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 г. № 178 «О порядке проведения и контроля внешнеторговых операций» (далее – Указ № 178) в соответствии с каждым заключенным внешнеторговым договором резиденты обязаны предусмотреть в документах, посредством которых проводятся внешнеторговые операции, условия расчета.

Несмотря на то, что указанное условие предусмотрено законодателем в одном подпункте, Указ № 178 предусматривает и иное существенное условие экспортного договора. В соответствии с подп. 1. 4 Указа, при экспорте товаров резиденты обязаны обеспечить прекращение обязательств нерезидентами в полном объеме не позднее 90 календарных дней с даты отгрузки товаров. Таким образом, подп. 1. 4 Указа № 178 установлено существенное условие о сроке прекращения (исполнения) обязательств нерезидентом (условие о сроке оплаты). Вместе с тем данный Указ прямо не устанавливает обязанность резидента предусматривать во внешнеторговом контракте условие о сроке прекращения (исполнения) обязательств нерезидентом (подп. 1. 16. 4).

Если экспортер занимается предпринимательской деятельностью по осуществлению оптовой и/или розничной торговли товарами несобственного производства, то (кроме оговоренных выше основных существенных условий) в экспортном договоре, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 7 марта 2000 г. № 117 «О некоторых мерах по упорядочению посреднической деятельности при продаже товаров» (далее – Указ № 117), должно быть предусмотрено условие о цели приобретения товаров: вывоз товара из Республики Беларусь, переработка на давальческих условиях.

Нормы о содержании внешнеторгового договора Указа № 178 и Указа № 117 являются императивными. В российском законодательстве принят иной подход: действуют

нормы рекомендательного характера о содержании внешнеторгового контракта. МВЭС России совместно с ГТК России и ВЭК России разработали и утвердили «Рекомендации по минимальным требованиям к обязательным реквизитам и форме внешнеторговых контрактов» [4]. Согласно этим рекомендациям, во внешнеторговом контракте целесообразно указывать: унифицированный номер контракта, дату и место подписания контракта, полные официальные наименования организаций продавца и покупателя, полное наименование страны иностранного партнера и страны назначения (отправления) товара, предмет контракта, цену и общую сумму, условия платежа, срок поставки, условия приемки товара по качеству и количеству, форс-мажорные обстоятельства, прочие условия и обстоятельства сделки (гарантийные обязательства, лицензионные платежи, техническая помощь, сборка, наладка и монтаж оборудования, обучение персонала, информационные и другие услуги), рассмотрение споров, санкции, адреса покупателя и продавца, подписи сторон.

Следует признать, что условия, установленные Указом № 178, являются существенными для всех внешнеторговых контрактов. Для каждой разновидности внешнеторгового договора законодателем, на наш взгляд, должен быть сформулирован отдельный перечень существенных условий, с учетом норм международных соглашений (конвенций), механизма правового регулирования соответствующего вида внешнеторговой деятельности, практики делового оборота, особенностей контракта. Перечень таких условий должен быть обоснованным и минимальным.

На наш взгляд, необходимо придать значение существенных таким условиям экспортного договора купли-продажи, как объект договора, вывоз товара из Республики Беларусь, сроки оплаты и поставки товара, ответственность сторон и подсудность споров. Квалифицирующее значение для экспортного договора купли-продажи, полагаем, имеют условие об объекте и условие о вывозе товара за рубеж.

Полагаем, что в главе 3 «Государственное регулирование внешнеторговой деятельности в области внешней торговли товарами» Закона Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» (Закон 2004 г.) после ст. 24 необходимо предусмотреть статью «Содержание внешнеторгового контракта купли-продажи», предусматривающую следующее:

«Содержание внешнеторгового контракта купли-продажи товара определяется в соответствии с международным и национальным правом.

Внешнеторговый контракт купли-продажи заключается в простой письменной форме и включает следующие существенные условия: предмет договора, объект договора (наименование, ассортимент, количество, качество товара), вывоз товара из Республики Беларусь (при экспорте) либо ввоз товара в Беларусь (при импорте), цена товара, вид поставки, платеж (валюта платежа и форма оплаты), сроки оплаты и поставки товара, ответственность сторон, подсудность споров, а также иные условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Внешнеторговый контракт купли-продажи товара должен содержать обязательные реквизиты: сведения о сторонах (наименование; место нахождения – для юридических лиц, а также организаций, не являющихся юридическими лицами; место жительства – для физических лиц; данные регистрации, если регистрация лица обязательна в соответствии с законодательством), дату заключения соглашения, банковские (платежные) реквизиты, подписи сторон.

Условие поставки внешнеторгового контракта купли-продажи товара определяется в соответствии с действующей редакцией Международных правил толкования торговых терминов (Инкотермс), если иное не предусмотрено законодательством или договором».

Реализация данного предложения предполагает внесение соответствующих изменений и дополнений в Указ № 178.

Остановимся более подробно на некоторых существенных условиях и реквизитах экспортного договора купли-продажи.

Квалифицирующее значение для экспортного договора купли-продажи имеет государственная принадлежность сторон соглашения. Только для экспортных отношений купли-продажи характерно то, что продавцом здесь выступает экспортер, а покупателем – импор-

тер. Полагаем, что предусмотренное подп. 1. 1 Указа № 178 понятие «экспортер (импортер)» необходимо разделить на самостоятельные понятия «экспортер» и «импортер», поскольку это определение учитывает только одну сторону внешнеторгового договора – субъекта хозяйствования Беларуси. Отношения, основанные на внешнеторговом договоре купли-продажи, не могут обходиться без участия иностранного контрагента-покупателя товаров.

Критерий местонахождения применяется во внешнеторговом законодательстве Беларуси для юридических лиц, для физических лиц используется критерий регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, гражданства, места жительства и др.

В Республике Беларусь местонахождение юридического лица определяется его местом учреждения (регистрации). Однако за рубежом для отдельных категорий предпринимателей может быть не предусмотрено обязанности регистрации в торговом реестре. Например, в ФРГ предприниматели в области сельского или лесного хозяйства (так называемые «возможные коммерсанты» (*Kannkaufmann*) или «коммерсанты по желанию») могут пройти регистрацию в торговом реестре только при желании [5, с. 114]. Остуда следует, что в указанном случае критерий местонахождения нерезидента – иностранного юридического лица означает только место его фактического нахождения. Однако поскольку в белорусском внешнеторговом законодательстве используется комбинированный критерий – не только места нахождения, но и регистрации, во внешнеторговом договоре, на наш взгляд, должны указываться сведения о сторонах: наименовании, месте нахождения и регистрации, если регистрация обязательна для данных лиц в соответствии с национальным законодательством.

Полагаем, что указание в договоре сведений о сторонах (наименовании, месте нахождения (жительства) партнеров, а также их регистрации) соответствует не только их интересам, но и интересам общества и государства.

По взаимному согласию стороны имеют право указать любое место заключения соглашения. Если местом заключения экспортного договора стороны избрали Беларусь, и не имеется соглашения о применимом праве, на основании п. 1 ст. 1120 ГК, применимое право определяется в соответствии со ст. 1125 ГК. Комментируя п. ст. 1120 ГК, Я. И. Функ указывает, что объем данной «... коллизионной привязки включает в себя не все права и обязанности сторон по сделке (внешнеторговому договору), а лишь те, которые связаны с возникновением и прекращением права собственности» [6]. На наш взгляд, критерий места совершения сделки, предусмотренный п. 1 ст. 1120 ГК, включает не только момент возникновения и прекращения права собственности, но и время исполнения (совершения) сделки.

В условиях, когда все большее количество контрактов заключается между «отсутствующими сторонами», посредством электронной и т. п. связи, утрачивает значение коллизионная привязка места заключения договора. Закрепление указанной привязки в международных соглашениях и национальном законодательстве не соответствует практике развития современных коммерческих отношений.

Условие об объекте (товаре) в экспортном договоре купли-продажи предполагает наличие в договоре таких, на наш взгляд, существенных для этого договора условий, как условие о качестве и условие количестве товара.

Как уже отмечалось, согласно ОУП СНГ, условие о качестве товара является обязательным условием международных договоров поставки. Однако, в соответствии с Указом № 178, условие о качестве не является существенным условием внешнеторговых договоров. Конвенция 1980 г. также не предусматривает обязанность сторон указывать данное условие в соглашении международной купли-продажи. Вместе с тем анализ норм Венской конвенции 1980 г. (п. 3 ст. 19, стст. 35–38 и др.) позволяет сделать вывод о том, что условие о качестве является существенным условием договора международной (внешнеторговой) купли-продажи. В соответствии с Конвенцией 1980 г., если стороны соглашения не согласовали условие о качестве товара, то предполагается, что товар пригоден для тех целей, для которых того же описания товар обычно используется (ст. 35). Кроме того, качество товара влияет его цену – существенное условие соглашения (ст. 50) [7]. При поставке некачественного товара Конвенцией предусмотрено право покупателя снижения цены на товар в соответствующей пропорции.

Как свидетельствует практика, стороны стремятся определить в договоре качество поставленного товара. Качество товара должно полностью соответствовать соглашению сторон. Импортёр вправе предъявить требования к качеству товара в соответствии с конкретными целями приобретения (вне зависимости от того, отвечает ли товар установленным в стране экспортера стандартам качества, имеется ли полная информация о его свойствах, достоверна ли эта информация). Важно лишь, чтобы цель, в соответствии с которой приобретается товар, была доведена до продавца к моменту заключения договора.

При согласовании качества поставляемого за рубеж товара контрагентам стоит учитывать не только собственные интересы, но и требования, установленные к качеству продукции иностранным государством, т. е. закон места вовлечения объекта в гражданский оборот. В данном аспекте имеет значение правовой режим объекта экспортного контракта купли-продажи. Условие о качестве товара в контракте должно соответствовать минимальным требованиям качества не только страны товаропроизводителя, но и государства, имеющего тесную связь с договором (например, страны, по территории которой осуществляется доставка товара нерезиденту). Если стороны не предусмотрят условие о качестве вывозимых товаров в договоре, на наш взгляд, это может привести к ряду правовых проблем, связанных с невозможностью исполнения достигнутого соглашения.

С учетом изложенного условие о качестве товара, на наш взгляд, следует признать существенным условием экспортного договора купли-продажи.

Количество товара, подлежащего передаче импортёру, может быть определено разными способами – в единицах измерения, в денежном выражении, либо стороны вправе оговорить в договоре порядок его определения (п. 1 ст. 435 ГК). Единица измерения количества товара, избираемая сторонами, зависит от характера товара и сложившейся практики в международной торговле. Согласовывая условие о количестве товаров, сторонам экспортного договора важно определить не только количество товаров, установленное договором, но и поставленное фактически, поскольку Конвенция 1980 г. (как и ГК) не содержат каких-либо специальных норм по этому вопросу. Пункт 1 ст. 35 Венской конвенции закрепляет общее правило о том, что продавец должен поставить товар, который по количеству, качеству и описанию соответствует требованиям договора. Если экспортёр поставит товар, который в общем соответствует условиям договора, то считается, что поставка имела место, даже если количество и качество товара не отвечают условиям договора.

Условие о вывозе товаров из Республики Беларусь (цель приобретения) имеет, на наш взгляд, прямое отношение к установлению факта экспорта, т. е. к одному из квалифицирующих признаков экспортного договора купли-продажи. По белорусскому законодательству данное условие не является обязательным условием каждого внешнеторгового договора купли-продажи. Это необходимое условие только для договоров, предусматривающих осуществление оптовой и/или розничной торговли товарами несобственного производства.

Вместе с тем, присутствие условия о вывозе товара в каждом экспортном договоре купли-продажи, на наш взгляд, обязательно. Например, основания для его включения в текст контракта можно усмотреть в других существенных для внешнеторгового договора условиях, а также в исполнении ряда обязанностей связанных с осуществлением внешнеторговой деятельности (например, получении лицензии, оформлении статистической декларации и др.). Нет необходимости конкретизировать данную цель (вывоз товара), а соответственно, и другие условия (например, условие о валюте платежа, условие о сроке прекращения обязательств нерезидентом – 90 календарных дней с даты отгрузки товаров) в договоре купли-продажи, если вывоз товаров из страны не предполагается. Поэтому от наличия условия о вывозе в этом договоре зависит присутствие (или отсутствие) других условий контракта.

Конечно, указание цели не означает безусловной обязанности использовать товар только так, а не иначе, (если, например, такая цель стала неосуществимой либо достижение этой цели ведет к убыткам). Вместе с тем, именно цель договора – не просто продажа, а продажа, соединенная с вывозом товара за рубеж, – делает, на наш взгляд, соглашение экспортным договором купли-продажи.

Известно, что вывоз товара может осуществляться как самим покупателем, так и его собственником – производителем товара или посредником. Полагаем, что в случаях, когда предполагается вывоз товара из Беларуси, условие о вывозе (цели приобретения товаров) должно быть указано в договоре купли-продажи. С момента согласования данного условия в этом договоре можно говорить о внешнем (экспортном) характере отношений. В отсутствие договора, т. е. когда товар вывозится резидентом Беларуси с целью продажи за границей, вывоз товара необходимо рассматривать как правовую предпосылку факта экспорта.

Условие о вывозе товара из Республики Беларусь не относится ни к основным, ни к дополнительным существенным условиям каждого экспортного договора купли-продажи (если только стороны не оговорят его в соглашении). На наш взгляд, это условие, вытекающее из сущности договора данного вида.

Цена (стоимость, тариф, расценка, ставка и т. п.) является одной из важнейших характеристик объекта экспортного договора купли-продажи, поскольку она выражает размер имущественного интереса экспортера, реализующего объект договора. Кроме того, цена указывает на признак возмездности договора, что является необходимым условием для квалификации его в качестве внешнеторгового.

Статья 14 Конвенции 1980 г. по существу устанавливает обязанность сторон согласовать прямо или косвенно в договоре условие о цене товара либо порядке ее определения. Вместе с тем ст. 55 данной Конвенции предусматривает, что, если в договоре ни прямо, ни косвенно не установлена цена или не предусматривается порядок ее определения, действует, при отсутствии какого-либо упоминания об ином, презумпция о наличии соглашения сторон о цене. В литературе высказано мнение о том, что противоречие стст. 14 и 55 может быть устранено путем применения ст. 6 Конвенции 1980 г., согласно которой стороны могут отступить от любого из предложений конвенции [8, с. 52]. Однако судебная практика не признает офертой предложение, в которой цена указана неточно. Такие контракты, а также контракты, согласно которым цена будет сторонами согласована в будущем, признаются незаключенными [9].

В Беларуси в области государственного регулирования цен на экспортные товары действует ряд нормативных правовых актов, призванных установить минимально допустимые цены. В предусмотренных законом случаях, при экспорте белорусской продукции субъекты хозяйствования Беларуси, не являющиеся ее производителями, обязаны применять на такую продукцию цены не ниже регистрационных. Право регистрации цен принадлежит производителям экспортируемого товара. Регистрируемая цена не может быть ниже установленной Министерством экономики Беларуси, если товар указан в перечне, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 июля 1998 г. № 1091 «О некоторых мерах по совершенствованию государственного регулирования экспорта отдельных видов товаров, производимых в Республике Беларусь».

Если цена в договоре установлена в твердой сумме, на наш взгляд, необходимо предусмотреть порядок ее пересмотра. В противном случае изменение цен в результате инфляционных процессов в государстве может повлечь невозможность исполнения экспортером обязанности по поставке товаров.

Оплата за поставленный товар определенной денежной суммы является основной обязанностью импортера по экспортному договору купли-продажи. Условие о цене товара предполагает согласование сторонами условий о платеже (валюте платежа и форме оплаты) и сроке оплаты. Данные условия не отнесены законодателем к существенным условиям внешнеторгового контракта купли-продажи. Однако, по нашему мнению, такие условия должны быть предусмотрены в законодательстве как существенные для данного договора.

В ст. 54 Конвенции 1980 г. указано, что обязательство покупателя уплатить цену включает принятие таких мер и соблюдение таких формальностей, которые могут требоваться согласно договору или согласно законам и предписаниям для того, чтобы сделать возможным осуществление платежа. В силу ст. 59 Венской конвенции покупатель обязан уплатить цену в день, который установлен или может быть определен согласно договору и Конвенции.

Практика заключения международных договоров купли-продажи также свидетельствует о том, что «при определении условий платежа в контракте обычно устанавливаются: валюта платежа; срок платежа; способ платежа и форма расчетов...» [10, с. 98].

По общему правилу, цена в контрактах международной купли-продажи определяется в иностранной валюте. Для резидентов необходимость указания во внешнеторговом договоре иностранной валюты платежа обусловлена требованиями Указа Президента Беларуси от 17 июля 2006 г. № 452 «Об обязательной продаже иностранной валюты» и некоторых других нормативных правовых актов. Резиденты осуществляют обязательную продажу иностранной валюты на внутреннем валютном рынке Беларуси в размере 30 % суммы выручки.

Полагаем, что во внешнеторговом законодательстве Беларуси необходимо закрепить рекомендательную норму об аккредитивной форме расчетов по экспортным договорам, поскольку данная форма в большей мере, чем иные, соответствует интересам белорусских экспортеров [11, с. 398]. На наш взгляд, по своему содержанию эта норма может быть идентична норме российского законодательства: «Рекомендуется предусматривать аккредитивную форму платежа или другую форму, гарантирующую безусловное поступление валютной выручки при экспорте товаров...» [3].

Придание нормами национального права условиям о валюте платежа и форме оплаты значения существенных условий соответствует интересам государства, а также потребностям юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в иностранной валюте.

Цены экспортных договоров купли-продажи выражаются в определенных валютах (валюта цены). Однако для платежа по договору может быть выбрана иная валюта. Совпадение указанных валют облегчает расчеты между сторонами. Если стороны избрали разные валюты цены и платежа, контрагентам следует согласовать курс и дату перерасчета. Для резидентов Республики Беларусь курсом перерасчета является только курс Национального банка Республики Беларусь на дату платежа.

Необходимость закрепления нормами внешнеторгового законодательства существенного условия о сроке оплаты нерезидентом по экспортному договору купли-продажи, на наш взгляд, вытекает из сути условий о цене и платеже. Анализ норм Указа № 178 позволяет сделать вывод о том, что императивная норма о прекращении (исполнении) обязательств нерезидентом при экспорте (не позднее 90 календарных дней с даты отгрузки товаров) представляет собой существенное условие экспортного договора купли-продажи о сроке оплаты. Согласно Указу № 178, датой прекращения обязательств нерезидента при экспорте считается дата поступления денежных средств от экспорта за переданные товары (подп. 1. 6. 1, 1. 7).

В международном торговом обороте широкое применение получили базисные условия поставок Инкотермс. Они определяют обязанности продавца и покупателя по доставке товаров, устанавливают момент перехода риска случайной гибели или порчи товара с продавца на покупателя и др. Формирование Инкотермс, виды поставок складывались в течение длительного периода времени на основе международной торговой практики экономически развитых стран мира [12, с. 39].

Хозяйственные суды Беларуси при разрешении споров вправе применять обычаи международного делового оборота, содержащиеся в Инкотермс, если их применение не противоречит законодательству и участники сделки прямо договорились об их применении.

Согласно решению Совета глав правительств СНГ от 25 ноября 2005 г. «О единой методологии таможенной статистики внешней торговли государств – участников Содружества Независимых Государств в новой редакции», виды условий поставки товаров, которые применяются в международной торговле, определяются в соответствии с Инкотермс. Данное решение вступило в силу для Республики Беларусь 25 ноября 2005 г., однако лишь в некоторых нормативных правовых актах Беларуси предусмотрено требование о применении сторонами внешнеторгового договора купли-продажи базисов поставки Инкотермс.

Если стороны изменили содержание базисных условий поставок Инкотермс во внешнеторговом договоре купли-продажи, по общему правилу, считается, что условия поставки согласованы сторонами в соответствии с Инкотермс, но с учетом волеизъявления сторон [13; 14, с. 185, 194]. По смыслу ст. 9 Конвенции 1980 г., Инкотермс применяется и в том случае,

если стороны международного договора купли-продажи прямо не указали в соглашении на применение базисов поставки. Согласно Конвенции 1980 г., стороны связаны любым обычаем, относительно которого они договорились, и практикой, которую они установили в своих взаимных отношениях. При отсутствии договоренности об ином считается, что стороны подразумевали применение к их договору или его заключению обычая, о котором они знали или должны были знать и который в международной торговле широко известен и постоянно соблюдается сторонами в договорах данного рода в соответствующей области торговли.

С учетом изложенного полагаем обоснованным закрепление в норме Закона 2004 г., определяющей содержание внешнеторгового контракта купли-продажи, правила о том, что «условие поставки внешнеторгового контракта купли-продажи товара определяется в соответствии с действующей редакцией Международных правил толкования торговых терминов (Инкотермс), если иное не предусмотрено законодательством или договором».

Определение прав и обязанностей в экспортном контракте купли-продажи, в соответствии с нормами международных конвенций (соглашений), а также актами национальных законодательств, предполагает согласование сторонами условия об ответственности за нарушение договорных условий [2, с. 15]. Полагаем, что необходимость закрепления данной обязанности сторон в Законе 2004 г. вытекает из сущности экспортного контракта купли-продажи.

В соответствии со ст. 79 Конвенции 1980 г., сторона не несет ответственности за неисполнение любого из своих обязательств, если докажет, что оно было вызвано препятствием вне ее контроля и что от нее нельзя было разумно ожидать принятия этого препятствия в расчет при заключении договора либо избежания или преодоления этого препятствия или его последствий. Продавец несет ответственность по договору и по Конвенции 1980 г. за любое несоответствие товара, которое существует в момент перехода риска на покупателя, даже если это несоответствие становится очевидным только позднее (п. 1 ст. 36). Он также несет ответственность за любое несоответствие товара, которое возникает после момента, указанного в п. 1 ст. 36 Конвенции 1980 г., и является следствием нарушения им любого своего обязательства, включая нарушение любой гарантии того, что в течение того или иного срока товар будет оставаться пригодным для обычных целей или какой-либо конкретной цели либо будет сохранять обусловленные качества или свойства. Венской конвенцией предусмотрен и ряд других норм, указывающих на необходимость закрепления на национальном уровне условия об ответственности, в качестве существенного условия внешнеторгового контракта купли-продажи (п. 3 ст. 35, ст. 80 и др.).

При конкретизации условия об ответственности в договоре, на наш взгляд, стороны должны согласовать санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств (неустойка (штраф, пеня) и возмещение убытков). В экспортном договоре купли-продажи стороны могут также определить и ряд других вопросов имущественной ответственности: об основаниях освобождения от ответственности, о вине причинителя вреда и др.

С условием об ответственности сторон связано такое существенно изменяющее условие оферты, как условие о разрешении споров, под которым, на наш взгляд, следует понимать условие о подсудности споров.

По мнению М. М. Богуславского, В. Г. Ермолаева, О. В. Сивакова и др. авторов, соглашения сторон, устанавливающие выбор подсудности государственному или третейскому суду, называются пророгационными соглашениями [15, с. 353; 16, с. 123]. Иногда в юридической литературе условие о разрешении споров называют арбитражной оговоркой [17, с. 20].

Вместе с тем из анализа положений п. 10 и п. 13 Постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Беларуси от 2 декабря 2005 г. № 31 «О практике рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц» (далее – Постановление № 31) следует, что пророгационное и арбитражное соглашения являются соглашениями одного вида. Различие между ними состоит в том, что пророгационное соглашение определяет подсудность дела хозяйственному суду, арбитражное – третейскому суду. Полагаем, что следует выработать единый подход к толкованию условия о разрешении споров. На наш взгляд, это условие о подсудности споров (государственному или третейскому суду).

При согласовании условия о подсудности споров участниками в соглашении могут быть сделаны оговорки: о предъявлении претензий; о порядке (процедуре) разрешения споров арбитражем; о праве, применимом порядку разрешения споров третейским судом и др.

Согласно п. 14 Постановления № 31, наличие заключенного сторонами арбитражного соглашения не является препятствием для принятия предъявленного одной из сторон арбитражного соглашения искового заявления к производству надлежащего хозяйственного суда и возбуждения им производства по делу.

На наш взгляд, норма п. 14 указанного постановления по существу закрепила правило о возможности неисполнения согласованного сторонами существенного условия внешнеторгового контракта о подсудности споров арбитражу. Причем принятое решение сторон о рассмотрении дела в государственном суде, по смыслу норм Постановления № 31, не требуют изменения условия о подсудности в заключенном внешнеторговом договоре. Полагаем, что стороны внешнеторгового контракта могут обращаться в государственный суд за защитой нарушенного права или охраняемого законом интереса лишь после внесения соответствующего изменения условия договора о подсудности споров.

Следует согласиться с позицией Высшего Хозяйственного Суда Беларуси, указанной в письме от 15 февраля 1995 г. № 01-10/142: «... по внешнеторговым спорам (только по этой категории) арбитражная оговорка (в контракте, где стороной является инофирма) является преградой к принятию спора в производство государственного хозяйственного суда, поскольку Беларусь – участница... Конвенции о внешнеторговом арбитраже. Данная Конвенция предполагает приоритет воли сторон, выраженной в арбитражной (третейской) оговорке».

В п. 1 ст. VI Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже от 21 апреля 1961 г. указано, что «отвод государственного суда по неподсудности, основанный на наличии арбитражного соглашения и заявленный в государственном суде, в котором возбуждено дело одной из сторон в арбитражном соглашении, должен быть заявлен под угрозой утраты права за пропуском срока до или в момент представления возражений по существу иска в зависимости от того, рассматривает ли закон страны суда такой отвод как вопрос процессуального или материального права». На наш взгляд, данный пункт Конвенции допускает рассмотрение спора, подсудного арбитражу (в силу наличия арбитражного соглашения) государственному суду лишь в том случае, если истекает срок утраты права на защиту (срок исковой давности).

Положение Европейской конвенции – «... в зависимости от того, рассматривает ли закон страны суда такой отвод как вопрос процессуального или материального права» предусмотрено для широкого круга стран. В странах, относящихся к континентальной правовой системе, нормы исковой давности относятся к материальному праву. Это означает, что в случае истечения установленного законом срока исковой давности, субъективное право лица подлежит погашению. Однако в странах общего права истечение срока исковой давности ведет лишь к невозможности осуществить его судебную защиту. Институт исковой давности в Англии и США относится к гражданскому процессуальному праву. Данное различие имеет значение в сфере международного частного права [4, с. 296].

Представляется, что п. 14 Постановления № 31 необходимо изложить в новой редакции: «Хозяйственный суд оставляет исковое заявление без рассмотрения в случае, если между сторонами внешнеторгового контракта заключено арбитражное соглашение в письменной форме или в договоре предусмотрена арбитражная оговорка. ».

Кроме названных условий, в экспортном договоре купли-продажи стороны обычно предусматривают такие условия, как: об упаковке и маркировке товара; представлении технической документации на товар; об отгрузочных инструкциях; о распределении рисков и др. Такие условия подпадают под категорию дополнительных существенных условий, если будут предусмотрены договором (при отсутствии требований закона о необходимости их включения в договор). Разумеется, они не должны противоречить императивным нормам международных соглашений, требованиям нормативных актов законодательств участников сделки, а также праву, имеющему тесную связь с отношением.

Таким образом, условиями экспортного договора купли-продажи товаров являются: основные и дополнительные существенные условия, а также условия, вытекающие из сущности договора данного вида. Все предусмотренные договором условия – существенные.

Литература

1. Брагинский М. И. Договорное право: в 4 кн. / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 1998. – Кн. 1: Общие положения. – 682 с.
2. Костюков М. Е. Международный коммерческий контракт: Понятие. Техника написания. Примерные формы на русском и английском языках: науч. -практ. пособ. / М. Е. Костюков, Е. М. Костюкова. – Мн.: Асоб. Дах, 2001. – 148 с.
3. Гражданское и торговое право зарубежных государств: учеб.: в 2 т. / Г. Н. Буднева [и др.]; отв. ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. – 4-е изд. М.: Междунар. отн. – Т. 2. – 2006. – 640 с.
4. О «Рекомендациях по минимальным требованиям к обязательным реквизитам и форме внешнеторговых контрактов»: письмо Центрального банка Рос. Федерации, 15 июля 1996 г., № 300 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2011.
5. Гражданское и торговое право зарубежных стран: учеб. пособие / В. В. Безбах [и др.]; под общ. ред. В. В. Безбаха и В. К. Пучинского. – М.: МЦФЭР. – 2004. – 896 с.
6. Функ, Я. И. Внешнеторговый договор в праве Республики Беларусь / Я. И. Функ // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000. 03. 13 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
7. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 01. 09. 2006 (дело № 535/50-05) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000. 03. 13 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
8. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи. Комментарий / Отв. ред. А. С. Комаров. – М.: Юрид. лит-ра. – 1994. – 320 с.
9. Грушецкий, Ю. К. Право международной торговли / Ю. К. Грушецкий // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000. 03. 13 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.
10. Козырева, Л. Договор международной купли-продажи / Л. Козырева // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2003. – № 7. – С. 89–99.
11. Международное регулирование внешнеэкономической деятельности: учеб. пособие / Под ред. В. С. Каменкова. – М.: Изд-во деловой и учеб. лит., 2005. – 800 с.
12. Толочко, О. Н. Внешнеэкономические сделки: учеб. пособие / О. Н. Толочко. – Гродно: Гродн. гос. ун-т, 2002. – 123 с.
13. Шамкин, О. В. На что следует обращать внимание при заключении внешнеторгового контракта / О. В. Шамкин // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000. 03. 13 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
14. Функ, Я. И. Курс внешнеторгового права: основные внешнеторговые сделки / Я. И. Функ, Д. А. Калимов, В. П. Сергеев; под общ. ред. Я. И. Функа. – М.: Изд-во деловой и учеб. лит., 2007. – 656 с.
15. Богуславский, М. М. Международное частное право: учеб. / М. М. Богуславский. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2000. – 408 с.
16. Ермолаев, В. Г. Международное частное право: курс лекций / В. Г. Ермолаев, О. В. Сиваков. – М.: Былина, 1998. – 176 с.
17. Розенберг, М. Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров / М. Г. Розенберг. – М.: МЦФР, 1996. – 656 с.

УДК 347.63

Правовое регулирование установления происхождения детей в Республики Беларусь

М. П. КОРОТКЕВИЧ

В статье рассмотрены особенности установления происхождения детей по законодательству Республики Беларусь. Особое внимание уделено порядку установления происхождения детей, родившихся в результате применения методов вспомогательных репродуктивных технологий.

Ключевые слова: дети, происхождение.

In article features of an establishment of a parentage of children under the legislation of Byelorussia are considered. The special attention is given to an order of an establishment of an origin of children who were born as a result of application of methods of auxiliary reproductive technologies.

Keywords: origin, children.

Введение

В соответствии с положениями ст. 50 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье [1] (далее – КоБС) взаимные права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном порядке. Происхождение ребенка от конкретных родителей удостоверяется записью сведений о лицах в качестве родителей в записи акта о рождении ребенка в книге регистрации актов о рождении, а также выдаваемым свидетельством о рождении ребенка.

В то же время процедура установления происхождения ребенка от конкретных женщины и (или) мужчины может отличаться в зависимости от наличия или отсутствия тех или иных обстоятельств. Например, имеет значение, состоят ли в браке отец с матерью ребенка или нет, имело ли место применение методов вспомогательных репродуктивных технологий при зачатии ребенка, был ли заключен договор суррогатного материнства женщиной, родившей ребенка, и др.

Учитывая, что только при наличии факта удостоверения происхождения ребенка от родителей между ними возникают родительские правоотношения, актуальным видится исследование особенностей установления происхождения детей в соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь о браке и семье. В частности, особое внимание следует уделить особенностям установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, в связи с наличием ряда новаций в законодательстве, регулирующих особенности применения методов вспомогательных репродуктивных технологий. На основании указанного целью настоящего исследования является выявление и анализ теоретических проблем установления происхождения детей по законодательству Республики Беларусь и выработка предложений по их разрешению.

Основная часть

Установление происхождения ребенка от матери чаще всего не вызывает затруднений. Правовые отношения между ребенком и матерью возникают в силу факта их кровного родства, при этом не имеет значения, состоит она в браке или нет. Происхождение ребенка от матери устанавливается на основании факта рождения, удостоверенного документом, выдаваемым медицинским учреждением, в котором проходили роды, медицинской справкой о рождении ребенка [1, ст. 51; 2, подп. 5.1]. В случае, если роды по какой-либо причине имели место вне медицинского учреждения, происхождение ребенка от матери также может быть

подтверждено медицинской справкой о рождении ребенка, если медицинские работники оказывали помощь матери во время родов и (или) в послеродовом периоде при родоразрешении вне лечебного учреждения [3, п. 5]. Медицинская справка о рождении выдается на каждый случай рождения живого ребенка [3, п. 3].

В ряде случаев медицинские работники могут не присутствовать при родах (роды происходили далеко от населенного пункта и др.). В таком случае факт рождения может быть установлен судом и происхождение ребенка от матери будет устанавливаться на основании решения суда об установлении факта рождения (ч. 2 ст. 51 КоБС). При рассмотрении такого заявления доказательствами происхождения ребенка от конкретной матери могут быть свидетельские показания, медицинское освидетельствование женщины на предмет выяснения, были ли ею недавно произведены роды и иные доказательства, допускаемые гражданским процессуальным законодательством.

Происхождение ребенка от матери также может быть установлено решением суда об установлении материнства (ч. 2 ст. 51 КоБС). Сфера применения этого института ограничена лишь случаями, когда мать ребенка неизвестна, а сведения о матери в книге регистрации актов о рождении внесены по указанию лиц, подавших заявление о рождении ребенка. Установление материнства возможно по заявлению одного из родителей или опекуна, попечителя ребенка, а также самого ребенка по достижении им совершеннолетия (ч. 2 ст. 56 КоБС).

В соответствии с правилами части второй ст. 50 КоБС взаимные права и обязанности между матерью и ребенком, возникают с момента рождения ребенка независимо от того, рожден ребенок в браке или вне брака. Полагаем, в данной норме не учтены случаи установления происхождения ребенка от матери на основании решения суда об установлении материнства. Для уяснения особенностей данной ситуации необходимо рассмотреть порядок установления происхождения ребенка от отца.

Так, законодательством Республики Беларусь о браке и семье предусматриваются различные процедуры установления происхождения детей от отца в зависимости от следующих обстоятельств: родители ребенка состоят в браке (ч. 3 ст. 51 КоБС); родителя ребенка не состоят в браке, но отец добровольно признал свое отцовство в отношении ребенка, рожденного вне брака (ч. 4 ст. 51 КоБС); родители ребенка не состоят в браке, и отец добровольно не признал свое отцовство в отношении ребенка, рожденного вне брака (ч. 4 ст. 51 КоБС); родители ребенка не состоят в браке, но мать ребенка состоит в браке с другим лицом (ч. 5 ст. 51 КоБС).

В связи с этим отличным может быть момент возникновения прав и обязанностей между отцом и ребенком: если отец и мать ребенка состоят в браке или ребенок рожден в течение десяти месяцев со дня прекращения брака или признания его недействительным, то взаимные права и обязанности между отцом и ребенком возникают с момента рождения ребенка; если отец и мать ребенка не состоят в браке, то взаимные права и обязанности между отцом и ребенком возникают либо с момента внесения в установленном порядке сведений о нем как отце в запись акта о рождении ребенка, либо с момента вступления в законную силу решения суда об установлении отцовства (за исключением обязанности по содержанию, которая может быть возложена на отца ребенка с момента предъявления иска об установлении отцовства (ч. 3 ст. 76 КоБС)).

Таким образом, с одной стороны, если сведения об отце ребенка вносятся в запись акта о рождении ребенка не сразу после рождения ребенка (если отец ребенка не состоит в браке с матерью ребенка), то права и обязанности между отцом и ребенком возникают не с момента рождения ребенка. С другой стороны, несмотря на то, что сведения о матери ребенка также могут вноситься в запись акта о рождении ребенка не сразу после рождения ребенка, тем не менее, права и обязанности между матерью и ребенком возникают с момента рождения ребенка. В связи с этим, по нашему мнению, в КоБС должен быть четко определен момент возникновения прав и обязанностей между матерью и ребенком, в случае, если материнство установлено на основании решения суда об установлении материнства, – с момента вступления в законную силу решения суда. Данной нормой следует дополнить ст. 50 КоБС.

Исходя из рассмотренных особенностей установления происхождения детей от отца, которые зависят от того, состоят родители ребенка в браке или нет, следует также отметить

следующее. В соответствии с п. 3 Инструкции о порядке заполнения и выдачи формы 103/у-01 «Медицинская справка о рождении» и регистрации живорождения [3, п. 3], медицинская справка о рождении в случае отсутствия матери (болезнь, смерть, отказ от ребенка) «выдается отцу, другим родственникам, соседям или другим лицам» [3, п. 3]. В связи с этим возникает вопрос о том, кто может выступать в данном случае «отцом», в частности, чьим отцом должен являться данный гражданин. Полагаем, в данном случае речь идет об отце рожденного ребенка. В то же время для того, чтобы мужчина «являлся» юридически отцом ребенка необходимо подтверждение этого документально, что невозможно до регистрации рождения ребенка. Поэтому, по нашему мнению, данная норма требует корректировки. Предлагаем предложение второе части первой п. 3 указанной Инструкции изложить в следующей редакции: «В случае, если медицинская справка о рождении ребенка не может быть выдана матери ребенка (болезнь, смерть, отказ от ребенка), то медицинская справка о рождении выдается мужу матери ребенка, родственникам матери ребенка, соседям или другим лицам».

Широкое применение современных медицинских технологий не позволяет более связывать происхождение ребенка, которому придается юридическое значение, только с биологическим происхождением (кровным родством) [4, с. 83]. Во всем мире получает распространение теория, в соответствии с которой родительские отношения рассматриваются не только как биологические, но и как социальные, появляются концепции социального отцовства и материнства [5, с. 258].

В ст. 52 КоБС закреплены особенности установления происхождения детей, родившихся в результате применения методов вспомогательных репродуктивных технологий. Так, женщина, родившая ребенка, признается матерью и в том случае, если ребенок зачат из яйцеклетки, изъятной из организма другой женщины, за исключением рождения ребенка суррогатной матерью. Муж, давший в установленном порядке согласие на применение в отношении своей жены методов вспомогательных репродуктивных технологий, признается отцом рожденного ею ребенка и по общему правилу не вправе оспаривать свое отцовство. Таким образом, несмотря на то, что женщина и мужчина могут не являться биологическими родителями ребенка, закон устанавливает презумпцию их отцовства и материнства.

КоБС также регулирует правоотношения, связанные с суррогатным материнством. Институт суррогатного материнства является новым для нашего законодательства. В соответствии со ст. 53 КоБС, суррогатным материнством признаются основанные на договоре имплантация эмбриона, вынашивание и рождение женщиной (суррогатной матерью) ребенка, зачатого из яйцеклетки, изъятной из организма другой женщины (генетической матери), если вынашивание и рождение ребенка генетической матерью физиологически невозможны или связаны с риском для жизни генетической матери и (или) ребенка. Отношения суррогатного материнства должны регламентироваться договором суррогатного материнства, который заключается между суррогатной матерью и генетической матерью в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению. Кроме того, если генетическая мать или суррогатная мать состоят в браке, то такой договор может быть заключен только с согласия их супругов (ст. 53 КоБС).

Данная новация отечественного законодательства является большим шагом вперед, учитывающим возможности современной медицины. Для сравнения некоторые зарубежные страны, в частности Российская Федерация, не содержат четкой регламентации отношений, возникающих при применении искусственных репродуктивных технологий, когда женщина вынашивает ребенка для генетической матери этого ребенка [6, ст. 51].

Актуальным является вопрос о порядке установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью. В КоБС закреплены исключения из общих норм ст. 51 КоБС. Так, в соответствии с частью третьей ст. 53 КоБС, матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается его генетическая мать. Отцом ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается супруг генетической матери. Кроме того, если генетическая мать не состоит в браке с отцом ребенка, то отцовство может быть установлено в соответствии с частями пятой и шестой ст. 51 КоБС. Таким образом, в Республике Беларусь, в отличие, например, от

законодательства Российской Федерации [6, ст. 51], признается презумпция материнства и отцовства генетических родителей. Кроме того, учитывая, что в ст. 53 КоБС прямо не закреплено, что генетическим отцом ребенка должен быть только муж генетической матери, заключившей договор суррогатного материнства, КоБС признает и презумпцию отцовства супруга генетической матери ребенка (т. е. если при зачатии был использован донорский материал другого мужчины).

Таким образом, согласия суррогатной матери при записи генетической матери и ее супруга в качестве родителей ребенка не требуется. В то же время в литературе указывается и противоположная точка зрения [7, с. 50], которая, по нашему мнению, не является обоснованной.

Учитывая, что в случае рождения ребенка суррогатной матерью справка учреждения здравоохранения, подтверждающая факт рождения, выдается не генетической, а суррогатной матери, по мнению Байбороши Н. С., в данном случае имеет место коллизия, в связи с чем автор предлагает справку о рождении ребенка выдавать не суррогатной матери, а генетической матери ребенка [8]. Сложно согласиться с данной позицией. В соответствии с действующим законодательством, медицинская справка о рождении «применяется в качестве медицинского документа, подтверждающего факт рождения живого ребенка» [3, п. 2]. По нашему мнению, данный сугубо медицинский документ, фиксирующий совершившийся факт рождения ребенка, может быть выдан только женщине, родившей ребенка. Следует учитывать, что в связи с рождением ребенка в организме женщины происходят (могут происходить) определенные изменения. Поэтому медицинским работникам не могут быть законодательно предоставлены права выдавать документ о рождении ребенка женщине, которая фактически ребенка не рожала.

Кроме того, по нашему мнению, если после рождения суррогатной матерью ребенка не будет удостоверен факт рождения ребенка именно данной женщиной, впоследствии у нее возникнут трудности с подтверждением факта рождения ребенка.

Также не исключены случаи смерти ребенка, рожденного суррогатной матерью, через некоторое время после рождения. Данное обстоятельство может быть вызвано различными факторами как объективного, так и субъективного характера и повлечет невозможность выполнения суррогатной матерью своих обязанностей по договору суррогатного материнства (она не сможет передать ребенка генетической матери). В таком случае суррогатной матери просто необходим документ, подтверждающий факт рождения ребенка. Поэтому, полагаем, все медицинские документы, связанные с вынашиванием и рождением ребенка, должны выдаваться именно суррогатной матери.

В соответствии с подп. 5.1 Перечня административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан [2], при регистрации рождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, наряду с медицинской справкой о рождении ребенка, должен предоставляться также договор суррогатного материнства. Таким образом, происхождение ребенка от генетической матери фактически устанавливается на основании факта рождения ребенка суррогатной матерью, удостоверенного справкой учреждения здравоохранения, а также договора суррогатного материнства. Происхождение ребенка от супруга генетической матери, полагаем, устанавливается на основании записи акта о заключении брака. Однако данные правила должны быть прямо закреплены в ст. 53 КоБС.

В то же время нельзя исключать случаи регистрации рождения ребенка суррогатной матерью только на основании медицинской справки о рождении ребенка [2, подп. 5.1], т. е. без предоставления договора суррогатного материнства. Кроме того, при регистрации рождения ребенка отцом ребенка может быть записан супруг суррогатной матери, если она замужем. В указанных ситуациях будет иметь место нарушение договора суррогатного материнства. Полагаем, произведенную запись генетические родители могут оспорить в судебном порядке. Но в данном случае будет применен срок исковой давности в один год, предусмотренный ст. 58 КоБС, который будет начинаться с момента, когда генетические родители (генетическая мать) узнали или должны были узнать о произведенной записи.

В связи с изложенным, в целях устранения возможности регистрации рождения ребенка по заявлению суррогатной матери, нотариальные конторы следует обязать предоставлять информацию о заключенных договорах суррогатного материнства органам, регистрирующим акты гражданского состояния. При наличии таких сведений, орган, регистрирующий акты гражданского состояния, при регистрации рождения ребенка не сможет внести сведения о суррогатной матери в качестве матери ребенка при составлении записи акта о рождении ребенка, кроме того, в принятии заявления о регистрации рождения ребенка суррогатной матери будет отказано. Однако не следует исключать ситуаций отказа генетических родителей от ребенка, рожденного суррогатной матерью, например, при рождении ребенка с врожденными заболеваниями. В таком случае, в целях защиты прав и законных интересов рожденного ребенка, законодательно следует допускать первоочередное усыновление (удочерение) такого ребенка суррогатной матерью, если она этого желает.

Заключение

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Законодательством Республики Беларусь о браке и семье закреплены особенности установления происхождения детей в зависимости от ряда обстоятельств. Наличие административного и судебного порядка установления материнства (отцовства) направлено на защиту прав и интересов не только родителей, но и детей, происхождение которых от отца (матери) устанавливается.

2. В КоБС следует четко определить момент возникновения прав и обязанностей между матерью и ребенком, в случае, если материнство установлено на основании решения суда об установлении материнства – с момента вступления в законную силу решения суда. Данной нормой следует дополнить ст. 50 КоБС.

3. Развитие современной медицины, допускающей использование репродуктивных технологий, обуславливает необходимость специальной законодательной регламентации сложившихся общественных отношений в целях защиты прав и законных интересов участников, а также детей, рождающихся в результате их применения.

В ст. 53 КоБС следует закрепить особенности установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, от генетической матери – на основании факта рождения ребенка суррогатной матерью, удостоверенного справкой учреждения здравоохранения, а также договора суррогатного материнства, и от отца – супруга генетической матери – на основании записи акта о заключении брака.

Для предотвращения ситуации регистрации рождения ребенка суррогатной матерью на основании медицинской справки о рождении, нотариальным конторам следует представлять информацию о заключенных договорах суррогатного материнства органам, регистрирующим акты гражданского состояния.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 278-З: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. от 15.07.2010 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

2. Перечень административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан: утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 26 апр. 2010 г., № 200 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.

3. Инструкция о порядке заполнения и выдачи формы 103/у-01 «Медицинская справка о рождении» и регистрации живорождения: утв. постановлением Министерства здравоохранения Респ. Беларусь, Министерства статистики и анализа Респ. Беларусь, 4 февраля 2002 г., №

- 4/11: в ред. от 28.11.2008 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
4. Антокольская, М.В. Семейное право: учебник / М.В. Антокольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002. – 366 с.
5. Пчелинцева, Л.М. Семейное право России: учебник / Л.М. Пчелинцева. – 5-е изд., перераб. – М.: Норма, 2007. – 704 с.
6. Семейный кодекс Российской Федерации, 29 дек. 1995 г., № 223-ФЗ // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2010.
7. Новик, О. Правовые средства установления происхождения детей / О. Новик. – Юстыцыя Беларусі. – 2010. – № 10. – С. 49–52.
8. Байбороша, Н.С. сущность института суррогатного материнства / Н.С. Байбороша // Журнал международного права и международных отношений. – 2008. – № 3. – Режим доступа: <http://evolutio.info/index.php>. – Дата доступа: 25.06.2010 г.

Академия управления
при Президенте Республики Беларусь

Поступило 22.11.10

Философско-педагогическая сущность принципа природосообразности воспитания

Г. В. БОЛБАС

В статье дается теоретическое осмысление философско-педагогической сущности принципа природосообразности воспитания. Определены тенденции формирования содержательно-сущностных характеристик педагогического принципа в системе представлений о человеке и природе.

Ключевые слова: воспитание, педагогика.

The article gives theoretical interpretation of philosophical and pedagogical essence of the principle of upbringing nature conformity. The tendencies of content and essence characteristic formation of the pedagogical principle in the system of man's perception of nature are defined in the article.

Keywords: education, pedagogics.

Важнейшим приоритетом образовательной политики Республики Беларусь является ориентация на формирование отношений охранно-созидательного типа между человеком, обществом и природой. Культивирование природоохранного и ресурсосберегающего мышления и поведения молодежи, формирование у нее целостного природосообразного миропонимания, навыков самообразования и самореализации выступают основополагающими задачами современного образования. Решение поставленных задач актуализирует идеи природосообразности воспитания, нацеливает на необходимость глубокого и всестороннего изучения содержательно-сущностных характеристик принципа природосообразности.

Принцип природосообразности воспитания является одним из фундаментальных и системообразующих принципов в педагогике. Согласованность процесса формирования личности с законами природы как педагогическое явление существовала задолго до ее теоретического обоснования Я. А. Коменским в качестве педагогической закономерности, а тем более введения в 1826 г. Ф. Фребелем в «Мыслях о воспитании» в оборот самого термина «природосообразность» (*naturgemäßigkeit*). Анализ исторического развития рассматриваемого принципа свидетельствует о том, что он определяет философско-педагогическую стратегию развития системы образования на всех исторических этапах.

Однако понимание принципа природосообразности воспитания не всегда в полной мере отражает его философско-педагогическую сущность. Часто неоправданно принцип рассматривается лишь как педагогическое требование к организации образовательного процесса в учебных учреждениях. При этом в большинстве случаев его содержание подменяется одной из форм проявления принципа, например, учетом индивидуальных и возрастных особенностей, полоролевой стратификации воспитанников и т. п. Более того, для философско-теоретического обоснования обращаются к материализму и идеализму, антагонизм которых снижает научную ценность и значимость исследования, сужает границы поиска и обедняют сущность педагогического принципа. И, наконец, множество трактовок термина, основывающихся, в первую очередь, на лексико-семантическом анализе как непосредственно самого понятия, так и смысловых доминант составляющих его компонентов, упрощает смысл педагогического принципа и не позволяет сформировать целостное представление о сущности понятия, что, в свою очередь, нацеливает на поиск новых стратегий его изучения.

Сущностно-содержательные характеристики термина в немалой степени определяют структуру, основными элементами его состава. В нашем случае в качестве таковых выступают «принцип», «природосообразность» и «воспитание». При этом большое значение играют способы их соединений и связей, которые могут быть представлены выражениями типа: $пП \rightarrow в$, $п \rightarrow Пв$, $пв \rightarrow П$, где $п$ – принцип, $П$ – природосообразность, $в$ – воспитание.

Добавим, что отношения $пП \rightarrow$ в обусловлены многообразием качественных состояний воспитания и соответственно пониманием принципа природосообразности воспитания как принципа явления, системы, процесса и деятельности. Следует отметить, что наряду с межкомпонентными связями, существуют и внутрикомпонентные (природосообразность), отражающие особенности интерпретации термина.

Одним из важнейших подходов к изучению принципа природосообразности воспитания, на наш взгляд, является осмысление его сущности в философско-историческом контексте, в рамках определенной мировоззренческой концепции, с учетом культурно-исторических и национально-культурных традиций. При этом особая роль отводится механизмам сообразности природы и воспитания. Так, для первобытного общества было характерным слияние человека с природой, их целостность и синкретическое единство, что, по мнению Н. Бердяева, является «первоначальной органической цельностью», «природным и скованным состоянием», не способным к дифференциации [1, с. 202]. Природа воспринималась как мир самого человека, так как мифологическое мышление не располагало основаниями для их противопоставления и сообразности между собой. В итоге, воспитание неосознанно носило характер природосообразности, представляя собой деятельность, подчиненную естественным, стихийным природным закономерностям.

Отделение в эпоху Античности философии от мифологии и, соответственно, появление теоретического мышления способствовали осмыслению феномена природы. В результате выделения человека из мира природы способ слияния трансформируется в отождествление с природой, проецирование с ее объектами посредством аналогий и ассоциаций. Как указывает А. Ф. Лосев, в раннегреческой философии не было существенного различия между космосом и человеком: «То, что имеется в космосе, имеется и в человеке, а то, что есть в человеке, имеется и в космосе. Макрокосм и микрокосм – одно и то же» [2, с. 494]. Такое тождество содержало в себе принцип «универсальной взаимосвязи всего существующего», который включал в себя и другие, более частные, определения: «всё во всём», «всё через всё», «всё в одном», «одно во всём», «всё едино». Познание окружающего мира и деятельность человека осуществлялись через экстраполяцию функций и свойств целого на часть, известного на неизвестное, непроверяемое опытом, знание. Аристотель считал, что человек должен развить в себе за счет образования и опыта особую способность души – фронезис (phronesis), который обеспечивает умение применять знание общего (природы сущего) к ситуации частного случая. Позже, начиная с эпохи Возрождения, когда человек осознал свое место в мире, сообразность с природой стала представлять собой взаимодействие и диалог посредством согласования и учета.

На каждом этапе общественного развития содержательное наполнение принципа природосообразности воспитания отражает ценностные основания конкретной исторической эпохи. В философских рассуждениях древнегреческих мыслителей слово природа ("physis" (греч. – природа) выступает в двух основных значениях: сущее как таковое и внутренняя сущность сущего. В качестве сущего выступали различные объекты окружающей действительности: космос, животный и растительный мир, человек и др. Их сущность представляла собой совершенство, средоточие логоса, гармонии, что свидетельствует о логическом аспекте в понимании природы, отражении ее места и роли в жизни внутреннего мира человека. Такие представления о природе позже определили материалистическую и идеалистическую трактовку принципа.

Необходимым условием функционирования принципа стала его центрация на чем-то в качестве ориентира, образа (исходя из термина), которому следует уподобляться. Наличие образа предполагает доминирование и превосходство, опосредовано заключая в себе идею абсолюта. В Античности, например, господствовал космоцентризм, соответственно согласованность с космосом как абсолютом выступала в качестве принципа, что отражено в выражении о микрокосме (человеке), тождественном макрокосму (космосу). Средневековые ознаменовались теоцентризмом, следовательно, природосообразность воспитания выступала как богосообразность, т. е. согласование процесса формирования подрастающего поколения с

постулатами определенной веры.

Гуманистические идеи эпохи Возрождения выдвинули главной ценностью человека (антропоцентризм), поэтому сообразность с его природой стала выступать в качестве главной педагогической закономерности.

История развития анализируемого педагогического принципа свидетельствует о том, что согласованность воспитания могла происходить не только с одним абсолют. Подтверждением этому является деизм, который признает ценность и божественной, и человеческой природы, а также пантеизм как попытка растворения бога в окружающем мире. В таких случаях человек, с одной стороны, делал попытку сближения понятия природы, которая творит (бога) с природой созданной (миром), с другой, – ограничивал права Бога, сменял абсолют и подчинял все законам человеческой природы.

Результатом следующего этапа культурно-исторического развития стал социоцентризм, который предполагал доминирование интересов общества над интересами каждой конкретной личности, более того, ее подчинение социально значимым ценностям в ущерб индивидуальным. В итоге, сообразность воспитания с социальным заказом стала составлять сущность принципа природосообразности. В этот период представления о сущности рассматриваемого принципа получили развитие в рамках биологизаторского и социологизаторского подходов. Представители первого подхода (А. М. Кушнир, В. В. Кумарин) исходили из того, что природосообразность – «это подстройка социального под тот биологический капитал, с которым ребенок является на свет» [3, с. 101]. Социологизаторский подход (И. Я. Лернер) заключал в себе историчность понимания принципа природосообразности, вызванную изменяемостью понимания природы содержания, подлежащего усвоению, т. е. определенно-го социального опыта, культуры [4, с. 102].

Вторая половина XX в. ознаменовалась переходом к техноцентрической модели миропонимания, когда природу человека определяют его творения. В последнее время с неутомимым упорством человек пытается сотворить себе подобного различными способами и с максимальной степенью точности. Педагогическая закономерность начинает выступать в роли математической для того, чтобы процессом формирования личности можно было управлять и «клонировать» или воспроизводить по заданному образцу. В результате, отмечается подвижность и взаимопереход принципов природосообразности и культуросообразности. Культуросообразные принципы не столько противостоят, сколько обогащают смысл биогенетики. Ученые утверждают, что в самом написании слова «природосообразность» заложен принцип культуросообразности: «в части слова **"образ"** составляющее его **"раз"** указывает на корень, ритм, воспроизведение образа. Но способность собирать его будет зависеть от того, при каких условиях родился и воспроизвёлся этот человек» [5, с. 62].

Если Аристотель говорил о недостаточности и незаконченности природы, то сегодня мы сталкиваемся с пониманием ее как нарушенной и поврежденной в результате действий человека. Выбор новых образовательных приоритетов обусловлен ситуацией обострения инстинкта самосохранения и сохранения окружающего мира. Все учащающимися природными катаклизмами, различными эпидемиями, болезнями природа предупреждает все мировое сообщество о возможности запуска саморегулирующихся экосистем к самоуничтожению. В результате, антропологическое понимание человека, предполагающего его приоритет в мире природы, сменяется попытками коэволюции, целостности, единства, которые возвращают его в контекст природы и рассматривают в тесной связи с ним. Экоцентризм и экоантропоцентризм становятся мировоззренческими установками современного общества, поэтому целью воспитания выступает целостная и гармоничная личность как носитель природосообразного мировоззрения. Такие представления способствуют экологизации принципа природосообразности.

Поиск некой общей идеи для обоснования целостности человеческой и окружающей природы нацеливает на осмысление сущности рассматриваемого принципа в новом, духовно-космическом, аспекте, через причастность человека к живой и неживой природе, его слитность с миром. Большое значение в содержательном наполнении рассматриваемого принципа сыграло учение В. И. Вернадского о ноосфере, сообразно которому принцип природосообразности

предполагает направленность образовательного процесса на формирование у ребенка планетарного мышления, ответственности по отношению к себе, окружающей природе и биосфере в целом. Духовность в данном случае понимается как причастность человека к сфере разума, гармонизирующей его отношения с природой и способной придавать личностный смысл его жизни, а не сводить ее назначение к функциональному развитию индивида.

В последнее время человек все чаще сталкивается с аномалиями природы, в том числе и природы человека. Ученые отмечают все большее разделение детей на сверходаренных («индиго», «вундеркинды») и отстающих в умственном, физическом, эмоциональном развитии. Поднимаются проблемы сохранения здоровья детей с ограниченными возможностями или профилактики нарушений различного характера. В результате, природосообразность выступает как принцип коррекционной педагогики. В русле такого подхода, на стыке педагогики и дифференциальной психологии, возникло направление нейропедагогики, где природосообразность сводится к учету нейропсихологических особенностей личности, в частности, функциональных асимметрий мозга.

В последние десятилетия в противовес проявлениям техногенной цивилизации происходит всплеск интереса к естественности этнической культуры, в том числе и этнопедагогике, что способствует осмыслению принципа природосообразности воспитания в контексте народных представлений. На примере различных народов природосообразность рассматривается как порождение естественностью народного воспитания, слиянием человека с природой и выступает в качестве основополагающего, системообразующего принципа, на котором строилась традиционная педагогическая культура.

Таким образом, смысловое многообразие принципа природосообразности воспитания обусловлено необычайной множественностью подходов к его интерпретации, общим для которых является осознание синкретического единства человека и природы, не допускающее никакого превосходства, подчинения или стремления нарушить естественный порядок вещей.

Литература

1. Бердяев, Н. Судьба России / Н. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 206 с.
2. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / А. Ф. Лосев. – 2-е изд., испр. – М.: Ладомир, 1994. – 544 с.
3. Кумарин, В. В. О принципе природосообразности в обучении / В. В. Кумарин // Советская педагогика. – 1988. – №8. – С. 94–101.
4. Лернер, И. Я. О «природосообразности» и «воспитывающем обучении» / И. Я. Лернер // Советская педагогика. – 1988. – №8. – С. 101–107.
5. Доманский, В. Е. Три грани реализации принципа природосообразности / В. Е. Доманский, А. В. Хуторской // Ученик в обновляющейся школе: сборник научных трудов / под ред. Ю. И. Дика, А. В. Хуторского. – М.: ИОСО РАО, 2002. – С. 57–63.

УДК 378.4.014.553-057.875.4

Студенческое самоуправление как фактор развития коммуникативной компетентности будущего учителя: методологический аспект

Т. В. КУПРИЯНЧИК

В статье рассматривается проблема формирования коммуникативной компетентности будущего учителя, которая является актуальной для современного высшего педагогического образования. Идеи известных психологов, которые составляют методологическую основу исследования, обосновывают выбор системы студенческого самоуправления в качестве эффективного условия развития коммуникативной компетентности будущего учителя.

Ключевые слова: студенческое самоуправление, коммуникативная компетентность, будущие учителя, студенты, общение, условие, развитие, личностное качество, коммуникативная деятельность, системный подход, деятельностный подход.

The article studies the problem of future teacher's communicative competence formation. This problem is considered to be a very urgent one in modern higher pedagogical education. The ideas of well-known psychologists that form the research methodological basis give proof of choosing the system of student's self-government as an effective means of future teacher's communicative competence development.

Keywords: student's self-government, communicative competence, future teachers, students, communication, means, development, personal quality, communicative activity, system approach, active approach.

Организация профессиональной подготовки современного специалиста существенно изменилась. На смену социоцентрическому и авторитарному построению педагогического процесса приходит гуманистическая, личностно развивающая парадигма формирования профессиональных качеств. Она в полной степени отвечает требованиям практико-ориентированного и компетентностного подходов к организации образовательного процесса в вузе. Ученые насчитывают от 3 до 37 видов компетентностей, формирование которых возможно на этапе обучения в вузе. Поэтому проблема отбора базовых (ключевых, универсальных) компетентностей является одной из центральных в условиях модернизации системы образования. Российские и белорусские ученые выделяют коммуникативную компетентность как одну из ключевых (В. И. Воскресенский, Н. Н. Кошель, В. Т. Федин, В. Д. Щадриков, В. И. Байденко, Ю. Г. Татур, И. А. Зимняя, А. И. Жук, О. Л. Жук, А. В. Макаров, Ф. В. Кадол).

Это связано с тем, что подготовка специалиста в современной профессиональной школе не может результативно осуществляться без формирования коммуникативной компетентности будущих специалистов. Особенно это относится к педагогической профессии, где общение из фактора, сопровождающего деятельность человека, превращается в категорию профессионально и личностно значимую. Прежде всего, коммуникативная компетентность предполагает развитие целого ряда коммуникативных свойств и качеств, включающих готовность будущего учителя к сотрудничеству, инициативность, ответственность за результаты обучения и воспитание детей и учащейся молодежи, культуру общения, гражданскую позицию. Не случайно, руководители школ более высоко ценят именно коммуникативные качества молодых специалистов, их нравственную воспитанность, в то время, как сугубо профессиональную подготовку проще довести до необходимого уровня путем самообразования.

В педагогической литературе существуют различные понимания сущности и содержания коммуникативной компетентности современного специалиста. Она рассматривается и как совокупность личностных качеств, как способность, как уровень обученности. Например, О. Л. Жук к коммуникативной компетенции относит культуру речевого поведения, языковую грамотность и способность к продуктивному общению и сотрудничеству [1]. Л. Н. Тимашкова под коммуникативной компетентностью понимает сложное, целостно-личностное

образование, включающее в себя гуманистические ориентации, коммуникативные ценности, совокупность качеств, обеспечивающих готовность к диалогическому общению, знания основ общения и опыт оперирования ими, культуру взаимодействия [2]. Вместе с тем, анализ различных подходов к содержанию коммуникативной компетентности позволяет выявить личностные качества, составляющие основу коммуникативной компетентности как профессионального качества будущего учителя. К ним относятся: общительность, доброжелательность, тактичность, гуманность, эмпатийность, активность, инициативность, эмоциональная открытость, справедливость, толерантность. Развитие этих личностных качеств закладывают основу для формирования профессиональных коммуникативных качеств будущего учителя. Они проявляются в коммуникативной толерантности, рефлексивности, педагогической коммуникабельности, направленности на партнера, гуманистической позиции, педагогической эмпатии, гибкости в общении. Также ученые сюда относят коммуникативные профессиональные умения и навыки, которые позволяют вступать в положительный эмоциональный контакт с учащимися и коллегами, разрешать нестандартные ситуации; устанавливать и поддерживать деловой настрой; слушать и понимать собеседника, воспринимать настроения аудитории в целом, побуждать через общение к деятельности (организаторские способности). Особое значение в процессе общения учителя с учащимися К. Д. Ушинский, Ф. В. Кадол, И. Е. Сеница отводят педагогическому такту. Он проявляется в соблюдении правил вежливости, умении учителя развивать самоуважение растущего человека, которые подразумевают не только справедливость педагога в оценке успеваемости учащихся, но и признание их прав и обязанностей, внимательное отношение к их убеждениям, чуткость и деликатность в повседневном общении. «Тактичный учитель никогда не проявит грубость к своему ученику, и чем он умнее и добрее, тем больше хорошего он замечает в своих воспитанниках» [3, с. 155]. Это дает нам основание для выделения педагогического такта в структуре коммуникативной компетентности будущего учителя.

Все эти личные и профессиональные качества взаимосвязаны и взаимообусловлены. Развитие коммуникативной компетентности как личностного качества обеспечивается целенаправленным формированием, усложнением его структурных компонентов и постепенной интеграцией их в целостное профессионально-личностное качество.

В контексте проведенного нами исследования коммуникативная компетентность рассматривается как интегрированная профессионально-личностная характеристика личности будущего учителя. Это соответствует моральным ценностям, включающим в себя целую группу или блок проявлений личности, который состоит из комплекса коммуникативных личностных и профессиональных качеств. Теоретический анализ психолого-педагогической литературы позволил определить коммуникативную компетентность будущего учителя как интегрированную профессионально-личностную характеристику, которая включает в себя осознание значимости, понимание и знание сущностного проявления профессионально-личностной коммуникации, внутреннюю устремленность к совершенствованию своих коммуникативных качеств и стиля повседневного личностного и делового общения, что в своей совокупности определяют процесс общения студентов в условиях близких к предстоящей профессиональной деятельности. Именно внутренняя устремленность личности к совершенствованию своих коммуникативных качеств и определяет коммуникативную направленность личности будущего учителя.

Из данного определения следует, что к важнейшим структурным компонентам коммуникативной компетентности относятся: *во-первых*, знание студентами сущности коммуникативной компетентности будущего учителя и особенностей педагогического общения, что определяется их коммуникативными способностями (когнитивный компонент); *во-вторых*, собственная устремленность студентов к совершенствованию своих коммуникативных качеств и переживание внутренней потребности и установки на развитие коммуникативной компетентности (потребностно-мотивационный); *в-третьих*, коммуникативные навыки и привычки поведения будущих учителей (операционно-деятельностный); *в-четвертых*, переживания, чувства, которые будущие учителя испытывают в сложных педагогических ситуациях, что обу-

славливает их коммуникативную позицию и стиль по отношению к учащимся, коллегам, конфликтологическая грамотность (аффективный); и, *наконец*, коммуникативные ценности личности, направленность на сотрудничество и развитие коммуникативной компетентности как профессионально-личностного качества (профессионально-личностный компонент).

Спектр способов и методов формирования коммуникативной компетентности в учебно-воспитательном процессе достаточно широк и многообразен. В психолого-педагогической литературе исследуются следующие методы развития коммуникативных умений: беседы, изучение характеристик; деловые игры; метод обмена мнениями, ролевые игры, игры-фантазирования, игры-экспромты, игры-импровизации; включение в деятельность, требующую интенсивного общения с партнерами; организация группового отдыха; групповые дискуссии, социодрама; организация молодежных клубов; психологические тренинги. Для формирования компетентности в общении могут также использоваться лекционные, семинарские и практические занятия. На лекционных занятиях создается мотивация к развитию своей техники общения, дается ориентировка, как это делать. Семинарские занятия преследуют цель сформировать убежденность в выбранном пути самосовершенствования, а также уточнить неясные вопросы в индивидуальном плане работы, обсудить «алгоритм» общения в типовых ситуациях. Практические занятия служат для уточнения Я-образа, Я-концепции, формирования умения видеть себя глазами других, а также конкретных умений, входящих в состав техники общения [4, с. 31]. К недостаткам перечисленных способов формирования коммуникативной компетентности будущего учителя можно отнести их временный характер. Он заключается в том, что любой теоретический или практический курс может длиться только определенное количество часов и часто не у всех студентов появляется возможность проявить свои коммуникативные качества. Кроме того, не все спецкурсы по обучению общению являются обязательными для студентов педагогических специальностей. Поэтому значительное место в процессе профессиональной подготовки будущего учителя продолжает занимать приоритет учебно-дисциплинарного подхода в ущерб развитию целостной личности. Будущий педагог видит в ученике скорее обучающегося, нежели объект общения.

Известный исследователь проблем педагогики высшей школы О. Л. Жук полагает, что компетенции «не могут эффективно формироваться в традиционных лекционно-семинарских формах на основе «готовых» знаний, умений и навыков. Компетентность как интегрированное качество развивается на основе самостоятельно приобретенного опыта разрешения профессиональных задач и ситуаций, имитирующих будущую профессиональную деятельность студентов. В этой связи самостоятельная работа студентов, организуемая в логике их будущей профессии, получает статус базовой составляющей учебно-воспитательного процесса» [1, с. 13]. Поэтому для развития коммуникативной компетентности будущих специалистов важна их самостоятельная коммуникативная практика в условиях максимально приближенных к будущей профессиональной деятельности. Этим и обуславливается необходимость поиска наиболее эффективных методов и средств развития коммуникативной компетентности студентов в процессе их профессиональной подготовки. Одним из таких средств является участие будущих учителей в системе студенческого самоуправления.

Для понимания внутренней стимулирующей силы участия студентов в самоуправлении рассмотрим потребности и мотивы, которые побуждают студентов к деятельности в его органах. На каждом конкретном возрастном этапе сознание индивида, по мнению известного исследователя Л. И. Шумской, находится в определенном потребностном состоянии, побуждая соответствующую мотивационную активность. Ее сущность заключается в интегративной направленности сознания на поиск тех способов и форм взаимодействия с внешней средой, которые позволили бы удовлетворить возникающие индивидуальные запросы [5]. В процессе этого поиска студентам-будущим педагогам приходится анализировать социально-психологическую ситуацию в коллективе, выбирать определенную стратегию поведения, принимать управленческие решения.

Известный психолог А. Маслоу описал человека как «желающее существо», которое редко достигает состояния полного, завершенного удовлетворения. Если одна потребность удовлетворена, то не ее место приходит другая и направляет его внимания и усилия. А. Мас-

лоу организовал основные потребности в иерархическую систему приоритета и доминирования, которая является главным принципом мотивации человека. Он исходил из того, что иерархия потребностей распространяется на всех людей и что, чем выше человек может подняться в этой иерархии, тем большую индивидуальность, человеческие качества и психическое здоровье он продемонстрирует.

Согласно пирамиде А. Маслоу, после удовлетворения потребностей первичного уровня актуализируется потребность в привязанности и принадлежности. Человек испытывает потребность в теплых дружеских отношениях, ему нужна социальная группа, которая бы обеспечивала его такими отношениями [6]. У человека возникает потребность в единении. Студенчество вообще и будущие учителя в частности относятся к такому возрастному периоду, который характеризуется активным вступлением в самостоятельную жизнь, включенностью в новые социальные отношения, формированием мировоззрения, духовного облика, становлением характера. В этот период у молодых людей возникает проблема выбора жизненных и профессиональных ценностей, одной из которых является коммуникативная компетентность. Так, к основным потребностям будущих учителей относятся: общение, выбор профессии и будущего спутника жизни, эмоциональную разрядку и отдых, участие в социально-значимых событиях и возможность самостоятельного решения проблем. Все эти потребности успешно реализуются в процессе активного участия студентов в жизни своей группы, в частности, в деятельности органов самоуправления.

Методологическим основанием для выбора студенческого самоуправления как условия эффективного развития коммуникативной компетентности будущего учителя как профессионально-личностного качества явился ряд положений известных психологов Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, К. К. Платонова. В частности, основой воспитательной работы, как считал Л. С. Выготский, выступает личная деятельность обучающегося. Это связано с тем, что «личный опыт воспитанника делается основой для педагогической работы. Оказывать непосредственное влияние и производить изменения в чужом организме невозможно, можно только воспитываться самому, то есть изменять свои прирожденные реакции через собственный опыт» [7, с. 82]. Тем самым, формирование личности, конкретных личностных качеств происходит за счет самовоспитания, обогащения и расширения практического опыта в процессе самостоятельной деятельности. Так, для формирования коммуникативных качеств студента определяющую роль играет его самостоятельная коммуникативная деятельность, которая и организуется через органы студенческого самоуправления.

По мнению С. Л. Рубинштейна, «психологические свойства личности в ее поведении, действиях и поступках, которые она совершает, одновременно и проявляются и формируются» [8, с. 518]. Согласно этому, принимая участие в различных органах студенческого самоуправления для достижения общей цели, принятия совместных решений, организации общих дел, будущие специалисты вступают в коммуникативную деятельность. В этой деятельности они проявляют коммуникативные качества. Результаты деятельности органов самоуправления показывают уровень развития необходимых коммуникативных качеств студентов. Если уровень недостаточный, то будущие специалисты испытывают потребность в повышении его. В результате возникает внутренне осознанная необходимость в совершенствовании своей коммуникативной компетентности. Регулярно проводимый анализ успехов и неудач студентов позволяет выявить конкретные ошибки и определить дальнейшие действия по их устранению. Для того, чтобы коммуникативные качества закрепились и стали личностными, студентам необходимо их постоянно проявлять. В связи с тем, что деятельность органов студенческого самоуправления не ограничивается определенным количеством мероприятий, а является ежедневным образом жизни студентов, то они постоянно вовлечены в коммуникативную деятельность. Поэтому деятельность органов студенческого самоуправления предоставляет возможность одновременно проявлять, закреплять и, тем самым, развивать коммуникативные качества будущего учителя.

На определяющую роль деятельности в процессе формирования личности указывал А. Н. Леонтьев: «Личность есть специальное человеческое образование, которое также не может быть выведено из его приспособительской деятельности. Личность человека тоже

«производится» – создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности» [9, с. 177]. Личность, по мнению ученого, это особое качество, которое приобретает индивидом в обществе, в совокупности общественных отношений и общения, в которые индивид вовлекается. «В исследовании личности нужно исходить из развития деятельности, ее конкретных видов и форм и тех связей, в которые они вступают друг с другом» [9, с. 186]. Благодаря студенческому самоуправлению студенты постоянно вовлекаются в разнообразные виды деятельности, что и является основой активной работы его органов.

К. К. Платонов, рассматривая проблемы формирования способностей личности, показал, что все психологические качества личности развиваются только в процессе деятельности, для которой они необходимы, и «более эффективный путь личностного подхода при психологической подготовке человека как индивида – это путь включения формируемой личности в коллектив. Таким путем, в коллективе и через коллектив у данного индивида формируются способности как черты личности» [10, с. 309]. Наиболее плодотворно, по мнению ученого, психологические качества личности формируются не в одном, а в разных видах деятельности и при постоянном усложнении задач. Важным фактором в развитии способностей является повторность, систематичность применения формирующих их средств. Так, для будущих учителей основным источником развития коммуникативных личностных качеств выступает их разнообразная коммуникативная деятельность в коллективе, то есть в академической группе, на факультете, в вузе. Такую деятельность им предоставляет работа разнообразных органов студенческого самоуправления.

Важной составляющей для конкретно-методологического основания выступают концептуальные характеристики студенческого самоуправления как условия развития коммуникативной компетентности будущего учителя. Анализ имеющихся публикаций по вопросам студенческого самоуправления позволяет сделать вывод о том, что глубинная сущность этого сложного явления может быть понята только через системный подход, который в педагогике выступает общенаучным методологическим подходом. С этой позиции самоуправление рассматривается как целостная саморазвивающаяся система, которая в то же самое время является частью целого, более высокого порядка – системы функционирования социального института. В рамках системного подхода, студенческое самоуправление как педагогическая система характеризуется следующими особенностями: целостность, структурность, иерархичность, множественность описаний, целеустремленность.

Решающим и единственным фактором, обеспечивающим упорядоченное взаимодействие всех элементов системы, является результат. Академическая группа – сложная система, работающая на общий результат (коллективная учебная и воспитательная деятельность). Элементами подсистемы являются отдельные индивиды, представляющие собой подсистемы, направленные на получение своего результата (индивидуальная учебная деятельность). Подсистемы (индивиды) определенным образом организуют «контакт» результатов (взаимодействие), обеспечивающий групповой результат, содержание и параметры которого задаются извне или определяются самой группой самостоятельно на первоначальном этапе.

В возрастании меры участия студентов в организации учебно-воспитательного процесса за счет увеличения объема обратных связей заключается их эволюция как субъектов учебной деятельности. От пассивной роли субъектов процесса управления – к активной позиции субъекта учебной деятельности через самоуправление. Студент, с одной стороны, основной элемент системы управления, с другой – движущая, активная сила системы самоуправления.

Если самоуправление представлять в качестве системы, то в ней становление субъекта деятельности не завершается, пока осуществляется сама деятельность. В этом заключается одна из специфических функций – функция развития. Она имеет свойство постоянного самообновления и отсутствия конечного результата, иначе динамическая система превращается в статическую.

Конкретно-научный уровень методологии представлен рядом методологических подходов, позволяющих разработать основные пути и способы разрешения научно-теоретических проблем, создать и реализовать технологию модернизации педагогической практики. Студенческое самоуправление в нашем исследовании рассматривается с позиции деятельностного подхода, основной идеей которого является положение о том, что личность

проявляется и развивается в разнообразной деятельности. Основаниями для выбора данного подхода явились положения известных психологов Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, К. К. Платонова, а также К. Роджерса, А. Маслоу, Э. Фромма. Деятельность органов студенческого самоуправления предполагает создание условий для самовыражения, саморазвития, самореализации, самосовершенствования личности будущих специалистов в различных видах деятельности. Студенческое самоуправление позволяет активно вовлекать студентов в сильную и интересную для каждого лично и общественно-значимую деятельность и организованное в его рамках общение, что оказывает большое значение для формирования его коммуникативной компетентности.

В русле идей современной педагогики и с учетом особенностей студенческого возраста деятельностный подход к методике организации воспитания студенческой молодежи является наиболее приемлемым и системообразующим. Он основан на включении студентов в разнообразные виды деятельности, которые имеют социальную и личностную значимость. Следовательно, коммуникативная компетентность формируется через активную коммуникативную деятельность будущих специалистов, а студенческое самоуправление выступает ежедневной формой деятельности, в процессе которой студенты постоянно вовлекаются в решение новых коммуникативных задач, постепенно их усложняя.

Ввиду того, что студенческое самоуправление затрагивает все направления деятельности будущих специалистов (учебную, досуговую, спортивно-оздоровительную, научно-исследовательскую), создаются условия для формирования разнообразных личностных качеств. Об этом свидетельствуют следующие примеры. На собраниях органов студенческого самоуправления при планировании мероприятий или творческих дел будущие учителя основываются на своих интересах и потребностях. У студентов формируется потребность в выработке инициативы, в проявлении активности в их коммуникативной деятельности. В процессе обсуждения предложений у студентов возникает необходимость прийти к общему мнению, проанализировав все инициативы и выбрать наиболее подходящую. Студенты развивают креативность, творческий подход к делу, проявляют терпимость и уважение к другим студентам, к преподавателю, к их мнениям.

Чем шире сфера активной коммуникативной деятельности студенческого самоуправления, тем больше возможностей выбора у студентов и они активнее принимают участие в работе его органов. Будущие специалисты развивают способность к проявлению волевых усилий, позволяющих преодолевать трудности и препятствия с соблюдением тех или иных норм и правил поведения.

Студенческое самоуправление оказывает влияние на ценностно-мотивационную сферу личности студента, формируя из него не просто высокообразованного и умелого специалиста, обладающего необходимыми в его профессиональной деятельности психологическими умениями и способностями, но профессионала, стремящегося к наивысшим достижениям, к максимальной саморегуляции и постоянному самосовершенствованию. Так, деятельность студенческого самоуправления направлена на формирование нравственных качеств и гуманистических ценностей будущего учителя, реализацию индивидуальных творческих способностей студентов, выработку определенных ориентаций и установок личности, что выступает профессионально-значимыми личностными качествами и составляет профессионально-личностный компонент коммуникативной компетентности будущего учителя. В процессе участия в самоуправлении происходит накопление нравственного опыта, выработка определенных ориентаций и установок личности на активную общественно-политическую деятельность. В современных условиях органы студенческого самоуправления стремятся найти такие пути решения проблемы, такие силы и знания, ту теорию, которые помогут осуществить задачу нравственного воспитания молодежи, раскрыть ее духовные качества, развить и раскрыть нравственные чувства, привить навыки борьбы со злом, умение сделать правильный выбор, обеспечить нравственное самоопределение.

Таким образом, анализ психолого-педагогической литературы показал, что методологической основой процесса развития коммуникативной компетентности выступает самостоятельная деятельность и общение студентов. В этой связи, с позиции деятельностного подхо-

да коммуникативная компетентность будущего специалиста формируется в процессе разнообразных видов деятельности, сопровождающихся педагогически целесообразным общением. Специфика деятельностного подхода к развитию коммуникативной компетентности будущих специалистов связана с тем, что все виды коммуникативно-ориентированной деятельности, имеющие социально значимые цели, личностный смысл и значение выступают предпосылкой для проявления коммуникативной компетентности и закрепления соответствующих навыков и привычек поведения. При таких условиях студенческое самоуправление выступает коммуникативно-направленной деятельностью будущих учителей, которая ориентирована на активизацию и расширение их собственной коммуникативной практики в условиях близких к профессиональной деятельности. Так как деятельность органов студенческого самоуправления является ежедневным образом жизни студентов, то они постоянно вовлечены в активную деятельность по решению различных коммуникативных задач. Благодаря этому деятельность органов студенческого самоуправления предоставляет возможность студентам одновременно проявлять, закреплять и, тем самым, развивать свои коммуникативные качества. Все это позволяет говорить о том, что студенческое самоуправление является эффективным условием развития коммуникативной компетентности будущего учителя современной общеобразовательной школы, лицея или гимназии.

Литература

1. Жук, О.Л. Педагогика. Практикум на основе компетентностного подхода. Учебное пособие для аспирантов и студентов высших учебных заведений / О.Л. Жук, С.Н.Сиренко; под общ. Ред. О.Л. Жук. – Мн.: РИВШ, 2007. – 192 с.
2. Тимашкова, Л.Н. Формирование коммуникативной компетентности будущих педагогов / Л.Н. Тимашкова. – Минск: БГПУ, 2003. – 121 с.
3. Кадол, Ф. В. Честь и личное достоинство старших школьников: теория и методика формирования. Монография / Кадол, Ф. В. – Гомель: УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2002. – 282 с.
4. Манянина, Т.В. Коммуникативная компетентность в педагогическом общении (в аспекте псих. кул-ры педагога): учеб. пособие / Т.В. Манянина. – Барнаул, 1997. – 79 с.
5. Шумская, Л.И. Основы воспитательной работы с учащейся молодежью: учеб. пособие / Л.И. Шумская, Ж.Е. Заводская. – Мн: Універсітэцкае, 2000. – 190 с.
6. Маслоу А. Мотивация личности: пер. с англ. / А. Маслоу. – СПб: Евразия, 2001. – 479 с.
7. Выготский, Л.С. Педагогическая психология / под. Ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1991. – 480 с.
8. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб: Издательство «Питер», 2000 – 712 с.
9. Леонтьев, А.А. Психология общения / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 356с.
10. Платонов, К.К. Проблемы способностей / К.К. Платонов. – М.: Наука, 1972. – 312 с.

УДК 631. 16:658. 14. 012. 003. 13

Комплекс методик по определению потребности предприятия в дополнительных кредитных ресурсах и возможности их привлечения

Е. В. Грузинская

Представлен комплекс методик для определения потребностей предприятия в дополнительных кредитных ресурсах и возможностей их привлечения, основанных на сопоставлении эффекта от кредитования, как для предприятия, так и для банка, посредством предложенной системы унифицированных показателей.

Ключевые слова: кредит, ресурс, банк, предприятие, маржа, рентабельность, цена, затраты, прибыль, эффект.

The complex of analysis methods of enterprise necessity in additional credit resources and opportunity of their attraction based on comparison of effect from crediting both for the enterprise and for a bank by means of the offered system of the unified parameters is submitted in the article.

Keywords: credit, resource, bank, enterprise, margin, profitability, price, expenses, profit, effect.

Введение. Необходимость совершенствования практики кредитования требует предложения методик, позволяющих оценить результативность уже выбранных направлений кредитования и обосновать новые направления кредитования.

Вопросы теории и практики кредитования раскрыты в работах Атлас М. С. [1], Валенцевой Н. И. [2], Зайденварга В. А. [3], Каценеленбаума З. С. [4], Коробова Ю. И. [5], Лаврушина О. И. [6], Песселя М. А. [7], Рыбина В. И. [8], Усоскина М. М. [9], Шенгера Ю. Е. [10]. Признавая важность существующих разработок и ценность полученных результатов, следует отметить, что недостаточно исследованными остаются:

- возможности банков по изысканию и предоставлению кредитных ресурсов;
- необходимость и целесообразность кредитных вложений, их доступность для предприятий,
- эффективность реализации государственных программ.

Для определения возможности предприятия по привлечению кредитов предлагается комплекс методик по определению потребности предприятия и возможности привлечения им дополнительных кредитных ресурсов, который включает оценку:

- ценовых условий, рациональных для кредитора и кредитополучателя;
- требований по эффективному использованию кредитных ресурсов;
- доходности использования кредита;
- доступного для предприятия объема кредитных ресурсов;
- рационального объема привлечения предприятием кредита для заданного количества продукта исходя из достигнутого равенства ценовых условий на рынке товаров и кредитных ресурсов.

Комплекс методик основан на:

- предложенной системе показателей, унифицирующих результаты деятельности банка и предприятия,
- выявлении аналогий деятельности кредитора и кредитополучателя по обеспечению самовозрастания кредитной стоимости,
- сопоставлении ставки по кредиту с доходностью кредита,
- рассмотрении дохода предприятия от использования кредита,
- расчете потребности в кредите для финансирования заданного количества продукта.

Комплекс методик предусматривает сопоставление эффекта предприятия и банка от кредитования на основе предложенной системы унифицированных показателей.

Комплекс методик позволяет определить возможность и потребность предприятия по привлечению дополнительных кредитных ресурсов.

Основная часть. Методика определения стоимости кредитных ресурсов, рациональной для кредитора и кредитополучателя. Ежедневное сопоставление результатов деятельности и условий функционирования банков и предприятий требует приведения к единому пониманию основных показателей деятельности банка и предприятия посредством унификации понятий выручки, дохода, затрат, расхода, цены, прибыли, рентабельности применительно к банку и предприятию.

Предлагается методика, устанавливающая систему показателей, унифицирующих результаты деятельности банка и предприятия для последующего их сопоставления и выявления дисбаланса ценовых условий деятельности банка и предприятия (рисунок 1, формула 1, формула 2).

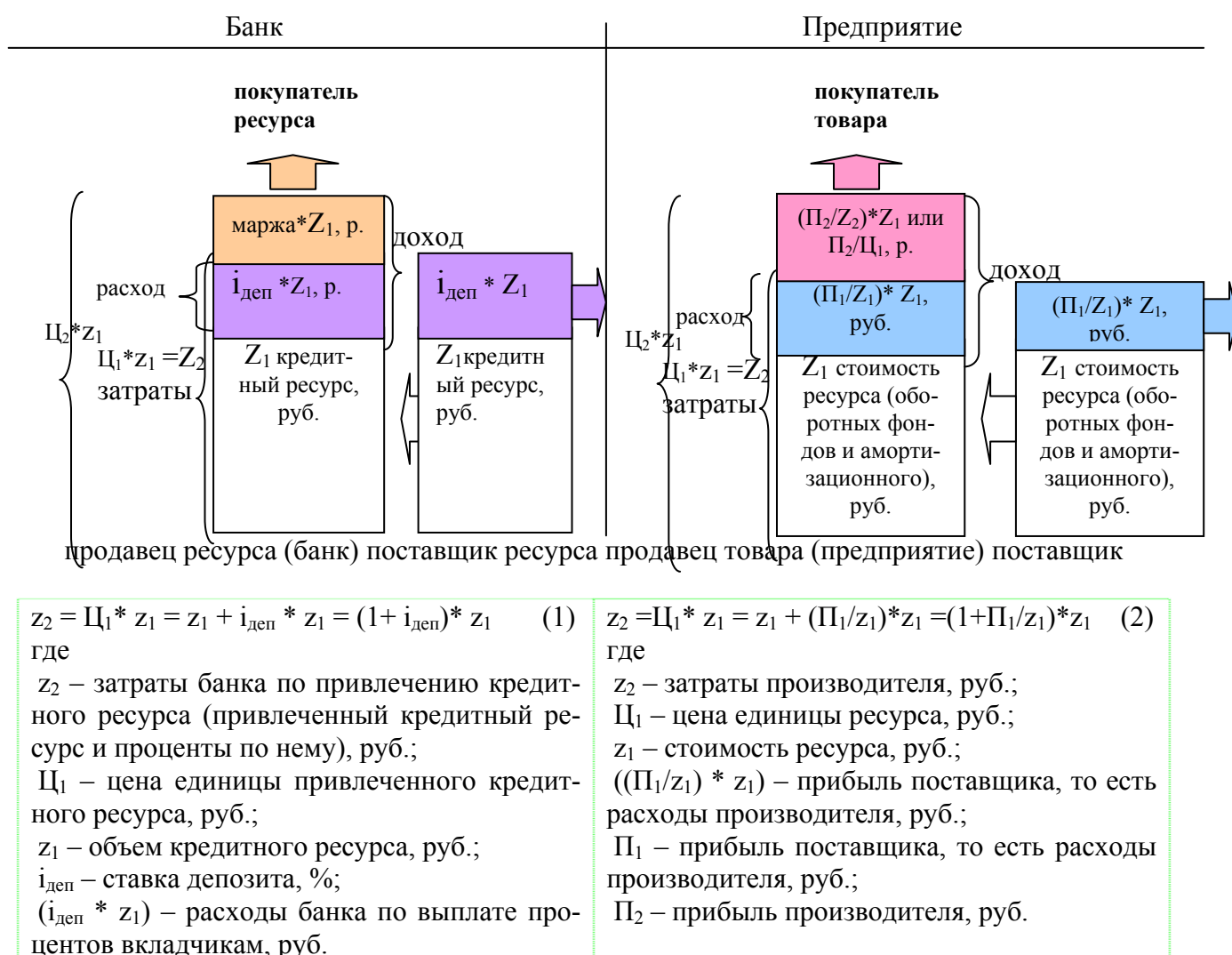

Рисунок 1 – Показатели, составляющие результат деятельности банка и предприятия

Примечание – Источник: собственная разработка

Методикой предусмотрено, что в производственном (финансовом) цикле и банка, и предприятия имеется три участника (рисунок 1):

- поставщик ресурса (или товара), который формирует затраты и расход цикла, например, вкладчик или поставщик сырья;
- продавец (производитель) ресурса (или товара), который формирует доход цикла, например, собственно банк или предприятие;
- покупатель ресурса (или товара), который формирует маржу (прибыль на единицу

затрат) цикла, например, кредитополучатель или покупатель торговой точки.

Поставщик кредитного ресурса предлагает банку определенное количество денежных единиц (z_1) в пользование, получая себе за это вознаграждение в виде части этих денежных единиц ($i_{\text{деп}} * z_1$), которое является расходом для банка.

Собственно кредитный ресурс (z_1) и вознаграждение вкладчику, которое составляет расходы банка ($i_{\text{деп}} * z_1$), определены как затраты банка ($z_2 = \Pi_1 * z_1 = z_1 + i_{\text{деп}} * z_1 = (1 + i_{\text{деп}}) * z_1$) (формула 1).

Аналогично поставщик ресурса или товара предлагает его производителю по цене Π_1 , которая формирует затраты производителя ($z_2 = \Pi_1 * z_1 = z_1 + (\Pi_1/z_1) * z_1 = (1 + \Pi_1/z_1) * z_1$) (формула 2) и включает собственно стоимость ресурса (z_1) и определенную часть от нее ($(\Pi_1/z_1) * z_1$), которая составляет прибыль поставщика, необходимую ему для покрытия операционных и прочих расходов (премии работникам, аренда, реклама и т. д.).

Часть стоимости предоставленного поставщиком ресурса в виде его прибыли является расходами производителя и передается производителем поставщику безвозвратно, а оставшаяся часть (z_1) (собственно стоимость ресурса) поступает в собственность производителя (рисунок 2).

Предоставленный кредитный ресурс (депозит) и указанный расход в виде процентов по депозиту входят в затраты банка. Однако кредитный ресурс используется банком для последующей перепродажи, а процентные расходы перечисляются вкладчику безвозвратно.

Это отличает банк от предприятия, когда банку ресурс передается поставщиком не в собственность, а в пользование.

В части движения кредитного ресурса (z_1) и товарного ресурса (z_1) отличия в передаче прав на ресурс незначительные, поскольку в любом случае переходят от участника к участнику сделки по окончании производственного (финансового) цикла: на правах собственности при производстве или правах пользования при кредитовании. Однако переход ресурса из-за различий прав собственности носит разнонаправленный характер (рисунок 2).

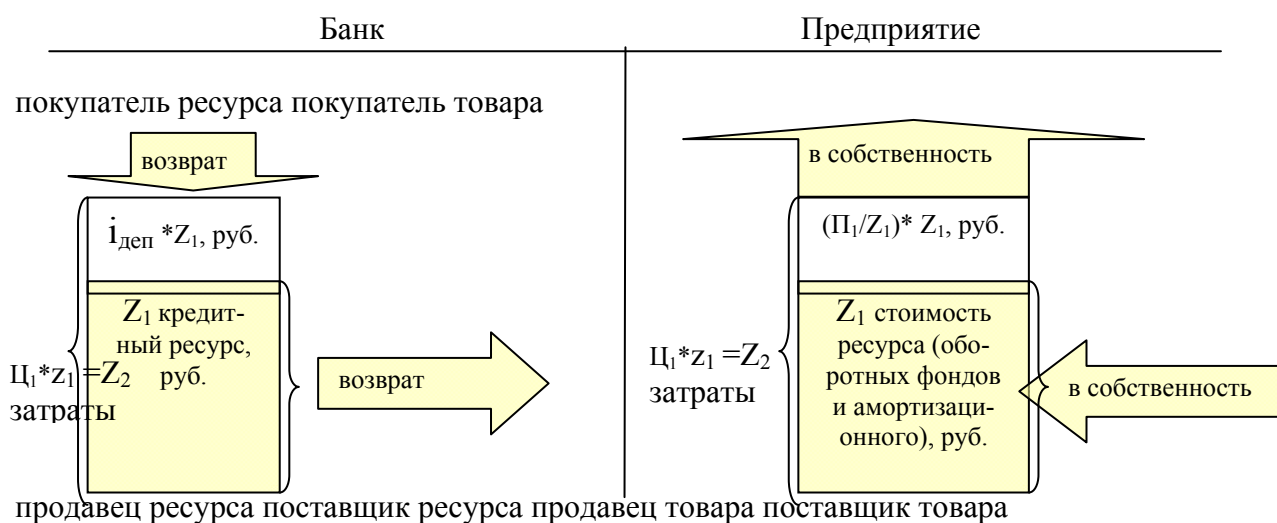

Рисунок 2 – Направление перехода прав на ресурс, предоставляемый поставщиком ресурса
Примечание – Источник: собственная разработка

Методика предлагает к утверждению следующие показатели:

1 *Расход* – это то, что уходит безвозвратно, что нельзя использовать в следующем производственном цикле (формула 3, 4):

– для банка расход составит величину прибыли вкладчика

$$P = i_{\text{деп}} * z_1, (3)$$

– для предприятия расход составит величину прибыли поставщика ресурса Π_1

$$P = (\Pi_1/z_1) * z_1, (4)$$

2 *Затраты* представляют собой то, что затрачено, то есть уплачено за пользование или собственность (формула 5, 6, 7, 8, 9, 10):

– для поставщика <i>ресурса</i> затраты составят $= z_1$, – для продавца <i>ресурса</i> затраты составят $\Pi_1 * z_1 = z_2 = z_1 + i_{\text{деп}} * z_1 = (1 + i_{\text{деп}}) * z_1$, (5) – для покупателя <i>ресурса</i> затраты составят $\Pi_2 * z_1 = z_2 + \text{маржа} * z_1$, (7) или $\Pi_2 * z_1 = \Pi_1 * z_1 + \text{маржа} * z_1$, (9)	– для поставщика <i>товара</i> затраты составят $= z_1$, – для продавца <i>товара</i> затраты составят $\Pi_1 * z_1 = z_2 = z_1 + (\Pi_1/z_1) * z_1 = (1 + \Pi_1/z_1) * z_1$, (6) – для покупателя <i>товара</i> затраты составят $\Pi_2 * z_1 = z_2 + (\Pi_2/z_2) * z_1 = z_2 + (\Pi_2 * z_1)/(\Pi_1 + z_1)$, (8) или $\Pi_2 * z_1 = \Pi_1 * z_1 + (\Pi_2 / (\Pi_1 * z_1)) * z_1$, (10)
--	--

1 *Доход* следует понимать как вознаграждение продавца ресурса, включающее компенсацию покупателя ресурса как продавцу ресурса, так и поставщику ресурса, то есть всем предыдущим участникам сделки (формула 11, 12, 13):

– для банка (продавца ресурса) доход составит $D = i_{\text{кр}} * z_1 = (i_{\text{деп}} + \text{маржа банка}) * z_1$, (11)	– для предприятия (продавца товара) доход составит $D = (\Pi_2/z_2 + \Pi_1/z_1) * z_1$, (12) или $D = (\Pi_2 / (\Pi_1 * z_1) + \Pi_1/z_1) * z_1$, (13)
---	--

2 *Прибыль* отражает разницу между доходом и расходом (формула 14, 15, 16, 17):

– для банка прибыль составит $\Pi = (i_{\text{кр}} - i_{\text{деп}}) * z_1$, (14) или $\Pi = \text{маржа} * z_1$, (16)	– для предприятия прибыль составит $\Pi = [(\Pi_2/z_2 + \Pi_1/z_1) - \Pi_1/z_1] * z_1 = (\Pi_2/z_2) * z_1$, (15) или $\Pi = \text{маржа} * z_1 = (\Pi_2/z_2) * z_1$, (17)
--	---

С другой стороны, прибыль отражает разницу между ценой продажи ресурса Π_2 и поставки (привлечения) ресурса Π_1 , умноженная на количество созданных единиц товара (или купленных рублей).

А цена единицы ресурса (товара) – это отношение стоимости ресурса с процентами (или товара с прибылью) к количеству единиц ресурса (товара).

Из указанных показателей следует:

3 *Цена единицы закупаемого кредитного ресурса* составит (формула 18, 19):

– для банка (впоследствии продавца ресурса) $\Pi_1 = 1 + i_{\text{деп}}$, (18) – для покупателя ресурса (предприятия) $\Pi_2 = 1 + i_{\text{кр}} = 1 + i_{\text{деп}} + \text{маржа банка}$, (19)	
---	--

4 *Цена единицы закупаемого товара* составит (формула 20, 21):

	– для предприятия (впоследствии продавца товара)
--	--

	$\Pi_1 = 1 + \Pi_1/z_1, (20)$
– для покупателя <i>товара</i>	
	$\Pi_2 = 1 + \Pi_1/z_1 + \Pi_2/z_2, (21)$

5 *Выручка от реализации* кредитного ресурса, как произведение цены на количество единиц ресурса, составит (формула 22, 23):

– для поставщика <i>ресурса</i> (вкладчика)	$\Pi_1 * z_1 = (1 + i_{\text{деп}}) * z_1, (22)$
– для продавца <i>ресурса</i> (банка)	$\Pi_2 * z_1 = (1 + i_{\text{кр}}) * z_1 = (1 + i_{\text{деп}} +$ $+ \text{маржа банка}) * z_1, (23)$

6 Аналогично *выручка от реализации товара* составит (формула 24, 25):

– для поставщика <i>товара</i>	$\Pi_1 * z_1 = (1 + \Pi_1/z_1) * z_1, (24)$
– для производителя (продавца) <i>товара</i>	$\Pi_2 * z_1 = (1 + \Pi_1/z_1 + \Pi_2/z_2) * z_1, (25)$

7 *Рентабельность* реализации ресурса (товара) как отношение выручки к затратам минус 1 определим в десятичных дробях (формула 26, 27, 28, 29):

– для поставщика <i>ресурса</i> (вкладчика)	– для поставщика <i>товара</i>
$R = [\Pi_1 * z_1 / z_1] - 1 = [(1 + i_{\text{деп}}) * z_1 / z_1] - 1 = [(1 + i_{\text{деп}})] - 1 = i_{\text{деп}}, (26)$	$R = [\Pi_1 * z_1 / z_1] - 1 = [(1 + \Pi_1/z_1) * z_1 / z_1] - 1 = \Pi_1/z_1, (27)$
– для продавца <i>ресурса</i> (банка)	– для производителя (продавца) <i>товара</i>
$R = [\Pi_2 * z_1 / ((1 + i_{\text{деп}}) * z_1)] - 1 = [(1 + i_{\text{кр}}) / (1 + i_{\text{деп}})] - 1 = [(1 + i_{\text{деп}} + \text{маржа банка}) / (1 + i_{\text{деп}})] - 1, (28)$	$R = [\Pi_2 * z_1 / (1 + \Pi_1/z_1) * z_1] - 1 = [(1 + \Pi_1/z_1 + \Pi_2/z_2) / (1 + \Pi_1/z_1)] - 1, (29)$

Методика позволяет обеспечить одинаковые условия деятельности банка и предприятия, равенство их прибылей или затрат посредством достижения:

– равенства маржи банка и рентабельности предприятия, а не ставок по кредитам и рентабельности предприятия (формула 30):

$$\text{маржа} = \Pi_2 / (\Pi_1 + Z_1), \quad (30)$$

– равенства кредитной ставки эквиваленту деятельности предприятия (формула 31):

$$i_{\text{кр}} = \Pi_1/z_1 + \Pi_2/z_2 = \Pi_1/z_1 + \Pi_2/(\Pi_1 + z_1), \quad (31)$$

Предложенная методика позволяет обеспечить сопоставимость показателей результатов деятельности банка и предприятия и на этой основе достичь справедливых ценовых условий для участников кредитной сделки.

Методика определения критерия самовозрастания кредитной стоимости. Для установления ответственности кредитора и кредитополучателя за ведение эффективной кредитной деятельности предлагается методика определения критерия самовозрастания кредитной стоимости при ее движении в банковской и производственной сферах.

Предложенная методика основана на установлении аналогий деятельности кредитора и кредитополучателя по обеспечению самовозрастания кредитной стоимости.

Методика включает выбор следующего критерия самовозрастания кредитной стоимо-

сти: для сохранения сущностных признаков кредита как самовозрастающей стоимости необходимо выполнение условия: прибыль от кредита предприятия должна превышать чистый процентный доход банка (формула 32, 33):

$$Пк_{1руб.} > ЧПД_{1руб.}^1, \quad (32)$$

$$ЧПД_{1руб.} = ПД / V_k - ПР / V_d = m / 100, \text{ при условии } V_k = V_d, \quad (33)$$

где $Пк_{1руб.}$ – прибыль предприятия от кредита на 1 рубль кредитных ресурсов, руб.;
 $ЧПД_{1руб.}$ – чистый процентный доход банка на 1 руб. кредитных ресурсов, руб.;
 $ПД$ – процентный доход банка (сумма полученных банком процентов по кредитам), руб.;
 $ПР$ – процентный расход банка (сумма уплаченных банком процентов по депозитам), руб.;
 V_k – объем выданных банком кредитов, руб.;
 V_d – объем привлеченных банком депозитов, руб.;
 $ЧПД_{1руб.}$ – чистый процентный доход банка на 1 руб. кредитных ресурсов, руб.;
 m – маржа банка, п. п.

Методикой установлено, что прибыль от кредита предприятия, по сути, является аналогом маржи банка, но в рублях, а, следовательно, аналогом чистого процентного дохода банка на 1 рубль кредитных ресурсов (рисунок 3). Аналогом процентного дохода для предприятия будет сумма прибыли от кредита предприятия ($Пк$) и уплаченные по кредиту проценты ($ПР$) (рисунок 3).

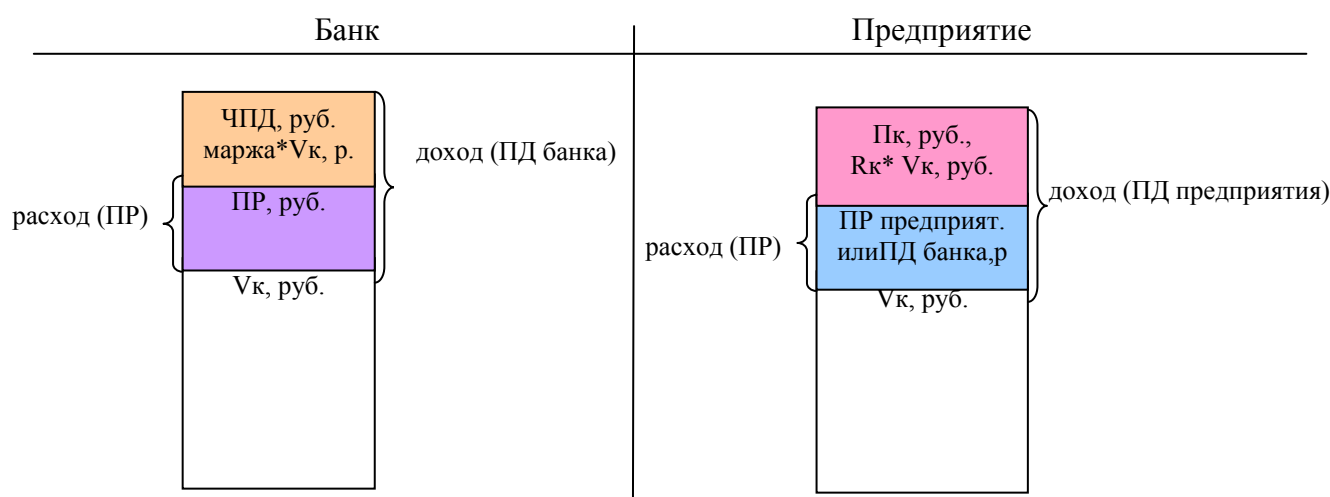

Рисунок 3 – Чистый процентный доход банка и предприятия от кредитования

Примечание – Источник: собственная разработка

Тогда чистый процентный доход предприятия целесообразно представить как разницу между прибылью предприятия от кредита ($Пк$) с уплаченными по кредиту процентами ($ПР$), которые предстоит покрыть предприятию за счет увеличения цены (дохода), и собственно суммой уплаченных по кредиту процентов ($ПР$) (формула 34):

$$(Пк + ПР) / V_k - ПР / V_k = Пк_{1руб.} = ЧПД_{1руб.} = R / 100, \quad (34)$$

где $Пк$ – прибыль предприятия от кредита,

¹ Примечание – Для сопоставимости финансовых результатов банка и предприятия от различных объемов кредитного ресурса показатели приняты из расчета на 1 рубль кредитных ресурсов.

ПР – сумма уплаченных предприятием процентов по кредиту, руб.,

V_k – объем кредитных ресурсов, руб.,

$Пк_{1руб.}$ – прибыль предприятия от кредита на 1 рубль кредитного ресурса, руб.,

ЧПД_{1руб.} – чистый процентный доход предприятия на 1 рубль кредитного ресурса, руб.,

R – рентабельность предприятия, %.

Приведенные в рамках предложенной методики аналогии чистого процентного дохода банка и предприятия позволяют выдвинуть следующие требования к кредитору и кредитополучателю по использованию кредита для обеспечения его самовозрастающей стоимости (формула 35 – 5. 73):

Требования к банку	Требования к предприятию
Эффект от кредитования для банка может быть достигнут при условии:	Эффект от кредитования для предприятия может быть достигнут при условии:
$\Delta ПД > \Delta ПР,$ (35)	$\Delta Пк > \Delta ПР,$ (36)
$\Delta ПД / \Delta V_k > \Delta ПР / \Delta V_d,$ (37)	$\Delta Пк / \Delta V_k > \Delta ПР / \Delta V_k,$ (38)
$\Delta i_k / \Delta V_k > \Delta i_d / \Delta V_d,$ (39)	$\Delta R_k / \Delta V_k > \Delta i_k / \Delta V_k,$ (40)
так как	так как
$Tr i_k > Tr V_d,$ (41)	$Tr R_k > Tr V_k,$ (42)
	$R_k = Пк / V_k,$ (43)
	причем
	$Пк = ПД - ПР,$ (44)
Показатели, обратные чистому процентному доходу:	Показатели, обратные чистому процентному доходу:
$\Delta V_k / \Delta i_k < \Delta V_d / \Delta i_d,$ (45)	$\Delta V_k / \Delta R_k < \Delta V_k / \Delta i_k,$ (46)
так как	так как
$Tr i_k > Tr V_d,$ (47)	$Tr R_k > Tr V_k,$ (48)
Разрыв ликвидности должен покрываться ростом доходности:	
$\Delta(V_k - V_d) < \Delta(i_k - i_d),$ (49)	$\Delta(V_k) < \Delta(R_k - i_k),$ (50)
а также:	
$\Delta V_k - \Delta V_d < \Delta i_k - \Delta i_d,$ (51)	$\Delta V_k < \Delta R_k - \Delta i_k,$ (52)
Условные обозначения	
$\Delta ПД$ – изменение процентного дохода банка, руб. $\Delta ПР$ – изменение процентного расхода банка, руб. ΔV_k – изменение объема кредитов, руб. ΔV_d – изменение объема депозитов, руб. Δi_k – изменение ставки кредита, % Δi_d – изменение ставки депозита, % Tr – темп роста, %	$\Delta Пк$ – изменение прибыли предприятия от кредита, руб. $\Delta ПР$ – изменение процентного расхода предприятия (суммы уплаченных предприятием процентов по кредиту), руб. $ПД$ – процентный доход предприятия, руб. ΔV_k – изменение объема кредитов, руб. Δi_k – изменение ставки кредита, % ΔR_k – изменение рентабельности предприятия от кредита, п. п. Tr – темп роста, %

При сравнении прибыли предприятия от кредита и чистого процентного дохода банка возможен расчет их реальных значений, то есть показателей, очищенных от влияния фактора инфляции.

Предложенная методика позволяет установить требования к кредитору и кредитополучателю по ведению эффективной кредитной деятельности на основе сопоставления их основных финансовых показателей.

Методика определения доходности кредита. С целью выявления эффективности кредитной сделки для предприятия предлагается методика определения доходности кредита.

Методика заключается в установлении *эффективной для предприятия* ставки доходности кредита, которая является эквивалентом дохода, необходимого для достижения окупаемости предприятием кредитных вложений. Доход от кредита должен покрывать процентные расходы по кредиту и обеспечивать прибыль от кредита (формула 53, 54):

$$i_{\text{дох}} = \text{ПД} * 100 / V_{\text{к}}, \quad (53)$$

где

$$\text{ПД} = \text{Пк} + \text{ПР}, \quad (54)$$

где $i_{\text{дох}}$ – ставка доходности кредита, %,

$V_{\text{к}}$ – объем кредитных вложений, руб.,

ПД – процентный доход предприятия, руб.,

Пк – прибыль предприятия от кредита, руб.,

ПР – процентные расходы предприятия по выплате процентов за пользование кредитом, руб.

Согласно методике, высокий уровень доходности кредита свидетельствует о способности предприятия использовать кредитный ресурс. Для сохранения сущности кредита как самовозрастающей стоимости *эффективная для предприятия* ставка доходности кредита должна превышать ставку кредита (формула 55, 56):

$$i_{\text{дох}} > i_{\text{к}}, \quad (55)$$

$$\Delta i_{\text{дох}} > \Delta i_{\text{к}}, \quad (56)$$

где $i_{\text{дох}}$ – ставка доходности кредита, %

$i_{\text{к}}$ – ставка кредита, %

Предложенная методика позволяет оценить способность предприятия по эффективному использованию кредита и определить приемлемость ставки кредита, устанавливаемой банком.

Методика определения доступного для предприятия объема кредитного ресурса. С целью выявления рационального для предприятия объема кредитов в условиях сложившихся результатов его деятельности и ставок банка по кредитам предлагается методика определения доступного для предприятия объема кредитного ресурса.

Методика предусматривает расчет кредитного ресурса, необходимого и доступного предприятию в зависимости от доходности кредита, представляющую способность предприятия выгодно использовать кредит.

Согласно методике, доступный для предприятия объем кредитного ресурса следует рассчитывать как (формула 57, 58):

$$V_{\text{к}} = \text{ПД} * 100 / i_{\text{дох}}, \quad (57)$$

где

$$\text{ПД} = \text{Пк} + \text{ПР}, \quad (58)$$

где $V_{\text{к}}$ – объем кредитных вложений, руб.,

$i_{\text{дох}}$ – ставка доходности кредита, %,

ПД – процентный доход предприятия, руб.,

Пк – прибыль предприятия от кредита, руб.,

ПР – процентные расходы предприятия по выплате процентов за пользование кредитом, руб.

Методика предусматривает расчет приемлемого предприятию объема кредитных вложений, произведенный на основе ставки доходности кредита, отражающую возможность получения эффекта от кредита в существующих условиях заданных параметров ставки кредита, депозита, маржи банка, прибыли предприятия от кредита.

Методика определения рационального объема привлечения предприятием кредита для заданной стоимости продукта исходя из ценовых условий на рынке товаров и кредитных ресурсов. Для расчета необходимого предприятию кредитного ресурса для производства запланированного объема товара определенной стоимости предлагается методика определения рационального объема привлечения предприятием кредита для заданной стоимости продукта исходя из ценовых условий на рынке товаров и кредитных ресурсов.

Методика определяет требуемый предприятию объем кредитных ресурсов для производства продукта, затраты на который заранее определены (должны составить h рублей).

В основе методики заложено условие равенства цены кредитного ресурса и цены товара (формула 60, 61, 62):

$$(1+i) * V_k = (1+P_k / h) * h, \quad (60)$$

или

$$(1+i) * V_k = (1+R_k) * h, \quad (61)$$

где

$$h = \text{стоимость товара} / \text{цена товара} = (1+i) * V_k / (1+P_k / h), \quad (62)$$

где i – ставка кредита, в десятичных дробях,

$(1+i)$ – цена кредитного ресурса, в десятичных дробях,

V_k – объем выданных банком кредитов, руб.,

$[(1+i) * V_k]$ – стоимость товара, на производство которого выдан кредит, равная «выручке» банка от размещения кредитного ресурса, то есть кредитный долг с процентами, руб.,

h – затраты по производству товара за счет кредита,

P_k – прибыль предприятия от кредита,

R_k – рентабельность производства товара за счет кредита, в десятичных дробях,

$(1+P_k / h)$ – цена товара, руб. /ед. затрат,

$(1+R_k)$ – цена товара, руб. /ед. затрат,

$[(1+P_k / h) * h = (1+R_k) * h]$ – стоимость товара, на производство которого выдан кредит, руб.

Методика устанавливает требуемый предприятию объем кредитного ресурса в условиях равенства цены кредитного ресурса и цены производимого за счет него товара (формула 63, 64, 65):

$$V_k = (h + P_k) / (1+i), \quad (63)$$

или

$$V_k = (h + P_k) - i * V_k = h + P_k - ПР, \quad (64)$$

так как

$$V_k + i * V_k = h + P_k, \quad (65)$$

где V_k – объем выданных банком кредитов, руб.

h – затраты по производству товара за счет кредита,

P_k – прибыль предприятия от кредита,

i – ставка кредита, в десятичных дробях,

$ПР$ – процентные расходы предприятия за пользование кредитом, руб.

Для установления нагрузки на цену товара затрат, связанных с использованием кре-

дита, методикой предусмотрен расчет кредитной составляющей в цене товара, произведенного за счет кредита (формула 66):

$$(1 + \text{Пк} / h) = [(1 + i) * V_k] / h, \quad (66)$$

где $(1 + \text{Пк} / h)$ – цена товара, руб. /ед. затрат,
 $[(1 + i) * V_k] / h$ – цена кредитного ресурса, руб. /ед. затрат,
 Пк – прибыль предприятия от кредита,
 h – затраты по производству товара за счет кредита,
 i – ставка кредита, в десятичных дробях,
 V_k – объем выданных банком кредитов, руб.

Предложенная методика позволяет определить рациональный объем привлечения предприятием кредитного ресурса под планируемый объем производства товара заданной стоимости в рамках ценовых условий на рынке товаров и кредитных ресурсов.

Выводы. Таким образом, для определения потребностей предприятия в дополнительных кредитных ресурсах и возможности их привлечения целесообразно сопоставлять эффект от кредитования как предприятия, так и банка, а также условия их функционирования на основе предложенной системы унифицированных показателей, что позволит достичь справедливых ценовых условий для участников кредитной сделки. Рациональный объем привлечения предприятием кредита для заданного количества продукта предлагается установить исходя из достигнутого равенства ценовых условий на рынке товаров и кредитных ресурсов. Также необходимо рассчитывать кредитную составляющую в цене товара, произведенного за счет кредита, что отразит нагрузку на цену товара затрат, связанных с использованием кредита.

Литература

1. Атлас, М. С. Национализация банков в СССР / М. С. Атлас. – М.: Госфиниздат, 1948. – 246 с.
2. Валенцева, Н. И. Кредитный механизм и его составные элементы / Н. И. Валенцева. – М., 1987. – 56 с.
3. Зайденварг, В. А. Показатели эффективности краткосрочного кредита / В. А. Зайденварг. – М.: Финансы, 1978. – 96 с.
4. Каценеленбаум, З. С. Учение о деньгах и кредите: в 2 т. / З. С. Каценеленбаум. – М.: Экономическая жизнь, 1928. – Т. 2. – 567 с.
5. Коробов, Ю. И. Кредитный механизм / Ю. И. Коробов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1992. – 83 с.
6. Лаврушин, О. И. Банковское дело: современная система кредитования / О. И. Лаврушин, О. Н. Афанасьева, С. Л. Корниенко. – 4-е изд., стереотипное. – Москва: КноРус, 2008. – 259 с.
7. Пессель, М. А. Кредитный механизм и механизм кредитования / М. А. Пессель // Деньги и кредит. – 1982. – № 7. С. 25–27.
8. Рыбин, В. И. Кредит как экономическая категория социализма / В. И. Рыбин. – М.: Мысль, 1978. – 252 с.
9. Усоскин, М. М. Организация и планирование кредита / М. М. Усоскин. – изд. 4-е, переработ. и доп. – М.: Финансы, 1967. – 349 с.
10. Шенгер, Ю. Е. Очерки советского кредита / Ю. Е. Шенгер. – М.: Госфиниздат, 1961. – 406 с.

УДК 33:001.891:378.6(476.2-25)

К истокам гомельской школы экономических исследований

Т. А. ЯКОВЛЕВА

Анализируется иркутский период научной деятельности известного российского и белорусского учёного-экономиста М. В. Научителя – основателя и научного руководителя Гомельской школы экономических исследований.

Ключевые слова: научная деятельность, творчество, период, книга, статья, научный труд, научный подход, экономика.

The founder and the supervisor of Gomel school economic research studies, well-known Russian and Belarusian scientist-economist M.V. Nauchitel's science activity in Irkutsk is analyzed in the article.

Keywords: science activity, creative work, period, book, article, scientific work, scientific approach, economy.

Среди известных российских учёных-экономистов имя Михаила Вениаминовича Научителя (1924–2005) занимает достойное место. Его творческий путь неразрывно связан не только с экономической, но и с исторической наукой, что способствовало рождению нового историко-экономического знания, созданию работ по экономической истории и истории экономической мысли. Занятия М. В. Научителя историко-экономической наукой больше сопровождали иркутский период его жизни. С 1951 по 1971 год его жизнь и научно-педагогическая деятельность была связана с Иркутским институтом народного хозяйства, где он прошёл путь от заведующего кабинетом политической экономии до проректора по научной работе. В последующие годы его научно-педагогическая деятельность проходила далеко от Сибири, что было вызвано переездом в Белоруссию и работой в Гомельском государственном университете им. Ф. Скорины.

Родился Михаил Вениаминович в Иркутске 6 августа 1924 года. После окончания школы в 1942 году был призван в армию, где служил в частях Забайкальского фронта и участвовал в боях с японцами [1]. Образование пришлось завершать уже после демобилизации. Доказательством особой энергии и наличия выраженных интересов к научной работе стало окончание им в 1951 году с отличием полного курса Иркутского финансово-экономического института по специальности «экономика промышленности», а в 1953 году – заочного отделения Иркутского государственного университета (и также с отличием) по специальности «история» [2].

Ещё в студенческие годы Михаил Вениаминович проявлял интерес к научно-исследовательской деятельности, занимаясь в научном студенческом кружке при кафедре политической экономии [3]. В 1959 году окончил аспирантуру экономического факультета Московского госуниверситета им. М. В. Ломоносова с защитой кандидатской диссертации по теме «Социально-экономические взгляды А. П. Щапова» [4, с. 56]. Сложно сейчас установить, что именно повлияло на выбор темы кандидатской диссертации, но, несомненно, одной из причин мог быть уже сформировавшийся у молодого исследователя интерес к историко-экономической литературе. Учёная степень кандидата экономических наук присуждена в 1960 году. В ученом звании доцента по кафедре политической экономии Иркутского института народного хозяйства (как стал называться Иркутский финансово-экономический институт) М. В. Научитель был утверждён в 1962 году. С 1951 по 1960 год он работал заведующим кабинетом политэкономии, ассистентом, старшим преподавателем, а с 1960 по 1967 год – доцентом кафедры политической экономии. Именно этот период его деятельности и станет объектом нашего пристального внимания.

В эти годы в институте сложился творческий коллектив молодых преподавателей, которые позднее станут известными в Иркутске экономистами и историками, внёсшими замет-

ный вклад в разработку социально-экономической истории Сибири второй половины XIX – начала XX вв. (П. И. Ярыгин, З. Т. Тагаров, Г. А. Вендрих и др.). Своё место среди них занял и М. В. Научитель, с 1958 года начавший публикацию научных работ по проблемам социально-экономического развития Сибири во второй половине XIX века и истории экономической мысли этого периода. По этим проблемам им написано и опубликовано более 40 научных трудов [4, с. 56]. Время и социально-политические условия того периода наложили свой отпечаток на эти исследования, марксистский анализ способствовал соблюдению в них приоритетных принципов партийности и классовости, но в то же время потребовал жёсткого соблюдения принципов научности и объективности. Все научные труды отличает основательная работа автора с источниками, эмпирическим материалом, глубокий анализ, а не только описательность. Остановимся на наиболее значимых из них.

Одной из первых работ М. В. Научителя стала брошюра «Жизнь и деятельность А. П. Щапова (1831–1876)» [5], в основу которой легли материалы кандидатской диссертации [6]. В брошюре последовательно рассматривается начало научной и общественной деятельности, формирование социальных воззрений А. П. Щапова, его путь к революционному демократизму в 60-х годах XIX века, период ссылки в Иркутске и его просветительская деятельность. Основными источниками для М. В. Научителя послужили сочинения А. П. Щапова, работы революционеров-демократов, публикация Н. Я. Аристова «А. П. Щапов», изданная в Санкт-Петербурге в 1883 году, и книга «Щапов в Иркутске (Неизданные материалы)», вышедшая в Иркутске в 1938 году.

В данной работе представлен в основном биографический материал, анализ же самих взглядов А. П. Щапова встречается здесь значительно реже, но отдельные замечания всё же привлекают внимание. Это обращение к тем трудам А. П. Щапова, где историк пытается выяснить роль экономического фактора в общественном развитии. «Абстрактная, философская экономическая теория сама по себе ещё не может разрешить вопроса жизни и развития человеческих обществ... Переделать настоящий экономический мир она не в силах», – такие взгляды А. П. Щапова М. Н. Научитель определял как исторически ограниченные, поскольку движущей силой развития общества А. П. Щапов считал распространение просвещения, умственный прогресс народа [5, с. 49]. Автор обращает внимание и на оценку А. П. Щаповым идей Маркса после прочтения им «Капитала»: «...Это будущее разрешение историко-традиционного, социально-экономического противоречия города и деревни» [5, с. 49; 7]. Марксистская историография не могла считать основным фактором развития общества человеческий разум, поэтому М. Н. Научитель признаёт многие положения и выводы А. П. Щапова неверными и далёкими от правильного понимания законов общественного развития.

К подробному анализу экономической мысли А. П. Щапова Михаил Вениаминович обращается в статьях «Аграрный вопрос в 60-х гг. XIX в. в освещении А. П. Щапова» и «Критика буржуазных вульгарных экономических теорий в трудах А. П. Щапова» [8, 9], где содержатся не потерявшие актуальности замечания о критике А. П. Щаповым теории Мальтуса, политической экономии Дж. С. Милля, экономической истории В. Рошера. Внимание М. В. Научителя привлекает поиск и начало критики А. П. Щаповым методов историко-экономического исследования у этих известных авторов, что неизбежно пробивается сквозь марксистскую терминологию и известную марксову оценку этих трудов как «могилы науки».

Тема сибирских революционеров-демократов для М. В. Научителя началась с брошюры «Герман Г. А. Лопатин в Сибири», где рассматриваются в основном сибирские сюжеты жизни и деятельности революционера-народника Г. А. Лопатина, получившего известность в качестве первого переводчика «Капитала» К. Маркса на русский язык [10]. Поскольку сибирский период его жизни в те годы был наименее известным, ценность работы определялась введением в научный оборот новых архивных материалов, хранившихся в Иркутском областном государственном архиве. И хотя в работе практически отсутствует анализ экономических взглядов Лопатина, она привлекает описанием обстоятельств перевода «Капитала», отношений Г. А. Лопатина к Марксу, ареста Г. А. Лопатина в Иркутске во время попытки освобождения Н. Г. Чернышевского, последующего следствия, побегов, а также знакомства Лопатина в Иркутске с А. П. Щаповым.

Ещё одна книга М. В. Научителя, которая продолжала тему сибирского периода деятельности известных революционеров, была посвящена сибирским страницам биографии впоследствии известного советского дипломата Л. Б. Красина и увидела свет в серии «Замечательные люди Сибири» [11, 12]. Самыми интересными для современного читателя страницами этой работы могут оказаться те, где содержится анализ ожесточённого спора между марксистами и народниками о развитии капитализма в Сибири в конце XIX века.

М. В. Научитель обращается к истокам формирования взглядов Л. Б. Красина, отмечая, что будучи студентом Петербургского технологического института, тот с большим упорством изучал запретную экономическую литературу, книги Чернышевского, Лаврова, издания «Народной воли» и работы Маркса. Автор подчёркивает, что больше других работ помог молодому сибиряку разобраться с социально-экономической ситуацией в России именно «Капитал». Обращая внимание на то, что Л. Б. Красин был первым социал-демократом, оказавшимся в Иркутске среди народовольцев и народников, М. В. Научитель интересуется содержанием его полемики с народниками, которая приобрела достаточно острый характер. В октябре 1896 года марксисту Л. Б. Красину с большим трудом удалось опубликовать в газете «Восточное обозрение» статью «Судьбы капитализма в Сибири». Со страниц сибирских газет не сходили тогда статьи о роли сибирской общины, а исходным считался тезис известного народника В. Воронцова о некапиталистическом характере пореформенного развития России и Сибири. Критика Л. Б. Красина прозвучала достаточно резко. Основу ошибочной концепции народников он видел в субъективистской методологии, в непонимании объективного характера развития общества. Наука, по его мнению, «добывает свои истины при помощи единого метода, метода точного наблюдения и опыта, и на этой почве, а не на почве наших идеалов и влечений, должно вестись обсуждение судеб сибирского капитализма» [11, с. 92].

Среди аргументов Л. Б. Красина М. В. Научитель особо выделяет утверждение Л. Б. Красина о разнообразии форм капиталистического производства в Сибири, о том, что капитал не только прямо и непосредственно, но и косвенно подчинял себе труд рабочих и мелких производителей, о том, что эксплуатация происходила не обязательно на фабрике, но и за её пределами. В золотодобывающей промышленности Л. Б. Красин находил убедительные доказательства формирования капиталистического производства, критикуя тезис народников о преобладании здесь коллективного производства в виде артели. Артели старателей, по его мнению, это те же капиталистические объединения, строившиеся на принципе частнокапиталистического предпринимательства. М. В. Научитель полностью соглашается с заключением Л. Б. Красина, что ни о каком некапиталистическом пути развития сибирской промышленности не может быть и речи.

М. В. Научитель обращается и к анализу Л. Б. Красиным экономического строя кустарной промышленности. Определение этой формы производства народниками как «народного производства» он относит к антинаучному, принимая выводы Л. Б. Красина о несостоятельности и научной непригодности самого понятия «кустарная промышленность». Автор поясняет, что понятие «кустарная промышленность» скрывает разные стадии развития товарного и товарно-капиталистического производства [11, с. 100]. Следуя за мыслью Л. Б. Красина, М. В. Научитель подчёркивает, что Сибирь не являлась классическим местом сосредоточения крестьянских промыслов, какое представляли собой многие губернии европейской части страны. Но в сибирских губерниях крестьянские промыслы получили распространение и играли в экономической жизни заметную роль. Разлагавшиеся крестьянские промыслы служили основанием, на котором вырастал капитализм. Вырастала роль скупщика-торговца, который при благоприятных условиях становился уже капиталистом-предпринимателем, использовавшим наёмный труд. И эту форму капиталистического производства Л. Б. Красин определяет как «худшую».

Некапиталистический путь развития народники видели в особенностях социально-экономического развития сельского хозяйства в Сибири. М. В. Научитель соглашается с аргументами Л. Б. Красина в защиту капиталистического развития сибирской деревни, демонстрировавшей безграничное господство кулака и разложение общины. Историк высоко оце-

нивает значение статьи Л. Б. Красина, отмечая, что она сыграла важную роль в научной постановке проблем социально-экономического развития Сибири, велико было её значение также в пропаганде марксизма на этой окраине страны.

Проследивая движение мысли Л. Б. Красина в статье «Судьбы капитализма в Сибири», М. В. Научитель не только соглашается с выводом Л. Б. Красина о развитии капитализма в Сибири в пореформенный период, но и формулирует собственные аргументы в защиту выдвинутых тем идей, создаёт свою научную систему взглядов по важнейшим вопросам социально-экономического развития Сибири. В целом книга может оказаться поучительным примером последовательного, убедительного анализа и верности марксистской теории как методологии, чему, по-видимому, следует поучиться многим современным экономистам и историкам, мечущимся от одной теории к другой и нигде не находящим надёжного пристанища.

К другой работе такого же характера следует отнести и книгу «Н. Г. Чернышевский в Сибири», написанную в соавторстве с З. Т. Тагаровым [13, 14]. Книга представляет ряд научно-публицистических очерков, раскрывающих недостаточно изученный для того времени период жизни и творчества известного революционера-демократа. Авторам удалось привлечь новые материалы Иркутского областного архива и предложить новый анализ взглядов Чернышевского, труды которого, по словам Маркса, «делают действительную честь России». Такими новыми знаниями о сибирской биографии Чернышевского, в частности, стало уточнение причин отправки Чернышевского на «каторгу каторг» в Нерчинск. Согласно исследованию, это произошло по настоянию генерал-губернатора Восточной Сибири, а не чиновников из Петербурга¹. Интересны главы, где авторы рассказывают о пребывании Н. Г. Чернышевского на солеваренных заводах в Усолье, на Нерчинском руднике и Вилуйском остроге. Привлекаются наблюдения путешествовавшего в те годы по Сибири Ф. Августиновича, товарищей по Нерчинской каторге В. Н. Шаганова и П. Ф. Николаева. Благодаря строгой документальности и эта работа М. В. Научителя, рассчитанная на массового читателя, представляет значительный научный интерес и для исследователей.

Статья М. В. Научителя «Проблемы капитализма в Сибири и русская экономическая мысль 2-й половины XIX в.» заслуживает особого внимания, так как здесь проявляется интерес автора не только к истории экономической мысли, но и к экономической истории Сибири [16]. М. В. Научитель, как и многие другие исследователи Сибири, приобщается к поиску своеобразия экономического развития Сибири: «Эпоха капитализма поставила и заострила “свои” – сибирские проблемы, обусловленные как общими процессами, определявшими пореформенное развитие всего российского хозяйственного организма, так и тем, что имело непосредственное отношение к хозяйственному строю Сибири, его капиталистической эволюции» [16, с. 452]. Специфика сибирской окраины требовала осмысления её отечественной экономической наукой. Вставляли вопросы о характере эволюции её экономического строя, об основных направлениях хозяйственного развития, о соотношении разных форм производства и перспективах его изменения. В экономической литературе о Сибири освещены были прежде всего вопросы развития её аграрного строя, поскольку «в экономическом строе деревни сосредоточивались основные особенности, определившие специфику капиталистической эволюции хозяйства окраины в целом». Столь яркие специфические особенности, как отсутствие в Сибири помещичьего землевладения, существование системы захватного земледелия, отсутствие обязательного уравнительного надела, слабое распространение переделов земли, большое количество свободной земли, ставили самостоятельные проблемы историко-экономического анализа. Внимание историков и экономистов приковывали особенности сибирской деревни, которые не препятствовали, а, напротив, способствовали развитию здесь капитализма.

Важное место в экономической литературе занимали проблемы колонизации и переселения в Сибири. Активно обсуждались вопросы развития золотопромышленности, остро дискутировался вопрос о целесообразности дальнейшего распространения золотодобычи и соци-

¹ Этот факт был особо отмечен Е. Соболевой, автором рецензии на книгу М. В. Научителя, З. Т. Тагарова «Н. Г. Чернышевский в Сибири» [15, с. 181].

ально-экономических последствиях этого процесса. Ещё одной значительной проблемой, широко обсуждавшейся в литературе, была проблема последствий строительства Транссиба.

Во всех работах М. В. Научителя этого периода прослеживается выраженный марксистский подход, отнюдь не умаляющий их ценности. Последняя, по нашему мнению, состоит в собирании экономической мысли исследователей широкого идеологического спектра, равно как и в определении главного содержания полемики: «Марксистская разработка проблем социально-экономического развития Сибири в эпоху капитализма столкнулась с широко распространённой народнической системой взглядов, пытавшейся доказать некапиталистический характер развития сибирской экономики» [16, с. 457].

Образцом ещё одной работы по экономической истории стала публикация «Очерк экономического развития Сибири (2-я половина XIX в.)» [17]. Эта работа была подготовлена М. В. Научителем на основе первой главы его докторской диссертации в качестве материалов к лекциям по курсу «Экономическая история Сибири». Очерки состояли из нескольких глав. В первой главе рассматривались особенности сельскохозяйственного производства, аграрный строй Сибири, во второй главе анализировалось промышленное развитие Сибири, в третьей главе – торговля и в четвёртой – влияние железной дороги на хозяйственное развитие Сибири.

В статье «Революционно-демократическая журналистика о проблемах социально-экономического развития пореформенной Сибири» М. В. Научитель продолжает своё движение по пути «синтеза» исследования истории экономической мысли в Сибири и её экономической истории. Характеризуя взгляды на экономическое развитие Сибири Н. Г. Чернышевского, учёный сконцентрирован на поиске особенностей социально-экономического развития Сибири в его работах. Известно, что Н. Г. Чернышевский был противником преклонения перед отжившими формами общественной жизни. Он рассматривал их сохранение как результат «вялости» развития. Следуя за этой мыслью, автор обращает внимание на содержание полемики Чернышевского со славянофилами. Критикуя славянофилов, Н. Г. Чернышевский определяет общинный строй как несозревшую форму гражданственности. Соглашаясь с тем, что народы Сибири и Севера живут в сложных климатических условиях, всё же основной причиной «отсталости» сибирских народов считал социальные условия, созданные здесь самодержавием, которое превратило Сибирь в колонию [18]. В известной идее Чернышевского о возможности миновать или сократить этап капиталистического развития для России при переходе к социализму, нет утверждения, что наличие общины могло бы избавить Россию от капитализма, особенно в сибирских окраинах.

В статье анализируется период творчества Чернышевского, который определялся длительным изнурительным сибирским заточением. М. В. Научитель утверждает, что если в этот период Чернышевский не писал объёмистых трудов, то это не снижает значения его многочисленных писем и статей, где продолжается развитие его мысли по проблемам социально-экономического развития Сибири. Доказательства развития капитализма в Сибири, вслед за Чернышевским, М. В. Научитель находит в том, что крепкое натуральное хозяйство в глухих местах Сибири постепенно сдавало позиции, отступая перед натиском товарно-денежных отношений. Наиболее заметно это было в золотодобыче. Рост поставок мяса на золотые прииски свидетельствует о росте товарности животноводства. Рост товарооборотов способствовал накоплению капиталов, изменениям в быту у купцов. Проявление нищеты, приниженности и забитости народов Сибири он видел как следствие эксплуатации [18, с. 271]. Внимательное наблюдение жизни якутского населения в Вилюйске позволяло Чернышевскому с лёгкостью угадывать скрытые формы эксплуатации, как пример – зимнее кормление, называемое местным населением «хасаса», которое приводило к значительным убыткам.

Таким образом, в статье Михаилу Вениаминовичу удалось не только проследить и систематизировать основные направления развития мысли Чернышевского по вопросам социально-экономического развития Сибири, но и раскрыть ряд существенных моментов в сибирской специфике развития капитализма с обогащением таких моментов конкретными примерами, наблюдениями и достаточно глубокими научными выводами.

В следующей части статьи М. В. Научитель обращается к литературному наследию сподвижника Н. Г. Чернышевского по революционной борьбе Н. В. Шелгунова, называя его

выдающимся русским публицистом и экономистом того времени. Внимание исследователя привлекают статьи Н. В. Шелгунова «Сибирь по большой дороге» и «Гражданские элементы Иркутского края», а также «Очерки современной Сибири», появившиеся после его поездки в Забайкалье и опубликованные в конце XIX века, опять же в целях поиска специфики социально-экономического развития Сибири. Обобщая содержащиеся в них взгляды относительно капиталистического развития Сибири, историк пишет: «Не подтвердились мечты экономистов-новаторов о сибирской общине как зародыше “счастливого сочетания земледельческого и фабричного труда”. Наоборот, автор привёл убедительный материал о разложении общины, о нарастающей пролетаризации крестьянства» [18, с. 283].

Работы Н. В. Шелгунова, по мнению учёного, отражают генезис капиталистического развития Сибири, обнажают методы эксплуатации, приводящей к нищете и бесправию населения. В соответствии с принципами марксистского анализа экономическая теория народников определялась М. В. Научителем как иллюзорная.

Итогом нескольких лет историко-экономических изысканий М. В. Научителя стала защита им диссертации на соискание учёной степени доктора экономических наук по теме «Социально-экономические проблемы Сибири в экономической литературе 2-й половины XIX в.» по специальности «История экономических учений». Официальными оппонентами на защите выступили доктора экономических наук, профессора Н. К. Каратаев, П. А. Хромов, Б. П. Орлов. Защита состоялась в феврале 1969 года в МГУ. Учёная степень доктора экономических наук М. В. Научителю присуждена в 1969 году. В учёном звании профессора по кафедре политической экономии он был утверждён в 1970 году [19].

В докторской диссертации представлен развёрнутый анализ социально-экономической литературы по сибирской тематике эпохи становления капитализма. Сибирская проблематика и возникавшая в связи с ней обширная экономическая литература не были ещё подвергнуты систематическому анализу в трудах по истории экономических учений в России. Автор ставил следующие задачи: систематизировать и дать анализ социально-экономической литературы второй половины XIX века о Сибири, отразившей капиталистическую эволюцию окраины, раскрыть её роль в разработке проблем капиталистического развития, определить место и значение её в истории русской экономической мысли [20]. Источниками диссертационного исследования послужили многочисленные работы русских мыслителей и экономистов, материалы сибирской периодической печати, обширные архивные материалы.

Во введении отмечается, что эпоха капитализма выдвинула свои сибирские проблемы, во многом обусловленные спецификой развития капитализма в Сибири. Особенности экономического развития Сибири требовали самостоятельного анализа. Отражение и трактовка вопросов развития экономики пореформенной Сибири представляли солидную базу для научных обобщений. В первой главе содержался очерк экономического развития Сибири второй половины XIX века и ставилась проблема её капиталистической эволюции. В ней рассматривался экономический строй сельского хозяйства, анализировалось развитие промышленности и торговли, выяснялось влияние железной дороги на хозяйственное развитие региона. Своеобразие экономического строя сельского хозяйства Сибири М. В. Научитель видел в отсутствии помещичьего землевладения, более свободной для крестьян захватной форме землевладения, разложении деревни. Русский крестьянин являлся носителем вольного процесса колонизации [20, с. 16]. Учёный подчёркивал, что совокупность процессов, связанных с капиталистической эволюцией сибирской экономики, составила обширное основание для развития экономической мысли, для усиления борьбы разных экономических идей, для столкновения на почве проблем пореформенной эпохи разных направлений.

Во второй главе рассматриваются идеи экономистов-демократов в революционно-демократической журналистике Н. Г. Чернышевского, Н. В. Шелгунова, в историко-экономических исследованиях А. П. Щапова, особенно о развитии товарно-капиталистических отношений в хозяйственном укладе аборигенов Прибайкалья – бурят, в трудах известного учёного и публициста сибиряка С. С. Шашкова, рассматривающих вопросы колонизации Сибири.

В третьей главе анализу подвергнута социально-экономическая литература, возникшая в связи с основной группой проблем капиталистической эволюции пореформенной Сибири –

проблем эволюции её аграрного строя, выяснялась роль статистико-экономических исследований 1880–1890 гг. в изучении вопросов аграрного развития Сибири. М. В. Научитель провёл подробный анализ статей представителей народнической ссылки С. Чудновского, И. Диаманди, К. Кочаровского, М. Кривошинкина и др. Эту либерально-народническую литературу автор определял как домарксистскую, строившуюся на ненаучной основе, но имеющую значительную ценность для характеристики основных направлений русской экономической мысли. В материалах таких исследований содержалось подробное описание форм крестьянского землевладения, где учёный усматривает особый интерес к модификации захватной формы земли в связи с развитием капитализма, подчеркивая, что захватная форма не только не мешала, а, напротив, способствовала свободному приложению капитала к земле [20, с. 26].

В четвёртой главе анализируется социально-экономическая литература сибирских областников, прежде всего Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина. Областники в постановке экономических проблем Сибири сосредоточили свои усилия на анализе специфики её хозяйственного строя и отрицании капиталистического характера в его развитии. М. В. Научитель определяет это направление литературы как своеобразное, которое не следует игнорировать при изучении.

В пятой главе в центре внимания диссертанта оказалась сибирская народническая журналистика, отразившая попытки обоснования «некапиталистической» эволюции Сибири, прежде всего в работах И. Попова и И. Майнова. В шестой главе исследуется марксистский этап разработки социально-экономических проблем Сибири. Анализируются первые марксистские исследования И. А. Гурвича, Л. Б. Красина, В. И. Ленина и др.

Столь широкий круг вопросов, затронутых в диссертационном исследовании, убедительно свидетельствует о том, что сибирская тема имела в истории экономической мысли России самостоятельное звучание, нуждалась и нашла своего исследователя в лице Михаила Вениаминовича Научителя. Как справедливо отмечает современный исследователь Ж. З. Тагоров, «впервые в историко-экономической науке была дана целостная картина развития экономической мысли Сибири пореформенного периода. Разрозненные высказывания историков, ссыльных революционеров-демократов, народников, сибирских областников, марксистов были собраны воедино. Безусловно, в работе М. В. Научителя отразились господствующие тогда политические представления. Марксистские представления о развитии сибирской экономики венчают многолетнюю эволюцию экономической мысли Сибири как наиболее верные и объективно отражающие действительность» [21, с. 40–41].

Несколько лет назад жизнь М. В. Научителя оборвалась, но его работы, достойные определения в совокупности как значимое историко-экономическое наследие, остались с нами.

Литература

1. Архив Байкальского государственного университета экономики и права (БГУЭП). – Оп. 5. – Д. 669. – Л. 265.
2. Музей истории Байкальского государственного университета экономики и права (БГУЭП). – № ОС-639. – Л. 13.
3. Архив БГУЭП. – Оп. 5. – Д. 669. – Л. 255.
4. Гомбалецкий В. А., Самаруха В. И. Наука в Иркутской государственной экономической академии в прошлом и настоящем: Краткий исторический очерк. – Иркутск, 2000.
5. Научитель М. В. Жизнь и деятельность А. П. Щапова (1831–1876 гг.). – Иркутск: Иркутское кн. изд-во, 1958. – 60 с.
6. Научитель М. Н. Социально-экономические взгляды А. П. Щапова: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 1959. – 26 с.
7. Научитель М. В. Первый читатель «Капитала» К. Маркса в Иркутске // Ангара. – 1962. – № 2.
8. Научитель М. В. Аграрный вопрос в 60-х гг. XIX в. в освещении А. П. Щапова // Учёные записки Иркутского финансово-экон. ин-та. – Иркутск, 1957. – Вып. 5.

9. Научитель М. В. Критика буржуазных вульгарных экономических теорий в трудах А. П. Шапова // Учёные записки кафедры полит. экономии Иркутского ин-та нар. хоз. – Иркутск, 1967. – Вып. 10 (3).
10. Научитель М. В. Герман Лопатин в Сибири. – Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 1963.
11. Научитель М. В. Страницы жизни и борьбы. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972.
12. Научитель М. В. Л. Б. Красин в Сибири // Ангара. – 1964. – № 1.
13. Научитель М. В., Тагаров З. Т. Чернышевский в Сибири. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969. – 302 с.
14. Научитель М. В., Тагаров З. Т. Н. Г. Чернышевский в Сибири // Сибирские огни. – 1965. – № 10.
15. Соболева Е. Жизнь ума и сердца // Сибирские огни. – 1970. – № 2.
16. Научитель М. В. Проблемы капитализма в Сибири и русская экономическая мысль 2-й половины XIX в. // Великий Октябрь и Восточная Сибирь: материалы юбилейной науч.-теор. конф., Иркутск, 15–17 июня 1967 г. / под ред. Л. А. Петрова. – Иркутск, 1968.
17. Научитель М. В. Очерк экономического развития Сибири (2-я половина XIX в.). – Иркутск: ИИНХ, 1967.
18. Научитель М. Н. Революционно-демократическая журналистика о проблемах социально-экономического развития пореформенной Сибири // Учёные записки кафедры полит. экономии Иркутского ин-та народ. хоз. – Иркутск, 1968. – Вып. 12 (4).
19. Музей истории БГУЭП. – № ОС-639. – Л. 11.
20. Научитель М. В. Социально-экономические проблемы Сибири в экономической литературе 2-й половины XIX в.: автореф. дис. ... докт. экон. наук. – М., 1968.
21. Тагаров Ж. З. Историко-экономическая наука ИГЭА в ретроспективе: люди, идеи, время // Вестник ИГЭА. – 2000. – № 4.

Функциональная система управления агроэкотуризмом

Н. Г. БАРКОВА, С. Ю. ЛЕВАНОВ

В статье предлагается создание гармоничной системы управления, основанной на кооперации государственных и общественных структур, что будет способствовать эффективному развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь.

Ключевые слова: агроэкотуризм, сельский туризм, система управления, государственное управление.

Harmonious management system based on governmental authority and social structure cooperation should be set up for effective and potential agroecotourism development in the Republic of Belarus.

Keywords: agroecotourism, rural tourism, management system, governance.

Агроэкотуризм (АЭТ) в Республике Беларусь выступает потенциальным инструментом для развития сельских территорий. Вследствие появления этой новой для нашей страны сферы деятельности, связанной с обслуживанием населения Беларуси, а также туристов из ближнего и дальнего зарубежья, требуется создание стройной, национальной системы управления АЭТ.

АЭТ, как любая другая хозяйственная деятельность, находится в прямой зависимости от реального состояния страны и деревни. Успех его развития зависит от экономических и общественных изменений сельской местности, от возможности получения финансовой поддержки и кредитования, от организованных действий органов управления и самоуправления, местной общественности и др. По мнению А. А. Бакановой (2005), каждый из органов управления в туристической отрасли должен иметь определенные функции, решать конкретные задачи и обладать совокупностью прав и обязанностей [1]. А эффективное функционирование туризма невозможно без планирования, регулирования, координации и контроля со стороны структур, ответственных за его развитие. Это обуславливает необходимость разработки и реализации научно обоснованной системы управления туризмом [2]. Поэтому исследование вопросов совершенствования системы управления АЭТ путем постановки целей, определения задач для управляющих структур всех уровней и их реализация через налаживание сотрудничества между государственными и негосударственными организациями представляет научный интерес.

По своей сути управление АЭТ представляет собой целенаправленное управляющее воздействие на него со стороны органов (субъектов) управления в целях организации, поддержания режима деятельности, сохранения качественной специфики и совершенствования [1].

Цель настоящей статьи – охарактеризовать функционирующую в современных условиях в Республике Беларусь систему управления АЭТ и предложить возможные пути ее совершенствования в первую очередь на районном и местном уровнях. Для этого, на первоначальном этапе, необходимы оптимизация функциональной структуры управления, уточнение функций управляющих органов и конкретизация возлагаемых на них задач.

В современных условиях управление АЭТ является одним из направлений деятельности имеющихся и функционирующих органов управления туризмом и построено на основе системы органов государственной власти и органов местного самоуправления.

В сложившейся в Республике Беларусь системе управления туризмом (а значит и АЭТ) можно выделить три основных уровня менеджмента: национальный, областной и районный, где органы управления (субъекты управления нижестоящих уровней) являются объектом (объектами) управления вышестоящих уровней (рисунок 1).

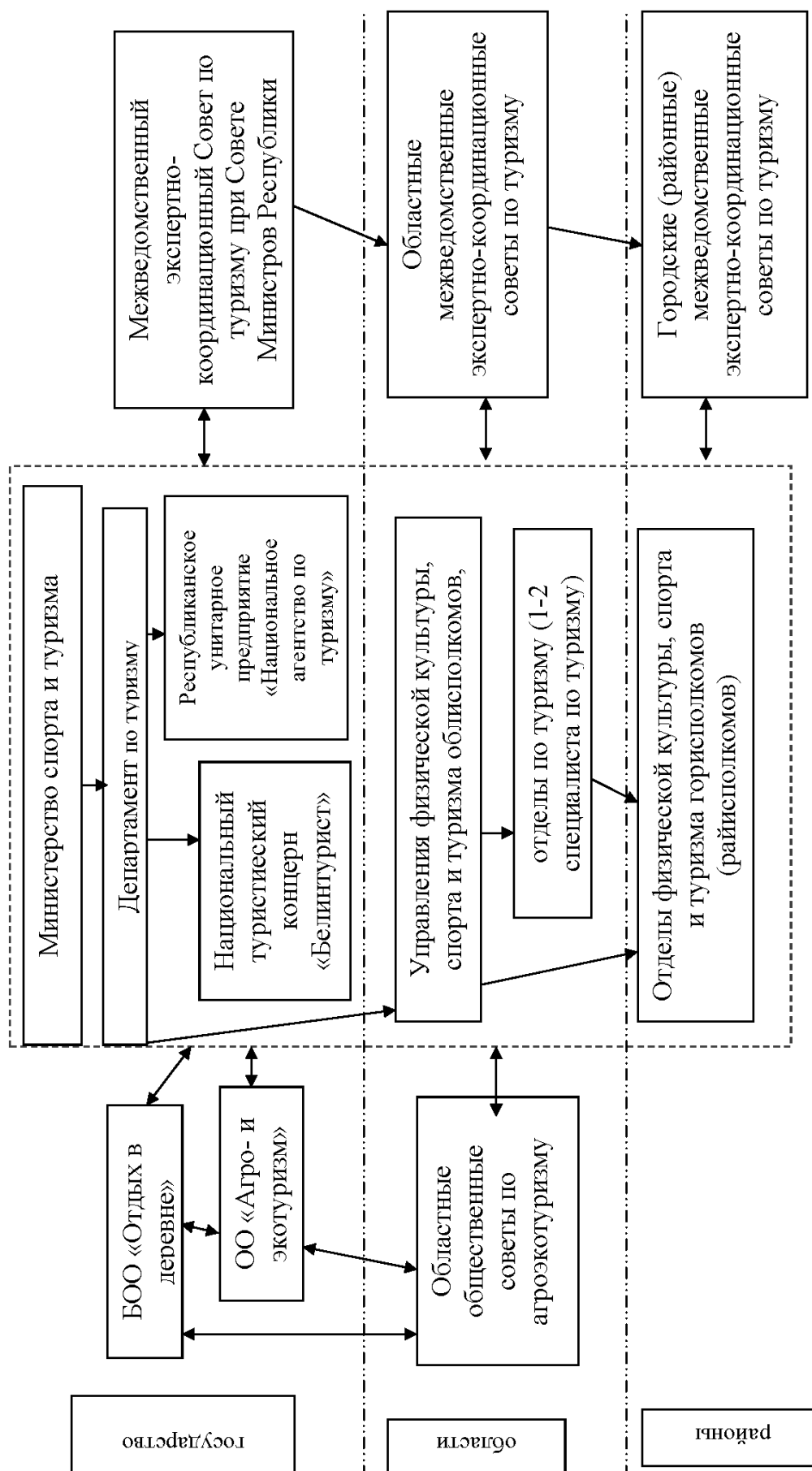

Рисунок 1 – Система управления АЭТ в Республике Беларусь
(источник: собственная разработка)

В нашем государстве на высшем уровне управления особое внимание уделяется развитию нормативной базы АЭТ (Указы Президента № 372 «О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь» и № 185 «О некоторых вопросах осуществления деятельности в сфере агроэкотуризма»), которая признается зарубежными специалистами как лучшая в Европе.

Государственную туристическую политику проводит Министерство спорта и туризма, находящееся в подчинении Совета Министров Республики Беларусь и осуществляющее управление туристической деятельностью на национальном уровне путем разработки нормативно-правовых актов, лицензирования, содействия в продвижении туристического продукта на внутреннем и внешнем рынке, защиты прав и интересов потребителей, налогового и таможенного регулирования, проведения научных исследований и др.

В контексте государственного управления туризм и АЭТ имеют специфические особенности, выражающиеся в том, что в реализации туристической политики принимает участие около 20 министерств и ведомств (экономики, финансов, культуры, иностранных дел и т. д.), что затрудняет быстрое и эффективное принятие управленческих решений в области туризма. В целях совершенствования взаимодействия государственных органов, общественных объединений, участников туристической деятельности и субъектов туристической индустрии по вопросам создания благоприятных условий для устойчивого развития туризма в Республике Беларусь, повышения его экономической эффективности, формирования конкурентной среды в 2002 г. при Совете Министров Республики Беларусь создан Межведомственный Экспертно-координационный совет по туризму. Аналогичные структуры созданы в областях и районах страны.

При всех положительных моментах функционирования этих структур необходимо отметить, что их работа на сегодняшний день мало затрагивает сферу АЭТ. Советы не ориентированы на совместную работу с негосударственными организациями (об этом свидетельствует тот факт, что в состав Гродненского координационного совета входят специалисты-управленцы государственных структур, и нет ни одного представителя частного бизнеса, заинтересованного в развитии АЭТ).

На уровне областей управление туризмом и АЭТ в нашей стране осуществляют управления физической культуры, спорта и туризма областных исполнительных комитетов, представленные отделами или секторами туризма (2–3 работника). В районах – районные и городские отделы физической культуры, спорта и туризма (в штатном расписании лишь некоторых из них имеются ставки специалистов по туризму).

Областные и районные управляющие структуры не в полной мере обеспечивают решение проблем развития АЭТ, поскольку еще до недавнего времени они были ориентированы в основном на развитие спорта и физической культуры и в меньшей степени – туризма в целом и АЭТ, в частности. Основная причина такого отношения нам видится в неподготовленности специалистов, а также в «боязни» и нежелании начинать нечто новое и брать на себя за это ответственность. По мнению О. Мозговой (2006), сегодня функции реализации политики экотуризма в районах, прежде всего, возложены на областные управления, что далеко не в полной мере позволяет стимулировать его развитие [3]. Такой же вывод можно сделать и относительно АЭТ, когда спускаемые сверху указания, как правило, не учитывают особенности местности, желания и возможности местных жителей и т. д. При этом во всем мире складывается тенденция, когда управление туризмом в целом и АЭТ в частности, становится одной из главных функций администрации района (которая и выступает органом управления всеми видами туризма данного уровня). Усиливается дифференциация агротуристической политики на районном и местном уровнях, децентрализация управления и регулирования деятельностью [1, 3].

Как видно из рисунка 1, на республиканском уровне успешному становлению и развитию АЭТ содействуют не только государственные, но и негосударственные организации и учреждения, в том числе некоммерческие (общественные) и коммерческие, основная роль которых заключается в поддержке хозяев сельских усадеб, создании положительного имиджа страны на мировом рынке и т. п. Среди подобного рода организаций можно выделить:

- Белорусское общественное объединение «Отдых в деревне»;
- ОО «Агро- и экотуризм»;
- Областные общественные советы по развитию АЭТ;
- Белорусский Союз фермеров и др.

Однако функциональный союз между этими организациями и государственными структурами управления недостаточный, приводящий к отсутствию как таковой системы управления АЭТ.

Таким образом, складывающаяся в настоящее время в республике система управления АЭТ пока еще находится на неудовлетворительном организационном уровне. Формирование эффективной системы управления требует тонкого подхода на всех уровнях управления и является одной из важных задач органов государственной власти, органов самоуправления, негосударственных организаций. Детальная проработка структуры органов управления, конкретизации их задач на уровне областей и районов позволит более результативно решать вопросы развития всего белорусского АЭТ и продвижения его на мировой туристический рынок.

Учитывая мировой опыт управления в сельском туризме, мы предлагаем рассматривать в качестве приоритетных следующие важнейшие направления деятельности в сфере АЭТ для государственного и негосударственного секторов:

- государственный сектор должен отвечать за формирование политики и нормативно-правовой базы, развитие инфраструктуры, туристические информационные услуги и в некоторой степени – за разработку турпродуктов (создание базы для их разработки) и образование;
- негосударственные организации должны возглавлять маркетинг, стратегическое руководство, разработку турпродуктов (практическую), а также консультировать государственные структуры по вопросам формирования политики АЭТ.

Руководствуясь территориально-административным разделением, мы предлагаем выделить в системе управления АЭТ иерархические уровни: национальный, областной, районный и локальный (местный). В соответствии с выделенными уровнями могут быть определены соответствующие задачи:

- на национальном уровне – разрабатывается национальная политика АЭТ, соответствующая общим задачам устойчивого развития, создаются механизмы ее реализации, соответствующая законодательная база;
- на областном уровне – оцениваются имеющиеся ресурсы сельской местности, разрабатывается концепция долгосрочного развития АЭТ в области, определяются программные мероприятия на конкретный период времени.
- на районном уровне – согласовывается районная местная политика в сфере АЭТ, гарантирующая охрану природы, культурного наследия и рациональное природопользование.
- на локальном уровне – управление направлено на обеспечение эффективного функционирования конкретных объектов (группы объектов) и контроль качества предоставляемых АЭТ услуг.

В целях совершенствования системы управления АЭТ в Беларуси для областного, районного уровней предлагаем провести ряд преобразований.

На национальном уровне в департаменте по туризму за определенным специалистом закрепить кураторство вопросов развития АЭТ, поскольку этот новый, развивающийся вид туризма нуждается в постоянной поддержке со стороны государства. Концентрация всей информации у одного специалиста позволит объективно отслеживать возникающие малейшие изменения в динамике развития АЭТ, собирать данные о проблемах его развития и оперативно решать их, а также формировать комплексное представление о необходимых мерах его стимулирования.

В структуре *областного управления* физической культуры спорта и туризма рекомендуем ввести специалиста, курирующего исключительно вопросы АЭТ. Наличие такого ответственного лица позволит концентрировать деятельность на сотрудничестве с негосударственными организациями, ближе контактировать с хозяевами усадеб, координировать деятельность всех заинтересованных государственных и негосударственных структур (районных отделов, хозяев усадеб, общественных советов, филиалов Белагропромбанка и т. д.).

Развитие АЭТ в областях в первую очередь зависит от способности государственных структур решать организационно-экономические задачи, основные из которых представлены на рисунке 2.

Основные организационно-экономические задачи органов гос. управления в развитии АЭТ в областях	
Экономический блок	Организационный блок
1 Оценка экономической целесообразности программно-целевых мероприятий. 2 Оценка ресурсов и затрат на поддержку рыночной инфраструктуры туристического комплекса. 3 Реализация финансовых механизмов поддержки агроэкотуристического бизнеса. 4 Стимулирование конкуренции и благоприятных условий для агроэкотуристического бизнеса. 5 Эффективное использование субъектами АЭТ туристического потенциала области.	1 Нормативное регулирование АЭТ на уровне области (совершенствование административных процедур; процессов коммуникации субъектов хозяйствования). 2 Программно-целевое развитие АЭТ. 3 Определение форм поддержки рыночной инфраструктуры всего туристического комплекса. 4 Анализ факторов роста сферы услуг агроэкотуризма в области. 5 Определение методов мониторинга и контроля развития АЭТ в области. 6 Интеграция и позиционирование ресурсов АЭТ области.

Рисунок 2 – Систематизация организационно-экономических задач в управлении АЭТ

Большое значение для функционирования агроэкотуризма имеют составленные во всех областях республики программы его развития на 2009-2010 годы. При этом возникает необходимость разработки областных концепций развития АЭТ на более длительное время, в которых, на основании изучения и анализа имеющихся местных ресурсов (туристических и агроэкотуристических), должны быть четко определены основные модели и указаны направления развития АЭТ, указаны перспективные для этой деятельности районы и микрорайоны.

Основной целью такого нормативного регулирования является создание социально-экономических и организационно-правовых условий для планомерного формирования современного высокоэффективного и конкурентоспособного агроэкотуристического рекреационного комплекса областей в условиях рыночной экономики. Успешный опыт разработки Концепции развития АЭТ имеют Брестская и Гродненская области.

Важной задачей управления АЭТ на областном уровне является создание и постоянное уточнение реестра сельских усадеб (с подробным описанием оказываемых ими услуг, условий пребывания, цены и т. д.), а также перечня туристических ресурсов сельской местности каждого района области.

Комплексный всесторонний подход к решаемым задачам может обеспечить деятельность областных межведомственных экспертно-координационных советов по туризму. Задача расширения и активизации их работы в сфере АЭТ решается путем создания отдела, занимающегося вопросами АЭТ, или эта функция может возлагаться на отдельных специалистов, которые будут тесно сотрудничать не только с управлениями физической культуры, спорта и туризма, но и с представителями негосударственных структур. Для этого в состав членов областных координационных советов по туризму необходимо включать руководителей (представителей) этих организаций, хозяев усадеб, лидеров областных общественных объединений, ученых и т. п. Реализация этого положения на практике должна способствовать концентрации внимания широкого круга специалистов на вопросах развития АЭТ в областях.

Анализируя опыт сельского туризма в других странах, необходимо отметить, что наиболее активную роль в его развитии играют союзы или общества по туризму на уровне районов и микрорайонов, а также межрегиональные партнерства [4, 5]. Эти структуры совместно с государственными органами осуществляют управление и контроль на региональном уровне, занимаются планированием и содействием развития АЭТ.

Негосударственным саморегулируемым организациям в Республике Беларусь необходимо отводить особое место в управлении туризмом на районном и на областном уровнях. Такими организациями могут быть различные ассоциации, фонды, бизнес-центры и другие подобные им организации, которые, на наш взгляд, должны принимать активное участие в разработке областных и районных программ развития АЭТ. Среди задач, решаемых такими организациями, также можно выделить: консультирование населения по различным аспектам предпринимательской деятельности в сфере АЭТ; оказание помощи в составлении бизнес-планов; обучение населения; содействие в продвижении инвестиционных проектов; контроль возврата заемных средств и их целевого использования и ряд других специфических задач.

Как показывает мировая практика АЭТ, важную роль в управлении его развитием следует отводить *районам*, поскольку именно на их подведомственной территории находятся объекты туристического интереса, а местное население оказывает большинство туристических услуг. Для ускоренного развития белорусского АЭТ в системе управления необходимо руководствоваться принципом децентрализации (передачи функции управления на районный и местный (локальный) уровни), создавать стимулирующие условия и совершенствовать механизмы регулирования развитием АЭТ в каждом отдельном районе с целью максимального использования его туристического и агротуристического потенциала.

Увеличение значимости районного и местного (локального) уровней во всей системе управления АЭТ, расширение их функций приведет к осознанию местными жителями своей значимости в принятии решений, касающихся развития этого вида туризма в конкретной местности.

Мы разделяем мнение Бакановой А. А. (2005 г.) в том, что в зависимости от роли, которую играет туризм в социально-экономической жизни конкретного района, непосредственно заниматься вопросами эффективного функционирования всех видов туризма могут профильные отделы или отдельные специалисты [1]. Поэтому органы управления АЭТ районного уровня должны решать следующие основные задачи:

- оценивать возможности по развитию АЭТ на подведомственной территории (сбор, анализ и организация информации о субъектах и объектах АЭТ деятельности), создание реестра туристических ресурсов;
- разрабатывать программные мероприятия, направленные на развитие АЭТ на территории района, развитие местной инфраструктуры;
- проведение политики привлечения местных жителей к деятельности в сфере АЭТ, в том числе путем формирования у них позитивного отношения к АЭТ и туристам, обучения населения работе в этой сфере;
- содействовать хозяевам усадеб в разработке агроэкотуристического турпродукта, отвечающего специфике дестинации, и его продвижение, в том числе путем организации и проведения событийных мероприятий (фестивалей, праздников и т. п.);
- совершенствовать процессы коммуникации субъектов хозяйствования, взаимодействие с организациями бизнес-сообщества и т. д.;

Разработка на районном уровне программных мероприятий как главного инструмента управления должна быть направлена на увеличение эффективности межотраслевого сотрудничества в сфере развития АЭТ. Таких программ в Республике Беларусь пока нет. Примером научно-обоснованной программы развития сельского туризма может являться Целевая программа «Развития сельского туризма на территории муниципального образования «Лодейнопольский район Ленинградской области» на 2002-2003 гг. (Российская Федерация). В ней четко определены цель и задачи. Целью программы заявлено создание развитой и устойчивой инфраструктуры сельского туризма на территории муниципального образования, и как итог рост благосостояния сельских жителей за счет обеспечения их занятости и увеличения

доходов путем предоставления разнообразных услуг и реализации сельскохозяйственной продукции, потребителями которых будут туристы [1].

Управление АЭТ на локальном (местном) уровне как наиболее приближенном к объектам туристического интереса и к туристам должно обеспечивать эффективное функционирование конкретных объектов (или группы объектов). Одним из вариантов успешного выполнения этой задачи является создание агроэкотуристических кластеров¹.

По данным нашего исследования, большинство сельских усадеб Гродненской области для организации дополнительного сервиса используют только свои возможности и не привлекают партнеров со стороны. А вместе с тем такие возможности имеются. Примером в Гродненском районе может служить территория Августовского канала. Хозяева сельских усадеб в близлежащих населенных пунктах имеют возможность привлекать к сотрудничеству различные государственные и коммерческие организации, а также частных предпринимателей с целью разнообразия оказываемых туристических услуг, повышения их качества. Сотрудничество сельских усадеб с различными по сфере деятельности субъектами хозяйствования (ремесленные мастерские, аквапарк, конно-спортивные школы и т. п.) обеспечивает привлекательность мест туристического посещения, дает возможность хозяевам сельских усадеб реализовать как сезонное, так и постоянное предложение туристических услуг с большей эффективностью.

Создание агроэкотуристических кластеров на территории одной или нескольких деревень с привлечением широкого спектра участников позволит расширить перечень предоставляемых дополнительных туристических услуг, повысить качество отдыха в деревне, увеличить число туристов в холодный период года и т. д. Подобная сервисная интеграция будет стимулировать спрос на АЭТ, развитие сотрудничества с туроператорами, способствовать росту доходов хозяев сельских усадеб и привлекательности местного туризма для населения других районов, областей и, возможно, государств. Формирование турпродукта участниками агроэкотуристического кластера схематично представлено на рис. 3.

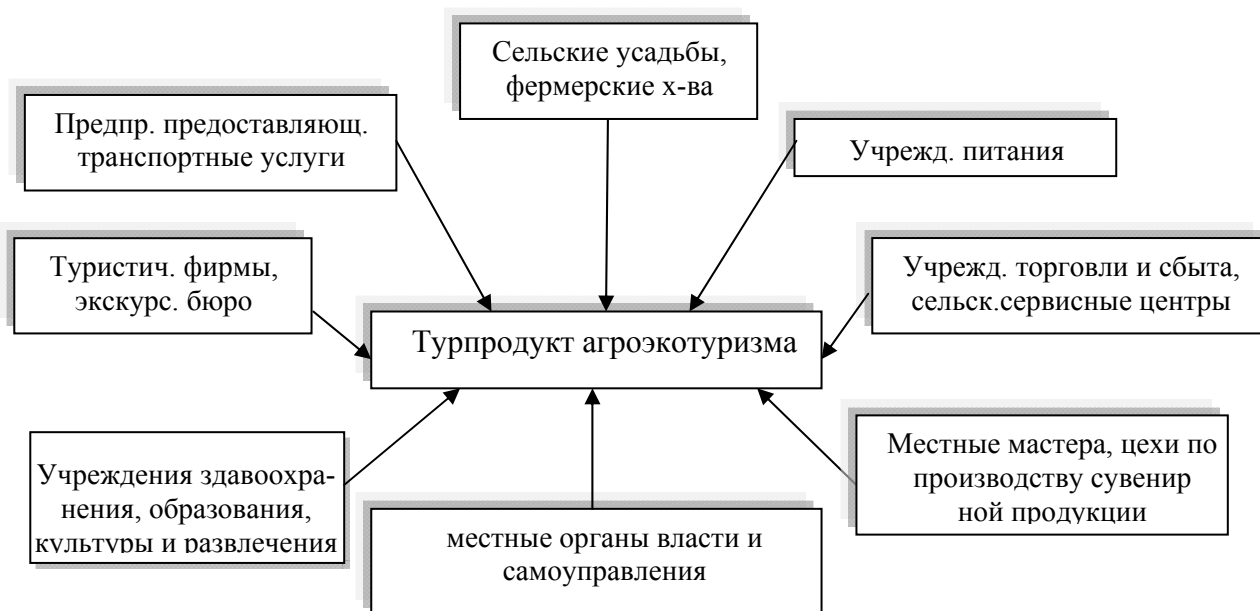

Рисунок 3 – Формирование турпродукта участниками агроэкотуристического кластера

Такая организация АЭТ деятельности на локальной территории требует четкого регулирования. Управление на этом уровне может осуществляться как самим собственником сельской усадьбы, так и советом кластера или другими аналогичными органами, создаваемыми хозяйствующими субъектами в рамках действующего законодательства Республики Беларусь.

¹ Агроэкотуристический кластер представляет собой группу географически локализованных и взаимосвязанных субъектов сельского туризма и других различных организаций, взаимодействующих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества данной территории и кластера в целом [6].

Для развития АЭТ на локальном уровне должны решаться следующие задачи:

- открытость деятельности субъектов АЭТ;
- консолидация действий всех заинтересованных сторон в организации новых агроусадоб, расширении пакета туруслуг уже работающих субъектов хозяйствования, разработке специализированных агроэкотуристических маршрутов, а также позиционировании на рынке конкурентоспособного турпродукта данной территории и т. д.;
- стимулирование повышения уровня культуры гостеприимства;
- проектные инициативы;
- создание самостоятельных организаций бизнес-сообщества с целью повышения уровня доверия друг к другу, а также со стороны субъектов других уровней управления.

Примером успешно развивающегося агроэкотуристического кластера в рамках одного населенного пункта можно назвать кластер сельского туризма в деревне Комарово (Мядельский район, Минской области), который был создан членами общественного объединения "Женщины за возрождение Нарочанского края" совместно с жителями деревни Комарово. В рамках кластера сельские усадьбы совместно с действующими пекарней, кафе, сувенирной лавкой и другими инфраструктурными объектами села, органично дополняя друг друга, представляют собой целостную структуру по оказанию туристических услуг. Координация и управление этой деятельностью осуществляется при участии центра Поддержки сельского предпринимательства.

Такой положительный опыт может быть рекомендован для внедрения на других территориях с обязательной поправкой на местные специфические туристические и агроэкотуристические ресурсы.

Таким образом, для обеспечения динамичного развития АЭТ в Республике Беларусь необходимо формирование эффективной системы управления, основанной на сотрудничестве государственных и общественных структур. При этом одним из требований эффективности управления АЭТ является отказ от жесткой централизации принимаемых решений и предоставление возможности принятия управленческих решений на местных уровнях. В то же время создание многоуровневой системы управления АЭТ с четким разграничением полномочий между органами управления функций и решаемых задач будет способствовать повышению эффективности управления, обеспечению устойчивого функционирования и развития АЭТ.

Литература

1. Баканова, А. А. Формирование и реализация системы развития сельского туризма в регионе: автореф. дис. ...канд. экон. наук: 08.00.05 А. А. Баканова. – Санкт-Петербург, 2005. – 24 с.
2. Каленик, Д. В., Программы управления туризмом в Республике Беларусь / Д. В. Каленик // Проблемы управления: научно-практ. Журнал. – 2008. – № 4 (29). – С 207-211
3. Мозговая, О. Современные мотивации развития экологического туризма и механизмы его регулирования / О. Мозговая // Журнал международного права и международных отношений. – Минск. – 2006. – № 4. – С. 96-100.
4. Клицунова, В. Сельский туризм Беларуси: Истоки и перспективы / В. Клицунова // Беларусь в мире. Политика, экономика, безопасность. – 2004. – № 3. – С. 35
5. Гайдукевич Л. М. Международный опыт и перспективы развития сельского туризма в Беларуси / Л. М. Гайдукевич // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2007. – № 4. – С. 86-89.
6. Еременко, А. Ю. Формирование кластерной модели развития субъектов хозяйствования сельского туризма в Украине / А. Ю. Еременко / Київський національний торговельно-економічний університет / електронний ресурс http://www.rusnauka.com/NTSB_2006/Economics/6_jeremenko.doc.htm - дата доступа - июнь 2008 г.

УДК 330.3.012.43:620.9(510)

Энергетическая модель экономического развития Китая: китайско-российский вектор сотрудничества

ЧЭНЬ ЦЯН

В рамках концепции догоняющего развития Китая рассматривается модель энергетического развития страны. Анализируется сотрудничество Китая и России в области энергетики, китайско-российские газовые проекты.

Ключевые слова: экономическое развитие, энергетика, энергоресурсы, конкуренция, углеводородный экспорт, нефте- и газопроводы, атомная энергетика, Китай, Россия.

Within the concept of catch-up development in China a model of energy development is considered. The cooperation in energy between China and Russia, Chinese-Russian gas projects are analyzed in the article.

Keywords: economic development, energetics, energy supply, competition, hydrocarbon export, oil and gas pipelines, nuclear power, China, Russia.

Введение

Реализация концепции догоняющего развития предполагает ускоренное развитие всех отраслей экономики страны, которое без соответствующих материальных и финансовых ресурсов невозможно. Сегодня экономика Китая одна из крупнейших в мире. Китай обеспечивает 15% мирового роста ВВП и привлекает самый большой объем иностранных инвестиций. Годовой торговый оборот в Китае составляет более двух трлн. долларов США. Но китайская экономика не только одна из крупнейших, но и одна из наиболее энергоёмких в мире. Расход энергетических ресурсов на один доллар ВВП в Китае в 4,3 раза больше, чем в США, в 7,7 раза – чем в Германии и Франции, в 11,5 раза – чем в Японии [5, с. 95–96]. Инвестиционный бум стал одной стороной жизни, другой стороной на его фоне становится недостаток энергии, энергоносителей, сырья, технологий. Бурный рост экономики усугубляет энергетическую зависимость Китая.

Цель статьи – показать, что собой представляет стратегия энергетического развития Китая и как на практике она реализуется сквозь призму китайско-российского сотрудничества в этой области.

Китайско-российское сотрудничество в области энергетики

Поставки углеводородов становятся главным направлением китайско-российского экономического сотрудничества. Благодаря этим энергетическим проектам Россия сможет развить экономику своих регионов – Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В 2010 году спрос на нефть в Китае вырос на 10% – до 370 млн. т. Около половины этого объема импортировано. К 2020 году импорт нефти в Китай достигнет 450 млн. т., по этому показателю он обгонит все другие страны мира. Более того, в 2011–2012 гг. страна превратится в нетто-импортёра газа. Сегодня Китай закупает энергоресурсы в основном в странах Персидского залива. Маршрут доставки нефти из этого региона достаточно длинный и включает несколько проливов, контролируемых другими государствами. Кроме того, за исключением Ирана, Персидский залив контролируется США – стратегическим конкурентом Китая. Поэтому китайским компаниям трудно получить здесь права на добычу. Выход из данной ситуации может быть найден за счёт Восточной Сибири, которая территориально намного ближе, чем арабские государства. Кроме того, в России сохраняется политическая стабильность. Эти обстоятельства делают Россию стратегически важным поставщиком углеводородов, который в будущем поможет диверсифицировать структуру поставок.

Для России китайское направление также имеет большое значение. Сейчас углеводородный экспорт идёт в основном в западном направлении. ЕС потребляет более 85% российских нефти и газа. При этом европейское направление не самое привлекательное – потребление энергоносителей растёт медленно, жёсткая конкуренция, цены ниже, чем в Восточной Азии. К этому следует добавить усиление давления на российских поставщиков со стороны консолидирующихся европейских потребителей и транзитных держав. На Дальнем Востоке ситуация прямо противоположная. Важно и то, что российские Восточно-Сибирский и Дальневосточный регионы сейчас – одни из самых слабо развитых в РФ. Суровый климат этих территорий приводит к быстрому оттоку населения в европейскую часть России. Экономические связи этих регионов с другими частями страны заметно ослабли. Чтобы сохранить российский суверенитет на востоке страны, улучшить ситуацию в этой части государства, чрезвычайно важно стимулировать экономический рост в регионе и создавать инфраструктуру, которая связывает восток и запад России. Не случайно поэтому освоение Восточной Сибири было обозначено как первый российский национальный проект. Основной его составляющей должно стать развитие добычи углеводородов (рисунок). При общих благоприятных условиях сотрудничества России и Китая в энергетической сфере эти две страны до сих пор не связаны трубопроводами. Проблема заключается в том, что политики целого ряда промышленно развитых стран опасаются усиления экономического влияния Китая в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

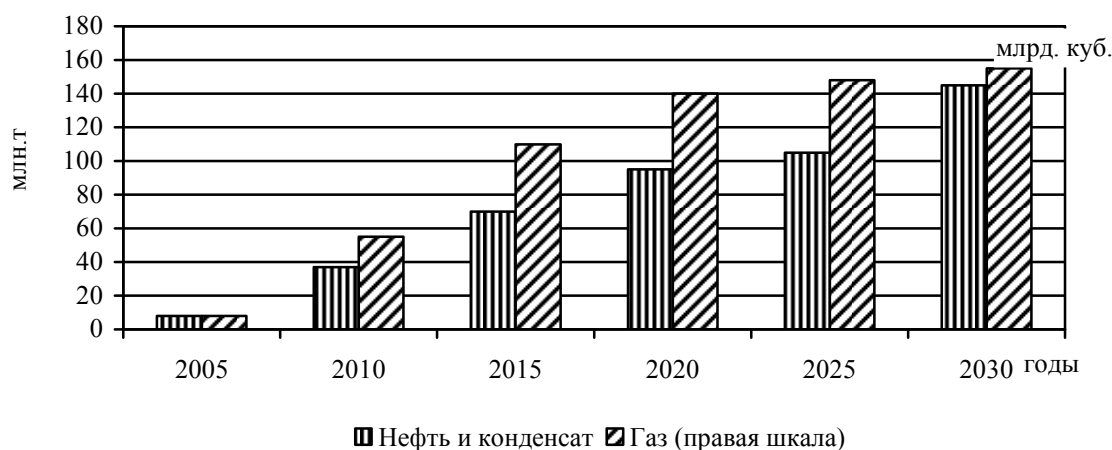

Рисунок – Добыча углеводородов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

Источник: ИГНГ СО РАН, «Эксперт»

Китай не заинтересован в приобретении российской продукции первой стадии нефтяного и газового передела (бензин, продукты газопереработки) с более высокой добавленной стоимостью и сложных химических продуктов (производство ПВХ, полимеров, аммиака). Китай заинтересован в поставке Россией сырья. По словам высокопоставленного чиновника Минэкономразвития России, чтобы продать несырьевой товар в Китай, нужно сделать этот товар дешевле, чем в Китае, что маловероятно. Остаются совместные проекты – китайские инвестиции, российские технологии [1, с. 6].

Российско-китайские газовые проекты

Инициатором проекта экспорта газа в Китай была Россия. Во-первых, это обеспечивало «Газпрому» выход на восточные рынки. Во-вторых, Китай помог бы решить проблему экспорта газа с восточно-сибирских месторождений. Локальные потребности этого региона значительно меньше планируемой добычи, а ввиду сложности транспортировки покупателем излишков может быть только КНР. Однако до последнего времени руководство страны не стремилось развивать газовую энергетику, делая ставку на импорт газа в сжиженном виде.

Одной из проблем, связанных с поставкой газа в Китай по трубопроводу, является проблема цены. Сначала китайская сторона была заинтересована в очень дешёвом газе, на переговорах с «Газпромом» она настаивала на формуле, увязывающей цену газа и угля, занимающих ведущее место в структуре энергопотребления в Китае. Представители Китая предлагали стоимость газа на границе только 70–80 долларов США, что близко к себестоимости его добычи и транспортировке. Однако рост цен на нефть и газ в мире изменили ситуацию, и китайская сторона высказала готовность покупать углеводороды по более высоким ценам. Была достигнута договоренность между «Газпромом» и CNPC о привязке цены на газ не к стоимости угля, а к цене на нефтепродукты. Стороны заявили о договоренностях, согласно которым поставки российского газа в Китай должны начаться в 2011 году, а их объём планируется довести до 60–80 млрд. кубометров в год (поставки в западную Европу составляют 120 млрд. кубометров в год). Было заявлено, что в Китай пойдёт ещё один трубопровод «Алтай» протяженностью 3 тыс. км: от Западной Сибири до восточных районов Китая (первый газопровод с территории Дальнего Востока или Восточной Сибири). Мощность каждой из двух труб должна составить 30–40 млрд. кубометров. Стоимость двух трубопроводных проектов оценивается в 10 млрд. долл. Казахстан также начал прорабатывать возможности строительства газопроводов в Китай [2, с. 15].

Государственные компании «Роснефть» и CNPC планируют создание двух совместных предприятий: зарегистрированное в Китае займётся переработкой и розничной продажей нефти и бензина, а российское – приобретением лицензий на месторождения и добычей углеводородов. Таким образом, Россия получит необходимые для развития добычи инвестиции и выход на конечного потребителя, что экономически выгодно [3, с. 27–32].

Потребности в энергооборудовании Китай в большей мере покрывает за счёт собственного производства. Более того, Китай уже начинает отбирать заказы у российских энергомашиностроителей на традиционных рынках, в частности, Вьетнама и Индии. Российские экспортеры рассматривают Китай не только как потенциального заказчика, но и как поставщика готовых изделий и комплектующих к тому энергооборудованию, которое Россия устанавливает по международным контрактам, в качестве подрядчиков третьих стран. Освоив собственное производство оборудования энергомашиностроения, по российской инженерной документации, китайцы начали продавать в страны, где имели более-менее серьезное политическое влияние. Так, в Пакистане, куда Китай традиционно поставлял много оружия, в нагрузку навязывалось и энергетическое оборудование. В середине 90-х годов XX столетия Пакистан отдал Китаю несколько контрактов, которые российские промышленники считали своими. Китайские компании начинают осваивать технологии нового поколения, они договорились с General Electric (GE) о поставке десяти газовых турбин для парогазовых установок. Китай выдвинул условие, что GE поставит две турбины, полностью изготовленные на оригинальных заводах, а остальные восемь будут собраны в Китае. Для российских машиностроителей остаётся относительно небольшой рынок модернизации ранее установленного оборудования. Самым крупным российским проектом остается АЭС «Тянь Вань». «Атомстройэкспорт» заканчивает проект двух энергоблоков по 1000 МВт. Россия получит заказ на строительство дополнительно двух энергоблоков на этой площадке. Несмотря на международную конкуренцию со стороны Канады и Франции, которые возводят ещё три реактора, и стремление китайских специалистов, научившихся делать реакторы по 600 МВт, российские технологии сохраняют серьёзные конкурентные преимущества [4, с. 2].

Китай заинтересован в источниках сырья для своего роста и новых рынках сбыта. Африканские страны смотрят на КНР как на источник инвестиций и технологий. Для многих африканских стран Китай – это уже не развивающаяся, а развитая страна. Китай уже стал важнейшим покупателем природных ресурсов в африканских странах. В 2006 году Ангола обошла Саудовскую Аравию по объёмам поставки нефти в КНР. В целом страны Африки экспортируют в Китай 760 тыс. баррелей нефти в сутки – 30% всего экспорта нефтепродуктов с континента. Китай быстро наращивает поставки промышленной продукции на рынки африканских стран, причём это не только массовые товары, но и сложная техника, например

турбины для электростанций. Китайские компании также активно вкладывают инвестиции в африканские страны. Накопленный объём инвестиций в 2006 году составил 6,3 млрд. долларов США, причём это не только государственные нефтяные компании, пытающиеся обеспечить доступ к новым месторождениям, но и небольшие частные фирмы, производители товаров широкого потребления [6, с. 63].

Влияние Китая растёт и благодаря формированию торгово-экономических связей со многими странами мира. Показательно, что доля соседней Японии в общем объёме внешней торговли падает по сравнению с предыдущими годами, а доля Ближнего Востока, Африки и России быстро растёт. Эти регионы выигрывают благодаря тому, что богаты сырьём, в частности, нефтью и газом. Импорт энергоресурсов в Китай за первые полгода 2010 года вырос на 55% и достиг 36 млрд. долларов США. «Необходимость обеспечить поставки энергетического и прочего сырья – вот движущая сила, которая направляет участие Китая в глобализации, идёт ли речь о правительстве или о бизнесе», – сказал директор Шанхайской консалтинговой компании APM Consulting, Дж. Ву [6, с. 28].

Китайские компании выходят на международный уровень, приобретая иностранные предприятия и бренды. Такие сделки иногда вызывают проблемы политического характера. Покупка китайской CNPC казахстанской PetroKazakhstan была крайне критично воспринята на Западе. А попытка китайской нефтегазовой госкомпании CNOOC приобрести американскую UNOCAL и вовсе была заблокирована американским конгрессом [6, с. 28].

Многие эксперты отмечают, что Китай уже выступает в качестве локомотива не только всей азиатской, но также мировой экономики. В 2020 году Китай планирует в четыре раза увеличить свой ВВП. Быстрый рост китайской экономики с конца 80-х гг. XX века обеспечивается достаточной поставкой различных энергоресурсов, благодаря чему Китай достиг сегодняшнего успеха. С недавнего времени в развитии китайской экономики наблюдается явная тенденция развития химической и тяжелой промышленности, а, следовательно, необходимость широкого использования углеводородных ресурсов. Эти тенденции являются результатом естественной эволюции экономической структуры, поэтому имеют относительную стабильность и перспективность, но это означает, что рост высокотехнологичной промышленности в ближайшие годы не сократится. Если годовой рост экономики Китая будет поддерживаться на уровне 7% в год, то до 2015 года потребность в нефти будет очень высокой. Поэтому устойчивые поставки нефти для обеспечения экономического развития Китая имеют первостепенное значение. Сегодня Китай проводит разведку и осваивает нефть и природный газ в более чем 24 странах и районах мира. Энергетическая и экономическая безопасность Китая зависит от его дипломатических и торговых отношений с другими странами, широкого сотрудничества с различными регионами, реализации проектов транспортных маршрутов поставки энергоресурсов.

Экспорт нефти из России в Китай с учётом поставок из Западно-Сибирской нефтегазового района может составить 60–70 млн. тонн, что не превысит 15% от объёма потребления. Таким образом, удовлетворить в значительной мере потребности в нефти Китая российские компании не в состоянии, однако потерять рынок в случае промедления с развитием транспортной инфраструктуры возможно. Решение вопроса о конкретных маршрутах прохождения трасс трубопроводов можно разделить на две составляющие. С одной стороны, необходимо обоснование переговорной позиции России при взаимодействии с азиатскими партнёрами, с другой – нужна программа практических действий, исходящая из реальных возможностей организации новых систем нефтегазообеспечения.

При обосновании переговорной позиции следует учитывать особенности азиатского менталитета, в том числе при ведении бизнеса. Любая уступка рассматривается в Азии не как движение в направлении решения вопроса, а как плацдарм для требования следующей уступки. Поэтому необходимо однозначно заявить, что при формировании трасс трубопроводов приоритет будет отдан именно российским экономическим и геополитическим интересам.

По мере наращивания объёмов добычи нефти в Восточной Сибири и Республике Саха, уточнения сырьевых возможностей необходимо будет принять окончательное решение о

маршруте строительства нефтепровода от Усть-Кута к российским дальневосточным портам с отводами на Китай.

До окончательного принятия решения о строительстве нефтепровода планируется дальнейшее наращивание объёма поставок нефти в Китай по железной дороге. В 2004 году ОАО «Российские железные дороги» (РЖД) и ОАО «НК „ЛУКОЙЛ”» заключили соглашение о поставках нефти в Китай. По соглашению «ЛУКОЙЛ» в течение 2005 года предоставил для перевозки в китайском направлении 3 млн. т нефти, а РЖД, в свою очередь, обеспечило саму перевозку. В 2006 году объём перевозок нефти по РЖД в Китай составил около 15 млн. т. К 2012 году поставки нефти российских компаний по железной дороге в КНР должны увеличиться до 20 млн. т в год. По информации РЖД в перспективе возможно наращивание этого показателя до 30 млн. т. Сдерживающим фактором наращивания поставок по этому направлению являются железнодорожные тарифы. Однако, по информации РЖД, при возрастающих объёмах транспортировки нефти через Забайкальск предусматривается возможность уменьшения тарифа с 72 долларов США за тонну до 30 долларов США [3, с. 3].

В настоящее время начато строительство нефтепровода Западный Казахстан – Западный Китай. Работы планируется провести в два этапа. На первом этапе будет построен нефтепровод на участке Атасу–Алашанькоу. Объём прокачки нефти по трубопроводу составит 20 млн. т в год с дальнейшим возможным увеличением объёма до 50 млн. т в год. На втором этапе предусмотрено продолжение строительства нефтепровода на участке Кенкияк–Кумколь–Атасу. Протяженность участка Атасу–Алашанькоу составит 938 км. Объём поставок по этому маршруту российской нефти из Западной Сибири в Китай уже на первом этапе может быть доведен до 10 млн. тонн в год с последующим увеличением до 20–25 млн. т. Поставки нефти в Китай с месторождений острова Сахалин, включая шельф, уже к 2012 году могут быть доведены до 8–10 млн. т.

Заключение

На сегодняшний день в КНР доминирует энергорасточительная модель экономического роста. Поэтому основным направлением энергетической стратегии Китая становится энергосбережение. В долгосрочной перспективе страна может нормально развиваться, только используя энергосберегающую модель. Сверхактуальна проблема формирования единой системы газоснабжения на Евразийском континенте. Россия и страны СНГ могут создать экономическую основу, стержень единой системы газоснабжения и Европы, и Азии. Если к этому вопросу подойти грамотно, то это будет фактор интеграции, фактор экономического развития и мира.

Литература

1. Эксперт. – 2006. – № 12. – 27 марта – 2 апр.
2. Нефтегазовая вертикаль. – 2007. – № 5.
3. Эксперт. – 2006. – № 42. – 13–19 нояб.
4. Эксперт. – 2006. – № 12. – 27 марта – 2 апр.
5. Проблемы экономического роста и развития производительных сил в КНР / Отв. ред. И. Н. Наумов / Сост. П. Б. Каменнов. – М. : ИДВ РАН, 2007.
6. Деловой Китай. Т. X–XI. – М. : Российско-китайский центр торгово-экономического сотрудничества, 2006.

УДК 334.7:332.012.3:343.37:338.246.025.2 (476)

Теневой сектор экономики и его минимизация в условиях совершенствования качества государственного регулирования

А. П. БАШЛАКОВА

Рассмотрены концептуально-теоретические подходы к минимизации теневого сектора экономическими мерами государственного регулирования и обоснованы методические основы их реализации применительно к условиям Республики Беларусь на современном этапе.

Ключевые слова: теневой сектор, экономика, государственное регулирование, экономическая система, бизнес, экономическая выгода.

The article reveals the conceptual and theoretical approaches to the shadow sector restriction by state regulation economic measures; it gives proof of methodological bases for their implementation into modern economy of the Republic of Belarus.

Keywords: shadow sector, economy, state regulation, economic system, business, economic profit.

В настоящее время в Республике Беларусь остро стоит вопрос развития предпринимательской инициативы и стимулирования деловой активности, что обусловлено необходимостью повышения эффективности функционирования отечественной экономики с учётом кризисных явлений в мировом хозяйстве. С учётом высокой актуальности данной проблемы были приняты Директива Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» [1], мероприятия по реализации положений Директивы [2] и Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [3].

Основной целью названных документов является последовательная реализация мер по либерализации условий осуществления хозяйственной деятельности, устранению излишнего вмешательства государственных органов в деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, упразднению необоснованных административных барьеров для развития деловой инициативы. Новое значение приобретает диалог власти и бизнеса по выработке решений в сфере развития экономики и стимулированию деловой активности. Основные мероприятия, предусмотренные данными документами, включают в себя 133 направления стимулирования предпринимательской инициативы и либерализации экономики.

В качестве одного из эффектов от ослабления государственного вмешательства в экономику является уменьшение теневого сектора экономики, поскольку сама теневая экономика возникает как реакция на меры государственного регулирования, которые ограничивают свободу субъектов хозяйствования или их финансовые результаты. Поэтому в современных условиях при наличии разветвлённой и многогранной системы государственного регулирования теневой сектор экономики имеет сложную структуру и тесно переплетается с легальным сектором.

По нашему мнению, *теневая экономика* – это часть экономики, возникающая как следствие противоречий в ценностных и мотивационных ориентациях субъектов экономической системы, целью возникновения отношений в которой является извлечение максимальной выгоды из несоблюдения действующей в обществе системы мер регулирования, регламентирования, контроля и учёта экономических отношений и процессов, норм права и морали, установленных властными структурами, социальными институтами и субъектами хозяйствования [4, с. 18].

На современном этапе развития экономики теневой сектор использует развитую финансовую, коммуникационную и сбытовую инфраструктуру, что позволяет обеспечить функционирование не только обособленного теневого оборота капитала, но и сосуществование легального и теневого оборота капиталов на всех его этапах. В проводимом исследова-

нии категория «капитал» используется в широком смысле – как совокупность финансовых, материальных и нематериальных средств, предназначенных для расширенного воспроизводства общественного продукта. Поэтому особенности теневых экономических отношений во многом обусловлены этапами оборота капитала, на которых они локализуются.

На рисунке представлена разработанная автором классификация теневых экономических отношений по этапам оборота капитала.

Этапы оборота капитала	Особенности теневых отношений
1	2
1 Теневое привлечение финансового капитала	цель – привлечение нелегальных источников инвестиций, их частичная легализация
1.1 легализуемое	«отмывание» нелегальных доходов путём фиктивного кредитования инвестиций (увод-возврат через оффшорные и аналогичные зоны, лжестраховые и лжеинвестиционные организации, прочие фонды)
1.2 нелегализуемое	нелегальное кредитование, нелегальные инвестиции с условием участия в прибылях и нерегистрируемое финансирование начального капитала
2 Теневое приобретение факторов производства	цель – приобретение факторов производства, минимизация расходов и их частичная легализация
2.1 материальных ценностей оборотного характера	цель – приобретение материальных ценностей оборотного характера с наименьшими затратами, документирование теневых операций, занижение налогооблагаемых баз
2.1.1 легализуемое	нелегальный импорт и приобретение промежуточной продукции внутреннего теневого производства, документируемой фиктивными поставками с обналичиванием оплаты субъектами лжепредпринимательства
2.1.2 нелегализуемое	нелегальный импорт и приобретение промежуточной продукции внутреннего теневого производства за наличные деньги без документирования операций
2.2 долгосрочно используемых активов производственного назначения	цель – приобретение долгосрочно используемых активов производственного назначения с наименьшими затратами, документирование теневых операций, занижение налогооблагаемых баз
2.2.1 легализуемое	нелегальный импорт и приобретение объектов капитальных вложений производственного назначения внутреннего теневого производства, документируемого фиктивными поставками с обналичиванием оплаты субъектами лжепредпринимательства, а также с последующей документальной передачей в пользование субъектам хозяйствования от имени физических лиц
2.2.2 нелегализуемое	нелегальный импорт и приобретение объектов капитальных вложений производственного назначения внутреннего теневого производства за наличные деньги без документирования операций
2.3 рабочей силы	цель – приобретение рабочей силы с наименьшими затратами, занижение налогооблагаемых баз
2.3.1 легализуемое	регистрируемый приём на работу с легальной выплатой минимальной зарплаты и выплатой остальных доходов нелегально
2.3.2 нелегализуемое	нерегистрируемая занятость с выплатой нелегальной зарплаты (зарплата «в конвертах»); нелегальный принудительный труд

Окончание таблицы.

1	2
3 Теневое производство продукции (работ, услуг)	цель – максимизация прибыли посредством избегания разрешительных и ограничительных процедур и использования нелегальных и легальных факторов производства
3.1 легализуемое	документированный выпуск продукции, произведенной с использованием нелегальных факторов производства с занижением норм расхода легальных факторов производства или с использованием давальческих схем
3.2 нелегализуемое	«подпольное» производство с использованием нелегальных факторов производства или недокументируемое производство с использованием легальных факторов и завышением норм их расхода на легальное производство
4 Теневой сбыт продукции (товаров, работ, услуг)	цель – максимизация прибыли посредством избегания разрешительных и ограничительных процедур и использования нелегальных и легальных источников приобретения и направлений сбыта продукции (товаров, работ, услуг)
4.1 легализуемый	сбыт нелегально импортированных или нелегально произведенных товаров (товаров, работ, услуг), документируемых фиктивными поставками с обналичиванием оплаты субъектами лжепредпринимательства, а также документально оформляемых путём заключения комиссионных и консигнационных сделок с физическими лицами
4.2 нелегализуемый	сбыт нелегально импортированных или нелегально произведенных товаров (товаров, работ, услуг) за наличные деньги без документирования операций, продажа легально приобретённых товаров за наличные деньги без документирования операций с фиктивной отгрузкой субъектам лжепредпринимательства и переводом наличных доходов в безналичную форму
5 Теневое распределение доходов	цель – легализация теневых доходов, максимизация предпринимательского и личного дохода, реинвестирование в легальную и теневую деятельность
5.1 легализуемое	завышение доходов от легального бизнеса, льготируемых либо подпадающих под специальные режимы налогообложения, «отмывание» нелегальных доходов путём многослойного потребительского кредитования и получения фиктивных вознаграждений от страховых, инвестиционных и иных фондов
5.2 нелегализуемое	присвоение капитала организаций путём завышения цен приобретения или занижения цен реализации, с обналичиванием или репатриацией доходов, с использованием субъектов лжепредпринимательства, аффилированных посредников, оффшорных зон
5.3 криминальное	коррупционные доходы, извлекаемые из использования служебного положения в интересах предпринимательских и лжепредпринимательских структур, присвоение имущества с нарушением прав собственности и уголовного законодательства

Источник: собственная разработка автора

Классификационная схема теневых экономических отношений
на различных этапах оборота капитала в современных условиях хозяйствования

Так, начальным этапом оборота капитала в теневом секторе экономики является теневое привлечение финансового капитала с целью расширения источников инвестирования за счёт нелегальных доходов и их легализации. При этом часть финансового капитала легализу-

ется путём «отмывания» нелегальных доходов через фиктивное кредитование и финансирование инвестиций, а часть нелегализуется, то есть инвестиции осуществляются в форме нерегистрируемого финансирования, инвестирования и кредитования нелегальной предпринимательской деятельности.

Вторым этапом оборота капитала в теневом секторе экономики является приобретение факторов производства: материальных ценностей оборотного характера, долгосрочно используемых активов производственного назначения и рабочей силы с целью минимизации расходов и их частичной легализации. Часть приобретаемых факторов производства легализуется посредством документации фиктивных поставок с обналичиванием оплаты субъектами лжепредпринимательства или документальной передачи в пользование субъектам хозяйствования от имени физических лиц, а оставшаяся часть так и остаётся нелегализованной, и, как правило, используется только в нелегализуемой части теневого производства.

Третьим этапом оборота капитала в теневом секторе экономики является теневое производство продукции (работ, услуг) для максимизации прибыли посредством избегания разрешительных и ограничительных процедур и использования нелегальных и легальных факторов производства. Теневое производство частично может быть легализовано, если существует необходимость сбыта продукции субъектам легального сектора, или так и остаётся нелегализованным.

Четвёртым этапом оборота капитала в теневом секторе экономики является теневой сбыт продукции (товаров, работ, услуг) для максимизации прибыли посредством избегания разрешительных и ограничительных процедур и использования нелегальных и легальных источников приобретения и направлений сбыта продукции (товаров, работ, услуг). Данный этап тесно связан с предыдущим этапом, и поэтому легализация и делегализация теневого оборота напрямую зависит от направлений сбыта продукции (товаров, работ, услуг).

Завершающим этапом оборота капитала в теневом секторе экономики является теневое распределение доходов, суть которого заключается в извлечении предпринимательских и личных доходов из теневых экономических отношений. Часть получаемого дохода может быть реинвестирована как в теневую сектор экономики, так и в легальную экономическую деятельность, что позволяет нам говорить об участии теневого капитала в общем кругообороте капитала в экономике. Особенностью данного этапа является наличие специфической сферы распределения доходов, связанной с криминальной деятельностью, основанной на извлечении выгоды из использования служебного положения в интересах предпринимательских и лжепредпринимательских структур (коррупция), а также присвоении имущества с нарушением прав собственности и уголовного законодательства (мошенничество, кражи, грабежи, разбой, рэкет и др.).

Кроме того, что рассмотрение теневой экономики на этапах оборота капитала позволяет учесть особенности и взаимообусловленность его составных частей, такое рассмотрение также позволяет выработать комплексный подход к конструированию системы мер, минимизирующих теневую сектор экономики. Важным аспектом таких мер является создание условий, при которых между субъектами, участвующими в теневых экономических отношениях, возникают противоречия, что повышает вероятность обнаружения теневых экономических операций мерами контроля (таблица).

Повышение вероятности обнаружения теневой деятельности является важной мерой по снижению теневой прибыли. В той области возможны следующие альтернативные меры:

- усиление частоты проводимых проверок и их охвата, что требует повышения государственных издержек и усиливает негативное влияние на деловую активность предпринимателей. Экстремум данной меры – превышение расходов на содержание контрольно-ревизионного аппарата над эффектом его использования;

- сокращение количества административных процедур, ограничений, ставок и количества налогов и сборов, то есть по возможности дерегулирование экономики, что является достаточно эффективной мерой, поскольку сокращает число объектов контроля, увеличивает вероятность обнаружения деятельности, оставшейся в теневом секторе, а также не увеличивает государственных издержек. Однако потенциал применения данной меры достаточно ог-

раничен, поскольку упирается в необходимость государственного регулирования определённых сфер и областей экономической деятельности;

– организационно-экономические мероприятия, способные повысить эффективность контроля без расширения его ресурсной базы. К таким мерам можно отнести составление эффективной выборки объектов контроля с учётом накопленного опыта и анализа действующей ситуации, применение мер не документального, а фактического выборочного контроля и т. п. Ресурс данных мероприятий достаточно ограничен, вместе с тем, до исчерпания данного ресурса организационно-технические мероприятия достаточно эффективны, поскольку не требуют дополнительно ни прямых, ни регулятивных издержек;

– создание институциональных условий, при которых отношения между участниками теневых экономических операций дисгармонизируются и становятся антагонистическими.

Система мер минимизации теневых экономических операций
путём создания контрагентских отношений

Этап оборота капитала	Меры регулирования	Антагонистические мотивы
Теневое привлечение финансового капитала	документальное подтверждение инвестиционных расходов; контроль источников их финансирования; увеличение налоговой нагрузки на все виды операций с оффшорными и иными аналогичными зонами	владелец финансового капитала – сокрытие источников финансирования инвестиций; получатель финансового капитала – легализация источников финансирования инвестиций
Приобретение товароматериальных ценностей	документальное подтверждение затрат при налогообложении	продавец – сокрытие выручки; покупатель – документальное подтверждение затрат
Приобретение долгосрочно используемых активов производственного назначения	документальное подтверждение источников приобретения имущества и затрат	продавец – сокрытие выручки; покупатель – документальное подтверждение затрат
Приобретение труда	накопительный характер отношений на социальные нужды, индивидуализация и ликвидность отчислений; контроль источников расходов	работодатель – сокрытие расходов; работник – легализация доходов
Производство	перераспределение неэффективно используемых активов, зависимость доходов менеджеров от эффективности использования ресурсов	теневое производство – повышение ресурсоёмкости; менеджмент – понижение ресурсоёмкости
Сбыт	зависимость прав потребителя от оформления покупки	продавец – сокрытие выручки; покупатель – легальное оформление сделки
Теневое распределение доходов	документальное подтверждение потребительских расходов; контроль источников их финансирования; увеличение налоговой нагрузки на все виды операций с оффшорными и иными аналогичными зонами; минимизация объектов и жёсткий контроль за особыми режимами налогообложения	источник выплаты доходов – сокрытие дохода; получатель доходов – легализация доходов

Источник: собственная разработка автора

Повышение коррупционных издержек экономических субъектов возможно при условии дестимулирования коррупционных доходов государственных служащих, принимающих соответствующие решения.

Этого возможно добиться следующими способами:

- усиление контроля – экстремум данной меры заключается в превышении затрат на контроль над достигаемым эффектом, причём данный экстремум достигается очень быстро, поскольку требует создания системы дублирующего контроля;

- регламентация административных процедур при минимизации сфер регулирования и создания системы стимулов для субъектов контроля.

Эффективный инструментарий минимизации теневого сектора экономики мерами государственного регулирования определяется в зависимости от конкретного состояния экономической системы и обуславливается следующими основными факторами:

- разницей в ценах между различными рынками;
- характером и уровнем государственного регулирования экономики, включая фискальную, финансовую и денежно-кредитную политику;
- параметрами системы государственного контроля и управления;
- морально-этическими и психологическими факторами.

Обобщённые результаты анализа инструментария мер государственного регулирования, направленного на минимизацию теневого сектора экономики, позволяют предложить следующий комплекс экономических мер в зависимости от сфер применения:

1 Минимизация разницы в ценах между легальным и теневым секторами [5]:

- либерализация ценообразования. В Республике Беларусь в 2011 году после принятия вышеуказанной Директивы Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 снято большинство ограничительных мер по регулированию цен и ценообразования, что позволяет сделать прогноз о снижении объёма теневых экономических операций, обусловленных стремлением субъектов хозяйствования обойти ограничения, касающиеся торговых наценок и рентабельности производства и импорта продукции;

- снижение косвенных налогов. В Республике Беларусь с 2009 по 2011 год были отменены все косвенные налоги, кроме НДС и акциза, что соответствует опыту стран с развитой рыночной экономикой, и позволяет рассчитывать на легализацию существенной части теневого сектора, особенно в сфере розничной торговли (упразднение налога с продаж), сфере услуг (упразднение налога на услуги), а также сфере производства (упразднение оборотных налогов). Вместе с тем, базовая ставка НДС в Республике Беларусь остаётся достаточно высокой по сравнению со странами – участниками Таможенного союза (Россией, где базовая ставка НДС составляет 18%, и Казахстаном – 12%).

2 Разница в издержках производства между легальным и теневым секторами:

- снятие барьеров на импорт;
- усиление таможенного контроля;
- линейные и регрессионные ставки подоходного налога и социальных отчислений; легализация налогов и отчислений;
- индивидуализация, капитализация и ликвидность социальных отчислений;
- минимизация административных процедур в области движения рабочей силы;
- приватизация государственной собственности;
- демополизация рынка ресурсов;
- отмена разрешительных процедур.

В частности, Директивой Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 предусмотрено ускорение приватизации государственной собственности, демополизация рынка ресурсов и государственных закупок, а также отмена ряда административных процедур разрешительного характера, включая дальнейшее сокращение списка лицензируемых и сертифицируемых видов деятельности.

3 Сокращение количественных параметров спроса на теневой продукт:

- антиреклама;
- организационные и технические барьеры.

4 Повышение эффективности государственного контроля:

- сокращение случаев применения штрафных санкций в обмен на легализацию либо возмещение государству ущерба от некриминальной теневой деятельности;
- ужесточение штрафных санкций за криминальную теневую деятельность;
- разработка организационно-экономических мер по совершенствованию контрольной деятельности.

Меры в данном направлении предусмотрены Директивой № 4 и Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь.

5 Воздействие на морально-психологические факторы:

- создание стимулов к информированию о симптомах теневой деятельности;
- транспарентность и демократизация государственной экономической политики.

Эффект от предложенных мероприятий по минимизации теневого сектора экономики в условиях совершенствования качества государственного регулирования выразится в увеличении легального продукта за счёт легализации части теневой экономической деятельности и улучшения условий функционирования легального сектора, в том числе посредством снижения конкуренции со стороны теневого сектора, а также в росте поступлений в бюджет и в достижении социального эффекта за счёт повышения безопасности жизни населения. Принимая во внимание тот факт, что в странах, эффективно осуществляющих либерализацию экономики, удельный вес теневого сектора в ВВП составляет около 10%, в Республике Беларусь, где по нашим расчётам в 2008 году доля теневого сектора в ВВП легального сектора составляет 22,4% [4, с. 79], эффект в виде прироста ВВП от минимизации теневого сектора может составить около 12,4% ВВП легального сектора экономики.

Литература

1. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь : директива Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 // Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/ru/small_business/actual-information/direktiva_4. – Дата доступа: 25. 03. 2011.
2. Мероприятия по реализации положений Директивы Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» // Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/ru/small_business/actual-information/direktiva_4. – Дата доступа: 25. 03. 2011.
3. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 // Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/ru/programmy/nation_security_concept. – Дата доступа: 25. 03. 2011.
4. Башлакова, А. П. Теневая экономика: проблемы определения и институциональные перспективы / А. П. Башлакова ; под. ред. Б. В. Сорвинова. – Брянск : Дельта, 2009.
5. Тур, А. Н. Инвестиционный климат Беларуси: возможности и перспективы / А. Н. Тур // Весн. Беларус. дзярж. экан. ун-та. – 2010. – № 5. – С. 5–12.

УДК 338.46:37.332.1:37.015.6

Образовательный кластер: особенности формирования и функционирования на рынке образовательных услуг

Т. В. ФАДИНА

Рассмотрены основные этапы создания образовательного кластера как альтернативной модели функционирования рынка образовательных услуг, что позволит устранить конъюнктурные моменты его функционирования. Определены особенности формирования образовательного кластера, роль государства. Также рассмотрены особенности функционирования образовательного кластера.
Ключевые слова: образовательный кластер, кластер, рынок образовательных услуг, государственная политика.

The article presents the basic steps for creating an educational cluster as an alternative functioning model of educational service market that helps eliminate tactical aspects of its functioning. Besides the educational cluster formation and functioning features and the state role are analyzed in the article.

Keywords: educational cluster, cluster, educational service market, government policy.

Рынок образовательных услуг Беларуси характеризуется рядом конъюнктурных моментов, которые определяют необходимость его модернизации.

1 Инфраструктурные ограничения – незавершённость формирования инновационной, посреднической, информационной рыночной инфраструктуры. В итоге не реализован значительный научно-инновационный потенциал вузов. Кроме того, наблюдается слабая интеграция с рынком труда.

2 Институциональные ограничения – недостаточная эффективность проводимой государством образовательной политики, несовершенство управления.

3 Ресурсные ограничения – кадровые ресурсы, финансовые ресурсы, материально-техническая база.

Альтернативным механизмом функционирования рынка образовательных услуг, позволяющим повысить эффективность сферы образования, может стать создание *вертикально и горизонтально интегрированных образовательных кластеров*.

Создание образовательных кластеров позволит:

- более полно использовать значительный инновационный потенциал вузовского сектора;
- более полно удовлетворять потребности всех групп потребителей;
- более рационально использовать ограниченный ресурсный потенциал;
- сгладить определённые конъюнктурные моменты, оказывающие непосредственное влияние на качество предоставляемых образовательных услуг, за счёт разумного сочетания конкуренции и кооперации.

В литературе, как правило, выделяют пять основных этапов становления кластеров [2, с. 86]:

- агитация и мотивация потенциальных участников;
- разработка общей стратегии;
- стадия пилотного проекта;
- стадия стратегического проекта;
- стадия саморегуляции.

Представим стадии формирования и развития образовательного кластера в виде последовательности определённых этапов:

- 1 Зарождение идеи создания образовательного кластера.
- 2 Определение контуров будущего образовательного кластера.
- 3 Агитация и мотивация потенциальных участников.
- 4 Разработка общей стратегии развития образовательного кластера.
- 5 Стадия пилотного функционирования кластера.

6 Стадия стратегического функционирования образовательного кластера.

7 Стадия саморегуляции.

На первой стадии происходит осознание необходимости и оценка возможностей создания образовательного кластера. Инициатором создания, точкой роста образовательного кластера является высшее учебное заведение, которое берёт на себя функции проведения необходимых исследований, теоретического обоснования проекта.

На второй стадии предполагается определение цели создания образовательного кластера и задач его функционирования, с учётом которых определяются возможные направления интеграции.

После определения общих контуров образовательного кластера проводится агитация и мотивация потенциальных участников интеграции. Необходимо выявить потенциальных участников кластера, достичь понимания преимуществ кластера. Инициатор проводит публичные встречи всех заинтересованных участников интеграции в форме конференций и раскрывает возможные преимущества объединения в образовательный кластер. После определения сторонников создания образовательного кластера формируется состав участников интеграции.

На следующей стадии, как только круг заинтересованных участников сформирован, необходимо выявить имеющиеся проблемы всех участников кластера, сформировать задачи функционирования кластера, отражающие интересы всех участников интеграции. Одновременно вырабатываются внутренние организационные принципы, структура связей между участниками, создаётся единый рабочий план, формируется структура управления образовательным кластером.

На стадии пилотного проекта реализуются пробные ограниченные проекты, иногда двусторонние, благодаря которым можно показать реальные возможности кластера, на начальной стадии выявить и устранить возможные несогласования. Такими проектами может быть проведение ярмарок, выставок, подготовка, проведение обзорных лекций, организация практик и т. д.

Успешная реализация пробных проектов, устранение выявленных недостатков позволяет перейти к реализации стратегического проекта, который предполагает объединение кадровых материальных, информационных ресурсов всех участников.

На стадии саморегуляции образовательный кластер выходит на уровень самостоятельного и независимого функционирования, когда поддержка со стороны становится неактуальной (рисунок 1).

Формирование образовательных кластеров может происходить двумя способами: 1) «сверху»; 2) «снизу».

Первый способ предполагает усиленное воздействие государства на процесс формирования образовательного кластера, основанного на концентрации ресурсов у государства, применении административных рычагов. Основным преимуществом государственных кластеров является административный ресурс, который позволяет быстро аккумулировать в необходимом количестве ресурсы для формирования кластера. Между тем инициатива «сверху», не подкреплённая заинтересованностью «снизу», приведёт к исключительно формальному функционированию образовательного кластера и не создаст ощутимых эффектов.

Второй способ формирования конкурентоспособной структуры рынка образовательных услуг предполагает опору на инициативу со стороны учреждений высшего профессионального образования, которая должна опираться на систему внутренних неформальных норм, к которым можно отнести следующие:

- норма доверительного отношения участников кластера по отношению друг к другу, что предполагает отсутствие оппортунистического поведения;

- норма взаимозаинтересованности субъектов образовательного кластера в сотрудничестве на основе преобладания экономических интересов интеграции, а также изменения социального статуса и институционального положения;

- норма ответственности каждого участника интеграции за результат деятельности образовательного кластера. Осознание и выполнение данных внутренних норм является ключевым моментом, определяющим эффективность создания, развития и функционирования образовательного кластера.

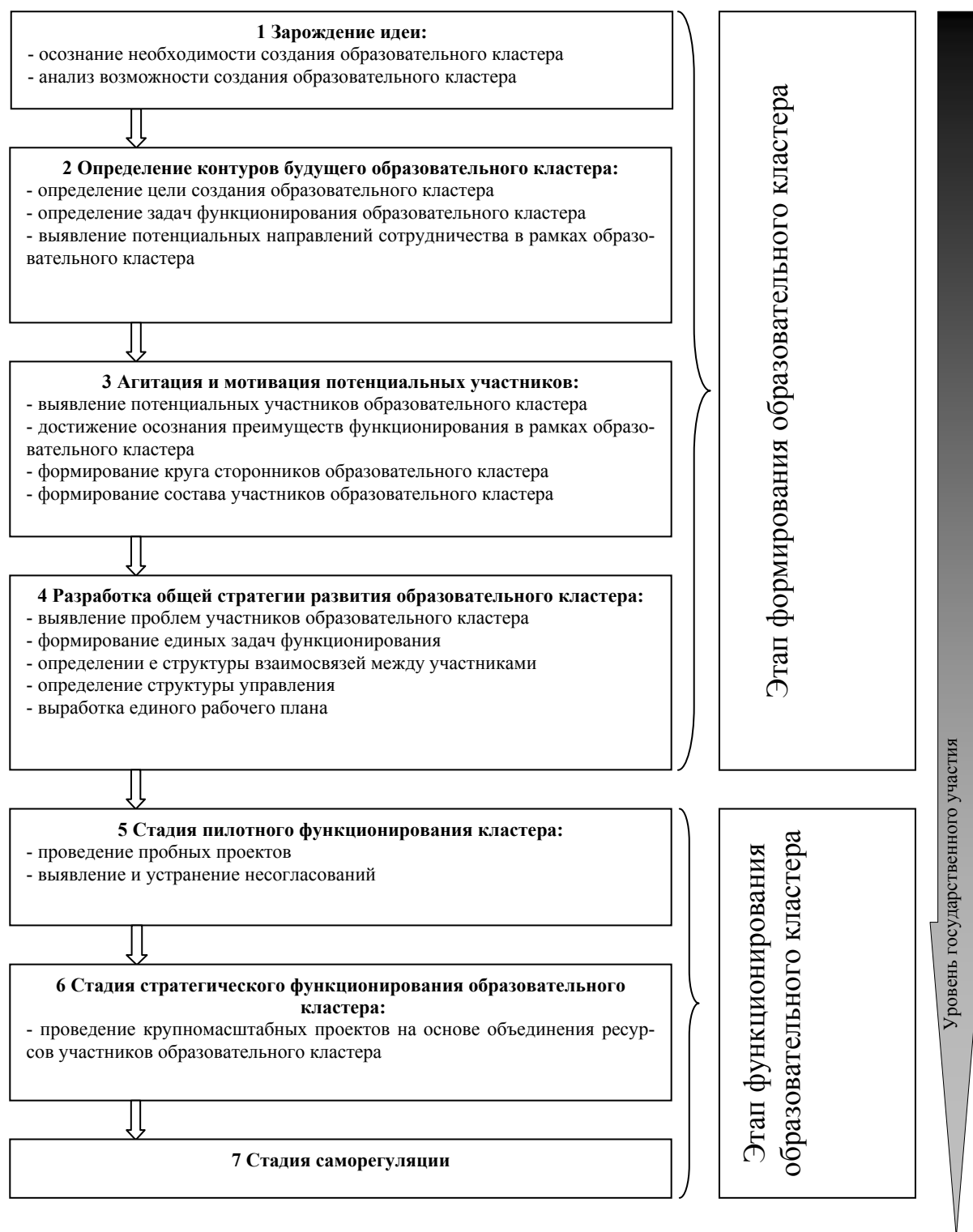

Рисунок 1 – Этапы формирования и развития образовательного кластера

Вместе с тем отсутствие чёткой государственной политики в области создания образовательных кластеров, обеспечивающей системный подход и организацию взаимодействия разных уровней исполнительной власти, может вылиться в ограничение организационной и финансовой поддержки кластерных инициатив.

Таким образом, ни учреждения высшего образования, ни государство в одиночку не в состоянии создать все необходимые условия для формирования кластера. Современный образовательный кластер может быть создан только в рамках конструктивного, взаимовыгодного, долгосрочного сотрудничества на основе сочетания свободы инициативы «снизу» и государственной поддержки «сверху».

Согласно данным «Зелёной книги кластерных инициатив», в качестве инициаторов создания кластеров выступают: правительство (32%), бизнес-сообщества (27%) и совместно (35%). Органы государственного управления играют важную роль в процессах кластеризации. На стадии формирования образовательного кластера государственная политика необходима, чтобы развить кластеры, на стадии функционирования – чтобы усовершенствовать и поддерживать уже существующие образовательные кластеры. При этом роль государства должна варьироваться в зависимости от этапа формирования образовательного кластера.

К основным направлениям государственной политики в области формирования и поддержки образовательных кластеров можно отнести: введение гибкой налоговой политики по отношению к участникам образовательного кластера, в том числе и льготного налогообложения на прибыль, реинвестируемую в интегративные процессы; предоставление целевых льготных кредитов участникам; формирование финансовой поддержки участников кластера, в том числе на приобретение новых технологий для повышения эффективности производственного и образовательного процессов. Важным для повышения эффективности государственной поддержки является создание обратных связей с органами власти разного уровня.

Образовательный кластер не может развиваться спонтанно. Необходимо создать орган, в состав которого должны входить представители всех участников интеграции. Координационный совет будет обеспечивать планирование, управление и контроль над развитием образовательного кластера, а также координацию деятельности всех участников кластера между собой и кластера с внешней средой.

Функционально совет образовательного кластера должен выполнять следующие задачи:

- взаимодействие с органами законодательной и исполнительной власти по вопросам подготовки проектов законодательных и нормативных актов;
- определение и утверждение состава потенциальных участников кластера;
- организация и координация научно-технологического сопровождения задач, решаемых кластером;
- обеспечение контроля над соблюдением внутренних и внешних норм в деятельности кластера;
- представление интересов кластера на всех уровнях;
- разработка и осуществление мероприятий по привлечению инвестиций, в том числе и зарубежных;
- участие в разработке и принятии государственных решений направленных на повышение эффективности функционирования отрасли;
- ведение статистического учета состояния и определение перспектив развития образовательного кластера;
- проведение мониторинга функционирования образовательного кластера;
- поиск источников финансирования;
- представление кластера на международных конференциях и других мероприятиях;
- координация интересов участников образовательного кластера;
- разработка внутренних норм функционирования образовательного кластера.

Формирование координационного совета способствует сокращению транзакционных издержек в кластере в целом за счёт снижения издержек проведения переговоров и принятия решения, издержек контроля и юридической защиты выполнения контракта. Кроме того, создание координационного совета упростит диалог исполнительной власти с образовательным кластером, а также наладит обратную связь для решения возникающих вопросов в ходе реализации проекта.

Сложность функционирования образовательного кластера проявляется в необходимости объединения организаций с различными целями, интересами и задачами своей деятельности. В связи с этим на начальной стадии развития образовательного кластера субъекты, связанные общим проектом, могут образовывать кластеры проекта. Кластер проекта – совокупность участников кластера, участвующих в реализации конкретного проекта [1, с. 133].

Можно выделить следующие факторы, которые способствуют созданию образовательного кластера:

- наличие достаточной технологической инфраструктуры;

- возможность для развития НИОКР;
- доступность высококвалифицированных кадров;
- высокая степень доступности ресурсов.

Рассмотрим ограничения, которые представляют определённую опасность для формирования и развития образовательных кластеров:

1) создание кластера сталкивается с препятствиями исторического характера, так как система высшего образования Беларуси создавалась вне рынка, следовательно, нельзя говорить о естественных кластерах, которые появляются в силу исторических причин;

2) недостаточно высокий уровень управления, как в сфере высшего образования, так и в бизнесе;

3) отсутствие ориентации национальных высших учебных заведений на международный рынок образовательных услуг;

4) слабый уровень развития кооперационных структур в сфере высшего образования;

5) отсутствие опыта и необходимых знаний в сфере кластеризации, как со стороны органов исполнительной власти, так и со стороны представителей бизнеса;

6) значительный временной лаг между принятием решения о создании образовательного кластера и получением эффекта;

7) отсутствие программы в области государственной политики, обеспечивающей системный подход и организацию взаимодействия различных уровней исполнительной власти при реализации кластерных проектов;

8) недостаточно высокий уровень доверия между представителями бизнеса, науки, власти.

Таким образом, применение кластерного подхода позволяет достичь ряда преимуществ:

– образовательные кластеры являются эффективным инструментом ресурсозамещения за счёт миграции материальных, кадровых, информационных ресурсов внутри интегративной группы;

– формирование кластера способствует развитию бизнеса, поскольку предприятия-участники кластера получают доступ к передовым знаниям, информации, технологиям производства и управления. Кроме того, взаимодействия с вузами в области образовательной деятельности предприятия получают высококвалифицированных специалистов, которые не нуждаются в переобучении, что повышает производительность труда;

– высшее учебное заведение, которое явилось инициатором кластера и смогло стать его ядром в итоге улучшает свои конкурентные позиции на рынке за счёт предоставления более качественных образовательных услуг с усиленной практической, научной компонентой;

– государство в долгосрочном периоде повышает свою конкурентоспособность на международной арене за счёт роста качества человеческого капитала;

– повышается качество предоставления образовательных услуг, что создаёт предпосылки для роста человеческого капитала страны;

– в рамках образовательного кластера формируются центры инновационного развития государства.

Таким образом, создание образовательного кластера требует детальной разработки основных этапов его формирования, координации деятельности государства и всех заинтересованных сторон, что позволит сгладить возможные негативные моменты, а также создать все условия для эффективного функционирования образовательного кластера.

Литература

1. Бородин М. А. Управление региональным экономическим кластером // Управление кластерами в региональной экономике: сб. науч. статей / Под ред. Р. М. Нижегородцева. – Новочеркасск : Набл ЮРГТУ (НПИ). – 2010. – 300 с.
2. Шаховская Л. С., Бородин Е. А., Аракелова И. В. Кластеры в экономике современного региона // Управление кластерами в региональной экономике : сб. науч. стат. ; под ред. Р. М. Нижегородцева. – Новочеркасск: УПЦ «Набл» ЮРГТУ (НПИ), 2010. – 300 с.

Методический подход к оценке эффективности информационного менеджмента: возможность применения на белорусских предприятиях

Л. А. Мищенко

В статье исследованы основные мировые тенденции процесса развития информационной среды. В условиях Белорусской модели экономики предлагается систематизировать индикаторы экономической эффективности информационного управления на предприятиях. Предлагается модель оценки эффективности информационного управления предприятиями.

Ключевые слова: информационная среда, информационный менеджмент, информационные технологии, информационные системы, экономика.

The main world tendencies of the information environment development are investigated in the article. In the conditions of Belarusian economic model it is offered to systematize indicators of information management economic efficiency at the enterprises. There is offered an estimation model of enterprise information management efficiency.

Keywords: information environment, information management, information technology, information systems, economy.

Любая компания в современном информационном обществе нуждается в бизнес-процессах, оптимально организованных для выживания в условиях мирового финансового кризиса. Ещё более важна способность компании динамично и действенно реагировать на изменения окружающей среды. Для этого компании необходимо иметь единый фундамент, обеспечивающий целенаправленное развитие. Таким фундаментом является информационный аспект управления целями компании – информационный менеджмент.

Согласно опросу, проведенному консалтинговой компанией Big Fish, 92% топ-менеджеров белорусских предприятий выразили мнение, что мировой финансовый кризис серьёзно повлиял на их бизнес. На вопрос, какие изменения компании сказались на работе с партнёрами, большинство респондентов (76%) отметило, что, по их мнению, рынок занял выжидательную позицию и сделок стало проводиться меньше. Справляться с кризисом, оказавшим сильное влияние на экономическую среду Беларуси, топ-менеджеры *намерены через использование прогрессивных информационных технологий*, поиск новых ниш для бизнеса и дополнительного финансирования [1].

За последние десять лет сфера информационных технологий в Беларуси претерпела значительные организационно-технические и структурные перемены. Эти тенденции отразили мировые направления развития – технологическую революцию в области информационных технологий (ИТ).

Сегодня использование ИТ тесно связано с развитием Интернета (Рисунок 1). Согласно данным Internet World Usage Statistics, к началу 2009 года в мире насчитывается 1,5 млрд. интернет-пользователей (20,15% населения планеты), причём Европа уверенно выходит по этому показателю на главенствующие позиции [2]. *Первые места по распространению Интернет занимают лидеры компьютеризации – Нидерланды, Швеция, Дания, Япония, США.* Нельзя не заметить отставание Китая, находящегося во главе мировой информационной революции конца XX века. Так, в Китае только 22% населения имеют доступ в Интернет (хотя по абсолютному значению это более 250 млн. человек и первое место в мире). Этот факт можно объяснить демографическими причинами (огромное количество населения), а также тем, что, в отличие от США и ЕС, где основную часть пользователей составляют частные граждане, большее количество аудитории Интернета в Китае – это сотрудники высокотехнологичных компаний, которые производят 70–80% всего мирового рынка продукции Hi-tech. К 2012 году в Китае число пользователей сети Интернет достигнет 490 млн. человек [3].

В 2008 году количество *интернет-пользователей в Беларуси составило 29% населения* что служит важной технологической предпосылкой информационной модели взаимодействия компаний.

О возросшем интересе к информационному аспекту управления компанией, информационному менеджменту свидетельствует тот факт, что в Республике Беларусь реализуется программа общегосударственного информационного взаимодействия «Электронная Беларусь», а также другие информационные системы (ИС). По оценкам аналитической компании «Маркет-Визио Консалтинг», в 2006 году рынок экспортоориентированного программирования в республике составил около 130 миллионов долларов США. Количество ИТ-специалистов на рынке экспортоориентированного программирования страны оценивается в 7–7,5 тысячи специалистов.

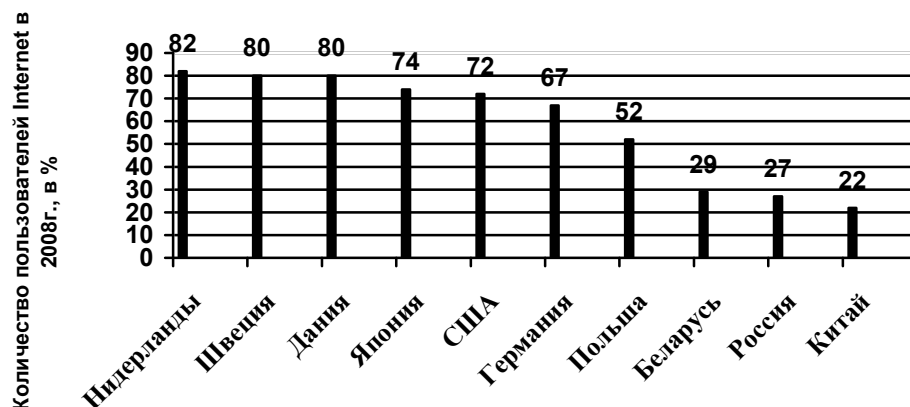

Рисунок 1 – Количество пользователей сети Интернет в мире в 2008 год [2]

По данным Forrester Research, у Республики Беларусь имеется возможность *увеличить свое присутствие на европейском рынке программного обеспечения*. Размещение заказов на программирование в странах Восточной Европы к 2010 году возрастет в 2–5 раз.

Сегодня на белорусском рынке ИКТ работают около 600 компаний, предприятий и учреждений. По данным Института приватизации и менеджмента, 88 % руководителей используют Интернет в повседневной деятельности. Бухгалтерский учёт автоматизирован на 70 % предприятий, документооборот – на 40 % предприятий, системами автоматизации работы с клиентами располагают свыше 30 % предприятий. Кроме того, в республике имеется более 2000 сайтов, из которых 1200 информируют о товарах и услугах. Отмечается постоянный и устойчивый рост количества Интернет-сайтов предприятий [4].

Таким образом, информатизация управления бизнесом в Беларуси продвинулась далеко вперед. В то же время сфера информационных технологий до сих пор сталкивается с рядом серьезных проблем, связанных с несовершенством ИТ-инфраструктуры, *отсутствием грамотной системы менеджмента в информационной среде взаимодействия предприятий*.

Зарубежные эмпирические данные показывают, что для организации корпоративного портала (в основном на покупку программного обеспечения) малая фирма тратит 100 тыс. долларов США, средняя – около 1 млн. долларов США, большая – 5–7 млн. долларов США. Дополнительные затраты на построение портала, по опросам, составляют 100 – 300% стоимости программного обеспечения. Но в результате фирма получает мощный организационно-экономический эффект: сокращение расходов по администрированию внутренней и внешней среды фирмы, уменьшение затрат на взаимодействие сотрудников, поиск поставщиков и клиентов и т.д. [5].

Уже в настоящее время затраты на информационные технологии переходят в разряд капитальных затрат фирм. По мнению аналитиков Gartner, к 2010 году они достигнут в среднем 54% всех инвестиций компаний. Показательно, что в США с 1999 года приобретение программного обеспечения признано инвестициями [6].

Фактическую результативность научно-технической деятельности предприятия, занимающегося созданием информационных товаров/услуг, можно определять по формуле, предложенной С.В. Васильевым:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^N R}{\sum_{i=1}^N Q_i - (H_1 - H_2)}, \quad (1)$$

где r – коэффициент фактической результативности научно-технической деятельности предприятия, занимающегося созданием информационных товаров/услуг;

R – суммарные затраты по законченным работам, принятым (рекомендованным) для освоения в производстве;

H_1 – затраты по переходящим (незавершенным) работам на начало анализируемого периода;

H_2 – затраты по переходящим (незавершенным) работам на конец анализируемого периода;

N – число лет анализируемого периода;

Q_i – рискоинвестиции за i -й год [7].

Так, например, на белорусском предприятии, производящем телекоммуникационные технологии, планировалось выполнить в течение 4 лет 5 новых разработок. Из них успешно завершены в намеченные сроки только 3 разработки с фактическими затратами по проекту «А» – 7340 евро, по проекту «В» – 8360 евро и по «С» – 8410 евро. По двум другим проектам сроки выполнения были перенесены на более поздний период. Таким образом, получилось, что $R = 24150$ евро.

Объемы рискоинвестиций составили в первый год четырёхлетнего периода 10620 евро, во второй – 11100 евро, в третий – 11320 евро и в четвёртый – 11510 евро. Итоговое значение рискоинвестиций за 4 года составило 44550 евро.

Затраты по переходящим (незавершенным) работам составляли на начало анализируемого периода 16980 евро, а на конец – 13012 евро.

Фактическая результативность научно-технической деятельности данного предприятия за период в 4 года оценивается следующим образом:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^N R}{\sum_{i=1}^N Q_i - (H_1 - H_2)} = \frac{24150}{44550 - 3968} = 0,5$$

Информационный менеджмент как новая методология построения системы управления имеет фундаментальное значение и позволит предприятию создать единый информационный ресурс и построить эффективно действующую информационную инфраструктуру организации. Это весьма актуально для Республики Беларусь, так как в период мирового финансового кризиса в условиях жесточайшей конкуренции возникла острая необходимость для руководителей быстро принимать эффективные решения, которые немыслимы без грамотного управления информацией в основной деятельности предприятия.

В данном исследовании под **информационным менеджментом** мы будем понимать специальную область менеджмента, выделившуюся как самостоятельное направление со специфическими особенностями и охватывающую все аспекты менеджмента в сфере создания и использования информационных ресурсов.

Основная **цель информационного менеджмента** состоит в повышении эффективности деятельности предприятия на основе использования информационных систем (ИС) и ИТ.

Предметом информационного менеджмента являются процессы создания, эксплуатации и развития ИС конкретного предприятия

По нашему представлению, информационный менеджмент призван решать все задачи управления, связанные с формированием и использованием информации во всех ее формах, для достижения поставленных перед предприятием целей. При этом должны учитываться определение ценности и расчет эффективности использования не только собственно инфор-

мации (данных и знаний), но и других ресурсов предприятия (технологических, кадровых, финансовых и т. д.). Для этого на предприятиях необходимы ИС и реализованные в них коммуникации и ИТ, которые, по сути, являются основными направлениями развития информационного менеджмента.

В качестве экономических *показателей эффективности использования ИС и ИТ – основных компонентов информационного менеджмента* – на предприятии нами рассматриваются:

- сокращение производственного цикла (на практике – на 35–65%);
- увеличение выручки (5–25 %);
- уменьшение оборотных средств в запасах (25–55%);
- повышение эффективности использования ресурсов (15–40%);
- повышение уровня обслуживания клиентов (25–60%);
- ускорение вывода нового товара на рынок (25–75%);
- снижение затрат (5–20%);
- снижение производственного брака (35–65%);
- сокращение производственного цикла (5–25%);
- увеличение оборачиваемости средств в расчетах (25–55%).

Очень важно понять, с помощью каких инструментов, алгоритмов и объектов ИС достигаются такие результаты. Тогда значительно легче обосновать инвестиции в информационный менеджмент и, по сути, «продать идею» проекта внедрения ИС инвестору, разъяснив, какие цели при этом могут быть достигнуты.

Снижение уровня запасов обусловлено управлением ими с использованием оптимизационного алгоритма, который позволяет отслеживать в оперативном режиме уровень запасов и строить модель управления ими. В ходе проектов внедрения информационного менеджмента результат достигается путем проведения инвентаризации запасов и определения связи текущего уровня запасов с производственной программой.

Снижение производственного брака обусловлено применением методов контроля технологического процесса с целью повышения качества продукции. При разработке бизнес-процессов обычно определяется обязательный этап, на котором осуществляется контроль качества. Без его выполнения менеджер с помощью ИТ блокирует дальнейшее «продвижение» по производственному процессу.

Увеличение объема продаж связано с улучшением качества обслуживания клиентов, которое достигается за счет таких функций, как автоматизация приема заказов, оптимизация расчетов, сокращение сроков доставки и кредитного контроля.

Снижение транспортно-заготовительных расходов обусловлено возможностями системы по построению и анализу различных схем доставки, выбору оптимальных вариантов. Информационный менеджмент позволяет автоматизировать этот процесс и предоставляет информацию для принятия решения.

Сокращение производственных затрат связано с улучшением прогнозирования спроса и оптимизацией использования производственных активов. Это достигается применением имеющихся у менеджера алгоритмов прогнозирования на основе анализа информации.

Сокращение производственного цикла и сокращение цикла разработки новых продуктов осуществляется в результате применения средств моделирования на основе технологических данных информационного обеспечения менеджера.

Уменьшение затрат на административно-управленческий аппарат и устранение «ручной» подготовки и сопровождения документов связаны с возможностью автоматизированного ведения учета. Информационный менеджмент также обеспечивает аналитиков и управленцев инструментами для самостоятельной подготовки отчетов.

Увеличение оборачиваемости средств происходит благодаря наличию в системе инструментов для прогнозирования движения денежных средств. Это позволяет в оперативном режиме отслеживать дефицит (или избыточность) наличных денежных средств.

Для того чтобы организовать работу по *оценке эффективности информационного менеджмента на предприятии*, необходимо:

- зафиксировать стратегические цели компании;
- определить структуру основных бизнес-процессов фирмы;
- оценить эти процессы с позиции их влияния на достижение стратегических целей;
- определить показатели, которые позволяют измерить это влияние;
- определить для каждого процесса положительные и отрицательные факторы,

влияющие на него;

- подобрать количественные показатели, отражающие влияние этих факторов; например: «сокращение числа отказов клиентов позволит увеличить оборот в 2 раза»; или «сокращение объема запасов сырья на 15% позволяет экономить расходы на хранение на 30%» и т. д.

- рассчитать эти показатели в стоимостном выражении и включить их в обоснование экономического эффекта использования информационного менеджмента [8].

Оценку *эффективности информационного менеджмента* можно облегчить, если задать *качество функционирования всех других подсистем управления предприятием*. Известные тенденции оценки эффективности сложных систем управления [9–10] основаны на определении математического приращения функционала качества производства.

По мнению Г. В. Лисяного, недостатком приведенного критерия эффективности является их слишком общий вид, что не дает возможности исследовать с необходимой степенью детализации характер взаимосвязей и взаимодействия отдельных параметров системы управления [11].

Таким образом, в рамках подхода к оценке эффективности информационного менеджмента мы предлагаем следующую методику, которой могут воспользоваться белорусские предприятия.

В силу динамики структуры и разнообразия решаемых задач информационного менеджмента система функционирует с различными показателями качества. Каждое состояние H_i ИС характеризуется выходным эффектом F_i . Вероятность нахождения ИС в этом состоянии определяется величиной $P(H_i)$. Поскольку величины H_i и F_i независимы, то эффективность функционирования ИС определяется выражением:

$$E = \sum_{i=1}^n P(H_i)F_i \quad (2)$$

Выходные эффекты состояний ИС определяются имитационным моделированием. При моделировании воспроизводится некоторая формализованная схема, являющаяся, с одной стороны, логико-математической функциональной моделью, то есть описанием реальной ИС, а с другой – предметно-математической структурой моделью-интерпретацией. Вероятностные характеристики этой структурной модели адекватны решениям задач математического анализа. Для определения выходных эффектов F_i наиболее целесообразна экспериментальная проверка функционирования ИС, во время которой исследуется влияние отказов отдельных элементов ИС на ее выходной эффект. Такое исследование базируется на априорном анализе предполагаемой работы ИС с учетом функциональных и структурных связей. Выражение (1) для ИС, имеющей n дискретных состояний, образующих полную группу несовместимых событий, при выполнении ИС частных задач запишется в следующем виде:

$$E = \sum_{n=1}^p P_n P(H_i) P_n \left(\frac{A}{H_i} \right), \quad (3)$$

где P_n – вероятность выполнения n -ой частной задачи ($n = 1, p$);

$P(H_i)$ – вероятность нахождения ИС в i -м состоянии ($i = 1, n$);

$P_n(A/H_i)$ – условная вероятность события A , означающего выполнение ИС своих функций на некотором уровне качества, достаточном для решения n -й частной задачи, при нахождении ИС в i -м состоянии.

Таким образом, математическая модель эффективности функционирования ИС для каждой n -й частной задачи с соответствующей вероятностью выполнения P_n содержит элементы модели, изображающие возможные состояния $P(H_i)$, и элементы модели, изображающие выходные эффекты в данном состоянии:

$$P_n = \left(\frac{A}{H_i} \right) \Leftrightarrow F_i \quad (4)$$

Для исследования эффективности функционирования ИС необходима формализация различных её состояний. С этой целью целесообразно *использовать принцип поэтапного анализа состояний ИС* в сочетании с методом статистического моделирования процесса её функционирования на персональном компьютере (ПК).

Функцию, описывающую условие работоспособности, можно представить в виде логической матрицы, где в строках записаны различные кратчайшие пути успешного функционирования системы, а длина матрицы определяется числом таких путей. Матрица условий работоспособности ИС дополняется матрицей выходных эффектов $\{F_{ij}\}$. Формируя случайным образом состояние ИС, сравниваем его с матрицей условий работоспособности и в случае, если это состояние относится к одному или нескольким рабочим состояниям, ему приписывается из матрицы $\{F_{ij}\}$ соответствующий выходной эффект F_i ИС в этом состоянии. Затем эта информация записывается в память ПК и формируются новые состояния. После окончания формирования всех работоспособных состояний, записанных в ячейках памяти, они передаются следующим операторам, вычисляющим количественную характеристику технической эффективности.

Сущность *логико-вычислительного метода* заключается в том, что состояние системы формируется с помощью дискретного задания состояний исходя из того, что число состояний системы будет определяться количеством дискретных состояний модулей, то есть 2^N . В этом случае выходной эффект F_m системы, находится в m -состоянии, вычисляется с помощью матрицы $\{F_{ij}\}$ размерностью $G \times N$, где G – число подсистем ИС, а N – число модулей Q_{ij} . ИС, находящаяся в m -состоянии, характеризуется матрицей строкой A , состоящей из модулей Q_{ij} . Эта матрица последовательно сравнивается со всеми строками матрицы алгоритмического комплекса (АК). Если всем элементам l -й строки матрицы АК, равным единице, соответствует единица в матрице-строке A , то, следовательно, в m -состоянии системы l -подсистема является работоспособной.

Таким образом, находят номера всех работоспособных подсистем информационного менеджмента, находящихся в m -м состоянии, и F_m определяют как сумму выходных эффектов работоспособных подсистем [11].

Путем последовательного перебора 2^N возможных состояний ИС, начиная с матрицы – строки $\{0\}$ и заканчивая матрицей строкой $\{1\}$, вычисляют эффективность системы при выполнении n -частной задачи, то есть:

$$E_n = \sum_{m=1}^{2^N} P(H_m) F_{nm} \prod_{k=1}^{m-1} Q_k \quad (5)$$

Таким образом, четко поставив цели и сформулировав задачи внедрения ИС как основного компонента информационного менеджмента в начале проекта, компания, тем самым, сама определяет результаты, которых хочет достигнуть.

Эффективность применения ИТ существенно зависит от того, насколько полно они используются для решения задач основного бизнеса компании. ИС должна стать инструментом развития бизнеса – только такое представление роли ИТ позволяет обосновать инвестиции в ИС и получить достаточные ресурсы в проект (финансовые, человеческие, временные) и внимание руководства предприятия к решению задач информационного менеджмента.

Применение в компании информационного менеджмента позволяет более обоснованно определять цели инвестиций и оптимально планировать инвестиционную деятельность; более полно учитывать проектные риски и оптимизировать использование имеющихся ресурсов, избегая конфликтных ситуаций; контролировать исполнение составленного плана; анализировать фактические показатели и вносить своевременную коррекцию в ход работ; накапливать, анализировать и использовать в дальнейшем опыт реализованных проектов.

Литература

1. Ходанович, А. Пришел ли мировой финансовый кризис в Беларусь? Результаты опроса белорусских топ-менеджеров // Marketing.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://marketing.by/main/market/analytics/0021974/>
2. Internet Usage in Europe// Internet world stats [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.internetworldstats.com/>
3. Количество интернет-пользователей в Китае составило 253 млн. // Казахстанский информационный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakon.kz/our/news/news.asp?id=30196293>
4. Вариченко, И. Информационные технологии: оценка эффективности / И. Вариченко // Банкаўскі веснік. – 2005. – Кастрычнік. – С. 23–27.
5. Инновационная и конкурентная стратегия корпораций: научно-аналитический обзор. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – 190 с.
6. Скрыльникова, Н. А. Информационная экономика: концепция и социально-экономические трансформации: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01 / Н.А. Скрыльникова. – М., 2003. – 398 л.
7. Васильев, С. В. Менеджмент: учебно-методическое пособие / С.В. Васильев. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2003. – 123 с.
8. Бронникова, Т. Оценка эффективности внедрения информационной системы управления предприятием. Измеримые цели и контроль их достижения / Т. Бронникова // Экономика и жизнь. – 2008. – № 47.
9. Валуев, Б. И. Логика и механизм постановки экономических целей в системе управления промышленным предприятием / Б.И. Валуев // Труды ОПУ. – 2000. – №3(12). – С. 200–204.
10. Старк, Д. Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Д. Старк. – М.: РОССПЭН, 2002. – 450 с.
11. Лисяной, Г. В. Модели оценки эффективности функционирования интегрированной автоматизированной системы управления / Г.В. Лисяной // Вісник КДПУ. – 2009. – №2. – С. 7–9.

Кризис 2009 года и важнейшие его индикаторы: состоятельность современных эмпирических и теоретических исследований

Л. П. ЗЕНЬКОВА

В статье анализируются методологических подходов к выявлению фаз цикла и выбору базовых показателей чередования фаз цикла. Представлены результаты статистического анализа макроэкономических показателей функционирования Республики Беларусь на предмет соответствия перечню лидирующих индикаторов, используемых в зарубежных исследованиях. Обоснован специфический характер лидирующих индикаторов исходя из особенностей трансформационных экономических систем.

Ключевые слова: экономический цикл, лидирующий индикатор, переломная точка, пик, кризис, фаза цикла, лаг опережения, трансформационная экономика.

Clause is devoted to the analysis of methodological approaches to revealing phases of a cycle and a choice of base parameters of alternation of phases of a cycle. The author submits results of the statistical analysis of macroeconomic parameters of functioning of Belarussian for conformity to the list of the leading indicators used in foreign researches. Specific character of leading indicators proceeding from features of transformational economic systems is proved.

Keywords: a business cycle, the leading indicator, a critical point, peak, crisis, a phase of a cycle, a lag of an advancing, transformational economy.

Введение

В связи с разразившимся мировым финансовым кризисом и последовавшим за ним спадом во многих странах мира в печати стали активно обсуждаться проблемы возможности предсказания так называемых переломных (поворотных) точек экономического цикла и связанных с ними лидирующих индикаторов.

Проблема выделения лидирующих индикаторов цикла предполагает определение методологической позиции по ряду вопросов:

1 Какой показатель (показатели) использовать для определения фаз цикла? О каком экономическом цикле идет речь?

2 Что именно считать за начало очередной фазы цикла (абсолютное снижение показателя, в том числе относительно тренда, или замедление (ускорение) темпов роста показателя)?

3 Какие экономические индикаторы считать надежными лидирующими индикаторами цикла?

4 Как выбрать эффективную методику отбора лидирующих индикаторов? Каким образом учитывать лаги опережения индикаторов (сравнением фактических ежемесячных, ежеквартальных значений или сглаженных, усредненных, освобожденных от влияния сезонных колебаний)?

Ответы на эти вопросы предполагают выбор исследователем концептуального подхода к теории циклообразования и соответствующей методологии изучения циклов. Трансформационные экономики имеют свои специфические черты, что не может не отразиться на специфике лидирующих индикаторов.

Какой показатель использовать за основу выделения фазы цикла?

В мировой практике применяются два подхода в определении показателя смены фаз цикла. Месячный объем ВВП является эталонным показателем для определения переломных точек в странах ОЭСР. В США нет единого показателя оценки точек перелома динамики. Основанием выделения фаз цикла Комитетом по датировке деловых циклов США служит совокупность динамик показателей объема производства, торговли, занятости, доходов.

Трансформационная экономика Республики Беларусь является экономикой с высокой степенью открытости, следовательно, зависимости от внешних причин циклообразования. Последние десятилетия спады в мировой экономике предопределяются конъюнктурой американской экономики. В течение последних двадцати лет экономика США пережила три спада – в 1990–91 гг., 2001 г., 2008 г. Во всех случаях предшественником формирования верхней переломной точки служило значительное снижение темпа роста реального и номинального ВВП [1, с. 54–55]. В среднем годовой темп роста ВВП начинает снижаться за 4–5 кварталов до начала спада. Такой эффект получил название эффекта Самуэльсона и наиболее полезен для краткосрочных прогнозов, так как очень редко динамики разных сфер и отраслей экономики меняются одномоментно.

Для трансформационной экономики Республики Беларусь логичнее выбрать показатель объема ВВП, так как значительное и эффективное государственное влияние на экономические процессы способно искажать циклический характер динамики занятости, доходов. Так, несмотря на кризис 2008–2009 гг., в национальной экономике сохраняется самый низкий уровень официальной безработицы – 0,9 %.

Индекс промышленного производства не всегда приемлем для оценки фаз цикла в связи со значительной долей услуг в валовой добавленной стоимости, хотя кризис 2009 года наиболее четко проявился именно в динамике объема промышленного производства (97,2% по сравнению с 2008 годом), а не объема ВВП (100,2% по сравнению с 2008 годом) [2]. Практика функционирования трансформационных экономик свидетельствует о нарастании доли финансового сектора и производства услуг, что снижает ценность индекса промышленного производства в рассматриваемом аспекте.

Динамика объема реального ВВП, рассчитанная на основе цен базового года, более точно показывает изменения в производстве, чем эта же динамика, рассчитанная на основе цепных индексов инфляции (по отношению к предыдущему году). Американский экономист Ричард Ямароне приводит пример такого искажения. Темпы роста реального ВВП США при фиксированном весе в 1998 году составили 4,5% при подсчете с использованием 1995 года в качестве базового, 6,5% – при использовании 1990 года, 18,8% – при использовании цен 1980 года, 37,4% – при использовании цен 1970 года. [1, с. 43]. До 1996 года Национальное бюро экономических исследований (НБЭИ) США использовал в качестве базового года 1982 год, что существенно изменяло значения реальных темпов роста ВВП. Чем более удален выбранный базовый период от исследуемого текущего периода, тем более значительным искажениям подвергается величина рассчитанного реального объема национального производства. Можно выделить несколько причин такого положения дел:

1 избранный базовый год фиксирует определенное соотношение товарных групп между собой, а следовательно, темпов роста цен этих товарных групп, распространяя такое состояние экономики на будущие периоды;

2 отдаленный базовый период отражает менее значимые в абсолютном выражении уровни показателей, так что сравнение масштабных показателей текущих периодов методом умножения (деления) на их базовые значения заранее обречено иметь большие погрешности.

Для трансформационной экономики тем более неверно использование относительно удаленного периода в качестве базового при определении темпов роста объема реального ВВП. Такая экономика является очень динамичной, структурные изменения протекают в ней высокими темпами. Например, доля валовой добавленной стоимости услуг торговли и общественного питания Республики Беларусь в общем объеме валовой добавленной стоимости экономики только за период «дна» фазы спада 1994–1996 снизилась на 3% [2]. Это соответственно повлекло снижение доли розничных цен в общей их структуре. За период 1990–1999 гг. произошли резкие изменения в структуре ВВП: удельный вес производства товаров снизился с 68,9% до 49,3% в ответ на расширение доли производства услуг [3].

Кроме того, характерной чертой трансформационных экономик является их крайняя финансовая нестабильность. Имеет место значительная несбалансированная инфляция. Например, только за один 2005 год в Республике Беларусь индекс цен на непродовольственные товары составил 100%, на продовольственные – 101,6%, а на платные услуги населению – 104 % [3].

Чем более отдален базовый период расчёта реальной динамики от текущего года, тем больше ошибка расчёта из-за неравномерного нарастания темпов инфляции в разных секторах экономики. Чрезмерная экономическая неустойчивость, длительность нисходящих тенденций развития также могут стать причиной искажения, особенно при выделении тренда методом скользящей средней.

Таким образом, оптимальным показателем для определения смены фаз кратко- и среднесрочных циклов в трансформационной экономике может объективно служить реальный ежемесячный объём ВВП на протяжении нескольких последних лет. Его двойное уточнение по итогам статистического учёта не снижает информативную ценность этого показателя, предопределяя необходимость поиска экономистами методик зондирования поворотных точек по оперативным статистическим данным. Чем раньше предсказано приближение переломной точки, тем ценнее статистический показатель, использовавшийся для этой цели.

Возникает вторая проблема выделения фаз цикла: что именно считать экономическим циклом? И сколько циклов можно выделить? Динамика любого показателя не представляет собой точную смену пиков и спадов на протяжении 5 месяцев согласно критерию ОЭСР. Как правило, большой спад или подъём перемежаются рядом малых пиков и низин. С одной стороны, последние можно рассматривать как случайные выбросы макродинамики. Тренд макродинамики служит при таком концептуальном подходе главным ориентиром зондирования фаз цикла (монистический подход к теории цикла). Как правило, с такой позиции определяют какой-либо один цикл, обычно деловой цикл или К-волны. С другой стороны, малые пики и низины динамики могут представлять картину сочетания кратко- и среднесрочных циклических процессов, накладывающихся по времени друг на друга. Элементом комплексного подхода к процессу циклообразования можно считать выделение Э. Хансенom [4, с. 218] нескольких падений, прерывающих стадию роста (expansion), так называемых «циклов роста» (growth cycles). Таким образом, в данном подходе заложена концептуальная позиция восприятия промежуточных колебаний как формы проявления взаимодействия среднесрочных и долгосрочных циклов, следовательно, плюрализм происхождения циклов. Для трансформационной экономики из-за специфичности характера протекания экономических процессов наиболее приемлем, на наш взгляд, плюралистический подход к циклообразованию.

Лидирующие индикаторы: все ли приемлемо из зарубежного опыта?

Первую методику выделения лидирующих показателей среднесрочного цикла создали А. Ф. Бернс и У. К. Митчелл [5]. Направление дальнейшего развития методологических подходов к выделению экономических индикаторов цикла было предопределено исследованиями американского экономиста Дж. Мура. При выборе перечня лидирующих индикаторов из ведущих факторов циклообразования им обоснованы критерии значимости индикаторов цикла: чувствительность к циклу в смысле соотношения амплитуды колебаний фактора-признака к циклическим колебаниям ВВП, устойчивый интервал лидирования по отношению к ВВП, постоянная повторяемость и регулярность колебаний, оперативность статистической информации [6, 7]. Кроме того, на первом этапе предварительного отбора согласно современным подходам используются два общих критерия: экономическая значимость и широта охвата информации соответствующим показателем [8].

В трансформационной экономике процессы циклообразования относительно разобщены в разных сферах экономики (внешнеэкономической, инвестиционной, денежно-кредитной и др.) из-за отсутствия единого хорошо отлаженного координационного механизма системы. В связи с этим сам тип перехода от административно-командной системы к рыночной обуславливает предпочтение перечню *отдельных* лидирующих индикаторов из разных сфер экономики по сравнению с комплексным сводным индексом лидирования. Это способствует уменьшению случаев ложных предсказаний переломных точек.

Для трансформационных экономических систем многие из индикаторов развитых стран не могут быть использованы по ряду причин:

1 неадаптированность института официального статистического учёта и отчетности к новым экономическим условиям (малая оперативность, несовершенство учета индексов фондового рынка, а также отдельных показателей, например, числа новых предприятий, численности хронически безработных, заявок на рекламу, начала нового жилищного строительства в помесечном разрезе), подсчёта объёма ВВП как суммы произведенной, а не реализованной продукции;

2 структурные сдвиги, протекающие в экономиках стран, сопряженные с неразвитостью рыночных институтов, создающих возможность частичного и не по профилю использования рабочей силы в производстве, вызывающих искажение динамики численности занятых и структурной безработицы;

3 высокая степень открытости экономики, обуславливающая роль отдельных макропоказателей в качестве лидирующих индикаторов цикла (экспортная или импортная квоты, доля энергоносителей в импорте, валютный курс, отношение внешнего долга к ВВП или к экспорту и т. д.);

4 проводимая государственная политика по реформированию институтов. Например, курс государства на создание социально ориентированной модели рынка может исказить динамику удельных расходов на зарплату в себестоимости, а контроль ценообразования в социально значимых отраслях может приводить к изменению динамики цен производителей.

Следует отметить, что банковские ставки и объёмы кредитования фигурируют в качестве индикатора поворотных точек циклических колебаний в ряде стран ОЭСР [9, 10]. Но реальные банковские ставки рефинансирования в Республике Беларусь, например, очень низки из-за высоких темпов инфляции и не могут служить надёжными лидирующими индикаторами цикла.

Важное место среди лидирующих индикаторов после индекса объёма ВВП (индекса промышленного производства) занимают дефляторы. Известно, что рост совокупного спроса на стадии экономического подъёма порождает рост цен, достигающий пика к моменту формирования верхней переломной точки. При этом именно дефлятор как агрегированный средневзвешенный индекс инфляции предпочтительнее по сравнению с локальными индексами (индексом потребительских цен, производителей промышленной продукции, услуг и т. д.). Из группы дефляторов западные экономисты предпочитают дефляторы государственных потребительских расходов и валовых капитальных вложений, личных потребительских расходов без учета продуктов питания и электроэнергии.

В трансформационной экономике применение дефлятора в качестве лидирующего индикатора сомнительно. Во-первых, практика статистического учёта, в том числе в Республике Беларусь, пока не позволяет отследить подобные дефляторы. Во-вторых, в национальной экономике дефляторы не сигнализировали о приближении фаз спада за период 1991–2009 гг. (спад 1991–1995 гг., 2009 г., рецессия конца 90-х гг.). В экономике РБ преобладает инфляция издержек в связи с ее большой степенью импортозависимости. В связи с этим в периоды спада наблюдался высокий уровень инфляции, а в периоды, предшествующие спаду, индекс роста потребительских цен к предыдущему периоду уменьшился с 21 до 20,6 раза в 1993–1994 гг. (хотя дно спада пришлось на 1995 год), с 3,5 до 2,1 раза – в 2000 г., с 113,3 до 110,1% – в 2008–2009 гг. (хотя фаза спада пришлась и на 2009 г.) [3].

Сомнительно использование также объёма запасов готовой продукции в качестве лидирующего индикатора, так как практика подсчета объёма ВВП основана на учёте созданной, а не реализованной продукции. Именно поэтому по результатам исследования А. Таболова корреляционная связь между индексом промышленного производства (ИПП) и динамикой объёма промышленного производства оказалась слабой, автор не включил товарные запасы в перечень лидирующих индикаторов для Республики Беларусь [11]. Соотношение запасов готовой продукции со среднемесячным объёмом производства в текущем кризисе (рисунок 1) показало себя скорее отстающим, чем лидирующим индикатором (индекс объёма ВВП и промышленной продукции начал падение еще в декабре 2008 года). Это лишь раз указывает на плюралистичность происхождения циклов, следовательно, специфику лидирующих индикаторов в разных экономических исследованиях.

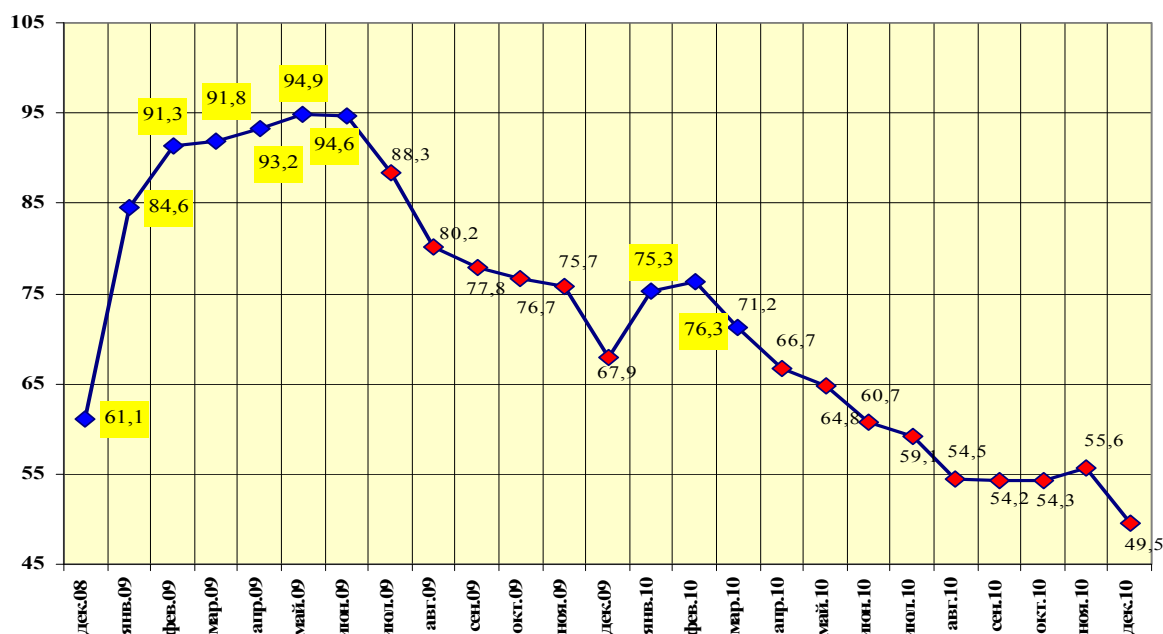

Рисунок 1 – Динамика соотношения объема запасов готовой продукции со среднемесячным объемом промышленного производства в Республике Беларусь в период кризиса 2009 г., % [2]

Нами проведены исследования по выявлению лидирующих индикаторов в Республике Беларусь [12, с. 221–223]. Критериям Дж. Мура согласно нашим исследованиям удовлетворяют ежемесячные динамики следующих макропоказателей: денежные агрегаты M_1 и M_2 , объем инвестиций в основной капитал, индексы цен [13, с. 144–145]. В частности, для Республики Беларусь о приближении экономики к верхней поворотной зоне очередного краткосрочного циклического колебания (с амплитудой до одного года) сигнализирует лидирующий индикатор – индекс цен производителей промышленной продукции (как основная экзогенная причина колебаний ВВП для открытой экономики). Поскольку рынок ресурсов трансформационной экономики Республики Беларусь не является конкурентным (большинство ресурсов ввозится из Российской Федерации от одних и тех же импортеров) и отечественные производители в краткосрочном периоде реагируют на повышение цен на ресурсы автоматическим повышением себестоимости продукции, то оперативно тиражируется мультипликативный эффект повышения цен производителей.

Среди белорусских экономистов имеются другие исследования особенностей перечня лидирующих индикаторов. А. Г. Таболов предлагает выделять систему опережающих индикаторов (СОИ), в которую после тщательной аналитической работы удалось включить лишь три (отправление грузов железнодорожным и автотранспортом, инвестиции производственного назначения, темп роста экспорта товаров) [11, с. 35]. На основе динамики показателей, вошедших в СОИ, А. Г. Таболов рассчитал сводный, диффузный опережающий индекс (ДОИ), который уже в 2007 году достаточно точно указал на намечающийся спад после августа 2008 года. Примечательно, что А. Г. Таболов считает СОИ гибкой и изменчивой в зависимости от текущих экономических условий производства. Особенности методологического подхода А. Г. Таболова к экономическим циклам являются: 1) признание фаз экономического цикла на основе абсолютных падений объемов производства (переход от сокращений к росту), а не на основе относительных величин (замедление или ускорение роста); 2) использование эталонной процедуры датировки переломных точек ОЭСР (сопоставление индекса промышленного производства, взятого вместо ежемесячной динамики объема ВВП, с трендовыми значениями); 3) использование *ежемесячной* статистической базы данных в оценке макродинамики; 4) монистический подход к среднесрочному циклу и применяемая в связи с этим процедура сглаживания динамики макропоказателей.

Д. Крук и А. Коршун в систему опережающих индикаторов включают 14 показателей, считая более приемлемым расчет сводного индекса опережающих показателей (СИОП). Расчет СИОП и сравнение его с динамикой объема ВВП показал следующие поворотные точки белорусского бизнес-цикла: май 2003 года – дно, август 2004 года – пик, май 2005 года – дно, декабрь 2005 года – пик, август 2007 года – дно, август 2008 года – пик, октябрь 2009 года – дно [14, с. 21].

Особенностями методологического подхода вышеуказанных учёных к циклам являются: 1) концепция циклов роста, признание относительно направленности изменений темпов роста базового ряда (замедление или ускорение) на основе относительных величин (замедление или ускорение роста); 2) использование эталонной процедуры датировки переломных точек ОЭСР (сопоставление индекса ежемесячной динамики объёма ВВП с трендовыми значениями); 3) использование *ежемесячной* статистической базы данных в оценке макродинамики; 4) монистический подход к среднесрочному циклу и применяемая в связи с этим процедура сглаживания динамики макропоказателей.

Таким образом, исследования белорусских экономистов направлены в основном на поиск переломных точек и соответствующих индикаторов только одного типа среднесрочного цикла – так называемого делового цикла.

Каким образом определять переломные точки?

Первую методику выделения лидирующих показателей среднесрочного цикла создали А. Ф. Бернс и У. К. Митчелл [5]. Рассчитав среднестатистические значения фаз общего «эталонного» цикла (на базе 19 циклов) и создав тем самым модель базисного усредненного цикла, они затем рассчитали усредненные модели «специфических» циклов (движения курсов акций, производства чугуна и т. д.). Накладывая последовательно на «эталонные» и «специфические» циклы волны каждого из 71 показателя, ученые выделили интервалы лидирования для каждого из них. Таким образом, в самой методике определения индикаторов процедура усреднения циклов заведомо исключала из предмета исследований поворотные точки краткосрочных и сверхкоротких циклических колебаний. Нельзя подгонять под «эталонный цикл» Великую депрессию и обычный среднесрочный цикл. Для определения интервалов опережения при сравнении динамик макропоказателей к последним применяется процедура сглаживания. В частности, её применил А. Г. Таболов [11, с. 34–35], А. Крук [14, с. 10].

В настоящее время для определения переломных точек цикла используется методология Национального бюро экономических исследований (НБЭИ) США, в соответствии с которой выбор момента перелома в цикле производится с учетом продолжительности фазы кризиса (она должна быть не менее пяти месяцев) и всего цикла (он должен быть не менее 15 месяцев) [6]. Такие временные рамки заранее исключают из объектов исследования волны малой периодичности, называемые «сезонными». Сезонные волны, накладываясь на более длительные, могут усиливать или, напротив, сглаживать амплитуды колебаний последних. Возможна также ситуация наложения различных волн периодичностью более года друг на друга со сдвигом во времени, так что в результате между поворотными точками возникает интервал всего в два-три месяца, поверхностно воспринимаемый как сезонное колебание.

Сглаживание, устранение сезонности с помощью пакетов прикладных программ предполагает поиск и выделение автором *одного* типа экономического цикла. Таким образом, исследователь стоит на монистической теоретической позиции происхождения циклических колебаний в экономике. Например, целью исследования является 6–8-летний деловой цикл, поэтому все краткосрочные циклы с периодом 1–1,5 года и 3–4 года устраняются из исследуемых временных рядов. Наиболее популярным методом удаления тренда и выделения циклической компоненты временного ряда являлся до 2008 года метод усредненного по фазам тренда (Phase Average Trend Method, PAT), разработанный НБЭИ. В этом случае скользящая средняя (Moving Average) рассчитывалась за 75 периодов, с её помощью определялся тренд, а относительно его – соответствующие поворотные точки. Ныне используются также фильтры, наиболее распространен фильтр Ходрика-Прескотта [8]. Сами переломные точки в

макродинамике показателей определяются алгоритмом Брай-Бошана, учитывая при этом общепринятый критерий о минимальной длительности фазы кризиса в 5 месяцев и общей продолжительности цикла в 15 месяцев. Таким алгоритмом можно выделить только один цикл, придерживаясь монистической концептуальной позиции. В случае рассмотрения природы экономических циклов с плюралистических позиций применением такого алгоритма закладывается ошибка в восприятии располагающихся рядом друг с другом пиков в динамике временного ряда. Приверженец плюралистического подхода к циклообразованию представил бы эти пики как гармонические колебания с разными амплитудами кратко- и среднесрочного характера. Последовательное применение фильтров Ходрика-Прескотта несколько раз, с изменением при этом частоты фильтра, снимает эту проблему. Таким образом, фильтры позволяют подходить к циклическому процессу в экономике с плюралистической методологической позиции. Он наиболее точно отражает процесс взаимного наложения циклических колебаний разной периодичности, вызванной разными причинами. В этом случае представляется ошибочной процедура сглаживания оригинального временного ряда. Более приемлемо эмпирическое сопоставление изменений динамики прироста объема ВВП с двумя-тремя соседними пиками и впадинами соответствующих макропоказателей, претендующих на роль лидирующих индикаторов.

Заключение

На основе изложенного материала возможно сделать следующие выводы.

В трансформационных экономиках предпочтительнее применять плюралистический подход к изучению происхождения и выявлению фаз экономических циклов.

Перечень лидирующих индикаторов следует выбирать исходя из концептуального подхода к циклообразованию, цели выделения фаз одного или нескольких типов циклов, специфических черт самой экономической системы.

В связи со специфическими процессами в трансформационной экономике важно исследовать не лидирующие индикаторы *делового* цикла, а проявления взаимодействия кратко- и среднесрочных циклов в макродинамике и их индикаторы.

Сводный индекс лидирующих индикаторов сомнительно применять в трансформационной экономике из-за отсутствия отлаженного координационного механизма системы, нарушения отдельных причинно-следственных связей в национальной экономике. Предпочтительнее выявлять перечень лидирующих индикаторов из разных сфер экономики.

Литература

1. Ямароне, Р.Э. Основные экономические индикаторы; пер. с англ. Н. Запорович. – М.: СمارтБук, 2010. – 320 с.
2. Национальный интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный банк Республики Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by>. – Дата доступа: 25.01.2011.
3. Национальный интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by> – Дата доступа: 11.01.2011.
4. Хансен, Э.Х. Экономические циклы и национальный доход / Э.Х. Хансен, Р.Ф. Харрод, А.Г. Худокормов. // Классики кейнсианства: в 2 т. – М.: Экономика, 1997. – Т. 1. – 416 с.
5. Burns, A.F., Mitchell, W.C. Measuring Business Cycles // National Bureau of Economic Research. – New York, 1946. – P. 378–379, 462, 530–533. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.nber.org/chapters/c2980.pdf>. – Date of access: 16.03. 2007.
6. Business Cycle Indicators / Ed. G. Moore. – N.Y. NBER, 1961. – Vol. 1, 2. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.nber.org/chapters/c0715.pdf>. – Date of access: 16.03. 2007.
7. Moore, G. Statistical Indicators of Cyclical Revivals and Recessions. – N.Y., 1950 // NBER Book Series Studies in Business Cycles [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.nber.org/chapters/c0727.pdf>. – Date of access: 16.03. 2007.

8. Nilsson, R., Gyomai, G. Cycle Extraction. A comparison of the Phase-Average Trend method, the Hodrick-Prescott and Christiano-Fitzgerald filters // OECD, Working Paper. – 2008.
9. Остапкович, Г.В. О системе индикаторов цикличности экономики // Вопросы статистики. – 2000. – № 12. – С. 15–17.
10. Artis, M.J., Bladen-Hovell R.C., Zhang W. Turning points in the international business cycle: an analysis of the OECD leading indicators for the G–7 countries // OECD economic studies. – 1995. – № 24. – P. 125–165. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.oecd.org/dataoecd/2/22/33928734.pdf>. – – Date of access: 16.03. 2007.
11. Таболов, А. Система опережающих индикаторов для Республики Беларусь // Банкаўскі веснік. – 2007. – № 31. – С. 30–36.
12. Зенькова, Л.П. Циклы: теоретическое наследие и реалии трансформационной экономики Беларуси: монография. – М.: Интеграция, 2006. – 304 с.
13. Зенькова, Л.П. Цикличность в трансформационной экономике Беларуси: институциональный аспект: монография. – Минск: ИВЦ Минфина, 2009. – 320 с. с прил.
14. Крук, Д., Коршун А. Экономический цикл и опережающие индикаторы: методологические подходы и возможности использования в Беларуси // Рабочий материал исследовательского центра ИПМ. WP/10/05 [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.research.by/pdf/wp2010r05.pdf> – Дата доступа: 28.01.2011.

УДК: 330:314.152.2:314.96 (476)

Особенности реализации Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь

А. В. ОРЛОВА

В статье рассматриваются основные направления реализации Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь; определены основные проблемы в области реализации государственной гендерной политики.

Ключевые слова: гендер, гендерное равенство, государственная политика, гендерная политика, план действий.

The article considers the features of realization of the National action plan on maintenance of gender equality in the Republic of Belarus; the basic problems are defined.

Keywords: gender, gender equality, state policy, gender policy, action plan.

Процессы трансформации, происходящие в социально-экономической сфере, имеют ярко выраженную гендерную специфику, поскольку создают и для мужчин, и для женщин как новые проблемы, так и новые возможности. С одной стороны, открываются дополнительные перспективы самореализации в сфере труда, предпринимательства, общественной и политической жизни. С другой стороны, трансформационные изменения зачастую способствуют сохранению, а в ряде случаев и усилению, реального неравенства полов. Так, часть женщин, став безработными, покинула рынок труда или в последующем трудоустроилась с понижением социального статуса.

Положение женщин на рынке труда во многом обусловлено гендерной дискриминацией при трудоустройстве и увольнении, продвижении по служебной лестнице, которые встречаются повсеместно независимо от форм собственности, хотя в большей степени характерны для негосударственного сектора экономики. Не способствует повышению конкурентоспособности женщин на рынке труда и действующее трудовое законодательство, поскольку существующие льготы делают женскую рабочую силу невыгодной для нанимателя. При этом гарантии и льготы, закрепленные в законодательных актах, реализуются на практике не в полной мере. Закрепление большинства существующих трудовых льгот за женщинами не способствует преодолению традиционного разделения социальных ролей мужчин и женщин.

Гендерное равенство – это один из индикаторов уровня демократизации общества, уровня его цивилизованности. Гендерное равенство имеет политическую, экономическую и социальную основы, требует адекватных ресурсов. Реализация гендерной политики требует перераспределения имеющихся ресурсов, она невозможна без выделения серьезных материальных и финансовых средств, без наличия специальных программ и подготовленных специалистов, гендерного анализа принимаемых решений и гендерной составляющей национального и региональных бюджетов.

В 2008 году Республика Беларусь впервые вошла в число стран, которые оценивались с точки зрения равенства мужчин и женщин в мире. Беларусь стоит на 28 месте в списке из 128 стран. И этим значительно поднялась вверх по списку. А количественный коэффициент гендерного равенства по нашей стране составляет 0,711 из максимально возможного — 1. Эксперты же говорят, что этот результат был ожидаемым. Потому что на постсоветском пространстве отмечается высокий уровень женской занятости, женского образования и равный доступ к услугам.

В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2020 года определено, что достижение гендерного равенства является одним из основных принципов устойчивого развития в области воспроизводства населения [1].

Основная цель государственной политики в этой области - создание условий, обеспечивающих наиболее полную реализацию личностного потенциала женщин и мужчин во всех сферах жизнедеятельности с целью обеспечения устойчивого развития общества, недопущения проявлений дискриминации по признаку пола, повышения роли женщин в обществе.

В Беларуси, как и в зарубежных странах, достижение гендерного равноправия становится одним из главных приоритетов государственной политики.

Многие исследователи и общественные деятели при этом сходятся на мнении, что гендерное равенство в Беларуси существует де-юре. Республика Беларусь подписала и ратифицировала ряд базовых документов ООН, направленных на достижение гендерного равенства, что является доказательством проявления политической воли. Международные обязательства Беларуси подразумевают, что государство должно определить гендерное равенство одним из своих основных приоритетов и сформировать национальную гендерную политику. Однако до настоящего времени в Беларуси существует ряд препятствий, которые влияют на реализацию прав женщин в реальности, отсутствует системная гендерная политика. Причины этой проблемы заключаются в отсутствии эффективных законодательных и институциональных механизмов, направленных на установление гендерного равенства, а также в наличии в общественном сознании патриархальных гендерных стереотипов.

Так как же в нашей стране реализуется политика гендерного равенства? В начале сентября 2008 года Постановлением Совета Министров Республики Беларусь №1286 был утвержден Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства на 2008 – 2010 годы. Национальный план является третьим программным документом, разработанным в целях обеспечения координации работы государственных органов, общественных организаций в области практической реализации гендерной политики.

В Постановлении отмечается, что за период реализации Национального плана действий по улучшению положения женщин на 1996-2000 годы и Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства на 2001-2005 годы в республике целенаправленно принимались правовые, организационные, административные меры, направленные на повышение статуса женщин, защиту их прав и интересов.

За время реализации этих планов проводилась работа по совершенствованию национального законодательства, приведению его в соответствие с международными нормами. Принят закон Республики Беларусь от 30 октября 2003 года «О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» [2].

Внесены изменения и дополнения в Трудовой кодекс Республики Беларусь и Кодекс Республики Беларусь о браке и семье, соответствующие идеологии равных прав и равных возможностей женщин и мужчин.

Анализ положения женщин на рынке труда показывает, что наиболее актуальным для нашей страны является повышение конкурентоспособности женской рабочей силы. В связи с этим основные усилия направляются на смягчение ситуации с женской безработицей и соблюдение законодательства в целях недопущения дискриминации в сфере труда.

Политика равноправия и равных возможностей для женщин и мужчин предполагает, в частности, и паритетное участие женщин и мужчин в принятии решений на всех уровнях.

Позитивное влияние на повышение социального статуса женщин оказывает развитие женского движения, расширение социального партнерства женских общественных организаций с правительственными структурами, информационного обмена и сотрудничества с зарубежными женскими организациями. В настоящее время в Беларуси функционируют 36 женских общественных организаций.

Совершенствуется гендерная статистика, расширяются возможности сравнительного анализа положения женщин и мужчин. За последние пять лет изданы три статистических сборника «Женщины и мужчины Республики Беларусь».

Проблемы статуса женщин стали шире освещаться в средствах массовой информации. Продолжается формирование системы гендерного образования.

Цель Национального плана состоит в недопущении проявлений дискриминации по признаку пола и создании условий, обеспечивающих наиболее полную реализацию личностного потенциала женщин и мужчин во всех сферах жизнедеятельности.

К значимым направлениям деятельности в этой сфере относятся совершенствование правовых норм, обеспечение равных возможностей для повышения квалификации и профессиональной подготовки, охрана материнства, отцовства и детства, недопущение дискриминации при трудоустройстве, увольнении, профессиональном продвижении, содействие сбалансированному распределению профессиональных и семейных обязанностей женщин и мужчин, обеспечение условий для реального участия женщин в управлении, предотвращение насилия в отношении женщин и насилия в семье, содействие эффективному сотрудничеству и обоюдной ответственности женщин и мужчин во всех аспектах семейной жизни, а также преодоление традиционных стереотипов относительно роли и места женщины в обществе.

Выполнение мероприятий третьего Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства обеспечивают республиканские органы государственного управления, облисполкомы, Минский горисполком и иные органы и организации.

Финансирование мероприятий Национального плана осуществляется в пределах средств, предусмотренных в республиканском бюджете на содержание соответствующих республиканских органов государственного управления, местных бюджетов, внебюджетных источников.

Согласно приложению к Национальному плану, мероприятия по его реализации объединены в следующие разделы:

- 1) Гендерное равенство в сфере занятости и на рынке труда, содействие расширению экономических возможностей женщин.
- 2) Гендерное образование и просвещение.
- 3) Репродуктивное здоровье.
- 4) Предотвращение насилия в обществе.
- 5) Гендерное равенство и средства массовой информации.
- 6) Функционирование национального механизма обеспечения гендерного равенства.
- 7) Информационное сопровождение мер, направленных на обеспечение гендерного равенства [2].

В рамках реализации первого направления предусматриваются следующие меры:

- рассмотрение возможности ратификации Конвенции Международной Организации Труда 1981 года № 156 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями»;
- мониторинг положения женщин на рынке труда с подготовкой на его основе соответствующих предложений и информационно-аналитических материалов;
- реализация мер по повышению конкурентоспособности женщин на рынке труда и содействию их занятости;
- внедрение наиболее эффективных форм и методов стимулирования предпринимательской активности женщин на основе изучения международного опыта поддержки и развития женского бизнеса;
- реализация мер, направленных на просвещение нанимателей по вопросам гендерного равенства в целях обеспечения соблюдения прав работников и др.

Следующее направление «Гендерное образование и просвещение» предусматривает проведение комплексного научного исследования по проблемам гендерных стереотипов в общественном сознании и по его результатам выработка стратегии их трансформации, а также анализ содержания учебных программ, учебно-методических пособий в целях освобождения их от гендерных стереотипов и недопущения проявлений дискриминации в области образования.

Направления «Репродуктивное здоровье» и «Предотвращение насилия в обществе» включают комплекс мер по улучшению репродуктивного здоровья населения и совершенствованию законодательства по предотвращению насилия в семье.

Освещение в электронных и печатных средствах массовой информации вопросов, связанных с участием женщин в общественной и социально-политической жизни общества, про-

филактикой насилия в семье и предотвращением торговли людьми является основным мероприятием в рамках направления «Гендерное равенство и средства массовой информации».

В рамках функционирования национального механизма обеспечения гендерного равенства предусматривается проведение заседаний Национального совета по гендерной политике при Совете Министров [2].

Национальный совет по гендерной политике создан в 2000 году в целях координации, продвижения, содействия разработке и реализации гендерной политики в Республике Беларусь. Совет является аналитическим, консультативно-совещательным и координирующим органом.

Основными задачами Совета являются:

- подготовка предложений по формулированию и реализации национальной гендерной политики;
- содействие формированию механизма по реализации национальной гендерной политики, усилению его потенциала;
- проведение на регулярной основе обзора национальной политики, программ и проектов, а также хода их осуществления в целях дифференцированной оценки последствий для женщин и мужчин, внесение в установленном законодательством порядке предложений по проведению парламентских слушаний по гендерным проблемам;
- анализ законодательства и проектов нормативных правовых актов по гендерным проблемам, внесение в установленном законодательством порядке предложений по их изменению в целях приведения в соответствие с международными стандартами и др. [3]

Последнее из указанных направлений «Информационное сопровождение мер, направленных на обеспечение гендерного равенства» направлено на информирование населения о положениях Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Факультативного протокола к ней, а также на совершенствование гендерной статистики, позволяющей осуществлять всесторонний сравнительный анализ положения женщин и мужчин.

Утверждение третьего плана по гендерному равенству — это очень позитивный момент. Однако следует констатировать, что выполнение программ по изменению гендерной ситуации в стране пока носит только формальный, декларативный характер.

Несмотря на существующие правовые нормы и ряд достижений по итогам реализации двух Национальных планов по обеспечению гендерного равенства, фактическая ситуация в этой области требует дальнейших целенаправленных усилий.

Государственная политика по достижению гендерного равенства требует правовых и институциональных изменений, призванных устранить гендерную дискриминацию, а также специальных программ по преодолению гендерных стереотипов общественного сознания. Необходима работа по совершенствованию национального законодательства в области гендерной политики, приведению его в соответствие с международными правовыми стандартами, принятие правовых, организационных, административных мер, направленных на повышение статуса женщин, защиту их прав и интересов, поощрение равенства между мужчинами и женщинами. Гендерное равенство должно достигаться в контексте всей осуществляемой политики, а все должностные лица, принимающие решения, должны знать, каким образом интегрировать в политику измерение гендерного равенства, и это знание должно стать обязательной квалификацией ответственных лиц.

Политика по обеспечению равенства полов должна включать антидискриминационные законы, так как правовая база обеспечивает необходимую основу для развития равенства, служит предохранительной мерой против практики дискриминации по половому признаку, в частности, на рынке труда. Существующее трудовое законодательство по своей сути основано на защитной идеологии по отношению к женщине, оно не способствует повышению конкурентоспособности женщин на рынке труда, трудновыполнимо на практике, так как в нем отсутствуют механизмы привлечения к ответственности за дискриминационные действия в отношении женщин.

В Республике Беларусь до настоящего времени не созданы действенные специальные подразделения по гендерной проблематике в органах исполнительной и законодательной

власти. Для успешной реализации политики равенства полов необходимо наличие сильных, работающих на постоянной основе национальных механизмов, таких как Национальный Совет, формирующий и контролирующей реализацию гендерной политики; комитеты в структурах исполнительной власти и специальные комиссии в органах законодательной власти.

Государству следует создать специальные комиссии и департаменты, располагающие достаточными инструментами, человеческими и финансовыми ресурсами для оказания соответствующего влияния на всех уровнях принятия решений, которые могли бы поставить вопрос о структурном характере неравенства между полами.

Достижение гендерного равенства невозможно без регулярной исследовательской и образовательной работы. Лица, принимающие решения, должны иметь знания о гендерных отношениях.

Государственным службам статистики необходимо проводить сбор статистических данных с разбивкой по полу во всех отраслях народного хозяйства и иметь детальные знания об отношениях между полами в сфере принятия решений, в сфере экономики и семейных отношений.

Для продвижения политики гендерного равенства необходимо участие женщин в политической и общественной жизни, а также в процессах принятия решений и на всех уровнях. Международный опыт показывает, что в странах, где значительное число женщин принимают участие в принятии решений, изменения в области гендерного равенства происходят быстрее и являются более значительными.

Литература

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press12360.html#doc>. – Дата доступа: 10.03.2009.

2. Об утверждении Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства на 2008-2010 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 3 сентября 2008 г. №1286 [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://mintrud.gov.by/ru/activity/new_url_1826189281. – Дата доступа: 10.03.2009.

3. О Национальном совете по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 мая 2000 г. №698 (с измен. и доп. от 5 января 2010 г. N 5) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.pravo.by/webnpa/text>. – Дата доступа: 10.03.2010.

4. К гендерно сбалансированному обществу: аналитический отчет о положении женщин в Республике Беларусь / Под ред. С. А. Наумовой. – Мн., 2004. – 182с.

О гравюре Дюрера «Меланхолия»

Н. М. ПОЛКОВНИЧЕНКО

Автор дает новую трактовку деталей, изображенных на картине Дюрера "Меланхолия".

Ключевые слова: Дюрер, Платон.

The author gives new treatment of the details represented in a picture of Durer "Melancholy".

Keywords: Durer, Plato.

В свое время участник Флорентийского объединительного Собора греческий философ Георгий Гемист (Плифон) очаровал Козимо Медичи Старшего блестящим изложением доктрин Платона и внушил ему идею создания знаменитой флорентийской платоновской Академии. При покровительстве Медичи «божественный» Марсилио (Фичино) осуществил сложный перевод платоновских «Диалогов» на латинский и итальянский языки. К началу XVI века «Диалоги» стали достоянием всех образованных европейцев благодаря многим изданиям и переизданиям, суммарный тираж которых поражает даже в сравнении с нынешними тиражами их издания. Немым свидетельством актуальности учения Платона о познании и неотрывного от него учения о нисхождении и восхождении Бессмертной Всеведающей Души по ступенькам Разума является знаменитая гравюра А. Дюрера «Меланхолия» и картина его ученика Г. Бальдунга «Семь возрастов женщины», название которой дано составителем старинного инвентарного описания этой картины. Здесь уместно обратить внимание историков искусства на совпадение количества ступенек лестницы, изображенной на «Меланхолии», с количеством женских возрастов, а также на то, что изображение короткохвостого попугая Жако возле сидящей на земле годовалой девочки через эзотерическую символику буквы «пси» и попугая (Psittacus) указывает на платоновскую Бессмертную Всеведающую Душу (Психе) ребенка. На гравюре «Меланхолия» ей соответствует изображение крылатого «путто», сидящего на диске точильного камня, функциональное движение которого обычно аналогично движению платоновского кубаря (юлы). Количество ступенек лестницы и возрастов женщины обусловлено семантикой греко-латинского «Climacter» (переломные возрасты человека, кратные семи), этимология которого восходит к слову climacis (лестница).

Не останавливаясь на известных общепринятых трактовках «Меланхолии», выдвинутых в первые десятилетия XX века Аби Варбургом, Эрвином Панофским и др., упомянем лишь только те, которые требуют пересмотра.

Например, изображение кошелька поверхностно трактуется в качестве символа богатства. Между тем, в контексте изображения могучих крыльев у его обладательницы (платоновской Бессмертной Всеведающей Души) кошелек указывает на слова Платона об идеальном богатстве (знаниях) и реальной скудости (бедности). Столь же безосновательно связывают изображение компактно свернувшейся собаки у подножия кристалла плавикового шпата, с бездомным псом, встреченным художником во время загородной прогулки (запись в дневнике Дюрера). Между тем, в «Государстве» Платон отождествляет собаку с философом, а силуэт свернувшейся под «философским кристаллом» собаки повторяется силуэтом разогретого алхимического тигля, изображенного вблизи кристалла плавикового шпата.

Не выдерживает критики и трактовка венка из кресса и лютика, изображенного на голове окрыленной женской фигуры, а также так называемого магического числового квадрата в качестве «магических средств против приступов меланхолии». Венок через латинские названия кресса и лютика указывает на крест и лягушку и символизирует сочетание в человеке божественного и дьявольского, которое подчеркивалось в трактатах гуманистов.

Числа же «магического квадрата», начертанные Дюрером на маленьких стеклах густого оконного переплета из свинцово-оловянных витражных жил старинных окон, которые так изображались даже спустя полтора столетия после создания «Меланхолии» на картинах малых голландцев, указывают на промежуточное положение математики, отводимое ей Платоном в процессе познания» (окно и дверь – старинный символ границы между зримым и умозрительным). Именно в контексте символики дверей эта изобразительная идеограмма «подкреплена» художником изображением над окном входного колокольчика.

Изображение весов указывает на исследования (*Examinatio* -- взвешивание, тщательное исследование). Чашка (*MENSorium*) весов, касающаяся головы *putto*, символизирует разум (*MENS*).

Поскольку Платон полагал безотносительно прекрасным только прямые идеально ровные поверхности зданий и геометрических фигур, то изобразительная идеограмма Прекрасного олицетворена художником в виде линейки, правила каменщиков, пилы и рубанка.

Название гравюры «*Melencolia – I*», помещенное Дюрером в лапы фантастической летучей мыши, обусловило чрезмерное преувеличение исследователями связи ее содержания с меланхолическим темпераментом художника и ошибочную трактовку гравюры в качестве «духовного автопортрета Дюрера», которая в качестве персональной авторефлексии, а не универсально-актуального артефакта, не приобрела бы феноменального успеха среди гуманистов и интеллектуалов. Контрпродуктивна и полемика исследователей относительно римской цифры в названии. По нашему убеждению, рассматривать ее необходимо в контексте позднеантичных неоплатонических «Теологуменов аритметики» (символика чисел первой десятицы), очень популярных в эпоху Ренессанса, возродившего неоплатонизм из праха забвения (согласно теологуменам, Единица – Начало разворачивания всего и вся и содержит в себе СВЕТ и ТЬМУ). Свет Единицы Дюрера воплощен в изображенной рядом с ней «кометой» (греко-латинское *сома* – также и сияние), тьма же – в слове МЕЛАНхолия.

По учению Платона акт познания – припоминание Бессмертной Всеведающей Душой человека ее инобытийного знания. Крылья души человека, стремящегося к познанию Истины, увеличиваются. У человека, не стремящегося к познанию, – атрофируются. Интеллектуальное озарение возможно только при отрешенности от всех органов чувств. Поскольку углубленность человека в свои мысли внешне напоминает состояние депрессии, Дюрер «зажигает» белки глаз окрыленной женщины нетронутой чистотой бумаги, указывающей на внутренний свет светоча (*oculos*) Разума (именно в этом контексте надлежит рассматривать «загадочное зловещее выражение глаз»). Идеограмма отрешенности от органов чувств, которыми в то время считали глаза, уши, рот и нос, создана Дюрером с помощью символики «Книги букв», которую ренессансные гуманисты, включая и Франциска Скорину, считали «усовершенствованной филологией» для прочтения так называемых темных мест Библии. Седьмая буква еврейского алфавита означает гвоздь, неслиянно-неразделимое (информация от органов чувств неслиянно-неразделима: например, вкус и запах) и орган чувств. Именно ЧЕТЫРЕ выдернутых гвоздя (указывающие на отрешенность от органов чувств) и клещи изображены у ног окрыленной фигуры.

«Бессвязность» изображений, лежащих на полу, – линейки, правила каменщиков, пилы и рубанка – обретает логичность только в контексте изобразительной идеограммы платоновского определения безотносительного Прекрасного.

В завершение необходимо подчеркнуть, что лицом, посвятившим А. Дюрера в тонкости платоновского учения о познании, является, по-видимому, близкий друг художника, известный нюрнбергский гуманист Вильгельм Пиркгеймер.

Содержание

<i>К юбилею профессора Леонида Николаевича Давыденко</i>	3
Биюшкина Н. И. <i>К вопросу о понятии «контрреформа» 80-90-х гг. XIX века в России</i>	4
Голованова В. Ф. <i>Правовое регулирование российских гимназий в XIX – начале XX веков: исторический аспект</i>	12
Гущин И. В. <i>Особенности социального обеспечения граждан, потерпевших от катастрофы на Чернобыльской АЭС</i>	22
Журович Н. А. <i>Реализация принципов семейного права в Республике Беларусь</i>	29
Караваева Е. М. <i>Жилищные права несовершеннолетних в Республике Беларусь</i>	36
Ковалёва Е. А. <i>Занятость и трудоустройство обязанных лиц</i>	43
Копыткова Н. В. <i>Конституционные основы национальной безопасности Республики Беларусь в контексте международной безопасности</i>	48
Краснобаева Л. А. <i>Правовая основа права граждан на равный доступ к государственной службе</i>	54
Лавриненко О. В. <i>Единство и дифференциация правового регулирования трудовых отношений как отраслевой принцип и метод трудового права: доктринальный аспект</i>	61
Можаева Л. Е. <i>Пени как способ обеспечения исполнения налогового обязательства</i>	68
Немкевич И. В. <i>Закрепление права человека выезжать из любой страны и права гражданина возвращаться в свою страну в конституциях европейских государств</i>	76
Песенко С. В. <i>Участие прокурора в исполнительном производстве хозяйственного суда</i>	83
Сенькова Т. В. <i>Место и роль суда в системе органов административно-деликтной юрисдикции</i>	89
Тимошенко М. В. <i>Сущность понятия «правовой статус районного исполнительного комитета»</i>	95
Эсмантович И. И. <i>Студенческое самоуправление как элемент гражданского общества</i> . 105	
Лавриненко О. В. <i>Проблема принципов трудового права: дискуссионные подходы</i>	111
Федотов В. А. <i>Существенные условия экспортного договора купли-продажи товаров</i>	117
Короткевич М. П. <i>Правовое регулирование установления происхождения детей в Республике Беларусь</i>	127
Болбас Г. В. <i>Философско-педагогическая сущность принципа природосообразности воспитания</i>	133
Куприянчик Т. В. <i>Студенческое самоуправление как фактор развития коммуникативной компетентности будущего учителя: методологический аспект</i>	137
Грузинская Е. В. <i>Комплекс методик по определению потребности предприятия в дополнительных кредитных ресурсах и возможности их привлечения</i>	144
Яковлева Т. А. <i>К истокам гомельской школы экономических исследований</i>	154
Баркова Н. Г., Леванов С. Ю. <i>Функциональная система управления агроэкотуризмом</i>	162
Чэнь Цян <i>Энергетическая модель экономического развития Китая: китайско-российский вектор сотрудничества</i>	170
Башлакова А. П. <i>Теневой сектор экономики и его минимизация в условиях совершенствования качества государственного регулирования</i>	175
Фадина Т. В. <i>Образовательный кластер: особенности формирования и функционирования на рынке образовательных услуг</i>	182
Мищенко Л. А. <i>Методический подход к оценке эффективности информационного менеджмента: возможность применения на белорусских предприятиях</i>	187
Зенькова Л. П. <i>Краткосрочные циклические колебания и эффективность антициклической политики</i>	194
Орлова А. В. <i>Особенности реализации Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь</i>	202
Полковниченко Н. М. <i>О гравюре Дюрера «Меланхолия»</i>	207

Contents

<i>For professor Leonid Nikolaevich Davidenko's anniversary</i>	3
N.I. Biushkina. <i>On the concept of "counterreform" in Russia in the 1880s-90s</i>	4
V.F. Golovanova. <i>Legal regulation of the Russian grammar schools in the XIX – early XX century: historical aspect</i>	12
I.V. Guschin. <i>Social insurance features of citizens suffered from catastrophe on Chernobyl NPS....</i>	22
N.A. Zhurovich. <i>Family law principle implementation in Republic of Belarus</i>	29
E.M. Karaeva. <i>The housing law of minors in the Republic of Belarus.....</i>	36
E.A. Kovaleva. <i>Employment and job placement legally binding people</i>	43
N.V. Kopitkova. <i>Constitutional bases of Belarus national security in context of international security.....</i>	48
L.A. Krasnobaeva. <i>Legal basis of citizens' right for access to government place of employment..</i>	54
O.V. Lavrinenko. <i>Legal regulation unity and differentiation in labour relations as a branch principle and labour law method: doctrine aspect.....</i>	61
L.E. Mozhaeva. <i>Fine as a means of tax liability discharge securing.....</i>	68
I.V. Nemkevich. <i>Fixing of human right to leave any country and to come back to country in constitutions of European states</i>	76
S.V. Pesenko. <i>Public prosecutor participation in executive manufacture of commercial court..</i>	83
T.V. Senkova. <i>Place and court role in system of administrative tortious jurisdiction bodies</i>	89
M.V. Timoshenko. <i>Essence of concept "legal status of district executive committee"</i>	95
I.I. Esmantovich. <i>Student's self-government as element of civil society.....</i>	105
O.V. Lavrinenko. <i>Problem labour law principles: debatable approaches.....</i>	111
V.A. Fedotov. <i>Off-take export contract essential conditions.....</i>	117
M.P. Korotkevich. <i>Legal regulation of an establishment of a parentage of children in Belarus....</i>	127
G.V. Bolbas. <i>Philosophical and pedagogical essence of upbringing nature conformity</i>	133
T.V. Kupriyanchik. <i>Student's self-government as future teacher's communicative competence development factor: methodological aspect.....</i>	137
E.V. Gruzinskaia. <i>Complex of analysis methods of enterprise necessity in additional credit resources and opportunity of their attraction</i>	144
T.A. Iakovleva. <i>To sources of Gomel school economic researches</i>	154
N.G. Barkova, S.U. Levanov. <i>Agroecotourism Functional management system.....</i>	162
Chen Tsian. <i>China economic development power model: Chinese-Russian vector of cooperation...</i>	170
A.P. Bashlakova. <i>Economy shadow sector and its restriction in conditions of state regulation quality improvement</i>	175
T.V. Fadina. <i>Educational cluster: features of formation and functioning in educational service market.....</i>	182
L.A. Mischenko. <i>Methodical approach to estimation of information management efficiency: application possibility at Belarusian enterprises.....</i>	187
L.P. Zenkova. <i>Short-term cyclic fluctuations and anticyclic policy efficiency.....</i>	194
A.V. Orlova. <i>Features of realization of National action plan on maintenance of gender equality in Republic of Belarus.....</i>	202
N.M. Polkovnichenko. <i>On the picture "Melancholy" by Durer</i>	207

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Статья представляется в редакцию в двух экземплярах на белорусском, русском или английском языках и является оригиналом для печати. Объем статьи, как правило, не должен превышать 10 страниц, и ее разметка не требуется. Статья должна иметь разрешение соответствующего научного учреждения на опубликование. Статья должна иметь индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК), к ней следует приложить краткое резюме и ключевые слова (на русском и английском языках), название статьи, фамилии и инициалы авторов на английском языке. Ее необходимо подписать всем авторам, указать полное название учреждения, где выполнена работа, а также почтовый адрес, номер телефона (служебный и домашний). Плата за опубликование статей не взимается.

Авторы представляют на дискете (либо по электронной почте e-mail: vesti@gsu.by) tex-файл со статьей, подготовленной в LaTeX'e с опцией 12pt в стандартном стиле article (\textwidth 165 mm, \textheight 245 mm). Аналогичны требования для статей, набранных в редакторе MS Word. При наборе формул в редакторе MS Word необходимо использовать Microsoft Equation. Для набора формул не должны использоваться пакеты сторонних разработчиков (MathType и др.). Занумерованные формулы выключаются в отдельную строку, номер формулы ставится у правого края страницы. Нумеровать следует лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

Статьи, претендующие на научный приоритет, оформляются в виде кратких сообщений объемом до 2 страниц текста и, как правило, публикуются в ближайших номерах журнала.

Ссылки в тексте обозначаются порядковым номером в квадратных скобках. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Поступившие в редакцию статьи направляются на рецензию специалистам. Основным критерием целесообразности публикации является новизна и информативность статьи. Авторы не должны направлять статьи, которые уже опубликованы, либо приняты к печати в других изданиях. Если по рекомендации рецензента статья возвращается автору на доработку, то переработанная рукопись вновь рассматривается редколлегией, и датой поступления считается день получения редакцией окончательного ее варианта. Лицам, осуществляющим послевузовское обучение, предоставляется право первоочередного опубликования статей.

Технический редактор *И. В. Близнец*. Корректор *Е. Л. Хазанова*. Переводчик *Хорсун И.А.*

Подписано в печать 14.06.11 г. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.п.л. 24,4 Уч.-изд.л. 21,2 Тираж 100 экз. Заказ № 350

Цена свободная

Издатель – УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
246019, Гомель, ул. Советская, 104
Лицензия № 02330/0549481 от 18 мая 2009.

Отпечатано на полиграфической технике УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
Лицензия № 02330/0150450 от 3 февраля 2009